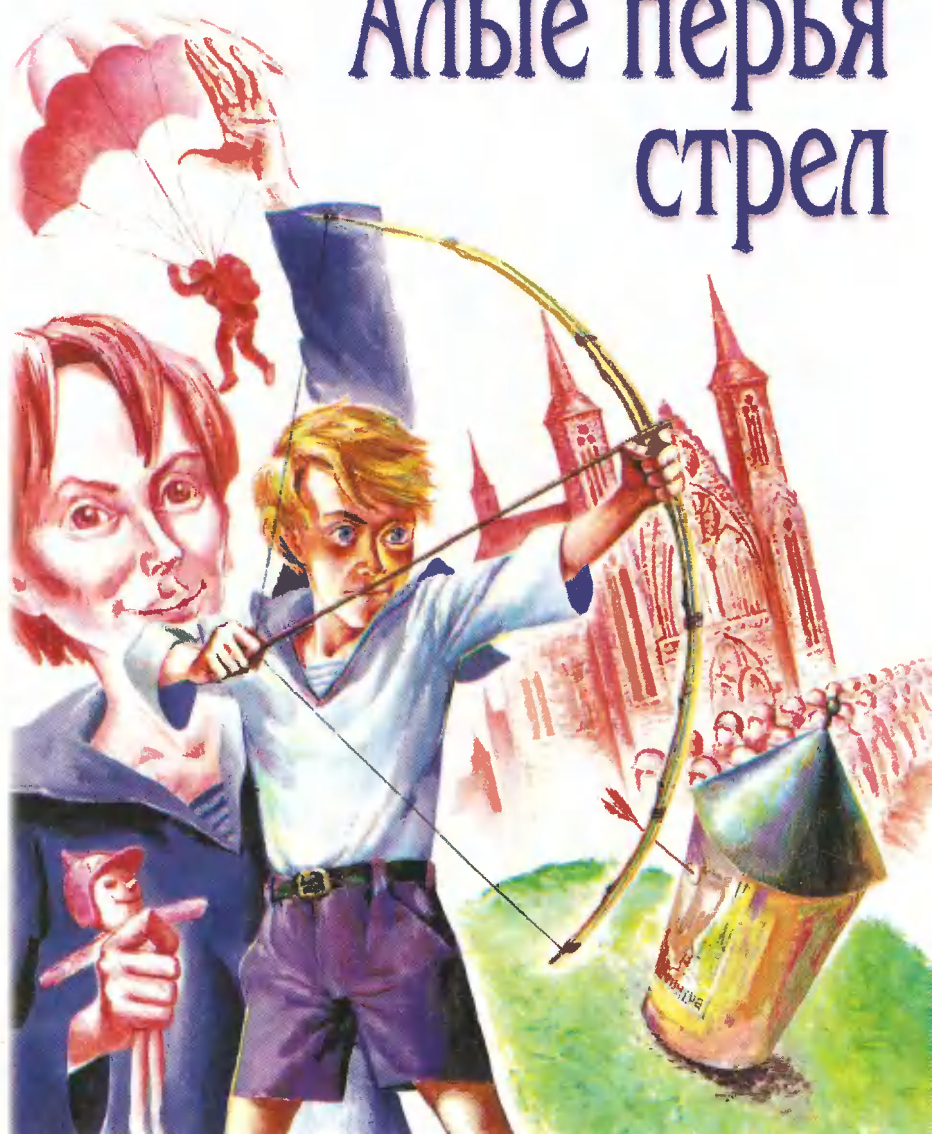

СЕРГЕЙ и ВЛАДИСЛАВ Крапивины

Алые перья стрел

СЕРГЕЙ и ВЛАДИСЛАВ Крапивины

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Цикл

«Золотое колечко
на границе тьмы»

Москва—2001

СЕРГЕЙ и ВЛАДИСЛАВ Крапивины

Алые перья стрел

Алые перья стрел
Повесть

Каникулы Вершинина-младшего
Повесть

Шесть лет спустя
Повесть

ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
К78

Оформление художника *И.Г. Тугайбея*

Иллюстрация на авантитуле *В.П. Крапивина*

Художник-иллюстратор *Е.И. Стерлигова*

© В.П. Крапивин;
С.П. Крапивин, наследники, 2001
Состав

© ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2001
Художественное оформление серии
© ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2001
© ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2001

ISBN 5-227-01409-4 (Кн. 29)
ISBN 5-227-00524-9

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Эта книга написана в соавторстве с Сергеем Петровичем Крапивиным, который был свидетелем и участником многих изложенных здесь событий

Памяти нашего отца — очень мирного человека, у которого учились будущие снайперы

Предисловие младшего соавтора

Эту книгу с братом Сережей мы писали то сядясь бок о бок и обсуждая каждую фразу, то разъезжаясь по разным городам и принимая на себя торжественное обязательство «выдать на-гора» самостоятельно столько-то глав. Надо сказать, что стиль наш был похож и потом мы иногда уже не могли вспомнить, что сочиняли порознь, а что вместе.

Писать рядом друг с другом было замечательно. Все строилось на воспоминаниях детства и юности — порой довольно драматичных, но часто озорных и жизнерадостных.

Теперь я смотрю на нашу книгу уже как бы издавека, отстраненно. Время — объективный и строгий судья. Чем больше проходит лет, тем точнее и определеннее оно расставляет акценты. Многие события и убеждения теперь принято рассматривать под иным углом зрения, нежели полвека назад. Возможно, нынешним читателям покажутся странными и наивными верность Красному знамени и стремление к подвигам у мальчишек тридцатых годов XX века (это в те-то страшные годы, когда их отцы то и дело исчезали в черных глубинах ГУЛАГа). Но жизнь — многогранна. Было

страшное, а было и хорошее — крепкая дружба, ненависть к угнетателям всех сортов и окрасок, чистая вера в ясное и радостное будущее, которое непременно придет.

С верой в это будущее и шли в атаки на гитлеровцев вчерашние десятиклассники — порой без патронов, с одними штыками, а то и с голыми руками...

Можно сказать сейчас, что у тех людей в белорусской пуще, с которыми воевал Дмитрий Вершинин (и помогал ему в меру сил младший братишка), была своя правда. И было право отстаивать эту правду. Возможно, что так. Жизнь — штука многосложная, и, чтобы написать правдивую картину, черной и белой красок недостаточно. Но при всем при том правда братьев Вершининых не становится меньше, ибо замешана на ненависти к фашизму (который нынче то тут, то там вновь поднимает голову).

Поколение Вершининых было воспитано на фильмах о Гражданской войне, на песнях республиканской Испании, на подвигах Зои Космодемьянской и краснодонцев, чье мужество и ясность души тогда никто не смел подвергать сомнению. Это воспитание диктовало свой образ жизни, свои критерии и непреложные истины. И книга «Алые перья стрел» — книга о детях своего времени. К тому же — написанная ими самими.

Впрочем, ни в коей мере не следует считать этот роман автобиографическим. Как в любом приключенческом произведении, авторы здесь отдали большую дань фантазии. Однако немало там и такого, что было на самом деле. Немало и реальных прототипов тех персонажей, с которыми встретится читатель. В том числе и образ отца братьев Вершининых, которому авторы посвятили свою книгу...

Возможно, сейчас, при подготовке к переизданию, мой брат кое-что пересмотрел бы в тексте, посоветовал бы сделать изменения. Один же я что-то менять не решаюсь. Не имею права. А брата нет.

Сергей умер в Белоруссии, где жил все годы после войны. Умер через полгода после Чернобыльской катастрофы от стремительно развившейся лейкемии, какая бывает после радиационного облучения. Не берусь утверждать, что здесь есть прямая связь. Врач сказал: «Это коснулось очень многих. Люди покрепче могли и перенести, а здоровье Сергея Петровича... Вы же знаете сами...»

Не было к шестидесяти годам никакого здоровья. Были за плечами сорок лет непрерывной журналистской работы. Было яростное послевоенное время в западных белорусских краях, когда приходилось спать с автоматом под подушкой и то и дело рисковать головой. Были годы редакционных будней, утомительных спецкоровских командировок, постоянной войны с дураками и бюрократами (вечный журналистский удел). Были короткие радости от удачных очерков и репортажей и долгие периоды изматывающих душу конфликтов... И какое здоровье, если на всю жизнь остались в теле осколки гранаты — той, что взорвалась совсем рядом, когда брали в лесу вражеский бункер...

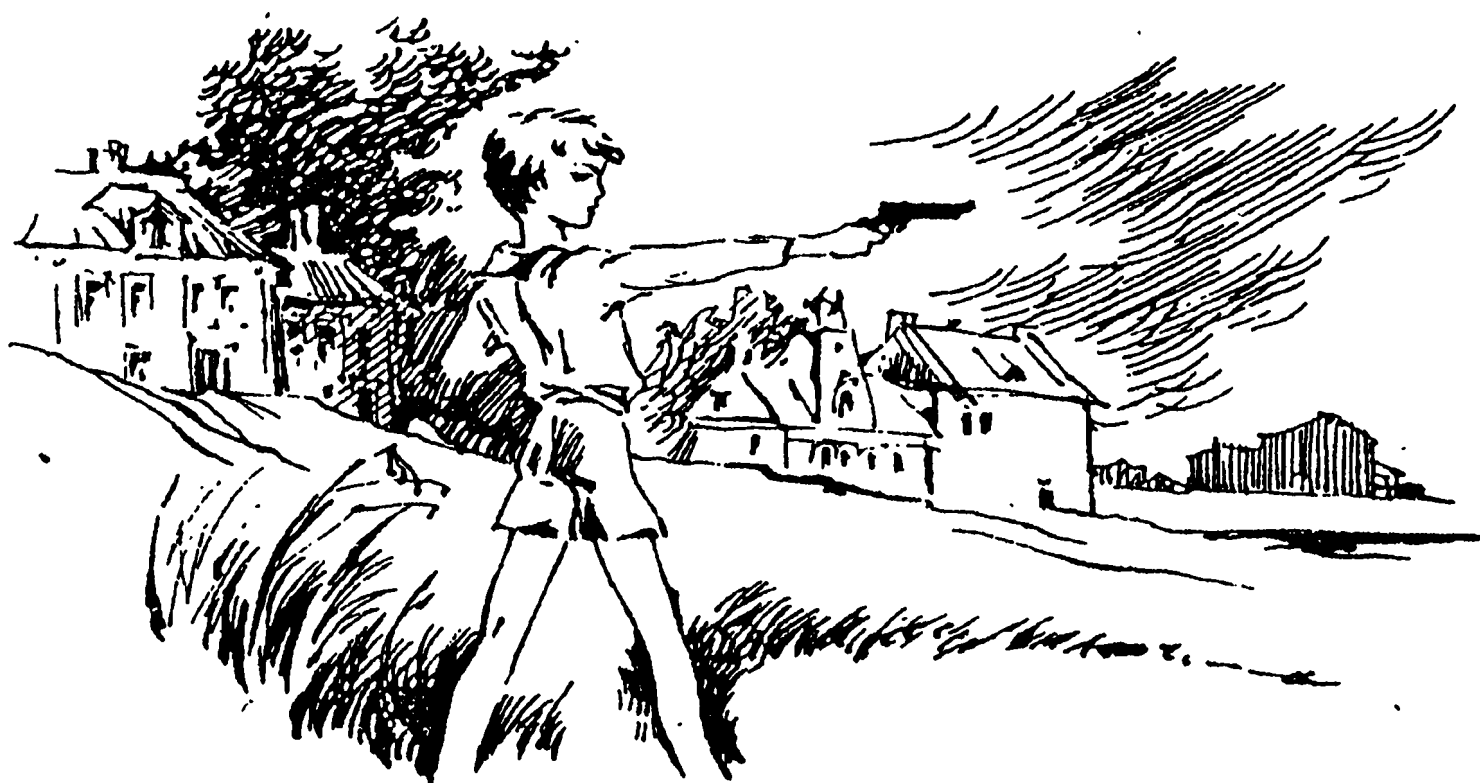
Я благодарен судьбе, что у меня был (и есть!) такой брат. И есть у нас общая книга.

Владислав Крапивин

Алые перья стрел

Повесть

Афишная тумба похожа была на макет крепостной башни: круглая, с остроконечной крышей и коротким шпилем, на конце которого сидел шарик. Чуть покосившись, она стояла на заросшем лопухами перекрестке. С давних времен.

Сделали тумбу, видимо, из фанеры — на каркасе из досок. А потом на фанеру стали клеить афиши. Клеили постоянно, а обдирали редко, и за долгие годы тумба покрылась крепкой броней из бумаги и клейстера. Митька, однако, надеялся, что его стрела пробьет этот панцирь.

На плече Митька нес лук. Длинный легкий лук, сделанный из расщепленной лыжной палки. Палка была бамбуковая, пустая, а в желобок Митька вложил узкую стальную полоску — для пущей силы и упругости. Лук бил на сто шагов, а легкие тростниковые стрелы забрасывал вообще неизвестно куда. Но сейчас Митька взял только одну тяжелую стрелу с наконечником из пустой винтовочной пули.

На перекрестке было солнечно и пусто. В заросшем газоне за низким деревянным штакетником усердно трескали кузнечики. Штакетник подходил вплотную к тумбе — будто крепостной

частокол к башне. Митька шагнул через него в траву и остановился перед коричневой афишей.

На афише нарисованы были островерхие дома и маленькие марширующие фашисты. Все — коричневой краской. А на этом фоне выделялись две главные фигуры: крючконосая тетка в длинном черном платье со стеклышком в глазу (стеклышко называлось «монокль») и мальчишка в таком же, как у Митьки, матросском костюме, только не в белом парусиновом, а голубом. Тетка — баронесса — выглядела рассерженной. А мальчишка хитро смотрел в сторону и прятал за спиной смеющуюся куколку с красной звездой на шапке. Это был немецкий пионер Карл Бруннер.

Пьеса так и называлась — «Приключения Карла Бруннера».

Митька два раза ходил на этот спектакль в летний театр сада «Спартак». И не он один, а почти все ребята из его класса. Взрослым спектакль не так сильно нравился. Они говорили, что артисты эти будто бы не настоящие, а из какого-то клуба.

Ну и что? Пьеса все равно была совершенно правильная! Митька мог это полностью доказать, потому что он и книжку про Карла Бруннера читал. А то, что артисты ненастоящие, так это даже лучше. У настоящих артистов мальчишек играют женщины, а на это просто смешно смотреть. В прошлом году Митька был в городском театре на постановке «Приключения Тома Сойера», и этого Тома там изображала толстоногая тетя в штанах, похожих на футбольные трусы, и с длинными волосами, кое-как заправленными под мальчишечий парик.

А Карла Бруннера играл настоящий мальчик, такой же, как Митька! И правильно. Разве какая-нибудь тетенька сумела бы трахнуть штурмовика головой в пузо или свистеть в четыре

пальца? А как этот мальчишка пел в конце пьесы знаменитую песню «Бандьера росса»! Два раза Митька был на спектакле, и оба раза весь зал подхватывал песню.

А баронесса — настоящая змея! Ну ладно...

Митька резко повернулся и пошел по высокой шелестящей траве, отмеряя дистанцию. Кузнечики зелеными брызгами кинулись в стороны.

Митька отмерил тридцать шагов. Он не сокращал их. Все по-честному, раз он сам поспорил, что засадит стрелу в башку баронессе с такого расстояния. С Виталькой Логиновым поспорил. Виталька мог бы и проверить, но не стал, потому что Митька поклялся «Алыми перьями», что не сжульничает.

А промазать Митька не боялся.

Он оглянулся еще раз (нет ли поблизости прохожих?), наложил на лук стрелу и медленно потянул тетиву к губам.

Только те, кто стрелял из хорошего лука, знают эту упругую радость, когда в руках тугая сила и ты уверен в метком выстреле.

Ш-ших! Тетива больно ударила по запястью (надо бы сделать щиток на руку, да все некогда). Стрела как бы растаяла, и тут же донесся стук наконечника.

Вот это да! На такую удачу Митька и не надеялся: стрела торчала в монокле баронессы.

Митька негромко крикнул «ура» и бросился к тумбе, путаясь ногами в зарослях мышинного гороха.

Все было здорово. Жаль только, что наконечник вошел не очень глубоко. Видно, слишком толстой оказалась бумажная шкура.

Но Митька знал, что делать. Ведь главное — он попал. И теперь он считал себя вправе помочь стреле. Он встал на цыпочки, дотянулся и выдер-

нул оперенное древко из наконечника. Затем нагнулся, чтобы поискать обломок кирпича. Кирпичом он хотел забить наконечник поглубже и опять вставить стрелу. Так будет надежнее. Но обломка не нашлось. Митька выскочил из газона, присел перед штакетником и дернул к себе деревянную планку. Заскрипели гвозди. Митька дернул еще раз, планка оторвалась, и он сел на дощатый тротуар. Шепотом сказал:

— Муй бьен, камарадос!

По-испански это приблизительно означало: «Все в порядке, ребята».

— Муй бьен, — согласился с ним насмешливый мужской голос.

По Митьке словно ток прошел. От пяток до затылка. Предчувствуя неприятности, он медленно оглянулся.

И увидел серые брезентовые сапоги.

Митька начал поднимать глаза. Над сапогами он увидел синие галифе, затем синюю же гимнастерку под красноармейским ремнем, малиновые петлицы и молодое, симпатичное, но довольно безжалостное лицо милиционера.

— Безобразничаем... — не то спросил, не то просто сказал милиционер.

Митька молчал. Спорить было бесполезно, соглашаться — глупо. Митька встал, машинально отряхнул штаны и с упавшим сердцем стал разглядывать сапоги милиционера.

— Придется прогуляться, — сказал милиционер и почему-то вздохнул. — До отделения.

Ну отчего так получается? Только что было все хорошо, и вдруг — раз! — валится на человека беда!

Митька чувствовал: если зареветь, сказать что-нибудь вроде «Дяденька, больше не буду, простите, я нечаянно», то, наверно, можно еще

спастись. Но реветь и унижаться, когда у тебя в руках боевой лук и стрела с алыми перьями на хвосте, было немыслимо. Даже и не получилось бы.

— Идем, — сказал милиционер и подтолкнул Митьку в плечо. — Да не вздумай драпать.

Где уж тут драпать. У Митьки и ноги-то ослабели.

Они пошли по улице Герцена. По той самой, где он, Митька, родился и без особых несчастий прожил почти двенадцать лет. Мимо швейной мастерской, где работала мать Витальки Логинова; мимо забора, где нарисована была мелом старая лошадь, похожая на генерала Франко (Павлик Шагренев рисовал), мимо его, Митькиного, двора с двумя тополями, двухэтажным домом и флигелем.

Хорошо, что хоть знакомые не встретились. Вдали показалась вереница детсадовских малышей. Хоть бы не Лешкина группа! Не хватало еще, чтобы четырехлетний брат Лешка увидел, что случилось с его ненаглядным Митей! Слава богу, не они... Попалась навстречу маленькая девочка с жестяным бидоном — свободная и счастливая. Протарахтел голубой автобус — в нем тоже ехали счастливые и свободные люди. А по тротуару шагал несчастный арестованный Митька.

Потом они зашагали по Садовой. «Во второе отделение ведет», — обреченно подумал Митька. Чуть повернул голову и взглянул на своего конвоира. Молодой совсем, новичок, наверно. Обрадовался, что поймал «нарушителя». Жулика или шпиона поймать не может, вот и привязался к Митьке.

Странно даже: такой парень, вроде и не злой с виду, на артиста Алейникова похож, а прицепился, как самая вредная зануда.

— Шагай-шагай, — поторопил милиционер, — не крути головой. — Подумал и добавил: — А еще, наверно, пионер...

— Ну и что, — хмуро сказал Митька.

— Ну и то. Вот узнают в школе, тогда увидишь что.

— Сейчас каникулы. Мы уже все экзамены сдали.

— Ничего, разберемся. Как фамилия?

— Сидоров.

Хоть и растерян был Митька, а сообразил: нет никакого смысла называть свою собственную фамилию.

— Имя?

— Валерий.

— Где живешь?

— На Перекопской. Дом три, — сказал Митька и с грустью вспомнил хорошего человека Валерку Сидорова, который жил раньше на Перекопской, а недавно уехал в Пензу.

— Ладно, шагай, — снова сказал милиционер.

Рядом был дощатый забор стадиона. В Митьке вдруг будто пружина сработала! Секунду назад он и не думал о бегстве, а тут вдруг кинулся к забору, подскочил, подтянулся изо всех сил, закинул ногу на кромку...

Крепкие пальцы ухватили Митьку пониже колена.

— Вы куда, гражданин Сидоров? Нам вроде бы не футбол смотреть.

Митька тяжело прыгнул в траву у тротуара.

— Странно даже, — сказал милиционер. — Шли, разговаривали... И вдруг — бац! Ведь договаривались же: не драпать.

— Ну что вам от меня надо?! Что я такого сделал?! — с прорвавшимся отчаянием воскликнул Митька.

— А тумбу кто дырявил? Может быть, я? Ты.

— «Дырявил»! Одна малюсенькая дырочка! За-
лепят — вот и все.

— Если все будут по тумбам стрелять, что по-
лучится?

— Все не будут, — безнадежно сказал Митька.

— Рейку зачем оторвал от штакетника? Разве
не хулиганство?

— Я ее только на минуточку. Я потом бы опять
приделал.

— Врешь, — убежденно сказал милиционер.

«Вру», — подумал Митька и сказал:

— Ничуточки.

— Всю траву, можно сказать, в газоне вытоп-
тал...

— Траву? Да там чертополох один, только
ноги ободрал. Во! — Для убедительности Мить-
ка ухватил себя за щиколотку и подтянул вверх
ногу. Царапины были похожи на след кошачь-
их когтей.

Но милиционер не разжалобился.

— Не скачи. Больше не ускачешь.

Он взял Митьку за локоть.

— Пустите, — хмуро попросил Митька. —
Я больше не побегу.

— Знаем мы это дело.

— Ну... честное пионерское, не побегу. Пусти-
те. А то знакомые встретятся, скажут: ведут, как
вора.

— Честное пионерское начал давать... А ты пи-
онер? У тебя и галстука-то нет.

— Просто не надел сегодня. Ну вот я за значок
берусь, он со звездочкой. Значит, не вру. Ну чест-
ное слово!

Митька ухватился за тяжелый значок «Воро-
шиловский стрелок» второй ступени, который от-
тягивал левый край матроски.

— Не считается это, — возразил милиционер. — Значок не твой.

— Не мой?!

— А твой, что ли? Был бы хоть еще маленький, а то взрослый «Ворошиловский стрелок»! Ты голову не морочь. Такой значок заработать — это не стрелы пулять, подвергая опасности прохожих.

— Во-первых, — сипловатым от обиды голосом сказал Митька, — никого я не подвергал. Во-вторых, значок все равно мой! Вот!

Ему часто не верили, и он привык, но сейчас обида была сильная: схватил, ведет куда-то, насмехается да еще и не верит! Сам небось и стрелять не умеет как следует, хоть и нацепил кобуру с наганом.

Из нагрудного кармашка выхватил Митька сложенный вчетверо листок, уже порядком измочаленный и потертый на сгибах. С лиловой печатью Осоавиахима и подписью военрука. Это было временное удостоверение (для настоящего не нашлось корочек, обещали дать потом). Отпечатанные на машинке слова отчетливо свидетельствовали, что «ученик пятого класса «Б» школы-десятилетки № 1 Дмитрий Вершинин выполнил норму...». Дмитрий Вершинин! А не...

Митькина рука остановилась в воздухе. Но милиционер выхватил из пальцев бумажку. И на лице его расцвела улыбка. Радостная, как у мальчишки, который выиграл спор.

— Я же говорил — не твой! Тут же не твоя фамилия!.. Постой... — Лицо его опять стало спокойным, а потом строгим. — Ты Сидоров или Вершинин?

— Вершинин, — тихо сказал Митька и стал смотреть в сторону.

Они помолчали несколько секунд.

— Нехорошо, гражданин Вершинин, — задумчиво заговорил милиционер. — Чужая фамилия. Попытка к бегству...

«Издевается», — понял Митька.

Милиционер оторвал глаза от документа и пристально глянул на Митьку:

— А кто у тебя отец?

— Учитель.

— В первой школе?

— В первой...

— Петр Михайлович?

— Ага, — безнадежно сказал Митька. Он не удивился: отца в городе знали многие.

Все еще разглядывая бумажку, милиционер двинулся по тротуару. Видно, случайно он изменил направление и шагал теперь обратно, к улице Герцена.

Митька побрел следом: теперь все равно не убежишь. Найдут.

— Я ведь тоже в первой школе учился, — сказал милиционер. — У твоего отца, между прочим. Хороший учитель.

Надежда на спасение ярким огоньком засветилась перед Митькой.

— Да? — вроде бы удивился он. — Я вас не помню.

— Ну а как ты можешь помнить? Я к вам домой не ходил. Да ты тогда совсем пацаненком был. Я в тридцать первом седьмой класс закончил. Потом работать пошел.

— Я по фотографиям почти всех помню, — бессовестно соврал Митька. — У папы есть фотоснимки всех классов, которые он учил. Может, вы не похожи тогда были? Ваша как фамилия?

— Жарников моя фамилия.

— А зовут вас... Матвей?

— Точно! Вспомнил?

— Угу... — сдержанно откликнулся Митька. Взгляд его стал веселым, а шаг — пружинистым. Все-таки ему везет!

— Вот видишь, — наставительно заговорил Матвей Жарников, — мы с тобой, выходит, знакомые. Как-то неловко получается. Вот пришел бы я сейчас с тобой к твоему отцу, рассказал бы про все... Что он подумал бы?

— Ну, что... — начал Митька, стараясь точнее рассчитать удар. — Он сказал бы: «Здравствуйте, Жарников, рад вас видеть». Сказал бы: «Как поживаете? Не делаете больше механизмов, чтобы школьные скелеты махали руками, пускали дым из глаз и кукарекали? Не доводите больше учителей до обморока? Это похвально».

— Ч-черт возьми... — произнес Матвей и свернутым Митькиным удостоверением почесал кончик носа. — Все еще помнит?

— Он мне про это раз десять рассказывал.

— Да-а... Ну, я тогда маленький был.

— В шестом классе, — беспощадно уточнил Митька.

— Пить что-то хочется, — сказал Жарников. — Вон там вроде клюквенный морс продают, киоск открыт. Пойдем?

— Можно... Хотя нет. У меня ни копейки...

— Ладно уж. Возьми-ка свой документ.

Потом, когда они у голубой будки глотали теплый и довольно противный морс, Матвей спросил:

— А все-таки чего тебе приспичило в тумбу стрелять? Ну нарисовал бы на заборе мишень, где-нибудь подальше от глаз, да пулял бы.

— Дак это целая история, — сказал Митька. — Долго рассказывать. Если все по порядку говорить, то даже не знаю, с чего начать... Есть у нас в школе немка Адель Францевна. Ты ее... То есть вы ее, наверно, знаете...

Ух и шумная была история!

Она случилась в середине мая. Полккласса, в основном мальчишки, не выучили урок по немецкому. Ну, сами понимаете, на дворе уже полное лето, а тут сиди и зубри, как два балбеса — Петер унд Отто — шпацирен в лесу унд баден в речке. Мальчишки из пятого «Б» предпочитали сами шпацирен и баден, хотя вода была еще зверски холодная.

Но Адель Францевну это не интересовало. На каждом уроке она грозила «неудами» и переэкзаменовками. Она требовала прилежания и порядка.

Надо было оттянуть беду. И в самом начале урока маленький, симпатичный и очень вежливый редактор отрядной стенгазеты Павлик Шагренев спросил у Адели Францевны, понравилась ли ей пьеса «Приключения Карла Бруннера».

— М-м? — удивилась Адель Францевна. — Ах, ты имеешь в виду эту постановку... Ну конечно, вам она должна нравиться. Но когда вы повзрослеете и станете смотреть на вещи более взыскательно, то поймете, что это совсем не блестяще.

— А почему? — задиристо спросил с места Митька.

— Слишком много пафоса и весьма недостаточно мастерства. Я говорю об игре исполнителей. Вы меня понимаете?

— Вполне, — сказал Павлик. — Только... Вот всем нам кажется, что игра не такая уж плохая. Наоборот. Вот помните баронессу? Как она...

— Да-да, — снисходительно согласилась немка. — Эта дама играет действительно несколько лучше остальных.

— А Карл?! — воскликнул Митька. Он по правде обиделся и разозлился. Будто его самого задели.

Адель Францевна устремила на Митьку свое пенсне.

— Ты говоришь о мальчике, исполнявшем роль Бруннера? Ну что же, он достаточно мил... Но это просто мальчик, а не актер. Он ведет себя так, словно все это происходит у нас в городе, а не в Германии. А там иной уклад жизни, иные обычаи и мальчики тоже другие.

— Какие это они другие? — недовольно спросил с задней парты похожий на сердитого скворца Игорь Цыпин (по прозвищу Цыпа). — Что, там у ихних пацанов уши на затылке растут, что ли?

— Цы-пин!.. — возмущенно выдохнула Адель Францевна.

— Извините, это он нечаянно, — торопливо заговорил Павлик Шагренев, а бестолковому Цыпе показал за спиной кулак. — Но нам всем непонятно... Конечно, у капиталистов дети не такие, как мы. А у рабочих?

— Они такие же пионеры, — агрессивно сказал Митька.

— Ну безусловно. Я имею в виду не классовые различия, а некоторые особенности... Впрочем, это сложно для вас. Я только хочу сказать, что даже для этого мальчика полезнее было бы не играть на сцене, а без пропусков занятий учиться в школе. Театр отвлекает его от учебного процесса.

— А может, он отличник, — опять не выдержал Митька.

— Возможно. По крайней мере, я уверена, что с немецким языком у него все в порядке. К сожалению, про вас этого не скажешь. И потому пусть Цыпин выйдет к доске и переведет первые пять строчек текста, который был задан.

Цыпа шумно вздохнул и пошел навстречу неизбежности.

Вторым она вызвала Вершинина.

— Можно, я лучше стихотворение Гете по-немецки прочитаю? — безнадежно спросил Митька.

— Конечно, можно, мы все послушаем с удовольствием. Только после того, как ты сделаешь заданный перевод.

После Митьки схлопотали «неуды» еще шесть человек.

У Адели Францевны от возмущения тряслись на висках рыжеватые букли прически.

— Елки зеленые, — шепотом сказал Митьке Виталька Логинов и от переживания вцепился в свой белобрысый чуб. — Как по заказу: почти все из нашего звена.

— Потому что самые лодыри, — тут же влезла в разговор Эмма Каранкевич, председательница совета отряда. Она сидела впереди Митьки.

— Насчет лодырей на перемене поговорим, — пообещал Вершинин.

— Очень испугалась!

Всю оставшуюся часть урока Адель Францевна говорила о том, как пагубны лень и легкомыслие. Наконец она велела всем, кто получил «неуды», остаться после занятий и удалилась, держа указку как рапиру.

Они остались. Но в их душах кипело негодование.

— Теперь три часа будет мучить, — сказал Цыпа и пнул парту. Старая парта крякнула.

— Это она нарочно «неудов» навтыкала, — мрачно сообщил Митька. — Из-за пьесы разозлилась. Потому что мы Карла стали защищать.

— Она, между прочим, сама на ту баронессу похожа, — вдруг заявил Сергей Иванов, человек молчаливый и сосредоточенный. Он говорил все-

гда немного, но умно и безошибочно. К его словам следовало прислушаться.

— А правда! — подхватил Виталька. — Такая же худая и старая. И вредная. Только не со стеклом в глазу, а с очками.

— Пенсне, — сказал Павлик.

— Какая разница!

— По-моему, она шпионка, — сказал Цыпа. Он был сердит больше всех: папаша часто лупил его за «неуды».

— Ну-у, Цыпа! — Виталька от удивления замотал чубом. — Ну ты сказал! Она на шпионку похожа, как ты на отличника.

Цыпа молча поддернул длинные, сморщенные на коленях штаны и влез на учительский табурет.

— Дурак ты, а не звеньевой, — сказал он Витальке с высоты. И как с трибуны обратился к остальным: — Шпионы разве бывают похожи на шпионов? Их бы тогда сразу всех переловили. Шпионов как узнают? Потому что они вредят. А она разве не вредит? Вот она оставила нас после уроков, а Пашка в авиационный кружок опаздывает. Он, может, хочет истребителем стать, а как он станет, если ему не дают в кружок ходить?

Павлик Шагренев, который до сих пор не помышлял о профессии истребителя, подтянулся и стал поправлять под ремнем рубашку.

— А я?! — завопил Митька. — У меня в два часа стрелковая тренировка! Завтра соревнования! Мне на «Ворошиловского стрелка» сдавать!

Он стукнул кулаком по левому карману матроски, на который собирался привинтить значок.

— Во! Я же говорю! — воскликнул Цыпа и возмущенно завертел тонкой коричневой шеей.

Трах! В класс влетела Валька Голдина. Захлопнула дверь и вцепилась в ручку. Обернулась и свистящим шепотом сообщила:

— Гонятся!

Дверь задержали.

— Отпусти, — велел Сергей Иванов. — А сама иди сюда.

Дверь распахнулась. На пороге возник похожий на третьеклассника-отличника Толька Репин, председатель совета отряда пятого «А». По определению Сереги Иванова — «маленький, а вредный».

— Ага! Вся компания! — ехидно сказал Репин. — Знает, куда бежать...

— Чего надо? — суховато спросил звеньевой Логинов.

— Вот ее надо. — Толька подбородком указал на Валентину. У него за спиной сопели два здоровых телохранителя.

— У нас сбор звена, — сказал Виталька.

— А у нас сбор отряда. Чего она со сбора отряда бежит?

— Сбор на тему «Об итогах четвертой четверти и о подготовке и успешной сдаче годовых экзаменов», — нудным голосом продекламировал Павлик.

— Не твое дело, — сказал Репин.

— Не его, не его, — согласился Митька. — И не Валькино. Она в нашем звене. Значит, в нашем отряде! Пора бы понять!

— Как это в вашем? Она в нашем классе учится!

— Одно дело — класс, а другое — отряд! Она с нами в одном дворе живет! С малых лет, с самых детсадовских! Мы проголосовали, чтоб в нашем звене!

— А мы у СПВ спрашивали! Она говорит, что так нельзя!

— СПВ говорит?! — взревел Виталька. — А она у нас спрашивала? Она сама ничего не знает и даже не разбиралась!

СПВ — старшая пионервожатая — не была для Витальки авторитетом. Она пришла в школу месяц назад и, судя по всему, не собиралась задерживаться.

А спор о Валентине был далеко не первый. Она еще осенью объявила, что хочет быть в звене с теми, с кем у нее «разные полезные дела, а не всякие проработки про успеваемость». «Полезные дела» у нее были с Митькой, Виталькой, Серегой и прочей компанией. Пятый «А» запротестовал. Из принципа. А Виталькино звено дружно проголосовало «за».

— Она им нужна, чтобы процент успеваемости поднимать, — пустил шпильку Павлик Шагренев.

— Нам такой процент тоже нелишний, — сказал с табурета Цыпа.

— Завтра приди только в класс! — пообещал председатель пятого «А». — Поговорим...

— Я с тобой и сегодня могу поговорить. На улице, — сказала Валентина. Худая, длинная, темноволосая, сердитая, она выглядела сейчас грозно.

Противник удалился.

— Ух... — сказала Валька. — Ну хорошо, что вы тут. А то не знала, куда бежать... А почему не сказали, что сбор? — Она неласково взглянула на Витальку.

— Да какой сбор... Так сидим.

— Разговариваем, — объяснил Серега Иванов. — Про баронессу Адель фон Неуд.

— А-а, после уроков оставила! И вы сидите? Ну и олухи!

— Вообще-то мне некогда.. У меня тренировка, — сказал Митька...

Спать Митька лег пораньше. На всякий случай. И правильно. Отец, вернувшись из школы, спросил:

— Где этот пар-ршивец?

— Что случилось? — захлопотала мама. — Только, пожалуйста, не нервничай. Опять «неуд»?

— Мало того! Их, голубчиков, оставили заниматься после уроков. Адель Францевна тратит время, чтобы вытянуть этим балбесам приличные оценки, а эти... эти... Она идет в класс, а дверь заперта! Изнутри! Как потом выясняется, ножкой от табуретки. В классе — никого, окно открыто. Но мало и этого! На двери мелом написано: «Но пасаран!» Эти лодыри решили лень свою и безобразия прикрыть республиканскими лозунгами!

Митька в своей постели начал дышать глубоко и ровно. В этом было единственное спасение.

— Не шуми, он спит, — осторожно сказала мама.

— Плевать! — сказал отец, известный в городе преподаватель русского языка и литературы. — Да-да! Плевать! Где мой ремень?

— Ты с ума сошел!

— Нет! Я не сошел с ума! Пусть! Пусть это будет крушением всех моих педагогических принципов, но я этого паршивца... Где ремень?

— Какой ремень? Ты всю жизнь ходишь в подтяжках.

— Не-ет. У меня был. Я в нем ездил на рыбалку.

Митька ровно дышал. Крушения педагогических принципов можно было не бояться: отцовский ремень он давно пустил на обмотку лука. Но что будет завтра?

Назавтра отменили урок арифметики и устроили классное собрание. Сначала выступала класс-

ная руководительница Вера Георгиевна. Сообщила, что за такие дела исключают из школы. Да-да, нечего удивляться! То, что натворили эти семь человек, не простое хулиганство, а... Даже слов нет! Ведь не маленькие! Вон, многие уже в длинных брюках ходят, взрослые прически устраивают, а в голове что?

Митька напряженно смотрел в окно и думал о своем. Из школы, он знал, не выгонят, высказывание о брюках и прическах его не касалось, а в голове у него было вот что: «Не вспомнили бы только, что сегодня соревнования!» А то придет он в тир и услышит от военрука: «Ничего не могу поделать. Приказ директора — не допускать». Конечно, он тоже будет огорчен: Митька у него в кружке самый маленький, но самый способный. А что делать? Приказ есть приказ. Военрук — человек военный.

Вообще-то он славный дядька. Недавно принес в кружок новую «малопульку» ТОЗ-8. Не «семерку», а «восьмерку». У нее прицел совсем другой: поставлен намушник. Черное яблоко мишени легче просматривается, словно само садится на мушку. И спуск мягче. Митьке военрук первому дал ее попробовать. Три патрона. Митька сразу выколотил двадцать девять очков.

Жаль только, что мало военрук дает стрелять. Да еще, прежде чем допустить к винтовкам, целый час рассказывает об иприте и фосгене, потом в противогазе гоняет. А в тир — напоследок.

Кроме того, еще полчаса лазают ребята по тиру на коленях и собирают гильзы, потому что каждый патрон у военрука на учете, и, если гильза не нашлась, он ругается. Говорит, что не сможет отчитаться.

Военрука старшеклассники прозвали «генерал Скобелев». Никакой он не генерал, конечно, и

даже не Скобелев, а младший политрук Кобелев Степан Васильевич. На свою беду, он однажды в школьной стенгазете поместил заметку «Почему в кружках ПВХО и ВС мало девочек?» и подписался: «С. Кобелев». Один десятиклассник ядовито заметил:

— Тоже мне Скобелев. Генерал на белом коне.

Десятиклассника потом чистили на комсомольском собрании, но прозвище к военруку прилипло намертво.

Младшие ребята любили «генерала». Он вместе с ними самозабвенно ползал по школьному подвалу, где расположен был тир. Выискивал затерявшиеся стреляные гильзы, протирая на коленях свои шикарные диагоналевые галифе, и уговаривал:

— Товарищи, найдите еще четыре штуки. Мне же их сдавать...

В тире после недавних выстрелов попахивало порохом, и этот волнующий запах заставлял ребят тоже ползать. В надежде, что Степан Васильевич даст пальнуть еще по разику. И такое случалось: облегченно вздохнув, военрук засовывал найденные гильзы в пустую коробочку, а из другой доставал патроны.

— В порядке поощрения, — официально произносил «генерал Скобелев», отряхивая свои диагоналевые колени...

От мыслей о военруке Митьку отвлек голос директора:

— Речь идет не о наказании! Вернее, не только о наказании. Я хочу, чтобы вы поняли, очень хочу...

Директор Андрей Алексеевич был добрый человек. Сразу было видно, что он добрый: невысокий, полный, с очень круглым, улыбчивым лицом. Как мистер Пиквик. Иногда он сердился и

пытался быть строгим, но получалось это у него плохо. Учителя знали, что пугать директором бесполезно даже первоклассников. И пугали завучем, Сергеем Осиповичем. Но завуча сегодня, к счастью, не было.

— Вы обидели, — продолжал директор, — Адель Францевну. Очень обидели. Она работает в нашей школе восемнадцать лет, а вы... Да, она строга. Но когда вы станете старше, вы поймете, что строгость — это тоже доброта... Кроме того, вы обидели тех, кто сражается в Испании. Да, не спорьте. Вы ради озорства написали лозунг бойцов, которые сражаются с фашистами. Что скажут испанские ребята, когда узнают об этом случае?

— Они не узнают, — успокоил Павлик Шагренев.

— Почему ты уверен? Шесть испанских мальчиков приедут на днях в наш город. Они будут жить у нас, пока там война. А учиться будут в нашей школе, потому что...

Добрый Андрей Алексеевич никак не ожидал того, что случилось. Ведь он просто хотел доказать Шагреневу его неправоту. И оглушительно взорвавшееся «ура!» буквально отбросило директора от стола к доске.

— Что такое? — сопротивлялся он. — Я не... В самом деле... При чем здесь «ура»? Я не понимаю... Когда в гороно узнают про этот случай, их отправят в другую школу.

— А вы не говорите! — вопил Цыпа, вытягивая из свитера птичью шею. — Мы больше не будем!

— Мы перед Адель Францевной хоть сто раз извинимся!

— Это у нас случайно!

— Потому что она за баронессу заступалась. А не потому, что «неуды»!

— Мы извинимся!

— Они извинятся, Андрей Алексеевич! Мы им еще сами напинаем.

— Я тебе напинаю!

— А ты молчи!..

Директор махал руками, словно отбиваясь от пчел. Наконец Вера Георгиевна вытянула указкой по столу так, что из щелей взвилась пыль. Стало тихо.

— Я не понимаю... — начал Андрей Алексеевич. — То есть я все понимаю, но почему такой шум? И при чем здесь какая-то баронесса?

Эмма Каранкевич ехидно оглянулась на Митьку.

— Это они, Андрей Алексеевич, из-за пьесы спорили. Вершинин воображает, что он на Карла Бруннера похож. А Адель Францевна правильно говорит, что...

— Я воображаю?! — взвился Митька. — Ты лучше помалкивай! Сейчас не пионерский сбор, а классное собрание. Верно ведь, Андрей Алексеевич?

— Ну почему же, почему же... Можно и сбор в то же время. Я не вижу, почему бы пионерскому начальству не высказаться.

— А если сбор, пусть Вальку Голдину позовут, она в нашем звене, — вмешался Виталька Логинов, почуявший, что гроза слегка развеялась.

— Что еще за новости! — возмутилась Вера Георгиевна. — Опять вы об этом? Андрей Алексеевич, они вбили себе в голову, что Валя Голдина из пятого «А» должна быть непременно в их звене. Объясните им, пожалуйста, что это абсурд.

Она замолчала, чтобы передохнуть, а вежливый Павлик Шагренев поднял руку и встал:

— Вовсе не абсурд, Андрей Алексеевич. Голдина всегда с нами. Мы даже в один детский сад ходили. У нас все дела вместе и зимой и летом.

— Вроде вчерашнего, — вставила Вера Георгиевна.

— Нет, не вроде, — бесстрашно отрубил Павлик. — У нас хорошие всякие дела. Голдина помогала Иванову по арифметике исправляться. И вообще.

— Ну... я не знаю. — Директор развел руками. — Это какие-то тонкости пионерской работы. По-моему... А впрочем, Вера Георгиевна, есть простой выход. Раз уж они так хотят быть вместе, давайте в будущем году переведем Голдину в «Б». Это несложно.

Нельзя сказать, что Вера Георгиевна засияла от восторга. Но класс опять гаркнул «ура!», кричало главным образом Виталькино звено.

— Ну-ну, голубчики, — сказал директор, — «ура» — это хорошо, но по выговору вы получите. Учтите.

— Правильно, Андрей Алексеевич! — в припадке самокритики воскликнул Виталька. — Даже по строгому!

— Это уж, дорогой мой, без вас решат... Идемте, Вера Георгиевна, сейчас перемена.

Едва они скрылись за дверью, Цыпа вскочил на парту и сделал страшное лицо:

— Ти-хо, вы...

Класс замер. И слышно стало, как директор за дверью оправдывается:

— Ну что вы, любезнейшая Вера Георгиевна, ничуть я не потворствую... То есть я потворствую, но только в хорошем смысле. А что касается вчерашнего, то я уверен: они поняли и вполне...

В общем, все кончилось «вполне». Для всех, кроме Митьки. Митьку же дома поставили в угол. Как напроказившего дошкольника. Даже хуже, чем дошкольника. Лешку, например, отец никогда в угол не ставил.

Митька стоял, прислонившись затылком к штукатурке, и разглядывал спину отца. Отец сидел в полосатой рубашке и перекрестье подтяжек. Он сидел у стола и проверял тетради. В Митькиной голове крутилась неизвестно откуда взявшаяся фраза: «Целься в скрещенье подтяжек на спине противника».

Но отец не был в полном смысле противником, и ковбойские методы здесь не годились. Нужна была дипломатия.

— В конце концов, — сказал Митька, — это непедагогично.

— Тоже мне Песталоцци, — откликнулся отец. — Выдеру, тогда узнаешь.

— Что я, маленький — в углу стоять?

— Нет, — сказал отец, черкая пером с красными чернилами. — Не маленький. Маленькие стоят час или два. А ты будешь до самого вечера.

— Не могу я до вечера, — осторожно объяснил Митька. — Что ты, папа. У меня же в четыре часа соревнования.

— Вот как? — иронично спросил отец.

— Ну я же команду подведу, — шепотом сказал Митька.

— Не ври. У вас личные соревнования. Сдача норм. Степан Васильевич мне говорил... Кстати, я очень жалею, что упросил его взять тебя в кружок. На пользу тебе это не пошло.

Отец действительно просил за Митьку «генерала Скобелева», потому что пятиклассников в кружок ВС не брали. И это был единственный случай, когда Митька извлек выгоду из служебного положения отца. Но ведь он не подвел ни отца, ни военрука! Он же стреляет ничуть не хуже старшеклассников!

— Почему ты говоришь, что не пошло на пользу? — обиженно спросил Митька.

— Потому что у тебя все мысли только о стрельбе. Кто много думает об удовольствиях, забывает о делах.

— Стрельба, по-твоему, удовольствие? — спросил Митька. — Стрельба — необходимость.

Он, словно опытный фехтовальщик, воспользовался промахом противника. И наносил удары точенными фразами:

— Если мы не будем уметь стрелять, что делать, когда нападут фашисты? Будем говорить им по-немецки: «Простите, господа, мы не умеем, мы в углу простояли и не научились!»

— Ты демагог! — сказал отец.

— Ни капельки! Нам генерал... то есть военрук говорит, что мы укрепляем обороноспособность!

Отец закрыл очередную тетрадь и заметил, что если обороноспособность будет возложена на таких шалопаев, то на будущее он не надеется.

— А почему тогда у нас в тире написано: «Каждый новый ворошиловский стрелок — удар по фашизму»?

— А там не написано: «Каждый хулиган и неуч — удар по нам»?

— А... — начал Митька и заплакал.

Обида прорвалась слезами в одну секунду, и остановить их не было никакой возможности. Митька начал вытирать слезы концами галстука, но это было неудобно. Тогда он сдернул серебристый значок-зажим, скреплявший галстук, и широким углом стал размазывать слезы по щекам.

Отец удивленно обернулся. Сын его был совсем не похож на сурового снайпера, ворошиловского стрелка и грозу фашистов всех мастей. Это был просто маленький Митька, с зареванным лицом,

лохматый, в мятом матросском костюме и пыльных, стоптанных уже сандалиях. Отцу стало жаль его, и он поступил непедагогично — сказал:

— Убирайся.

Норму Митька выбил. Но значок выдали не сразу, а только через три недели, когда пятиклассники сдали экзамены и на торжественном собрании получили табели.

Вечером того же дня Митька созвал в штабе друзей.

О штабе надо рассказать по порядку.

Он располагался в сарае. Сарай был полутора-этажный. Внизу — дровяники, курятник скандальной соседки Василисы Тимофеевны и коза семейства Голдиных. Наверху — сеновал. В центральном отсеке сеновала оборудован был штаб «БП». За кучами сенной трухи и мусора пряталась фанерная будка. Называлась она «шатер». На стенах шатра висели луки и колчаны, портреты Вильгельма Телля и Робин Гуда, а также бумажные мишени, в центре которых торчали белооперенные стрелы.

Вот поэтому и «БП» — белые перья.

Год назад Митька прочитал роман Конан Дойла «Сэр Найгель».

В «Сэре Найгеле» из луков стреляли научно. Вымеряли направление и силу ветра. Для оперений брали перья не степных, а только горных орлов. Преимущественно светлые. Прославленных лучников герцог награждал белокрылыми стрелами. Например, за то, что они с расстояния в сто ярдов могли перебить трос флагштока на вражеской крепости. Знамя падало, рыцари бросались на приступ. Крепость сдавалась.

В отряд «БП» вошли сначала четверо: Митька, Сергей Иванов, Виталька Логинов и Цыпа. Затем поведали тайну Павлику Шагреневу, который бесподобно рисовал зверей и фашистов, необходимых для мишеней.

В скором времени Митька обнаружил у своего соседа по квартире, третьеклассника Вовки Шадрина, удивительную книгу — «Русские лучники. Изъ истории вооружения российской армии отъ Владимира Светлаго до Ивана IV Грознаго. Санктъ-Петербургъ. 1898. Дозволено цензурою». Книга была до отказа набита картинками, а устройство луков и стрел описывалось так подробно, что Митька тут же изъял находку у Вовки.

Вовка заревел. Он ссылался на то, что взял древнюю книгу из шкафа у деда. Дед был отставной преподаватель истории, довольно вредный старик, это Митька знал. Пришлось принять в отряд и Вовку Шадрина.

Но в общем-то и санкт-петербургская инструкция не давала практических советов, как самому сделать настоящий лук и стрелы. Приходилось туго. Не было, например, бука. Ветки с могучих тополей, росших во дворе, не годились. Пришлось добывать черемуху и бамбук. А для тетив явно не хватало бараньих кишок и воловьих жил. Правда, внизу, под сеновалом, жила голдинская коза, но еще неизвестно, когда ее зарежут. Спросили об этом у Вальки. Она ответила в том смысле, что не обязана думать о нуждах «Белых перьев», поскольку в отряде не состоит.

Приняли и Валентину.

Сразу стало легче делать стрелы. До сих пор не хватало перьев, особенно белых, а сейчас вопрос решился. Валентина на правах девочки была входя в курятник Василисы Тимофеевны: «Можно, я курочек покормлю? Можно мне цыпляток по-

смотреть?» — «Сходи, милая, возьми ключ. Аккуратно только».

В курятнике жил белоснежный петух. Бывал, конечно, он и на дворе, но при приближении Митьки, Сережки или Цыпы он мчался к дыре под дверь курятника.

— Называется «рефлекс», — мрачно говорил Митька.

Вальке дали задание добыть оснастку для стрел. И в тот же день она доставила в штаб шесть дивных перьев: два хвостовых и четыре из крыльев.

— Маховые — они лучше, — поблагодарил Митька. — Орал?

— А ты слышал? — озлилась Валентина.

— Не...

— Я его башкой в мешочек с пшеном. Он лопает, а я дергаю. Только лапами царапался.

Митька уважительно покосился на Валькины запястья...

Петух возненавидел Валентину больше, чем ребят. И за зиму эта ненависть не прошла. От Вальки он не прятался в курятник, а мчался к дому, взлетал на уровень второго этажа и усаживался на карниз одного из окон Василисы Тимофеевны. Оттуда он даже не орал, а как-то непонятно хрипел на Вальку.

Василиса распахивала окно и принималась оглаживать поредевший мундир любимца:

— Кто тебя, Петенька, обидел? Кто?

Петенька пытался показать оранжевым глазом на Вальку, но та уже сидела на заборе, вне Василисиной видимости.

В последний рейд за перьями выпало отправляться Сереге. Митька предупредил, что ради операции придется разобрать чердачное перекрытие. Серега сказал:

— Сделаем.

Работать он любил. Саперной лопаткой он вскрыл верхний слой. Сенная труха, песок, опилки, снова песок. Бревно. Толстое, но трухлявое. Поддалось обыкновенной ножовке. Выпиленный кусок бревна Серега отнес в шатер: сидеть на нем будет удобно.

Сразу под бревном обнаружилась фанера: это уже была потолочная обшивка курятника. Серега раздолбал ее пяткой и поглядел вниз. Куры, на которых свалились обломки фанеры, кудахтали почти стихотворно: «Куд-куда? Вы откуда, вы куда?»

А петуха не было. Наверное, гулял на дворе. Серега решил подождать. И дождался. Петух был доставлен в курятник на руках Василисы Тимофеевны. Он томно склонял гребень на рукав хозяйки, а она потерянно лопотала:

— Прости меня, Петенька, дуру старую, что обкормила. Сиди тут и выздоравливай. Сиди, милый...

Сверху Сереге был виден только волосяной кукиш на затылке Василисы Тимофеевны. Кукиш скорбно покачивался. Потом он исчез за дверью курятника.

«Черта с два выживет, — решил Серега, увидев, как петух после ухода хозяйки опрокинулся на спину и замахал лапами на приблизившихся кур. — Не иначе, гречневой крупы обожрался. А в ней железо».

Серега еще два раза ударил пятками, и дыра в фанере превратилась в люк. Серега нырнул в курятник.

Курицы разбежались, и петух остался один на один с Серегой. Вредные Петькины глаза задернулись пленкой. Когтистые лапы чуть подергивались. Агония. Сереге стало очень жаль петуха. В конце концов, он был храбрый и хороший: умел

постоять за себя. А сейчас его выбросят. В лучшем случае Василиса закопает его за помойкой.

Перьям-то не пропадать!

Серёга взялся за хвост. Петух заорал почти человеческим голосом и так внезапно, что Серёга кинулся не к люку, а к двери курятника. И столкнулся с Василисой Тимофеевной. Оказывается, она далеко не уходила.

Услышав петушиный вопль, она рванулась к двери, и Серёга угодил ей головой под дых. Василиса Тимофеевна сама закудахтала. Серёга без памяти взлетел на сеновал.

Вечером Василиса Тимофеевна донесла на Серёгу отцу. Старший Иванов — механик судоремонтных мастерских, человек молчаливый и решительный — за ухо отвел Серёгу к Василисе и велел извиняться.

А за что? Если бы перед петухом, тогда ещё понятно. А почему перед Василисой? Не из нее же он перья дергал. Напрасно Серёга уверял, что вины его нет, что нервная встряска пошла петуху только на пользу: он ожил.

Пришлось просить прощения. Эта унижительная процедура доконала Серёгу, и он заявил:

— Чтоб они сгорели, эти стрелы! Одни неприятности. Хватит.

Его неожиданно поддержал Вовка Шадрин. Он заявил, что лучше взять на вооружение рогатки: они удобнее и незаметнее.

Тогда Митька не принял разговор всерьёз, хватало других забот: конец учебного года, экзамены. Но вот экзамены кончились, а никто не вспоминал, что надо возобновлять деятельность отряда.

Была, по правде говоря, еще одна причина, по которой Митька собрал ребят: хотелось похвастаться перед ними значком.

Значок был что надо! Со стрелком и маленькой черно-белой мишенью. С большой звездой и флагом. Тяжелый, второй ступени. Немного похожий на орден Красного Знамени.

Мальчишки щупали значок и вздыхали. Нетактичный Цыпа сказал:

— Хорошо, когда папаша в школе работает. Если б у меня работал, я бы тоже...

— Папаша мне, что ли, норму выбивал? — разозлился Митька.

— А записал кто?

— Ладно вам, — сказал Виталька. — Ругаться собрались?

Настоящего командира в отряде «БП» не было. Командовали как получится. Иногда — Виталька, потому что звеньевой, а в «БП» все из одного звена (кроме Вовки, которого приняли условно). Иногда — Серега, потому что самый серьезный. Иногда — Митька, потому что в оружии разбирался лучше других. Случалось, что и Валька командовала, потому что девчонка, а с девчонками спорить бесполезно.

— Давайте о делах говорить, — сердито предложил Митька.

— Не все еще пришли. Вовки нет, — сказал Виталька.

— Да ну его! Всегда опаздывает... А, вот он!

На лесенке застучали подошвы, зашатался пол, и в дверном проеме «шатра» возник Вовка.

— Хорош, — сказала Валентина.

— Каррамба! — сказал Цыпа (он считал себя похожим на испанца, хотя в самом деле походил на черную курицу).

Вовка был достоин таких возгласов. Запыленный он был и встрепанный, рубашка выбилась из штанов, которые держались на одной лямке (вто-

рая, оборванная, была запихана в карман), в курчавой голове торчала солома.

— Мировецкий вид, — сказал Серега. — Волки за тобой гнались?

— Корова... — выдохнул Вовка.

— Корова гналась?!

— Корова здесь будет жить, — отчаянным шепотом сообщил Вовка. — Ясно вам? Сидите тут, заседаете... Жада корову купил. Будет жить внизу, рядом с Василисиным курятником. А здесь, наверху, — сеновал.

— Врешь, — машинально сказала Валька.

— Ты, Голдина, глупая, как рыба, — сказал Вовка и поддернул штаны. — С тех пор как меня в пионеры приняли, я еще ни разу не врал, это все знают... Корова рыжая с пятнами. И теленок. Василиса и Феодосия разговаривали в огороде. Я их выслеживал, просто так, будто шпионов... Феодосия жаловалась, что ей работы прибавится.

— Это не Жадин двор, — заявил Цыпа. — Пусть он катится... Не его сарай.

— Ему домоуправша разрешила. Он его в эту самую взял... Ну, в эту... когда деньги платят.

— В аренду?

— Ага.

Вовка втиснулся на скамейку между Митькой и Серегой. В штабе, над которым нависла угроза вражеского вторжения, стало тихо. Приунывшие стрелки сидели тесной кучкой, и вечернее солнце, пробившись в щели, перепоясывало их оранжевыми шнурами. Пахло пылью, курятником и старой соломой. Не очень-то приятный запах, но он был привычным. Привычными и очень милыми были фанерные стены «шатра» с мишенями и портретами рыцарей. Подумать только: пять минут назад еще казалось, что все это надоело!

— Вытряхнут нас отсюда, — вздохнул Виталька.

— Не имеет права он, буржуй несчастный! — вскипел Цыпа.

— Будет он тебя спрашивать, — сказал Митька.

— Что делать? — спросила Валька.

— Подумаем, — сказал Серега. — Мало нам было Василисы! Еще один появился такой же...

— Я знаю, — сказал Вовка Шадрин и локтем энергично вытер нос. — Знаю, что делать.

— Я тоже, — сказал Павлик. — Мстить!

Василия Терентьевича Гжатова не любили все, кроме Василисы Тимофеевны. Взрослые поговаривали, что, работая завхозом, он главным образом заботится об одном хозяйстве — о своем.

Мальчишки, от которых он усердно оберегал свои яблони, прозвали его Жадой. Серегин отец с нехорошей усмешкой говорил:

— Д-домохозяин...

Жил Василий Терентьевич в соседнем дворе. Дом у него был большой, с верандой, и сад приличный. Сад охраняла собака Джулька, но ребята приручили ее, чтоб не лаяла, и Жада ее повесил. Митьку потом долго грызла совесть.

Хозяйство вела двоюродная Жадина сестра со странным именем Феодосия — очень худая высокая тетка, всегда до самых глаз закутанная в платок или косынку. Говорила Феодосия медовым голосом, но по натуре своей была довольно вредная особа.

А еще был у Жады патефон. Красный, новый и громкоголосый. Жада добыл его этой весной. Майскими вечерами патефон ставили на веранде, и он бодро орал популярные песенки: «У меня такой характер», «Все хорошо, прекрасная маркиза»,

«Я — кукарача». Молодежи в доме не было, танцевать было некому, но патефон усердно выталкивал из жестяной утробы: «Танцуй танго. Мне так легко!» Василий Терентьевич пил на веранде чай с прошлогодним вареньем из мелких яблочек и культурно отдыхал.

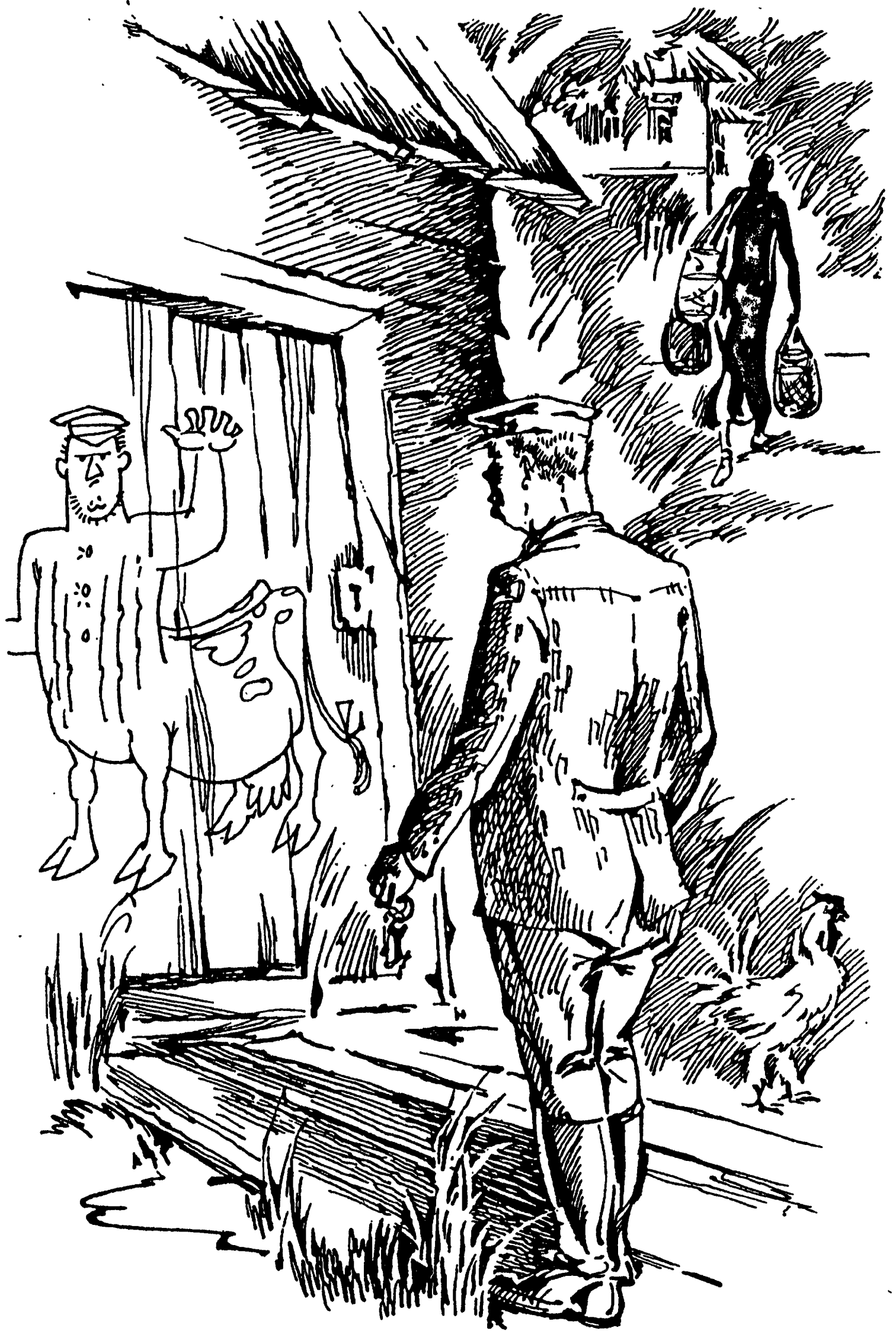
Соседям эта музыка порядком надоела, но связываться с Жадой они почему-то опасались.

В тот вечер, когда состоялось заседание штаба, Василий Терентьевич пришел в соседний двор, чтобы осмотреть будущую коровью резиденцию. Круглолицый, налитый здоровьем и хорошим настроением, он ласково поглядывал по сторонам и мелко ступал по траве тугими хромовыми полусапожками. Он ни с кем не хотел ссориться. И поэтому его очень огорчил рисунок, сделанный мелом на двери сарая.

Нарисовано было странное существо. Если бы Василий Терентьевич помнил древнегреческие мифы, он тут же решил бы, что зверь этот напоминает кентавра. Но не совсем. Кентавр, как известно, получеловек-полулошадь. А у этого существа туловище было коровье: худое, ребристое, с острым задом, поднятым хвостом и большим выменем. А человеческая часть — плечи и голова — весьма напоминала самого Василия Терентьевича. (Недаром Павлик два часа делал наброски, прежде чем украсил дверь портретом.)

Василий Терентьевич сокрушенно покачал головой в плоской полувоенной фуражечке и шагнул в сарай. Тут же раздался громкий шелест, и в полуоткрытую дверь с крепким стуком воткнулась белооперенная стрела. Она засела между ребрами «кентавра».

Жада высунул голову и увидел стрелу. Потом увидел намотанную на стрелу записку. Записку он развернул и прочитал. Там было одно слово:

«Берегись». Жада аккуратно сложил бумажку и убрал в карман гимнастерки. Затем торжественно переломил стрелу. После этого он обвел взглядом все чердачные окна, заборы и кроны тополей. Погрозил пальцем в пространство и опять скрылся в сарае. Дверь за собой прикрыл полностью.

Вторая стрела пробила «кентавру» вымя.

— Дмитрий! — сказал отец за ужином. — Есть сведения, что ваша компания опять пиратничает в округе.

— Нет, папа, — честно сказал Митька. — Мы только «шпацирен унд баден», как говорит бар... то есть Адель Францевна. Гуляем и купаемся. Да еще Цыпин велосипед чиним. Вовка три раза камеру проколол, растяпа.

— И не стреляете?

— Ну, стреляем немножко. По мишеням. А кому это мешает? Василисе?

Отец дотянулся до лежащего на подоконнике портфеля и, поглядывая на Митьку, извлек сложенный пополам лист.

Развернул и с выражением сказал:

— Заявление...

— Еще не легче, — сказала мама.

Лешка вынул нос из стакана с киселем и навострил уши.

С тем же выражением отец стал читать:

— «В городское НКВД... Действия хулиганствующих подростков угрожают даже самой моей жизни... При растущем народном благосостоянии мне не дается возможности внести свой вклад в дело расцвета благосостояния методом расширения розничной торговли путем продажи населению молочных продуктов рыночным методом...»

— Чего-чего? — сказал Митька.

— Откуда это? — испуганно спросила мама.

— В школу передали... Мало мне забот с экзаменами в десятых классах! Я еще, понимаете ли, должен превращаться в следователя! Андрей Алексеевич говорит: «Проконсультируйтесь у сына, он в стрелковых делах разбирается». Еще бы! Боюсь, что слишком хорошо разбирается!

— Да что случилось-то? — спросил Митька и подумал: «Неужели из-за «кентавра» такой шум?» И на всякий случай украдкой показал кулак Лешке, который кое-что знал.

— А ты не знаешь, что случилось? Не знаешь, кто из вас расстрелял у Феодосии бутылки с молоком? — недоверчиво спросил отец.

— Честное пионерское... — Митька даже привстал. — Ну что ты, папа! Из лука бутылку и не расшибешь, она скользкая, рикошетит. Да кто же такую глупость сделает? Ведь по стрелам сразу догадаются.

— Про стрелы здесь ничего не сказано, — слегка растерянно произнес отец.

— Ну вот видишь!

...А через полчаса Митька вышел во двор и крикнул:

— Вовка! А ну иди сюда!

Мысли работали безошибочно. Три дня назад чинили Цыпин велосипед: задняя камера из оранжевой резины была вся в дырах. Цыпа сказал: «Утиль» — и пошел за другой. Старую камеру Вовка Шадрин намотал на себя. Он изображал «борьбу с удавом», как в цирке. Потом вместе с «удавом» исчез. Оранжевая резина — самая лучшая для рогатки. Вовка — один во всей компании, кто за пятнадцать шагов навскидку расшибает из рогатки аптечный пузырек...

На втором этаже открылось окно, и курчавая Вовкина голова свесилась во двор.

— Чего?

— Иди, иди. Узнаешь чего.

Вовка не отпирался. Он и сам не прочь был рассказать о своем подвиге. А молчал до сих пор потому, что интуиция подсказывала ему: «Осторожность прежде всего. Похвастаться успеешь».

А подвиг был вот какой.

Ранним утром Вовка проник в сквер, который одной стороной примыкал к стадиону, а другой — к рынку. Все, кто жил на улице Герцена, ходили на рынок через этот сквер.

В сквере густо разрослась желтая акация. Она уже отцвела, и гроздьями висели молодые стручки. Попробовать бы: годятся ли на свистки? Но нельзя. Надо было скрываться и ждать.

А скрыться лучше всего было под нижними ветками кустов. Плохо только, что нижние — самые колючие. Ползти надо лицом вверх, на спине, тогда колючки все видны, их можно отодвинуть заранее. Но смотреть надо осторожно, вприщур: на лицо, на ресницы валится всякая тля и божьи коровки...

Вовка вполз под основание куста и перевернулся на живот. Стало хуже. Майки на спине уже не было, дыра на дыре. И туда стали садиться разбуженные утренние комары. Но Вовка лежал. Вытянул из кармана рогатку, почесал ею спину. Комары не улетали, однако стало легче...

И тут он увидел Феодосию...

Феодосии было тяжело. Она тащила четыре четверти молока — четыре трехлитровых бутылки. Две в мешке через плечо и две в руках. А под боком, прижав локтем, она несла завернутую в полотенце телячью лопатку (Жада заколол купленного вместе с коровой теленка).

Телятину надо было продать до жары: она уже нехорошо пахивала. Это Феодосия чувствовала

и заранее полезла за пазуху, нащупывая рубль, который она даст фельдшеру санветнадзора при входе на рынок.

Но чтобы найти рубль, ей пришлось опустить одну четверть на землю.

Вовка, разумеется, не знал, почему Феодосия вдруг затопталась на песчаной дорожке. Он просто обрадовался, увидев стоявшую бутыль. Неподвижная мишень — это удача.

И выстрелил по четверти маленькой граненой гайкой.

Трехлитровая посуда расселась без звона и выпустила содержимое в песок.

Феодосия тихонько ойкнула. Осторожно поставила другую бутыль и для чего-то принялась изучать горлышко разбитой посуды.

Вовка ударил по второй четверти. Звон был, но не сильный. Феодосия села. В молоко. Потом, тихонько подвывая, принялась снимать с плеч мешок с двумя уцелевшими бутылками. Мимо шли люди, снисходительно сочувствовали, а кто-то обозвал Феодосию раззявой.

Вовка выжидал. Феодосия вдруг встала на четвереньки и завопила в полный голос:

— Люди добрые, грабют!..

За собственным воплем она не слышала, как лопнули в мешке последние две четверти. Вовка расстрелял их молниеносно.

Еще через полминуты Вовка проскочил в щель забора, отделяющего сквер от стадиона, и сразу стал подавать советы каким-то футболистам.

Митька выслушал эту историю с интересом, но без одобрения. Потом выслушали остальные. Валька грустным голосом сказала:

— Дурак... Надрать бы уши, тогда бы узнал.

Всего ожидал Вовка: могли восхищаться им как героем, могли устроить нахлобучку за то, что действовал без разрешения. Но такого пренебрежительного осуждения он не ждал.

— А ты... А ты... — поднялся он на Валентину.

Но Митька дернул его за штаны:

— Сиди не дрыгайся.

Они были в штабе. Внизу уже прочно обосновалась Жадина корова, но сеновал еще пустовал, и мальчишек пока не трогали. Но все знали: не долго им тут жить.

Может быть, эта неуверенность, может быть, усталость (набегались днем), а может быть, какое-то предчувствие делали ребят грустными и серьезными. Потому и не дождался Вовка ни скандала, ни крепкого нагоняя от ребят. Не та была обстановка. Они сидели в полумраке «шатра» и даже лиц почти не видели, только касались друг друга голыми локтями.

— Вот выгоним из звена, будешь знать, — сказал Виталька. — Ты у нас и так незаконно. Да еще неприятности из-за тебя.

Вовка вздохнул. Он знал, что не выгонят. Да и говорил Виталька не сердито, а так, будто между прочим. Но все же Вовка огрызнулся:

— А сами... Тоже рисовали его по-всякому на заборах и стреляли...

— Дурак ты, Вова, — сказал Митька. — На голове густо, а внутри... Одно дело рисовать... Когда рисовали, мы этим показывали, какой он буржуй и кулак. Рисовать и в заборы стрелять никто не запретит. А сейчас вышло, что мы сами бандиты. А он, выходит, прав. Заявления пишет. Думаешь, не обидно?

— А почему в НКВД? — подал голос Цыпа. — Ну, царапал бы свои каракули для милиции. А то получается, будто мы шпионы или вредители. Враги народа.

— А Жада думает, что он как раз и есть народ, — сказала Валентина. — А мы его враги. Так и получается.

— Он — народ?! — подскочил Цыпа. — Помру со смеха! Народ — это кто на заводах работает и в колхозах трудится. И с фашистами дерется. В Испании.

Все деликатно помолчали, потому что знали недавнюю историю, как Цыпа собирался в Испанию.

— Ха! Вот бы Жаду послать драться с фашистами! — заговорил Вовка, стараясь загладить вину. — Вот драпанул бы! А?

— Скорей всего, к ним бы сбежал, к фашистам, — сказал Цыпа.

— Не... — заспорил Вовка. — Не сбежал бы. Они бы его с нашими заставили воевать, а он ведь трус. Только собак вешать может.

И опять замолчали в сумраке. Сидели, привалившись друг к другу, и тихо дышали, как один человек. Только Павлика не было. Потом слышались шаги, и Виталька угадал:

— Павлик.

Белая рубашка Павлика замаячила в двери.

— Где был? — спросил Виталька.

— С папой приемник доделывали.

— Работает?

— Работает...

— Хорошо слышать?

— Хорошо... — тихо сказал Павлик. — Только... лучше бы уж плохо было слышно. А то включили, и сразу — бах! — новость: фашисты взяли Бильбао...

— Во гады! — сказал Цыпа.

— А еще... генерала Лукача убили.

— Врешь, — по привычке сказала Валентина, но больше никто ничего не сказал, потому что понимали: Павлик не врет.

Митька подвинулся на скамейке и тихо позвал Павлика:

— Садись.

Внизу, за забором, на Жадиной веранде весело заорал патефон:

Все хорошо, прекрасная маркиза!

Вовка Шадрин пошевелился и медленно сказал:

— Хлопну я из рогатки этот ящик с маркизой. С крыши его хорошо видать!

— Я тебе хлопну! — пригрозил Митька. — Молочный снайпер... Люди с фашистами воюют, а ему только бутылки да пластинки бить.

— Воюют... — сказал Вовка тихо и обиженно. — Я же не могу там воевать. Если бы пустили да винтовку дали...

Никто не засмеялся. Потому что каждый знал: если бы пустили и дали винтовку... Ну а что, в самом деле, разве не вышли бы из них снайперы?

— Пустят тебя... — заметил Серега. — Они своих-то пацанов отсылают подальше от беды.

И сразу вспомнился им вокзал, люди, цветы, плакаты, деловитое буханье барабана, и голоса труб, и шестеро темноволосых мальчишек, растерянно вышедших из тамбура на дощатый перрон. Обыкновенные пацаны, худенькие, тонконогие, некоторых можно одной рукой на лопатки уложить. Только загар потемнее, чем у здешних, вот и все. Даже не верилось, что эти ребята строили баррикады, а может быть, и стреляли

по врагам. Потом автобус увез испанских мальчишек в дом отдыха Рыбкоопа, а наши ребята пошли бродить по улицам.

Надо было готовиться к экзамену по арифметике, но они ходили по разохшимся деревянным тротуарам, растревоженные и недовольные тем, как устроен мир. Там, на вокзале, их на секунду задела грозная жизнь Испании, а сейчас в заросших лебедой газонах мирно стрекотали кузнечики и тишина висела над городом. Зной раннего лета жарил мальчишкам плечи.

Они ходили, позабыв, что надо учить правила действий с дробями, спорили о боях под Мадридом, и только смуглый сердитый Цыпа был молчалив и спокоен...

— Не дадут нам винтовки, — сказал в темноте Павлик. — Чего ж говорить...

— А что делать? — спросил Вовка.

Это был серьезный вопрос.

Это был очень серьезный вопрос, потому что в самом деле нельзя же сидеть просто так, когда «юнкерсы» бомбят Университетский городок Мадрида, когда итальянские фашисты взяли Бильбао — столицу басков, когда убили Лукача... Но что делать?

— Учиться стрелять, — твердо сказал Митка. — Это нам еще пригодится. Не в заборы пулять, а как следует. Чтоб отряд у нас был настоящий, а не то, что сейчас. Чтобы, когда надо, мы сразу...

— Хорошо тебе, ты в кружке, — откликнулся Цыпа. — А мы что? Из луков да из луков.

— Я Скобелева упрошу. Пусть всех запишет. Я за ним по пятам буду ходить, когда из отпуска вернется.

— Мы тоже будем, — сказала Валентина.

— А луки тоже нельзя бросать, — продолжал Митька. — Думаете, я на значок сдал бы, если бы из лука не стрелял? Он глазомер развивает и руки.

— Название какое-то у нас неподходящее, — сказал Серега. — Непонятно как-то: «Белые перья». Какие перья, откуда, для чего?

— Лучше «красные», — предложил Вовка. — Мы же красный отряд.

— Лучше... Но все равно непонятно.

— Лучше полностью: «Красные перья стрел», — сказал Митька.

— Пускай будут «Алые перья стрел», — заговорила Валька. — Красиво.

— Тебе бы только чтоб красиво было, — заворчал Цыпа.

А Павлик медленно сказал:

— Ну что ты, Цыпа! Разве плохо, если красиво? Послушайте, ребята: а-лы-е перь-я стр-рел-л...

Серега напомнил:

— Значит, и в самом деле на стрелы красные перья надо. Где брать?

— У отца, думаешь, мало красных чернил? — сказал Митька.

Яркий огонек свечки вздрагивал и качался от дыхания ребят. Валька Голдина писала красными чернилами на тонкой бумажной полосе:

— «Мы, пионеры второго звена... Митя Вершинин...»

— Дмитрий, — сурово сказал Митька. Он макал в пузырек с чернилами бумажный жгутик и мазал хвостовые перья на стрелах.

— «Дмитрий Вершинин, Игорь Цыпин, Виталий Логинов, Валентина Голдина, Владимир Шадрин...»

— Владимир пишется через «и». Учти, — сунулся Вовка.

— Знаю... «Владимир Шадрин, Павел Шагренев, Сергей Иванов... вступаем в отряд «Алые перья стрел». В скобках «АПС». «И обещаем друг другу и всем на свете, что... всегда будем бороться с фашистами и всякими врагами...»

Она оглянулась на Митьку.

— Всегда будем учиться, чтоб бить без промаха.

— «...Без промаха».

— И мстить за всех, кого они убили и замучили, — сказал Цыпин.

— А если они полезут на нас... — вмешался Павлик.

— «А если они...»

Июньские вечера очень светлые. Небо серебристое, и звезды едва проступают на нем. А крыши и заборы — почти черные. И уж совсем черными кажутся на небе листья и ветви тополей.

Громадный сук большого тополя протянулся над серединой двора, как рука великана. Высоко — выше всех проводов и крыш, выше труб кирпичной пекарни, которая стоит позади двора.

С шелестом ушла с земли и вонзилась в сук тяжелая стрела. Утром все увидят ее — высоко над головами. Увидят, что у нее алые перья. Но никто никогда не сможет достать ее. Только ветер.

Потом шквалистые ветры истребляют перья, обламают древко. Но крепкий наконечник навсегда останется в дереве. Наконечник, в который вложена туго свернутая бумажная полоска, где имена стрелков и обещание.

Этот наконечник, сделанный из пустой пули, будет там всегда, пока живет тополь. А такие могучие деревья живут долго. В детстве кажется, что они стоят вечно.

Мысль продырявить баронессу на афише пришла Витальке. Раз уж в городе нет настоящих фашистов, то надо всадить стрелу хотя бы в нарисованного. Пусть все прохожие видят большую стрелу с алыми перьями — символ меткости и беспощадности к врагам.

— А кроме того, — добавил Виталька, — это будет месть Адели Францевне за то, что она плохо отзывалась о Карле Бруннере (вернее, не о Карле, а о том пацане, который играл эту роль, но это ведь все равно).

— И за то, что чуть не оставила тебя на осень, — въедливо заметила Валентина.

— Чушь какая! — обиделся Виталька. — Я могу и не стрелять. У тебя, Голдина, между прочим, не язык, а швабра. Если так, то пусть Митька стреляет в баронессу.

— Конечно. Сам-то промазать боишься, — поддела Валька, которая обиделась за свой язык.

— Если издалека, хоть кто может промахнуться, — спокойно сказал Виталька. Он не хотел ссориться. — Надо ведь шагов с тридцати, не меньше. Верно, Мить?

Читателям, не стрелявшим из лука, наверно, непонятен этот разговор. А дело в том, что афиша висит довольно высоко, и если выпустить стрелу с двух-трех шагов, она воткнется некрасиво — хвост с перьями будет наклонен вниз. Сразу все увидят, что стреляли в упор. Чтобы стрела воткнулась как надо — перьями

слегка вверх, она должна описать в воздухе дугу. Значит, пускать ее надо с приличного расстояния.

— С тридцати я не промажу, — сказал Митька. Он и не думал хвастаться, просто был уверен.

— А вдруг? — сказал Виталька и хитровато глянул из-под белого чуба.

Митька пожал плечами:

— Да не промажу я.

— А если?

— Ну спорим!

Вот так и оказался Митька в тот день у афишной тумбы. Вот так и познакомился с Матвеем Жарниковым, сотрудником второго отделения милиции, неплохим парнем и понимающим человеком.

Конечно, всю историю Митька рассказывать не стал, но кое-что объяснил: что такое «АПС» и зачем нужно было устраивать стрельбу на перекрестке.

Он и Матвей шагали сначала по улице, а потом сели на скамейку в сквере, где случилась беда с Феодосией. Матвей только через два часа должен был идти на пост, а пока гулял. Митьке же вообще некуда было спешить.

Митька потрогал ногу:

— Как ты меня ухватил... Аж пальцы отпечатались. Все еще больно.

— А не надо было прыгать. От меня, брат Митька, не сбежишь.

— Я бы сбежал, да лук зацепился.

— А я бы догнал. Думаешь, я не умею через заборы скакать?

— Матвей... — осторожно сказал Митька и покосился на тугую кобуру. Из-под крышки вызывающе торчал металлический затылок револьвер-

ной рукоятки. — Матвей... А если б не догнал? Ты бы стал стрелять?

— Ты спятил! Зачем стрелять-то? Ты что — бандит? Я тебя и в отделение вести не хотел, а просто так, для порядка. Попугать.

— Матвей... Ну, попугать, это понятно. Я ведь не говорю, чтоб в меня стрелять, а если в воздух? Чтоб попугать, это как раз годится.

— Да что ты! Потом объяснение начальнику писать. Зачем стрелял да в кого. Ведь у нас каждый патрон на учете.

— Это я знаю. У нас тоже на учете. А иногда охота пострелять, ага?

— Конечно. У нас вообще-то бывают занятия, но не часто.

Митька мечтательно продолжал:

— А вот если бы патронов сколько хочешь? Хорошо было бы, ага? Стреляй хоть каждый день... В овраге один уголок есть хороший: заросли и обрыв. От домов далеко. Прямо настоящий тир... Хотя, конечно, случайные прохожие, если выстрелы услышат, могут придраться.

— Как они придерутся? Я же в форме. Раз милиция стреляет, значит, надо. А если бы кто из наших подвернулся, я бы сказал, что оружие пробовал.

Увы, даже милиционеры не прочь иногда прихвастнуть. А хитроумный Митька, словно в шахматах, сделал еще один ход. Он с рассеянным видом сказал:

— Да... понятно... Значит, все дело в патронах?

— Конечно.

— Матвей... Видишь ли... Если по правде говорить, два патрона у меня есть.

Даже спустя много лет Дмитрий Вершинин вспоминал об этом случае как о чуде. Матвей со-

гласился! Почему? Может быть, увидел умоляющие Митькины глаза и не устоял. А может быть, он сам оставался в душе мальчишкой... В общем, он встал и сказал:

— Ну ладно... Встретил я тебя, брат Митька, на свою голову.

Конечно, случилось это не сразу. Сначала Матвей довольно сурово спросил, откуда патроны, и Митьке пришлось рассказать про Цыпу. Про то, как Цыпа надумал уехать в Испанию, приготовил сухой паек, карту, оружие — кинжал из обломка пилы и самодельный пистолет (еще недоделанный). Цыпин отец обнаружил запасы и устроил сыну «разговор». После такого разговора Цыпа, который всегда очень неохотно давал кататься на своем велосипеде, отдал его ребятам на целую неделю. А сам лежал дома на животе и читал роман «Королева Марго». Этот роман ему уступил на несколько дней Виталька Логинов. За два боевых револьверных патрона. Поскольку путешествие сорвалось, боезапас Цыпе был не нужен, и держать его дома он опасался.

Откуда у Цыпы взялись патроны, Митька не знал. Он увидел их уже у Витальки. Именно на них Митька и поспорил, что попадет в баронессу, а в случае промаха обещал отдать Витальке свой лук.

— Раз попал, значит, они мои, — объяснил он Матвею. — Виталька сразу отдаст, у нас по честному. Я сейчас сбегаяю, это рядышком. Ладно, Матвей? Ну, Матвей.

Потом они шагали к оврагу, и Митьке все еще не верилось. Матвей вздыхал и ворчал, что патроны старые — наверно, еще с Гражданской войны остались — и добром все это не кончится. Митька осторожно уверял, что все будет прекрасно.

В конце Садовой улицы на краю оврага паслась костлявая коза. Она взглянула на Митьку и Матвея как Адель Францевна.

— Я тебе... — шепотом сказал Митька и погрозил козе кулаком с зажатыми патронами.

Закоулок, похожий на тир, Матвею не понравился.

— Близко от улицы. Какая-нибудь бабка придет за козой и напугается до смерти. Отвечай потом...

Наверно, Матвей все-таки побаивался начальства. Они пробирались все дальше, под укрытие зарослей и глинистых обрывов, пока Митька не взвыл, напоровшись на крапивную чащу. Матвей взял его в охапку и понес, стебли шелестели вокруг брезентовых сапог.

Они выбрали тупичок у глухого откоса за ручьем.

Матвей приспособил среди глиняных комьев ржавую консервную банку. У Митьки от волнения почти останавливалось сердце, когда он смотрел, как Матвей открывает кобуру и достает наган. Матвей вынул из барабана два желтых блестящих патрона и вставил Митькины — потемневшие, с пятнышками зелени.

Потом они отошли на десять шагов. И Матвей сказал:

— Держи.

Митька взял в ладонь шероховатую рукоятку. Это было оружие! Не малокалиберка и, уж конечно, не лук. Тяжелый боевой наган, с каким воевали Чапаев, Щорс и Котовский. Он прочно лежал в руке, только мушка слегка прыгала.

— Оттяни курок, — сказал Матвей, и Митька с удовольствием оттянул.

И опять стал целиться. Банка казалась крошечной, а мушка никак не могла остановиться.

Не то что у винтовки. Винтовочные мушки слушались Митьку беспрекословно, а эта...

Выстрел грянул неожиданно для Митьки: спуск был очень легкий. Наган прыгнул в руке. Уши словно пробками забило. Глиняный комок под банкой разлетелся в пыль, но сама банка не шелохнулась.

Митька растерянно взглянул на Матвея. Значит, все? Выстрел, промах — и больше ничего не будет? Но как же так? Почему промах? Ведь Митька привык всегда-всегда попадать в мишень! Сквозь плотный звон в ушах Митька услышал голос Матвея:

— Старый патрон. Наверно, поэтому пуля вниз ушла.

Митька закусил губу. Надо было достойно перенести поражение. Он протянул наган Матвею:

— Твоя очередь. Стреляй.

И стал смотреть на банку. Сейчас она вовсе не казалась маленькой. Целая кастрюля. Как он мог промахнуться? С десяти шагов...

Матвей легонько хлопнул его по матросскому воротнику:

— Ладно уж, Митька. Пали еще раз. У меня все равно через неделю стрéльбы.

Второй раз Митька попал. Банка подскочила, завертелась волчком. И Митька тоже чуть не завертелся и не завопил «ура!». Но он сдержался и молча протянул револьвер Матвею...

В свой двор Митька вернулся только вечером. Потому что сначала они пошли к Матвею домой и чистили револьвер. После этого Митька проводил Матвея на пост — в сад «Спартак». В саду было малоллюдно и спокойно. Они долго бродили

по аллеям и говорили о важных вещах: об оружии, о боях на Северном фронте в Испании, об учителях, которых знали, о Марке Твене и фильме «Дети капитана Гранта».

А потом пришел Митька опять в овраг. Шипя и охая от крапивных ожогов, он пробрался сквозь заросли на прежнее место. Поднял банку. В ней, с краю, чернела пробоина.

Митька поставил банку среди глиняных комков.

Отошел на десять шагов.

Поднял согнутую в локте руку, будто с наганом. Прищурил левый глаз и отчетливо сказал:

— Т-тах!

Он переживал все заново: надежную тяжесть боевого оружия, грохот и толчок выстрела и пронзительную радость меткого попадания.

— Т-тах!.. Т-тах!..

Выбравшись на улицу, Митька зашагал домой, и радость не оставляла его. Он шел вприпрыжку, подбрасывал на ладони две пустые, звонкие, порохом пахнувшие гильзы и думал, как еще от калитки крикнет:

«Ребята! Знаете что?..»

Он и крикнул.

Но веселье Митькино разбилось о хмурые взгляды ребят.

Вся компания сидела на крыльце двухэтажного дома и сердито молчала. Только Вовка Шадрин коротко объяснил:

— Жада сено привез.

И тогда Митька увидел «шатер». Он стоял под наружной чердачной лестницей — большой кособокий ящик из ободранной фанеры. Голый какой-

то, маленький и совсем не похожий на штаб грозного стрелкового отряда. Дверца косо висела на одной петле.

Митька легонько хлопнул по стенке «шатра», и ящик тихо загудел. Словно жаловался.

— Жада выкинул? — спросил Митька.

— Не мы, конечно, — сказал Павлик.

— Хотел сперва к себе утащить, — объяснил Вовка Шадрин. — Чтобы курятник сделать. Мы как вцепились...

— Молчи уж. «Вцепились»! — хмыкнула Валентина. — Хорошо, что Серегин отец мимо шел. Он Жаде сказал... Тот чуть не упал.

— Мы бы все равно не отдали, — угрюмо сказал Цыпа.

— Ну и зря. Зря, что не отдали, — пожалел Митька.

— Рехнулся? — спросил Сергей.

— Ни капельки. Просто ему еще хуже было бы. Сам бы обратно тащил, на своем горбу. Под конвоем. Потому что я бы милиционера попросил помочь, у меня знакомый есть. Сегодня познакомились на улице. Знаете какой человек! Два раза дал из нагана стрельнуть.

Все молчали, потому что стало неловко: такое вранье даже в детском саду считалось неумелым.

Митька небрежно сказал:

— Не верите? Глядите. Узнаете?

Он протянул Витальке и Цыпе две гильзы. Виталька и Цыпа одинаково приоткрыли рты. Гильзы были те самые: одна с косой царапиной, другая с круглым зеленым пятнышком. От гильз пахло порохом, а в капсюлях виднелись ямки.

— Чё такое? Чё такое? — забеспокоился Вовка Шадрин и сунул курчавую голову между Виталькой и Цыпой.

Митька усмехнулся, захлопнул ладонь и полез по чердачной лестнице, чтобы устроиться там на высоте, на удобной широкой ступеньке.

Отряд молча двинулся за ним.

— А ну, рассказывай, — велел Виталька.

И Митька стал рассказывать. Про тумбу, про овраг, про выстрелы. Про то, что Матвей обещал зайти в гости, и, может быть, он даже покажет ребятам наган...

Пока он говорил, пришли сумерки. Василиса Тимофеевна, косясь на мальчишек, загнала в сарай кур и драного Петю. Мать крикнула из окна Павлика Шагренева, и он крикнул в ответ:

— Не пойду!

И никто не пошел бы. Им хорошо было вместе. Им просто позарез надо было сейчас быть вместе.

От земли теплыми слоями поднимался нагретый за день воздух. Длинное пунцовое облако, похожее на громадное перо, горело над забором. Вдалеке дробно, как пулеметы, стучали на рельсовых стыках составы.

— Алеха, мой брат двоюродный, сегодня на планере летал, — сказал Серега. — Вот бы полетать, ага?

Все промолчали, потому что и так было ясно, что «вот бы полетать».

В сарае тихо замычала Жадина корова.

— Мается, бедная, — сказала Валька. — Зарезал Жада ее теленочка.

— Он за деньги хоть кого зарежет, — сказал Вовка и плюнул. — Сквалыга! Даже ящик хотел забрать, не мог удержаться от жадности.

— Откуда такие люди берутся? — удивленно спросил Павлик. — Правда, ребята, даже непонятно.

— Потому что буржуйская натура, — отрезал Цыпа.

И словно в ответ на Жадиной веранде обрадованно взревел патефон:

Я — кукарача!

Я — кукарача!

Вовка обеспокоенно завозился. Он сидел выше всех, а сейчас еще поднялся на ноги. И смотрел через забор во двор Василия Терентьевича.

— Не дали тогда мне расстрелять эту бандуру, — с упреком произнес он.

— Сядь, — велел Митька. — Ты мне ногой по затылку стукнул.

Павлик Шагренев задумчиво сказал:

— Если бы достать такой репродуктор, как на стадионе. Мы бы с папой все остальное сделали, чтобы пластинки играть. Жада завел бы свою «кукарачу», а мы бы свою хорошую песню. Жадин патефон и не услышал бы никто.

— Он охрип бы и лопнул от натуги вместе с хозяином, — заметил Митька.

— Зачем репродуктор? — сказала Валька. — Вон у Вовки голос громче всякого радио. Ты, Вовка, запел бы что-нибудь. Это лучше всякой пули. Никакой патефон тебя не переорет.

— А что! Я могу! — неожиданно сказал Вовка и крикнул: — «А ну-ка, песню нам пропой, веселый ветер!»

Голос был в самом деле отчаянно громкий. Ясный и отчетливый. Даже в ушах зазвенело. Но кроме голоса, был у Вовки еще хороший слух. И может быть, сам того не желая, Вовка с протестующего крика перешел на мелодию:

...Веселый ветер,

Веселый ветер!

Моря и горы ты обшарил все на свете...

Сейчас эта песня старая и привычная. А тогда была она совсем новой. Она прилетела к ребятам с экранов, из нового фильма, где их ровесник Роберт Грант неустрашимо рвался на помощь отцу-капитану. Были в песне синие ветры, зов морей и яростная уверенность, что «кто ищет, тот всегда найдет».

Не прерывая песни, Вовка вскочил и начал подниматься по лестнице. Так же, как поднимался по вантам к верхушке мачты Роберт Грант. И ребята ринулись за ним.

Они любили хорошие песни, только раньше как-то стеснялись петь вместе. Но сейчас в песне была их борьба, их протест и гордость. И они подхватили слова о веселом ветре, разнесли их с высоты на весь квартал — звонкие слова о смелости и мальчишеской правоте.

Жестяная глотка патефона закрипела и умолкла. Жадин голос на веранде нерешительно сказал:

— Хулиганство...

Это случилось в промежутке между куплетами, и ребята слышали. Они засмеялись. Безбоязненно и торжествующе, потому что слишком явным было Жадино бессилие. А потом они закончили песню, и Вовка тут же завел новую:

Все выше, и выше, и выше
Стремим мы полет наших птиц!

И они подхватили опять, удивляясь, как здорово, как слаженно звучит их неожиданный хор.

Митькин отец вышел на крыльцо и слушал, подняв голову. Рядом с ним возник Лешка.

— Идите к нам, Петр Михайлович, песни петь! — крикнула Валька.

— Голос теперь не тот, Валя, — сказал он. — А то бы я спел, честное слово. Вот Алеша пусть идет.

Лешка, деловито сопя, стал карабкаться к ребятам.

Патефон порывался выплюнуть лихой фокстрот, но умолк, не доиграв.

А ребята пели:

Кра-сно-флотцы!
Недаром песня льется!
Недаром в ней поется,
Как мы на море сильны!

А потом пришло время для песни, которая была главной. Главной — в ту пору.

Ее пели по-русски и по-итальянски. По-испански и по-немецки. У нее было много переводов, а кто не знал слов, находил их тут же.

И быть может перевирая незнакомые слова, но зато со звонкой силой выводил Вовка в высоту:

Аванти, пололо, а ля рискосса!
Бандьера росса,
Бандьера росса!

И с той же силой повторяли Валька и мальчишки:

Вперед, товарищи! Гори над нами,
Победы знамя,
Свободы знамя!

Потом Митька вспомнил немецкий припев:

Ди ротэ фанэ,
Ди ротэ фанэ...

И совсем притихла улица, слушая боевую песню Испании:

Ты, знамя алое,
Красней зари,
Ты, знамя красное,
Гори, гори...

Они стояли и пели у самой крыши, среди тополиной листвы, под бледными июньскими звездами, веселые, абсолютно бесстрашные, готовые лететь навстречу всем пулям и штыкам, навстречу всем врагам. Вместе с песней, яростной, как горячий ветер.

Они не знали, что будут впереди годы не очень спокойные, тревожные, но не опаленные пока самой большой грозой.

Еще восторженно маршировал по гамбургским мостовым Пауль фон Шифенберг, будущий командир дивизии СС, не ведая, что зимой сорок четвертого года пуля снайпера Вершинина просверлит ему переносицу. Еще не была сделана противотанковая граната, которую в белорусском лесу швырнет себе под ноги окруженный немцами партизанский разведчик Шадрин. Еще не построен был бомбардировщик, на котором погибнет стрелок-радист Шагренев. Никто не знал, что будет такой орден — Отечественной войны, с которым вернется домой танкист Цыпин, а морской пехотинец Логинов не вернется, орденом его наградят посмертно. И наверно, росла еще где-нибудь в Сибири та береза, из которой сделают приклад для снайперской винтовки Сергея Иванова. Их, эти приклады, будут делать на комбинате, куда пойдет работать Валька...

А сейчас они пели.

И в тысячах других дворов тоже пели, гоняли мяч, клеили воздушных змеев и стреляли из луков тысячи мальчишек, которых, видимо, не принимал в расчет и о которых разбил свою

стальную мощь фюрер Третьей империи рейхс-канцлер Адольф Гитлер.

Они пели. Вечер был теплый, и песня славная, и друзья надежные.

Давайте простимся с ними сейчас, в этот хороший вечер. Впереди у них целых четыре лета — солнечных и почти мирных.

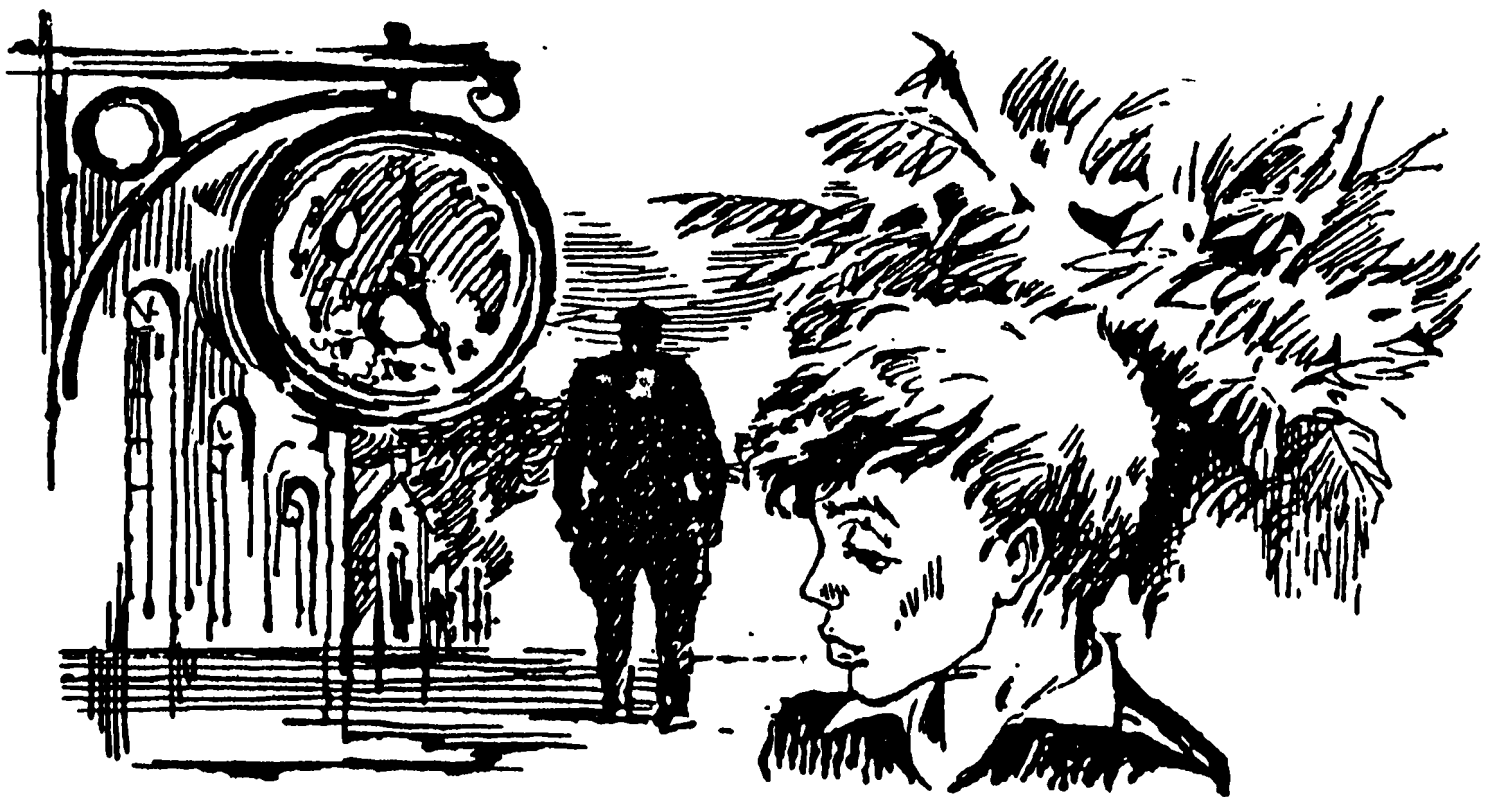
1971 г.

8

Каникулы Вершинина-младшего

Повесть

1

В закопченные стекла огромных вокзальных окон пробился утренний свет. Пассажиры на скамейках и на полу лениво заворочались. В ухо Лешке гулко кашлянул лежавший рядом борода-тый дядька. Лешка повернул голову в другую сторону, но прямо в нос ему чихнула замурзан-ная девчонка. И даже не открыла глаз.

Лешка обтерся рукавом, сел, раскрыл рот, что-бы зевнуть. Но от желудка к горлу потянулась противная ноющая боль. Наверное, от голода. Последний раз Лешка ел ровно сутки назад, на московском вокзале. Да и как ел... Пайку хлеба, которую получил по рейсовой карточке, он сже-вал в очереди у кассы: отщипывал и вытаскивал мякиш прямо из кармана. И уж потом, когда за-компостировал билет, запил Лешка свой завтрак теплой желтой водой из туалетного крана.

Сейчас хлеба не было. И вообще не было еды, если не считать полкилограмма твердокаменной фасоли, полученной по талону «мука — крупа». На черта ему эта фасоль? Ее в дороге нигде не

сваришь. А обменивать один продукт на другой Лешка еще не научился.

Лешка стал выбираться из мешанины тел. Он вышел в скверик и оглянулся на здание вокзала. Над входом чернели крупные буквы «БОЛОГОЕ». Ниже висели большие часы. Было десять минут шестого. А поезд на Гродно — в пять вечера. А хлебный ларек, где можно будет отovarить последний талон рейсовой карточки, откроется только в девять. Зато Лешка очень ясно представил себе минуту, когда он возьмет с весов солидный брусок серого хлеба с коричневой корочкой, пойдет в скверик, сядет на симпатичную зеленую травку, откроет свой чемоданчик, достанет соль...

То, что он слопаёт суточный паек за пять минут, Лешка знал заранее. Как он проживет следующие сутки, пока поезд будет тащиться до Гродно, об этом он не задумывался. Все сомнения заслоняло восхитительное видение — полкило хлеба на весах в продуктовой ларьке.

От этого ларька брели в сторону Лешки два ремесленника.

Он услышал обрывок унылого разговора.

— Да еще пока подвезут хлеб, да примут, да начнут давать...

— Во-о! Пуп к спине присохнет. Дымнуть, что ли? Говорят, отвлекает.

— Давай. Папиросы?

— Откуда! Махры натрес из чинариков.

Парни сели на скамейку и закурили. А Лешке стало совсем тошно. Он бы тоже закурил, потому что немножко умел, но у него и махорки не было.

Вдруг он вспомнил. Папироса! Самая настоящая «беломорина», и совсем целая. Она лежала в зале ожидания, где он спал. Каким-то чудом она попала между секциями отопления и, наверное, уже давно лежит там никем не замеченная,

потому что стала серой от пыли. Лешка увидел ее вчера, когда устраивался на ночь, но тогда она была ему ни к чему.

В зале на полу уже никто не лежал, но и на скамейках свободных мест не было. Лешка сел на пол, привалившись спиной к батарее, и аккуратно выудил папиросу. Потом он хотел встать, но колени вдруг задрожали, и он снова хлопнулся задом об пол. «Это от голода, — вяло подумал Лешка. — Сейчас закурю, и сразу станет легче. Отвлекает...»

Спички нашлись в кармане куртки. После первой же затяжки потолок из квадратного стал овальным и, медленно вращаясь, стал опускаться. «Посплю», — решил Лешка.

Но поспать не дали. Кто-то вынул у него из руки папиросу, и Лешка услышал очень серьезный голос:

— Документы, гражданин!

Он открыл глаза и конечно же увидел железнодорожного милиционера в тускло-малиновой фуражке, с казацкой шашкой на боку. Лешка не удивился и нисколько не испугался, потому что за длинную дорогу у него уже проверяли документы не меньше пяти раз.

Он привычно сунул руку за борт своей вельветовой куртки, отстегнул на ощупь булавку и достал документы. Здесь был железнодорожный билет, украшенный двумя компостерами на пересадках, пропуск отделения НКВД на право въезда в пограничный город Гродно и официальный вызов от брата, на основании которого и был выдан пропуск с красной полосой. Еще здесь лежала рейсовая продуктовая карточка, свидетельство о рождении и справка, сообщающая о том, что «Вершинин Алексей, 1932 г. рожд., действительно окончил в 1944/45 уч. году 6-й класс средней

школы № 1 с оценкой знаний и поведения согласно прилагаемому табелю». И наконец, была в этой пачке документов десятирублевая бумажка. Самая последняя десятка из тех тридцати, что прислал брат на дорогу.

Эту десятку и хлебную карточку милиционер протянул обратно Лешке, а документы принялся тщательно изучать. «Старайся-старайся, — лениво подумал Лешка. — Не такие проверяли. В Свердловске, Казани, Москве ни к чему не придирались, а тут какое-то задрипанное Бологое».

Но вместо того чтобы вернуть документы, милиционер аккуратно положил их в карман кителя и сказал:

— Ваши бумаги получите, гражданин, после того, как уплатите штраф. В кассу номер три. Десять рублей. Квитанцию принесете мне в дежурную комнату. Все.

Милиционер ловко вышвырнул в разбитое окно Лешкин окурок и удалился по узкому проходу между скамейками с резными вензелями на спинках: «НКПС».

Ошеломленный Лешка остался сидеть на полу.

— Вот так, мил-человек. Не дыми, значит, в помещении, не нарушай атмосферу, — назидательно произнес рядом стариковский голос, и Лешка узнал дядьку, оглушившего его на рассвете своим кашлем. — Это он уже шестого или седьмого оштрафовал нынче за курево. Не иначе ему план доведен. А скажи на милость, какой тут смысл за чистоту воздуха воевать, когда в вокзале тышша человек ночует и каждый выдыхает, что имеет. Папироса твоя — это ж чистый деколон, ежели сравнить ее со всем прочим.

Лешка молчал. Сейчас он понимал только одно: вместе с документами от него уплывало по проходу дальнейшее путешествие в Гродно и

неизвестно на когда отодвигалась встреча с братом.

Конечно, можно уплатить штраф и тем самым выручить документы. Но десятка-то последняя. На какие шиши он тогда хлеб по карточке выкупит? Пускай там и нужны копейки, но даром-то все равно не дадут. И потом — за десятку можно купить у теток на привокзальном базарчике две картофельные лепешки. Мягкие и рыхлые от подгоревшей корочки.

Где выход? Догнать милиционера и пустить слезу? Объяснить ему, как и что?

Но даже пустой Лешкин желудок возмутился оттого, что придется стоять и хныкать, кланяться и унижаться. И еще неизвестно, выпросит ли он назад документы. Не все же милиционеры, наверно, такие понятливые, какой однажды встретился его брату Дмитрию. Брат рассказывал, что году в тридцать шестом, когда ему было примерно столько, сколько сейчас Лешке, взял его однажды за шиворот милиционер. Обоснованно взял: нельзя расстреливать из лука городские афиши, если даже на них и нарисованы представители класса буржуазии. А Митька расстреливал. И попался. И шел уже под милицейским конвоем в отделение, но... они как-то разговорились, подружились, и дело кончилось совсем уже фантастично: милиционер дал Митьке два раза выстрелить в загородном овраге из своего нагана.

Этот легендарный эпизод был одной из самых ярких страниц в семейной хронике братьев Вершининых. Среди мальчишек их двора он передавался из поколения в поколение. Естественно, что Лешка приучился смотреть на милицию без опаски. Конечно, как всякий мальчишка, он понимал, что незачем под носом у постового мили-

ционера махать рогаткой, а лучше пронести ее за пазухой. И обязательно выяснять отношения с недругами из соседнего двора посреди тротуара, поскольку для этого существует пустырь за стадионом. Но недоверия и вражды к людям в милицмейских фуражках Лешка до сих пор не испытывал. Может быть, и этот... разговорится и подружится с ним, а потом безвозмездно вернет ему документы?

Не выйдет. Брат Митя подружился с милиционером благодаря счастливому случаю. Выяснилось, что молоденький блюститель порядка учился с шестого по седьмой класс как раз у Петра Михайловича Вершинина и очень уважал своего преподавателя русского языка.

А тут какие могут быть общие знакомые, за две тысячи километров от дома?

Разве что... рассказать милиционеру о брате Дмитрие, к которому он едет. Что это знаменитый снайпер 2-го Белорусского фронта, что у него три ордена и восемь медалей, а сейчас он — комсомольский работник. У милиционера на кителе тоже позванивали медали. Фронтовик проникается симпатией к другому фронтовику и...

От отвращения к самому себе за такую шкурную расчетливость Лешка плюнул на пол. «Орденами брата вздумал спекульнуть. Хвастун дражный! Узнал бы Митя!»

Штраф Лешка в кассу уплатил и, зажав в кулаке квитанцию, пошел искать милиционера.

Тот стоял у выхода и наблюдал за ремесленниками, которые полчаса назад подкинули Лешке бредовую идею, будто курево утоляет голод. Парнишки занимались делом явно сомнительным с точки зрения законности и порядка. Они развели посреди скверика небольшой костер и жарили на прутиках ломтики картошки. В невидном на сол-

нце пламени тихо и уютно потрескивали обломки крашеного штакетника.

«Сейчас он им выдаст!» — подумал Лешка. Подумал безо всякого злорадства, а скорее с сожалением, что у мальчишек пропадет такая замечательная еда.

Однако милиционер стоял и спокойно смотрел на костер. Это был пожилой и, наверное, не очень здоровый человек с серым отечным лицом, изъеденным оспинками. Ремесленники совсем расхрабрились и насадили на ивовый прут еще одну партию желтых картофельных кружочков. И только тогда милиционер шагнул с вокзального крыльца к ним.

— Проголодались, фабзайцы? А хлеб у вас к картошке есть? — услышал Лешка грубоватый голос милиционера.

Ремесленники отрицательно закрутили головами.

— Никак нет, товарищ сержант. Был бы хлеб — бульбой не занимались бы.

— Понятно... Угостил бы вас, пацаны, да сам еще не отоварился. Вы вот что: жарьте-ка побыстрее, а потом огонек все-таки притушите. Не положено.

Видимо, Лешка слишком громко у него за спиной проглотил слюну. Сержант обернулся.

— Вот! — сказал Лешка, протягивая квитанцию.

— Так. Уплатил, значит. Ну и порядок. Документы я в стол спрятал. Пройдем в дежурку.

В унылой дежурной комнате сержант с трудом втиснулся за маленький канцелярский стол. Достал Лешкины бумаги и поднял глаза на их владельца.

У стола, нахохлившись, стоял щуплый двенадцатилетний мальчишка стандартного городского типа. Аккуратная короткая стрижка под полу-

бокс. Очень приличная вельветовая курточка с поясом. Темно-синие суконные брюки. По бокам они изрядно помялись, но спереди заутюженная складка отчетливо видна. На ногах почти новые желтые полуботинки. Правда, несколько не вяжется с добротной одеждой чумакая физиономия, но дорога есть дорога.

— Что же ты так, а? — вздохнул за столом сержант. — Из хорошей, видать, семьи, а куришь в такие годы. Да еще в неположенном месте. А?

Лешка ничего не ответил, но подумал, что это несправедливо: в дополнение к штрафу читать нотацию.

— Не хочешь разговаривать? Как знаешь. Только непонятно мне все-таки твое поведение. Ну, те фабзайцы махру тянут, так они и постарше и самостоятельные. Может, даже слишком. Мне вот интересно, где они сырую картошку организовали. Ну да голод не тетка, он научит...

Милиционер задумался, словно и забыл о Лешке. А ему стало нестерпимо досадно. Что же такое получается? Тем парням ни за костер, ни за картошку не попало, а он, Лешка, из-задохлой папироски последнего хлеба лишился. Есть справедливость на свете? В самый бы раз зареветь сейчас от жалости к себе. И от обиды. Но тут Лешка представил, как Дмитрий начнет расспрашивать его о дороге, надо будет признаваться, что пускал слезу перед рябым милиционером на последней пересадке перед Гродно. Он словно наяву увидел, как у Мити в улыбке изгибаются книзу губы и сочувственно морщится нос. Такой жалости старшего брата Лешка боялся пуще всего.

— Пусть ваши любимчики фабзайцы подавятся своей краденой картошкой, — сипло сказал он сержанту. — Они с голоду не помрут. А у меня можете и карточку забрать. Все равно ей

пропадать без денег. Только... только все это неправильно!

Лешка рванул из кармана коричневый обрезок рейсовой карточки и швырнул на стол. Схватив документы, он выскочил за дверь. На полу дежурки остался лежать желтый обшарпанный чемоданчик...

Что было потом в дежурке, Лешка не видел. А было вот что.

— Сейчас вернется, — пробормотал сержант. — Ох и дам я сопляку за грубость. С чего он так на меня остервенился?

Но вместо досады на мальчишку ощутил непонятное беспокойство. Он поднял с пола легонький чемоданчик и откинул язычки замков. Внутри лежали две пары маек и трусов, тапки в газете, белая рубашка, а на ней отглаженный пионерский галстук. Пара книжек: «Человек-амфибия» и «Древние города нашей Родины». В углу скомканная промасленная бумага и в ней крошки. Наверное, от домашнего пирога. Все!

Он еще раз перетряхнул чемодан — кроме крошек, ничего съестного не было. Сержант осторожно опустился на стул, чувствуя, как заныло, потом гулко застучало в левом боку. Взгляд упал на хлебную карточку. На ней сиротливо торчал один-единственный невыстриженный талон...

Через некоторое время Лешка сидел на квартире сержанта железнодорожной милиции и хлебал борщ. Хозяин орудовал ложкой за столом напротив.

— Понимаешь, парень, меня жакетка твоя подвела. Вижу, сидит в уголке нарядный хлопчик и балуется папироской. Сам я, между прочим, за всю жизнь некурящий. Ну, думаю, спрятался маменькин сынок от своих культурных родителей и покуривает тайком. Думаю дальше: штрафану, а потом с папой-мамой объяснюсь. Не пришло мне в

голову, что ты в одиночестве путешествуешь. Между прочим, как это понимать? Может, расскажешь?

Лешке не очень хотелось рассказывать. Он еще не до конца остыл после происшедшего. Но вопрос «Может, расскажешь?» прозвучал в критический момент, когда перед Лешкой была поставлена вторая миска дивного варева.

Вежливость — долг королей и гостей. Лешка начал рассказывать.

Письмо Дмитрия мать прочитала Лешке вслух.

«Милая мама и возлюбленный мой братец Алексей! Похоже, что в Гродно я осел фундаментально. Как уже сообщал, после основательной штопки в госпитале меня уверили, что сумеют взять рейхстаг без помощи старшего лейтенанта Дмитрия Вершинина, и быстренько демобилизовали. А поскольку я кандидат партии, то столь же оперативно предложили и штатскую работу — в обкоме комсомола. Кадры в этом западном городке нарасхват. День Победы я встретил не верхом на Бранденбургских воротах, как мечтал всю войну, а в командировке, в окружении симпатичных сельских хлопчиков и девчат, которым растолковывал Устав ВЛКСМ. Публика понятливая, и в свою работу я влюбился. А больше ни в кого — смею тебя в этом, мамочка, уверить. Поэтому частенько испытываю потребность ощутить около себя кого-нибудь из близких.

Вот и пришла мне в голову идея вызвать к себе Алешку на его каникулярный срок. Ты, мам, подожди ойкать: все это вполне реально. Во-первых, братья три года не виделись и самая пора им встретиться. Во-вторых, подвертывает-

ся удачная оказия, и разлюбезный братик мой двинет сюда с полным комфортом и в абсолютной безопасности, потому что поедет с майором Харламовым, весьма близко знакомым мне по трехлетнему совместному проживанию в землянках, окопах и прочих комфортабельных местах. Он двигается в наши края за женой и карапузом и на обратном пути заберет Лешку. Уговор такой: в день выезда он сообщает тебе телеграммой номер вагона, и ты попросту воткнешь туда Лешку. И все. Остальное — на майорской совести, а она железно проверена. Так что в первых числах июня пусть братик (если, конечно, экзамены сдаст) будет подготовлен к старту «нах вест». А в августе я его собственноручно верну в твои объятия, потому что подойдет мой первый гражданский отпуск, и мы наконец-то увидимся. В общем, собирай братишку в дорогу — пусть поглядит на белый свет. Да и ты от него отдохнешь. А с голоду мы с ним не пропадем: зарплата у меня приличная и к тому же литерный паек. Квартирка хоть пока и частная, но ничего. Мой адрес — улица Подольская...»

Адреса Лешка уже не слышал. Он сделал стойку на руках, потом рандат, прошелся колесом и сбил пятками чайник со стола. Мать хлопнула его ниже спины и сказала:

— Сядь. То есть встань. То есть сядь... леший тебя разберет с твоей акробатикой. Ты что, уже успел всерьез вообразить, что в самом деле куда-то поедешь?

— Мам, а почему нет? — ошалело спросил Лешка.

— Потому что твой старший братец сумасшедший фантазер. За три тысячи верст...

— Две с половиной, — быстро уточнил Лешка.

— ...отправлять ребенка — это могло прийти в голову только... — И мама заплакала.

Потом Лешка дочитал письмо Дмитрия:

«*P. S.* Мам, я очень виноват перед тобой за папу, что не сумел пока побывать на его могиле. Но кто знал, что меня вышибут из седла на польской границе. Придет время, и я поеду в Венгрию. У меня две карточки стоят на столе — папина и твоя. Пойми это и поверь мне...»

Отца Лешка помнил и любил. Он только что кончил второй класс, когда тот в последний раз подошел к Лешкиной кушетке, откинул одеяло, дернул сына за голую ногу, и вдруг на эту ногу капнуло что-то теплое. Лешка вытаращился на отца, который был похож и не похож на себя в тугих командирских ремнях на колючей суконной гимнастерке, а потом глупо сказал:

— На войну, пап?

И уснул. Потому что до смерти намаялся в прошлый вечер с клейкой футбольной камеры.

Больше Лешка отца не видел. В январе пришло в семью Вершининых два скорбных известия: гвардии майор Вершинин Петр Михайлович пал смертью героя при освобождении Венгрии в районе озера Балатон, а старший лейтенант Вершинин Дмитрий Петрович ранен на Сандомирском плацдарме при освобождении Польши и эвакуирован в госпиталь в город Гродно.

Мать слегла. У нее хватило сил только на то, чтобы упрашивать своего младшенького: «Мите об отце не пиши ни слова. Может, хоть он выживет». И только когда Митя прислал карточку, где был изображен невредимым при выходе из госпиталя, мать переслала ему похоронку на отца с коротенькой припиской: «Ты остался старшим в семье».

В общем, мать поплакала, но Лешку начала собирать в дорогу. И чем ближе подходил июнь, тем сборы шли интенсивнее. Откуда-то из комода был извлечен довоенный отрез коричневого вельвета. Из него мать сконструировала замечательную куртку, которую называла толстовкой. Примеряя ее, Лешка млел от восторга и думал, что если Лев Толстой и носил подобные изумительные вещи, то, уж конечно, не за плугом, как изображено на известной картине. Там Репин явно преувеличил: даже граф и классик рискует беспутно разориться, если позволит себе подобную роскошь.

Потом на сцену выступил трехлитровый эмалированный бидон, в который мама начала складывать пайковые брусочки сливочного масла.

— В дороге тебе масло ох как пригодится, — сказала она однажды. Между прочим, скоро Лешка в этом убедился.

Первого июня Лешка сдал последний экзамен, по географии, вечером мама выгладила белье, испекла пирог с капустой, но упаковывать чемодан не стала, а с тонкой улыбкой сказала сыну:

— Похоже, что завтра мы с тобой этот пирог съедим.

— Н-ну? Это почему, мам?

— Телеграммы-то нет от этого майора.

Телеграмма была доставлена в одиннадцать вечера: «Второго поезд семьдесят два вагон семь майор *Харламов*».

Лешка опять делал фляки и рандаты, а мама завертывала в пергаментную бумагу пирог и мочила ее непонятными слезами.

Купить билет на проходящий поезд было практически невозможно. Но они купили, потому что начальником вокзала работал бывший папин ученик, а сейчас одноногий инвалид. Вот только с номером вагона вышла заминка.

— В седьмой не могу — это офицерский. Не имею права.

— Так Леша и поедет в офицерском. Вместе с Митиным однополчанином. Вот телеграмма.

— Вполне возможно. Но в седьмой могу дать посадочный талон только через военного коменданта. Пусть этот майор к нему и сбегает во время остановки. Поезд стоит четырнадцать минут. А пока — только в общий.

Поезд пришел почти вовремя. Лешка с матерью пробились сквозь перронную толпу к седьмому вагону и стали ждать.

Но оттуда никто не выходил. Пожилая толстая проводница впустила двух саперных капитанов, солидно предъявивших проездные документы. Вслед за ними впрыгнула на подножку шустрая девица в пилотке, плащ-накидке и с вещмешком на одном плече. Она не предъявила никакого документа, и проводница молча загородила вход в тамбур своей мощной фигурой. Девушка ловко скользнула ей под руку, плащ-накидка с одного плеча свалилась, блеснул узкий серебряный погон с зеленым кантом, и проводница также молча убрала с прохода руку-шлагбаум. Только досадливо пожевала губами вслед резвой медичке.

Вокзальное радио угрожающе прохрипело, что до отправления пассажирского поезда Новосибирск—Москва остается пять минут, а никакой майор не показывался. Откуда Лешке было знать, что три часа тому назад, перед самым отправлением семейства Харламовых на вокзал в своем городке, их двухгодовалый отпрыск сглотнул пуговицу от папиного кителя, приняв ее за леденец. Об этом Лешка узнал значительно позже, а пока он ощутил теплую ладошку мамы.

— Пойдем, сынок, домой, — сказала она. — Не вышло с твоей поездкой. Пойдем в кассу, сда-

дим билет. Еще пять минут, кто-нибудь купит. Вон сколько народу...

Жизнь рушилась. Все летело в тартарары. И встреча с братом. И путешествие на Крайний Запад, как давно окрестил свою поездку Лешка. И последующие рассказы в классе о далеком пограничном городе на реке с удивительным названием Неман.

Пять минут — и совершится жуткая жизненная катастрофа. Из-за чепухи. Из-за того, видите ли, что какой-то майор не вышел из вагона. Можно такое допустить?

— Мам, я поеду, — тихо и серьезно сказал Лешка.

— Ну-ну, не дури, — только и ответила мать. Ответила ласково и даже весело.

— Мама, я поеду! — громко и в отчаянии повторил он. — Митя же ждет.

Рывкнул локомотив. Могучая проводница седьмого вагона вытащила из-за пазухи желтый флажок. Лешка глянул на мать, на медленно повернувшиеся колеса вагона и швырнул в тамбур, прямо под толстые ноги проводницы в брезентовых сапогах, свой чемоданчик. Он наспех ткнулся носом в мамин подбородок и одним прыжком взлетел на площадку. При этом он здорово трахнулся головой в живот железнодорожной тетки.

Вагон двинулся быстрее.

— Ле-шень-ка! — закричала мама.

— Мам! Я доеду! Я тебе... телеграмму!..

Проводница глянула на Лешку, посмотрела на бегущую за вагоном мать и вдруг гулко захохотала:

— Этот — доедет! Этаким куды хошь доедет. Как он меня под пуп двинул! Мадам, не волнуйтесь, он доедет.

— Лешенька-а, бидончик забыл! — кричала мать.

Проводница спустилась на ступеньку ниже, подхватила из рук матери посудину и так и стояла на подножке — с флажком в одной и бидоном в другой руке, пока вагон не скрылся на повороте за длинным пакгаузом.

Лешка поехал.

— Ну а где же тот бидон? С маслом то есть, — усмехнулся сержант, выслушав Лешкин рассказ.

— У тетки он и остался, — вздохнул Лешка.

— Это как?

— Она меня в седьмом вагоне до Москвы везла, в своем купе. Говорила, от контролеров прячет.

— У тебя же билет, чего тебя было прятать?

— Ну... не знаю. Попросила в благодарность какую-то оставить масло.

— Та-ак. Непорядочная она баба. Какой, говоришь, номер поезда? Ну-ну! Значит, так ты и прохарчился в дороге. А деньги? Ты же сказал, что триста рублей имелось.

— Так телеграммы же! — Лешка выдернул из штанов комок квитанций. — Я их маме из Свердловска, Казани, Москвы посылал. Еще Канаш какой-то, Вятские Поляны. — Лешка помолчал и вздохнул. — Здорово дорого стоят телеграммы.

— А чего сообщал-то матери?

— Ну — чего! «Еду хорошо. Уральские горы маленькие, Волга широкая, но не очень, в Москве видел двух дважды Героев, наверное, приехали на Парад Победы, сам здоров, только потерял носовые платки».

— И все это телеграфом отстукивал? — Сержант долго смеялся, и его пухлые щеки тряслись, как холодец.

Из Бологого Лешка уезжал с комфортом. Он был посажен, а вернее, положен в плацкартный вагон на среднюю полку, снабжен буханкой хлеба, десятком яиц и парой здоровенных соленых огурцов. Уже прощаясь с Лешкой, сержант сунул ему в кармашек куртки бумажный пакетик:

— Это тут... адрес мой. На всякий случай. Мало ли что... Брату передавай привет. А будешь матери писать, так уж... того: не шибко поминай меня лихом. Бывай здоров, парень.

Укладываясь спать, Лешка развернул пакетик. Химическим карандашом и не очень ровными буквами там действительно был записан адрес: «Отд. милиции ст. Бологое Окт. ж. д. С-нт Конов Никанор Никанорович».

И еще там лежала красная тридцатирублевая бумажка. Лешка улыбнулся и крепко уснул на полке. Проспать он не боялся: поезд шел до конечной станции — заманчивого и уже близкого города Гродно.

2

Брата Лешка увидел еще из тамбура вагона. Посредине перрона стоял высокий блондин в безупречном офицерском кителе без погон, отутюженных галифе и начищенных до сияния тонких хромовых сапогах. В руке он держал армейскую защитную фуражку. Прохожие уважительно косились на три ряда орденских планок на груди молодого человека, а какой-то стриженный солдатик на всякий случай козырнул ему.

Это и был Дмитрий Вершинин. Быстрым шагом он догнал Лешкин вагон и подхватил брата на руки вместе с чемоданчиком. Через минуту они сидели в привокзальном скверике, и Лешка

уплетал бутерброд со свиной тушенкой. Дмитрий извлек его из заднего кармана галифе.

— Дожевывай, и пойдем на телеграф, — сказал старший брат. — Мать бомбардирует телеграммами с того самого момента, когда ты лихо стартовал в свой межконтинентальный вояж. Диву даюсь, как она разрыв сердца не получила за эти дни. Нашелся на ее голову новоявленный Миклухо-Маклай.

Лешка поперхнулся тушенкой.

— Я же слал телеграммы с каждой станции, что еду нормально.

— Разумеется. Всемирно известный путешественник Вершинин снисходительно извещает родных и близких об этапах своего блистательного передвижения из Азии в Европу. Они полны признательности за его чуткость и пунктуальность. А также просят фундаментально выпороть путешественника по прибытии его в назначенную точку земного шара.

— Ненужные церемонии, — сказал Лешка.

Глаза брата смеялись, а его длинные сильные пальцы ласково теребили лохматую Лешкину макушку. Наконец Дмитрий сунул его голову себе под мышку и слегка хлопнул по тому самому месту. Тогда Лешка окончательно развеселился. Этот жест брата он помнил с младенческих времен и знал, что он свидетельствует об отличном настроении Мити.

Город Лешку обрадовал и удивил. Он был очень чистый и очень зеленый. На мостовой из квадратных, отполированных временем камней не было ни соринки. Паркетно блестел и плиточный тротуар. Сплошной аллеей уходили вдаль шеренги уже отцветающих каштанов. Такие деревья Лешка видел впервые и залюбовался их желто-белыми свечами.

Почти незаметно было разрушенных зданий, на которые он насмотрелся начиная от самой Москвы. Но вскоре Лешка понял почему: за пышной зеленью не видно было и самих домов. Только в конце улицы высоко в небо врезались несколько башен.

— А чего церкви... такие острые? — удивился Лешка.

— Гм... Такова уж архитектура католических храмов. Это костелы. Справа — называется Фарный, а вон тот — Бернардинский. Там сейчас женский монастырь.

— Чего?! — усомнился Лешка. — И монашки есть?

— Есть немного, — улыбнулся Дмитрий. — Надеюсь, скоро исчезнут.

— А куда они денутся?

— Наверно, в Ватикан отправятся, к Папе Римскому. Чего им здесь делать? А пока мой тебе совет — не закрывай рот, раз уж открыл. Потому что изумляться придется еще и еще. Во всяком случае, в первый день. Это тебе не наш сибирский городок.

Лешка был вконец заинтригован. Они неторопливо шагали по плиточному тротуару, и Дмитрий понемногу продолжал рассказывать:

— Тут, милый братик, пока население что слоеный пирог у пьяного кондитера. Какой только начинки и примесей не встретишь. Само собой, что больше всего рабочих, поскольку фабрик в городе хватает, да плюс железнодорожники. Однако и хлама разного немало. Монашки — это так, мелкие песчинки. А есть нежелательные добавки и посерьезнее: недавние чиновники, коммерсанты, просто бездельники. Если угодно, даже помещики попадают.

— Настоящие? — Рот у Лешки действительно не закрывался от удивления.

— Бывшие настоящие. Кто не успел с немцами удрать. Но ты не думай, что эта публика щеголяет в соломенных канотье и пикейных жилетах. Из Ильфа и Петрова они усвоили лишь финальный завет Остапа и пытаются срочно переквалифицироваться в управдомы. Вакансий только не хватает. Хотя и в смысле туалетов тоже встречаются... человекоподобные. Полюбуйся, например, на того пестрого фрукта.

Лешка полюбовался. По другой стороне улицы медленно вышагивал долговязый мужчина в расстегнутом длиннющем плаще канареечного цвета, из-под которого виднелись ярко-клетчатые брюки. Внезапно он остановился перед девицей с шикарной трехъярусной прической. Лево́й рукой он ловко сдернул с головы оранжевую шляпу, а правой подхватил женскую руку и громко чмокнул ее куда-то выше кисти, затянутой в перчатку.

— Я в восторге, что пани вышла на шпацир! — донеслась воркующая речь.

И снова поцелуй ручки. Пораженный Лешка пошел боком. Такое он видел только в кино.

— Образец фланера-тунеядца, — хмыкнул Дмитрий. — Идти рабочим на завод ему шляхетский гонор не позволяет, гешефты на черном рынке кончились, а больше он ни к чему не приспособлен. Вероятно, ждет, когда его пригласят бездельничать в Польшу. И фатально заблуждается, потому что там сейчас тоже трудовая дисциплина.

Лешка стал внимательно присматриваться к прохожим. Да нет, за исключением «фрукта», никого особенного больше не встречалось. Никаких купцов и помещиков. Навстречу шли самые обычные люди в обычных будничных костюмах. Женщины тащили с базара кошелки с редиской и салатом. Много попадалось гимнастеров без погон, а если с погонами, то чаще всего зелеными.

Но вот снова мелькнуло перед глазами что-то непривычное. Прямо по проезжей части улицы степенно двигался плотный бритый дядя в странной белой накидке. Сзади и спереди ее были нашиты рогатые черные кресты. Рядом с ним чинно вышагивали в таких же накидках, только без крестов, двое мальчишек Лешкиного возраста.

Он вопросительно уставился на брата.

— Такое вот дело, раб божий Алексей, — сказал Митя. — Ксендз с херувимами идет сопровождать в лучший мир какого-то правоверного католика.

А потом навстречу попалась гурьба пионеров. Они шли очень знакомо для Лешки: пытались двигаться строем, но разве его выдержишь на тротуаре, где толкаются прохожие и приходится их обходить. И только горнист и барабанщик маршировали строго по прямой, и все перед ними расступались.

Лешка приосанился и хотел салютнуть, но вспомнил, что без галстука.

Дмитрий надел фуражку и взял под козырек.

А еще через десяток шагов Лешка увидел в полукруглом подъезде четырех оборванных пацанов, которые вдохновенно резались в карты, кидая их на кучку бумажных денег.

Действительно, слоеный пирог...

— Мы зайдем ко мне в обком, пообедаем в буфете, а потом уже на квартиру, — сказал Дмитрий. — Не исключено, что вечером выкупаемся в Немане. Угадал твою светлую мечту?

— Угу, — счастливо выдохнул Лешка. — А Неман — река пограничная? Там уже сопредельная территория, да?

— Ух ты, до чего же тебе экзотики хочется, — фыркнул старший брат. — Между прочим, мать пишет, что от этой экзотики и всяческих приключенческих ситуаций я обязан тебя оберегать пуще своего глаза. Она упоминает, что у тебя талант влипать в разные истории. Это как понимать?

— Преувеличивает, — сердито буркнул Лешка.

...Подумаешь, талант. Всего и было-то, что их пионерский патруль застукал весной на реке четырех браконьеров, а в милиции выяснилось, что один из них является прямым маминым начальником из треста. Сейчас мама подумывает об увольнении по собственному желанию. Но Лешка же не нарочно...

Правда, в другой раз мама тоже немножко понервничала. Это когда он со своим приятелем утащил домой чужую пилу и топор. А что — неправильно? Пришли два дядьки и собрались пилить березу, которая росла под их окнами, говорят, со времен Ермака. Проводам, видите ли, береза мешает. Ну и тяните провода выше или с другой стороны! Дядьки сели покурить перед работой, а их инструмент исчез тем временем. Потом нашли его под крыльцом Лешкиного дома. И долго потрясали перед маминым носом кулаками, требуя какого-то протокола. Мама рассердилась и позвала соседа, который был эвакуирован из Ленинграда и работал в горсовете. Сосед тоже рассердился и увел куда-то дядек. Они больше не приходили, а мама треснула Лешку между лопаток и объявила, что это — за «донкихотство».

Вот и все. А они сразу — «талант»!

Обком комсомола помещался в двух этажах серого особняка. Здесь была знакомая Лешке атмосфера делового учреждения. Из комнаты в комнату проходили парни в обычных пиджаках или кителях без погон, как на брате, пробегали

девчата в блузках с комсомольскими значками, а одна даже в пионерском галстуке. Она скрылась за дверью с надписью «Отдел школ и пионеров».

Митя подошел к двери с табличкой «Отдел крестьянской молодежи».

— Моя резиденция! — объявил он Лешке. — Ты отдышись тут на стуле, а я освобожусь ровно через пять минут.

Лешка присел на стул у двери. Из-за нее доносился разговор.

— ...Двенадцать комсомольцев и не могут создать в родной деревне колхоз? Ох, что-то ты, Иван, клеветешь на сельскую гвардию. Пусть своих папаш вовлекут для начала.

Это голос брата. Спокойный и, как всегда, немного насмешливый.

— Папаши им вовлекут... сыromятными вожжами. Один парень отвез соседке-вдове телегу навоза, так и то пришлось судить отца за избиение.

Это произносит сердитый бас с хрипотцой.

Лешка вдруг затосковал. «Навоз, колхоз...» Неужели это его брат Митя рассуждает там за дверями о столь обыкновенных вещах? Тот Дмитрий Вершинин, который срезал из засады командира дивизии СС и получил «Красное Знамя» из рук самого маршала Рокоссовского! Что ему, работы поинтересней не нашлось?

Из школьного отдела вышла в коридор очень высокая, полная, красивая тетя с комсомольским значком на тугом голубом свитере. Она была такая большая, что Лешка невольно поджал под стул ноги, освобождая проход. Но высокая девушка остановилась. Она возвышалась над Лешкой как башня. Так же монументально и безгласно.

Лешке стало не по себе.

— Здравствуйте, — на всякий случай сказал он и привстал со стула.

Девушка взяла его могучей рукой за плечо и подтянула вплотную к себе. Еще секунда молчания.

— Ты — приехавший на каникулы младший вершининский брат, — сообщила она Лешке звучным, красивым голосом. — Ты похож на Диму. Очень похож. Как... жеребенок-сосунок на взрослого скакуна.

Пока Лешка медленно багровел от возмущения и сочинял в уме достойный ответ, монументальная девушка нагнулась и крепко поцеловала его в губы. А пока он обалдело вытирался, величественно удалилась по коридору.

Вскоре вышел Митя и с ним невысокий прихрамывающий парень с густой копной черных-пречерных волос и такими же бровями.

— Приезжай, Вершинин, в район, не тани, — сказал он Дмитрию.

— Скажи сестренке, пусть готовит блины. Вот только братика приучу к местной жизни и приеду. Знакомься с ним, кстати.

Черноволосый рассеянно сунул Лешке жесткую ладонь и захромал к лестничной площадке.

— Ты чего губы трешь? — спросил Дмитрий брата, когда они сели в буфете за столик.

— Да... меня тут какая-то сумасшедшая тетка обмусолила.

Выслушав Лешкин рассказ, Митя схватился от смеха за живот. Потом хитро подмигнул:

— Не будь самонадеянным и не слишком принимай это на свой счет. Боюсь, что ты выступил в роли промежуточной инстанции. А вообще-то девушку эту зовут Соня Курцевич. Отличнейший человек и превосходный инструктор отдела школ, а в недалеком прошлом — уникальный партизан-

ский подрывник. Говорят, таскала на плечах по полцентнера взрывчатки.

— А сейчас она что делает?

— Э, братик, есть что делать. Это только называется — отдел школ. А сколько всякой босяцкой публики еще предстоит загнать в школы. Сколько ребятишек из-за войны отбились от рук. Вернее, отбили. Отцов с матерями поубивали оккупанты. Вот тем и занимается бывшая лихая партизанка. Софья — инструктор по детдомам.

Лешка самым невинным тоном спросил:

— А ты — по колхозам? И по навозу?

Старший брат поперхнулся рисовой кашей и угрожающе положил вилку. Лешка тоже перестал есть, ожидая заслуженной нахлобучки за дерзость.

— Значит, подслушивал? — свирепо спросил Дмитрий.

— Не подслушивал. Вы там басили на весь коридор.

— Ешь компот и запоминай, что я тебе скажу. Относительно моей персоны ты, разумеется, мыслишь феерически: толпы народа ликуют при виде твоего прославленного в боях братца. В этом роде мерещились миражи?

Лешка сердито промолчал. Он с пеленок помнил вредное умение брата влезть в самые сокровенные мысли и высмеять их. Правда, делалось это обычно один на один и потому было не очень обидно.

Они быстро помирились и на этот раз.

— Мить, а почему называется отдел крестьянской молодежи? — спросил Лешка.

— А какой надо?

— Почему не колхозной...

— Н-да, парень ты наблюдательный. Только дело-то в том, что колхозов у нас в области еще

нет. Почти. Только начинаем создавать. Тут же Советская власть меньше двух лет была, с тридцать девятого до начала войны, а потом — немцы три года. Фашисты здесь нагадили за оккупацию еще хуже, чем белополяки за девятнадцать лет. Впрочем, для политграмоты у нас с тобой время еще будет. Рассказывай о доме.

3

Вторую неделю Алексей Вершинин живет в гостях у Дмитрия Вершинина. А если точнее, то живет сам по себе. Потому что Дмитрий как уйдет с утра в обком, так и приходит в девять вечера. Правда, в полдень Лешка бежит к брату, и они вместе обедают в обкомовской столовой.

А ужинают дома. Из яичного порошка, сгущенки и консервированных заморских абрикосов, которые Митя получает по своим карточкам «ответственного работника», квартирная хозяйка Фелиция Францевна готовит разные вкусные блюда. За это ей Дмитрий приплачивает какую-то сумму.

Лешке хозяйка нравится, хотя она худая, длинная, плохо говорит по-русски и без конца тянет из белой фаянсовой кружки горячую «каву», то есть кофе. Нравится за то, что каждое утро гладит брату его офицерские брюки, а самого Лешку без всяких наставлений отпускает на реку, как только Дмитрий уходит на работу.

Их домик стоит на тихой прибрежной улице с красивым названием Подольная. От дома до песчаного берега Немана шагов триста. Никакая это не пограничная река, как сначала думал Лешка. За ней тоже город, там заводы и фабрики. А граница от города самое близкое километров за во-

семь. Но все равно это очень интересная река. Она широкая и быстрая, а посередине мелкая. На солнце ясно просвечивает желтая отмель. А у берегов — глубина. Переплывешь ее, и на середине можно спокойно ходить по щиколотку в теплой воде. Дальше снова глубоко, но после отдыха на отмели совсем не трудно добраться до другого берега.

Это Лешка сегодня и сделал.

Вообще-то Дмитрий предостерегал его от такого шага:

— Понимаешь, Алексей, коварный этот Неман. Мин, конечно, уже нет, раз пароходы пошли. Зато воронки. Тут, говорят, каждый год кто-нибудь отправляется к Нептуну. У тебя как с плаванием?

— Ну как... Нашу Туру переплываю, а она же без острова посередине.

— Гляди. Все-таки надо поосторожнее.

Сегодня Лешка махнул на другой берег ввиду необходимости. Еще вчера трое мальчишек с той стороны обидно захохотали, когда он доплыл до отмели, передохнул и тут же повернул обратно. Один из них отчетливо прокричал что-то насчет толщины кишок и заждавшейся мамочки. Ночью Лешка спал плохо.

И вот сейчас он подходил четким кролем к бревенчатому плоту, на котором сидели мальчишки. Подплыл, подтянулся на руках и выметнулся на плот.

— А ничего шлепает! — одобрил один из троих, обращаясь не то к Лешке, не то к приятелям.

Он полулежал на сосновых бревнах, худой и черный от загара. Лобастая голова коротко острижена. Глаза круглые, глядят в упор.

Лешка встал на ноги. Он открыл рот, чтобы сказать парням деликатное «здравствуйте», но

язык сам собой произнес более подходящее к обстановке:

— Здорово!

— О! Восточник! — захохотал вдруг плотный белокурый мальчишка и дурашливо задрал ноги. — Еще один на нашу голову. Ты из какого колхоза, лапотник?

Смысл вопроса Лешка не совсем уловил, но его интонация сомнений не оставляла. Она была откровенно издевательской.

Лешка нащупал пяткой углубление между бревнами, уперся в него ногой и выбросил руку по направлению к белокурой кудрявой шевелюре. Но дотянуться не успел, потому что блондинчик вдруг заскользил по мокрым бревнам в сторону, получив основательный пинок в зад. Это угостил его широколобый.

Проследив медленно-поступательное движение кудрявого к воде и убедившись, что тот не свалился, паренек повернулся к Лешке и коротко улыбнулся. Вверху у него не оказалось двух зубов.

— Плюнь. Садись. Меня зовут Михась. Тот, что под хвост получил, — Казик. А это Стась.

Тут Лешка разглядел и третьего мальчишку, который сидел в сторонке. Как и все, он был в одних трусах и такой же загорелый. Но и не такой, как все. Лешка наблюдал за ним всего лишь пару секунд и испуганно отвернулся.

У парнишки непрерывно дергалась куда-то в сторону и кверху голова, судорожно поднимались и опускались плечи, ходуном ходили или вдруг начинали трястись мелкой дрожью сложенные на коленях руки.

И еще были у него карие мохнатые глаза. Получалось как-то так, что глаза не дергались вместе с головой, а все время прямо и будто укоризненно смотрели на Лешку.

— Чего он так? — шепотом спросил Лешка.

— Контуженный, — коротко объяснил Михась. — Немец в погреб гранату кинул, а Стаська ее обратно. Чуть-чуть не успел: близко разорвалась. Мать жива осталась, а все шишки — ему.

— Он хоть разговаривает?

— Заикается здорово. Стесняется. Но слышит все. Ты с ним поговори. Стаська! Он с тобой познакомиться хочет.

И Михась прыгнул в воду, а Лешка остался на плоту с контуженным Стасем. Но из головы у него словно ветром выдуло все подходящие слова. С девчонками и то легче было бы знакомиться. Выручил сам Стась.

— От... от... отк... — мучительными толчками вырывалось из его горла.

Лешка испуганно и вместе с тем облегченно замахал на него руками:

— Да ладно, ладно, я понял. Откуда я приехал?

Стась утвердительно махнул ресницами.

...Западная Сибирь. Самая опушка тайги. Знаешь ты, парнишка с Немана, что такое тайга? Про это Лешка может рассказывать долго. Тайга — как океан. Город будто на берегу. Хороший город. В войну там мины, снаряды, автоматы делали для фронта. Лешкин класс ходил на воскресники разгружать баржи. Встанут цепочкой и передают из рук в руки чурбаки лиственничные. Из них приклады точили на заводах. А еще ребята теплые вещи собирали фронтовикам, у кого были лишние. Валенки, шапки, рукавицы. Верховный Главнокомандующий прислал благодарность школе. Не одной, конечно, Лешкиной, но и ей тоже...

Лешка говорил, говорил, говорил. Чтобы только снова не наступило молчание, чтобы еще раз

не слышать жуткого, натужного заикания. Он говорил обо всем на свете: рассказывал, как его отряд собрал железного лома на целый танк, как мальчишки сделали в кабинете географии огромную карту фронта и отмечали флажками освобожденные города, как он многие эти города сам увидел, пока ехал сюда от Москвы. Он немножко приврал, рассказывая о целых вагонах трофейных знамен: будто бы видел, как их везут в столицу воины-победители. Зато он говорил сущую правду об оркестрах и толпах народа на каждом вокзале, где народ встречал воинские эшелоны из только что поверженной фашистской Германии.

Он не заметил, когда вылез из воды на плот Михась и стал внимательно слушать, как тихонько подобрался и сел сзади розовощекий Казик. Именно он-то и прервал затянувшийся монолог.

— Здорово ты брешь, — услышал вдруг за спиной Лешка. — Послушаешь, так у вас в России точь-в-точь как в ксендзовском раю. А чего же вы тогда к нам сюда, на Запад, претесь? Небось сытнее тут, пока не успели колхозов наделать. А если вы такие непобедимые, то зачем немца пустили до самой Москвы?

Лешка так был огорошен нелепыми вопросами, что посмотрел на розовощекого Казика даже с интересом. Как смотрят обычно на полоумных. Потом молча пожал плечами.

— Что, заело говорилку? — не унимался кудрявый блондинчик. Его круглый подбородок с бороздкой посредине затрясся в недобром смехе.

Ответил Михась. Коротко и внушительно:

— Стихны, зануда! Человек от души разговаривает, а ты в свару лезешь. Не нравится, дуй отсюда. Верно, Стась?

Карие глаза согласно моргнули...

На следующий день они снова встретились. Утром Лешка сказал брату, что обедать к нему сегодня не придет, потому что дела. А возьмет что-нибудь пожевать с собой на берег. Дмитрий хмыкнул:

— Привыкаешь? Ну валяй.

Что ни говори, а такой брат заслуживал всяческого почитания.

Привязав на голову завернутые в майку бутерброды с неизменной тушенкой, Лешка переплыл реку и вскарабкался на плот. Михась и Стасик сидели на прежнем месте, а Казика не было.

— Наверно, ждет, пока батя отлучится по надобности, — улыбнулся щербатым ртом Михась. И тут же объяснил: — Обещал добыть часы. У Казимира отец — часовой мастер, и всяких ходиков в хате до черта.

Часы им сегодня действительно были необходимы. Они затевали контрольный заплыв на двести шагов, и нужен был хронометр. Вчера Михась смотрел-смотрел на Лешкин кроль и вдруг объявил, что перегонит его без всякого стиля. Казик сказал, что за ночь выучит по книжке какой-то особый стиль и тоже утрет нос «восточнику». Стась участия в споре не принимал и даже отвернулся в другую сторону.

А сейчас мальчишки сидели на теплых, пахнущих смолой бревнах и в ожидании «хронометра» болтали.

Ласково шлепала о плот маленькая волна. Пал в воду пух тополей. Добродушно басил за поворотом реки буксир. Начиналось первое мирное лето.

Но война все еще была главным в мыслях и разговорах людей. И больших, и маленьких. Две голубые стрекозы, сцепившись крыльями, сели

на колено Михася. Он осторожно взял хрупких насекомых в ладони.

— «Рама», — сказал он.

— Точно, — подтвердил Лешка. — «Фокке-Вульф-190». Двухфюзеляжный разведчик среднего радиуса.

— Чего-о? — недоверчиво уставился на него Михась своими круглыми глазами. — Откуда ты знаешь? Ты же их в своей Сибири не видел.

— Знаю. В кино видел. В журналах. Военрук в школе рассказывал. Мы про войну много чего учили.

Михась пренебрежительно сплюнул в воду:

— А меня сама война учила. И не журналы читать, а всему... чтобы не подохнуть. Это тебе не кино... И не школа. Я в школу три года не ходил. А сейчас и идти будет стыдно. Усы вон растут, а мне в пятый класс. Да ладно, я сопли не распускаю. Зато кое-чему научился за войну. Например, фрицам карманы щупать... Так что руль не шибко задирай. Лучше расскажи, как это ты плаваешь, что руки поверху ходят, а ноги в воде винтом? Хоть и обставлю тебя, а все-таки интересно.

Лешка слегка обиделся, но рассказал, что плавать кролем он научился в прошлом году в пионерском лагере. Учил сам начальник лагеря, демобилизованный по ранению морской главстаршина с Северного флота. Подводник. Их лодка потопила два транспорта, а потом сама получила повреждение.

— Американская! — сказал за спиной мальчишек Казик. Он держал в руке большие серебряные часы на длинной блестящей цепочке. — Вот, достал. С секундной стрелкой.

— Почему американская? — сердито перебил его Лешка. — Наша советская подлодка.

— Бреешь, — хладнокровно возразил Казик. — У Советов подводных лодок не было. И кораблей не было. Все американское. Об этом немецкое радио каждый день кричало, а сейчас сами американцы сообщают.

— Может, и танков, и самолетов не было? — возмутился Лешка.

— Танки были, да и то их строили по американским чертежам.

— Это наши-то «тридцатьчетверки»! — Лешка вскочил и вплотную придвинулся к розовой физиономии Казимира.

— Это ваши-то! — продолжал измываться Казик. — И вообще татусь говорит, что, если бы не американцы, Советам капут.

И вдруг он упал. Свалился на бревна, как сноп. Это больной Стась, собравшись с силами, сделал ему подсечку и сейчас торопился схватить за горло своими трясущимися руками.

— Г-га-д, — хрипел он.

— Это же не я, это батя говорит! — отбивался от него Казик.

Порядок восстановил Михась. Он легко оторвал руки Стася, треснул два раза Казика по шее, а подскочившего Лешку оттолкнул в сторону.

— Не тронь ты его, засмердит. У него же ума, как у той утки подсадной, с чужого голоса крикает.

— Это как сказать! — бормотнул Казик.

— Еще получишь! — пообещал Михась.

— По отдельности, — добавил Лешка. — Надаю и за корабли, и за самолеты, и за танки.

Казимир захныкал:

— Это вы потому все вместе на меня, что я поляк, а вы кацапы. Ты белорус — значит, тоже москаль.

— Дурак ты толстый, — снова рассердился Михась. — При чем тут поляк? Стась тоже поляк, а влепил тебе пенделя. Потому что правильно соображает. Между прочим, его отца-поляка кто сгноил в тюрьме? Польские жандармы, а не москали. У нас в городе половина рабочих — поляки, а кто скажет против Советов? Сколько их фрицы показнили за подполье! А вот твоего татуся небось не тронули, потому что и он их не трогал, а делал с ними шахер-махер. Сам ты об этом рассказывал. И заткнись.

— А ты шахер-махер не делаешь? — быстро спросил Казик.

Михась кинул испуганный взгляд на Лешку. Но тот не реагировал на ехидную реплику. Он думал о том, что вот и еще что-то непонятное встретилось в этом городе. Поляк, русский, белорус... Раньше Лешка о таких вещах не думал. Лучшим другом в шестом классе у него был татарин Гафур. И еще эвакуированный из Молдавии Иона. Была в классе латышка Аустра. И если бы классная руководительница не рассказала, откуда эти ребята, никто бы и не интересовался их национальностями. Лично Лешке это было абсолютно все равно, лишь бы Гафур не мазал по воротам в матче с шестым «Б», а рыжая Аустра не делала в диктанте больше четырех ошибок, потому что каждая двойка ложилась чугунным балластом на отряд, а его, Лешку-председателя, мылили на совете дружины...

Спор на плоту утих, и можно было приступать к заплыву. Договорились плыть по течению на двести шагов, отмеренных по берегу. Финишем сделали куст ивняка, нависший над водой. Надо было схватиться за ветки. Для точности решили плыть по одному.

Засекать время они доверили Стасю. Отвели его к лозняку и положили перед ним на песок часы, потом вернулись на плот. Когда Стасик поднял руку, первым бросился в воду Казимир. Лешка понял, что он пытался изучить по книжке брасс. Но разве одной теорией чего-нибудь добьешься? Правда, плыл Казик довольно быстро, но больно уж некрасиво. Выскочил на берег и сразу ткнулся носом в часы.

— Минута сорок! — завопил он, как будто уже стал чемпионом.

Потом прыгнул Михась. И вынырнул только метрах в десяти от плота. Здорово! Лешка признался себе, что он под водой столько не продержится. Михась резкими сильными взмахами рук начал набирать скорость, а под конец снова нырнул и выскочил уже у самого куста.

На этот раз Казик ничего не закричал. Михась тоже молчал и равнодушно прилег на песок.

— Сколько? — не выдержал Лешка.

Стась высоко поднял один палец, а потом еще два. Минута двадцать. «И плыл вроде не быстрее Казика, — удивился Лешка. — Ну, держись теперь, Алексей Вершинин, твоя очередь...»

...Давным-давно, в последнюю зиму перед войной, Митя учил Лешку ставить перед собой цель. Они ходили тогда на лыжную прогулку за город. Было Лешке восемь лет.

— Ну вот как быстрее всего добежать до того кедра? — спросил Митя у братишки.

— Как! Торопиться — и все.

— Нет. Ты должен что-нибудь вообразить. Ну, например, кого ты больше всех любишь? Маму любишь? Так вот, представь, что она заболела, а ты несешь ей драгоценное лекарство. На счету каждая секунда. От одного мгновения зависит все. Понимаешь — все! Жизнь мамы.

Тренерский прием был жестоким, но действенным. Лешка жалобно посмотрел на брата и рванулся вперед. Как он бежал! Даже когда слетела с валенка лыжа, он все равно бежал. Прыгал и падал, падал и тянулся к заветному кедру. Наконец он схватил коричневый ствол руками и прошептал: «Мама, я принес!» И стал есть снег.

Давно это было, а запомнилось.

— Чего дрейфишь, восточник! — закричал от куста Казимир.

«Это не куст, а фашистский снайпер, — внушал, напрягаясь изо всех сил, Лешка. — Он целится в Митю, который на том берегу. Если я не успею вышибить у него винтовку, он Митю убьет. Он уже прищурил глаз!»

...Лешка выбил винтовку из рук фашиста через минуту и пять секунд. Он с такой силой хватил кулаком по кусту, что одна ветка обломилась.

Шумнее всех радовался Лешкиной победе Стасик. Он суетливо размахивал непослушными руками, что-то лепетал и все совал Лешке под нос часы.

Позднее Лешка узнал, что еще год назад Стась был на Немане абсолютным мальчишеским чемпионом по плаванию.

Прошла еще неделя. Спокойно и нескучно текли друг за другом безмятежные летние дни. По вечерам братья засыпали поздно, потому что тем для разговоров у них хватало. Но сегодня Митя распорядился:

— Давай, брат, спать. Завтра у меня бюро. Весьма насыщенный день. Кстати, снова придется тебе питаться бутербродами.

Лешка еще повертелся на своем тюфяке, а потом объявил:

— У меня, наверное, тоже будет... насыщенный. И между прочим, я завтра приду в обком.

— Так я же говорю: бюро.

— А я не к тебе приду. Нам эта... Соня нужна. Которая по детдомам.

На этот раз постель заскрипела под старшим братом.

— Даже так? — удивился он. — Влазишь в местную жизнь?

— Влажу, — вздохнул Лешка.

...Сегодня на берегу Стась сказал Лешке:

— В д-д-ере-вню уе-з-з-жаем з-завтра.

— Зачем?

— Ж-ж-ж-ж... — мучительно задержался Стасик.

— Жрать нечего? — догадался Лешка.

Он хорошо помнил, как в сорок втором мама тоже ходила в спасительную деревню менять вещи на продукты.

— Жить им негде, — мрачно пояснил Михась. — Ты помолчи, Стаська, я сам расскажу.

И рассказал.

Когда старенькую деревянную хатку разнесло снарядам, Стасик с матерью сидели в погребе и уцелели. А когда немец от нечего делать швырнул туда при отступлении гранату, мать вытащила бесчувственное тело сына на воздух и стала искать какую-нибудь крышу над головой.

Лил теплый июльский дождь. Бой откатился за город, и по наплавному мосту на их рабочую окраину вступали советские части. С бронетранспортера прыгнула девчонка в пилотке и плащ-палатке. Волоча за собой сумку с красным крестом, она подбежала к матери.

— Живой?

— Н-не знаю, — заплакала мать. Девчонка быстро ощупала скрюченное тело мальчишки.

— Живой. Это контузия. Быстро в помещение. Ему нужен укол, массаж, тепло и покой. Где живете?

— Нигде.

Девчонка-военфельдшер была до краев налита той решительностью, какую дает солдатам наступление.

— Федор! — пронзительно заорала она в сторону бронетранспортера.

Через борт махнул здоровенный автоматчик.

— А ну, выдай гражданке ордер на этот особняк. — Она ткнула рукой в сторону соседского кирпичного дома.

— Есть, товарищ младший лейтенант!

Двумя ударами приклада солдат сшиб замок с парадной двери, стволом автомата отодрал прибитые крест-накрест доски. Через полчаса Стась ожил, а потом уснул на теплом и сухом широком диване.

Мать со Стасем так и остались в этом доме. В нем было на первом этаже четыре комнаты и еще одна в мезонине. Стоял он на их же родной улице, и хозяйина дома мать хорошо знала. Это был владелец часового магазина и мастерской Август Сигизмундович Шпилевский. Вернее, являлся владельцем до сентября тридцать девятого года, а потом стал часовым мастером. Но при немцах магазин ему вернули, и торговля вновь закипела. С утра до вечера в магазине толпились офицеры гарнизона, и больше всего эсэсовцы. Они не столько покупали, сколько продавали по дешевке часы, причем сразу большими партиями. Шепотом люди передавали друг другу, что в магазине сбывался «товар», реквизированный у тысяч узников еврейского гетто.

Через год у пана Августа появился собственный автомобиль — маленький юркий «опель-кадет».

На нем и удрал куда-то в деревню преуспевающий часовщик со своим семейством за месяц до отступления немцев. В доме он оставил все как было, но товар из магазина взял с собой. Видимо, отлично понимал пан Шпилевский, что, убегая, немцы на чисто забудут свое доброе знакомство с ним и хладнокровно реквизируют до последней нитки все его достояние. А то и ухлопают потихоньку, дабы поменьше оставалось свидетелей черных дел.

Полгода назад Шпилевские вернулись. Как ни в чем не бывало они явились в горсовет и предъявили законные документы на свой дом.

— Все равно вас придется пока уплотнить, — сказали в горсовете Шпилевским. — Пять комнат, а вас трое.

— Господи, а кто против этого! — лояльно улыбнулся Август Сигизмундович. — Живет же у нас в силу военного несчастья семья Мигурских и пусть на здоровье живет. Мы и квартирной платы с них не спросим. Тем более, что мы почти соседи и лично знали самого пана Мигурского. Превосходный был слесарь.

На том и порешили. Мигурские остались жить в доме Шпилевских. Правда, не в прежней комнате, а в смежной с верандой. Там здорово дуло зимой сквозь стеклянную дверь, и Стасю снова стало плохо.

А месяц назад пани Шпилевская сказала Мигурской:

— Не бывает для матери ужасней горя, чем больной ребенок. И сердце мое скорбит за вас. Но поймите и меня: припадки Стася пугают нашего Казика. Он боится проходить мимо... гм... вашей комнаты. Не подумать ли вам о переезде? Мне кажется, вы не должны быть в претензии на нас: все эти месяцы мы не спрашивали с вас ни гроша.

Они действительно не требовали денег, только Данута Иосифовна два раза в неделю мыла полы во всем доме, включая мезонин. А насчет Казика пани Шпилевская откровенно врала. Вовсе он не боялся больного Стася, а, наоборот, при первой возможности, когда не видели родители, заявлялся к нему в комнату и начинал разговоры:

— Страшно было, когда ты гранату схватил?

— Н-не...

— Не ври. По-моему, тут любой испугается.

— Н-не успел ис-ис-пугаться.

— Тогда правда. Ты и до контузии не шибко соображал. Скажи, вас к нам большевики поселили из-за того, что твой отец был коммунистом? Татусь говорит, что большевиков скоро американцы отсюда попрут... Но-но-но, не очень. Ты пока один раз выругаешься, я сто успею. Пошли лучше на Неман.

Он подхватывал под мышки Стася, и тот повисал на своем мучителе, упитанном и благополучном сыне часовых дел мастера. Еле двигая полуотнявшимися ногами, Стась брел с его помощью к родной реке. Он понимал, что ему уже никогда не плавать в Немане, но все равно жить без реки не мог.

На берегу их обычно встречал Михась Дубовик.

4

В свои пятнадцать лет Михась был человеком многоопытным. Людей он делил на три категории: вредных, бесполезных и нужных. Вредными были, конечно, фрицы, полицаи и прочие фашистские гады, которые угнали мать и старшую сестру в Германию. Сам он по приказу ма-

тери спрятался тогда под лодкой на берегу и в эшелон не попал. Но зато потом пришлось скрываться по подвалам, потому что дом Дубовиков полицейские спалили.

Мать и сестра из Германии так и не вернулись. Не вернулся из партизанского отряда и отец-железнодорожник. Сейчас Михась жил у глухой старухи побирушки, которая была существом абсолютно бесполезным. Кроме крыши над головой, от нее ничего урвать было нельзя. Да Михась ничего от нее и не хотел. Он считал себя обеспеченным человеком. Скоро год, как он работал сортировщиком на табачной фабрике и получал там паек и зарплату. Правда, пятисот рублей хватало по рыночным ценам, чтобы купить пару потрепанных башмаков, но у Михася был дополнительный источник доходов...

Нужными для себя он считал франтоватого экспедитора фабрики и сумрачного долговязого вахтера в проходной будке. Когда дежурил длинный, экспедитор засовывал Михасю под рубаху и в штаны десятка полтора сотенных пачек «Казбека», и Михась бесстрашно выносил их с фабрики. Если бы ему сказали, что он вор, он бы очень удивился. Украсть можно у человека, и это подло, да и то смотря у кого украсть. При немцах Михась проникал в вестибюли офицерских столовых, очищал карманы шинелей от рейхсмарок и ничуть не чувствовал себя вором.

К советскому офицеру он, разумеется, в карман не полезет. Но фабрика — это не человек. И потом, у нее нет хозяина. По радио говорят, что она народная. А он что, разве не народ? Да и делают там сотни миллионов папирос. Десяток пачек разве потеря для фабрики?

Сам Михась папиросы не продавал. По указанию экспедитора он относил их пану Шпилевско-

му. Раз или два в месяц тот давал Михасю по сто-рублевой бумажке. Потому Шпилевский был тоже человеком нужным. «Патрэбным», — как говорил Михась на родной белорусской мове.

В доме часового мастера он и познакомился с Казиком и со Стасем.

Отношения с сыном часовщика у Михася сложились странные.

— Спекулируешь! — уверенно сказал Казик Михасю, когда тот в первый раз вышел из комнаты его отца.

Разговор происходил на крыльце. Михась оглянулся на окна, смазал пухлого Казимира по носу и только потом осведомился:

— Тебе кто накапал?

Как ни странно, Казик не заревел.

— А я сам догадался, — невозмутимо ответил он. — Раз от таты вышел, значит — коммерция. Ты меня не бойся. И не дерись. А то скажу отцу, и весь твой бизнес — ф-фук!

Михась снова замахнулся, но не так решительно. Он почувствовал, что в словах Казика есть правда.

Такое чувство было нестерпимо унижительным, и Михась постоянно искал случая поставить Казика на место. Поводом послужил больной Стась.

— Ты чего же, зараза, хворого человека заставил зимовать в холодной комнате? Забыл, что теперь не панские времена, — сказал он однажды Казимиру. — Заявить вот в горсовет, оттуда вам быстро напомнят, какая сейчас власть.

— А я комнатами не распоряжаюсь, — возразил Казик. — И в горсовет ты не заявишь. Если власть сейчас не панская, то и не воровская.

— Сволочь ты буржуйская, — бессильно выругался Михась.

Свой сегодняшний невеселый рассказ Лешке о печальных делах семьи Мигурских Михась закончил странным словом «альтиматим».

— Чего? — не понял Лешка.

— Ну, велела им вчера эта пани Шпилевская немедленно выматываться из дому. Поставила этот самый...

— Ультиматум, — рассеянно поправил Лешка.

— Нехай так. И они в веску собрались к какой-то дальней родне. А чего им делать в деревне? Они же городские. Там и докторов хороших нет. Помрет Стась. Давай будем думать, что делать. У тебя брат, кажись, большой начальник в городе.

— Ну... не знаю, — неуверенно сказал Лешка. — В обкоме комсомола работает. В армии старшим лейтенантом был.

— Армия уже не в счет, — отмахнулся Михась. — А вот обком — это да. Ты, может, втянул бы брата в это дело? А то, ей-богу, загнется пацан.

У Лешки защипало в носу.

— Я купнусь, — невнятно сказал он и нырнул с плота.

Он плыл к отмели и думал о том, что был круглый дурак, когда с пятое на десятое читал книжки о прежней жизни. Ну, о той, до революции, когда еще везде существовала несправедливость, всякие купцы, банкиры и прочие домовладельцы. Считал, что все это давно кончилось, а значит, незачем и голову забивать грустными историями. Куда веселее читать о пиратах и сыщиках. И вот, оказывается, не везде это прошлое стало прошлым. А он понятия не имеет, как надо действовать в таких случаях. И ничего подходящего не может вспомнить из тех книжек, где герои боролись с несправедливостью. Выходит, что он за-

конченная балда, хотя и перешел в седьмой класс.

Усталый от плавания и самокритики, Лешка выбрался на плот. Он не успел еще ничего придумать и потому спросил:

— А чего этой пани вдруг приспичило? Жили-жили, и вдруг немедленно выметайтесь.

И тут выяснились интересные подробности. Рассказал о них уже сам сын часового мастера. То ли по глупости, то ли из-за обиды на папашу.

— Не надо было Стаськиной матери совать нос в чужие бумаги, — сказал Казик.

— Она не со-о-о-вала. Она не... не-грамотная, — возразил Стасик.

— Все равно наделала такой суматохи, что батя стал весь белый, а плешь синяя. Я под дверями сам слышал, как он орал: «Донесет, погиб-ли, к белым медведям загонят!» А мать сказала: «Уедут, так и не донесут. Я им денег дам».

Мать Стася мыла в мансарде окно и случайно нашла завалившуюся за наличник бумажку. Она сразу же отнесла ее пану Августу. Лысина Шпилевского приобрела аквамаринный оттенок.

— Вы... вы умеете читать по-немецки? — почему-то шепотом спросил он квартирантку.

— Я и по-польски-то один класс кончила, — усмехнулась бледными губами мать Стася.

— Врете! — хрипло сказал Шпилевский.

Женщина удивленно и обиженно раскрыла глаза.

— Я, я умею по-немецки, — сунулся изнывавший от любопытства Казик и подскочил к бумаге, которую отец положил на стол.

От полновесной затрецины он галопом пересек всю комнату, ткнулся лбом в подоконник и расквасил нос. Такой оплеухи он не получал за все свои тринадцать лет.

— Будильник пузатый, — непочтительно отозвался Казимир о родном отце, заканчивая рассказ. — До сих пор сморкаться больно.

— А что за бумага, успел разглядеть? — спросил Лешка.

— Ни холеры я не успел. Заметил только немецкую печать с орлом и на ней буквы: GK LJ. Вот в тот день моя матуля и прижала Стаськино семейство. Тыщу рублей им дает на переезд.

У Лешки даже в носу зачесалось от волнения. Значит, пан Шпилевский хочет избавиться от Мигурских из-за какой-то бумаги! Боится, что Стасикова мать прочитала документ! Почему боится? Что это за документ? И что означают четыре буквы на печати?

Пообещав Михасю что-нибудь до утра придумать, Лешка поспешил на свой берег. Но Дмитрий еще не вернулся. Хозяйка сидела под окном на скамеечке и, по обыкновению, тянула из чашки кофе.

— Фелиция Францевна, вы немецкий язык хорошо понимаете? — спросил Лешка и присел на край крылечка.

— Так. Розумем. Тши годы была кельнером в кафе. То есть официанткой.

— В каком кафе?

— На Костельном плаце. Кафе «Адрия», для панов офицеров.

— Для немецких офицеров? — уточнил Лешка.

— Так. Для германских. Кельнерам тшэба было ведать мову.

Лешка почти с испугом посмотрел на Фефе, как он успел мысленно прозвать хозяйку. Выходит, эта белобрысая тетка три года подряд изо дня в день подносила фашистам еду, улыбалась им, как улыбаются все официантки, а сейчас так же улыбается старшему лейтенанту Советс-

кой Армии Дмитрию Вершинину и гладит ему брюки. Чудеса! Такие вещи не укладывались в Лешкиной голове.

— А вы не знаете, что означают по-немецки буквы — гэ, ка, эль и ёт?

Лешка щепочкой написал буквы на песке.

Хозяйка с минуту всматривалась в них и вдруг удовлетворенно хмыкнула:

— То я добже вем. Знаю хорошо. Скорочено... сокращенно то есть, будет: управление еврейских концентрационных лагерей.

— А... откуда вы знаете? — недоверчиво спросил Лешка.

— Хо! Такие литеры у нас в кафе стояли на всем: на салфетках, на полотенцах, даже на видэльцах... на вилках то есть. То значило, что их у жидов отобрали... у евреев то есть, — быстро поправились она и сбоку глянула на Лешку.

Он опустил глаза в землю. Похоже, что дело тут серьезнее, чем квартира Стася. А вообще-то почему они все уперлись в этот проклятый особняк Шпилевских? Будто по-другому нельзя помочь парню. Есть же в городе люди, которые специально занимаются такими делами. В памяти Лешки вдруг всплыла фигура большой девушки в голубом свитере, и вспомнился рассказ брата о ней... Он уговорил Михася идти завтра к Соне Курцевич.

5

Лешка и Михась встретились на Советской площади — бывшей Костельной. Ее с четырех сторон обрамляли острые башни старых католических храмов. В одном из костелов шла служба. Из высоких резных дверей доносились мощные аккорды

органа, и в промежутках между ними гудел баритон ксендза, читавшего по-латыни молитвы.

Орган Лешку заинтересовал. Он осторожно поднялся по истертым гранитным ступеням на паперть и попытался между спинами молящихся рассмотреть внутренность храма. Тотчас он получил здоровый подзатыльник, а с головы его сдернули кепку.

— Куда лезешь в капелюше, хамово отродье!

Лешка вырвал кепку из потной руки усатого дядьки и кубарем скатился на мостовую.

— Уже схлопотал по уху? — услышал он голос Михася. — А чего лезешь, если порядок не знаешь? Ты бы еще в красном галстуке в костел сунулся.

Лешка растерянно оглядел площадь. Ну и город! Вот вывеска на доме: «Областная библиотека имени А.М. Горького». Вот киоск «Союзпечать». В нем продают «Комсомольскую правду» и любимый Лешкин журнал «Пионер». Все как полагается. И тут же рядом какое-то средневековье. Бредут две монашки в черных балахонах и белых платках. Не хватает только Великого инквизитора и аутодафе. Вон опять хлюст в блестящих сапогах прикладывается к ручке размалеванной мамзели.

— Ну их к черту, — мрачно сказал Лешка. — Идем в обком.

— А меня не того... не завернут оттуда? Сам-то вырядился как на Пасху, а от меня люди и на улице шарахаются, не то что в хорошем доме.

Лешка вгляделся в своего спутника. На плоту все они были одинаковыми хлопцами в выгоревших сатиновых трусах. А сейчас бросалось в глаза убожество обмундировки Михася. Какие-то брезентовые штаны, серая ситцевая рубаха без пуговиц, полотняные туфли на босу ногу. Ну да

ведь не от веселой жизни ходит парень в растерзанном виде.

— Ничего, как-нибудь обойдется, — уверенно сказал Лешка. — Там ведь тоже не в лакированных сапогах ходят. Там — свои.

— Тогда ладно, — вздохнул Михась. — Только говорить будешь ты. А если что пропустишь, я добавлю.

Но в вестибюле серого здания Михась снова круто затормозил. Он посмотрел на стеклянную табличку «Обком ЛКСМБ» и буркнул Лешке, что он «все-таки сюда не сунется, а то будет себе дороже».

Лешка обозлился. Если он один пойдет, то чего добьется? Он в городе без году неделя. Кого он может убедить без живых свидетелей? Он даже имена-то не может запомнить толком. Всякие там Августы да еще Сигизмундовичи.

— Большой, а трусишь! Чего трусишь? Я же говорю, что на твои штаны никто и внимания не обратит. Мы такие факты выдадим, что не до штанов будет.

— И о четырех буквах рассказывать?

Лешка подумал: «Нет, это не здесь. Это надо чекистам».

Михась поддернул свой жесткий брезент на бедрах и шмыгнул носом:

— Н-не. Все равно не пойду. Я же на работу опоздаю. Вторая смена.

Это был довод. К тому, что Михась являлся рабочим человеком, Лешка относился с великим почтением. Это тебе не председатель совета отряда в шестом классе. На два года всего старше, а уже на фабрике.

— А ты в самом деле работаешь? — загудел над мальчишками грудной альт. — Сколько же тебе лет? И где произошло нарушение трудово-

го законодательства о подростках, если ты во второй смене?

Во всех случаях, когда вмешивались в его личную жизнь, Михась стремился отступить в тень. В данном случае это было бессмысленно, потому что тень говорящего простиралась по всему вестибюлю. Лешка узнал Соню Курцевич.

И она узнала его.

— О, здесь младший Вершинин. Но если ты к брату, то он на бюро.

— Мы к вам, товарищ инструктор. По важному делу! — очень громко доложил Лешка.

Сониная голова возвышалась над ним где-то очень далеко, и он был убежден, что к таким крупным людям следует обращаться в полный голос.

Мальчишки сидели на стульях у Сониного стола, а она разговаривала по телефону:

— Горздрав? Мне инспектора по детским больницам. Здравствуйте, звонят из обкома комсомола. Стоит у вас на учете больной Мигурский Станислав, тринадцати лет? Стоит? Очень хорошо. А позвольте спросить, почему он не определен в больницу на стационар? Не было сигналов? Вот, значит, как. А патронажный персонал имеется? Так чем же он, разрешите знать, занимается, если не проверяет состояние детей, пострадавших в боях за город, а ждет каких-то сигналов? Примете меры? Самое лучшее, если вы сообщите содержание этого разговора секретарю вашей комсомольской организации. Завтра мы проверим.

Лешка и Михась заерзали на стульях.

— Завтра? Они сегодня собираются уезжать, — сказал Лешка, когда Соня повесила трубку.

Она снова взялась за телефон.

— Горотдел милиции? Мне капитана Голуба. Здравствуй, Антон. Это Соня. Слушай, скажи, кто у вас участковый по улице Пограничной за Неманом? Зачем? А затем, что там один частник выбрасывает на улицу семью с больным ребенком. Вот и скажи своему оперу, пусть он поставит на место этого домовладельца. Пусть хоть штрафанет его для начала. Как это не имеет права? Что значит — разобратся? А я, по-твоему, не разобралась? Ты как со мной разговариваешь? Или я уже для тебя не командир взвода? Нечего смеяться, я вполне серьезно. Вот именно — приезжай. И немедленно.

Соня Курцевич хлопнула на рычаг трубку и подмигнула ребятам:

— Разводит формалистику: я уголовный розыск, а не наружная служба, надо разобратся... О тебе, Дубовик, тоже нелишне подумать. Куда это годится, что ты... Ты чего вертишься, будто на mine сидишь?

Михась действительно ужом закрутился на стуле, когда услышал, что сюда явится капитан милиции. И не какой-нибудь, а начальник уголовного розыска. Только этого и не хватало! Вот влип... Этот капитан отправится, чего доброго, лично к Шпилевскому, и пан Август сразу же накапает на Михася, чтобы отвести удар от себя. Скажет: кому вы верите? Этому ворюге, который сбывал мне краденые папиросы?

Михась ясно представлял, что из всего этого выйдет. Милиция возьмет его за шиворот. К чертям собачьим полетит дружба с Лешкой-сибиряком. Презрительно отвернется от него эта большая тетка. Худо будет Стаське, потому что кто захочет сочувствовать человеку, у которого приятель вор?

Михась впервые употребил это слово применительно к себе.

— Куда? — прикрикнула на него Соня. — Я еще не кончила звонить. Сейчас займусь твоей фабрикой. Подросткам до шестнадцати не положено работать в ночную смену. Так что лучше ты сегодня отправишься с нами к этому Мигурскому. Раз начали, сразу и кончать будем с этим делом.

Михась молниеносно сориентировался:

— Дак... я как раз туда и хотел рвануть. Застать Стаську... чтобы, значит, не уезжали.

— Это дельная мысль, — одобрила Соня. — Рвани.

Михась вылетел из обкома и перевел дыхание только в крытом подъезде дома напротив. В ту же минуту к обкому подкатил «виллис», и из него ловко выпрыгнул офицер милиции. Он был маленького роста, но такой мускулистый, что походил на тугой канатный узел.

Капитан уже входил в вестибюль, но вдруг круто обернулся. Михась не успел спрятать голову за угол, и глаза их встретились. Случайно? Вряд ли. Потому что капитан поднял руку и недвусмысленно погрозил Михасю пальцем. Потом скрылся за дверью. Растерявшийся Михась еще пару минут столбом торчал в подъезде. Ничего не придумав, он все-таки отправился к Шпилевским.

В их доме он прежде всего заглянул в угловую комнату к Стасю. Тот лежал на тощей железной койке и глядел в потолок. Михась нагнулся к уху больного и шепнул:

— Скажи матери, чтобы не вздумала уезжать. К вам сегодня начальство придет. Лешка кое-что провернул.

Стась махнул ресницами, и Михась отправился в кабинет хозяина дома. С паном Августом он говорил коротко и по-деловому:

— Мигурских не отпускайте, а сами сматывайтесь подальше.

— Нелогично! — возразил Шпилевский. — Если квартиранты будут у нас жить, то чего же мне опасаться властей и зачем сматываться?

— Есть зачем! Сами знаете.

— Папиросы твои, что ли? Кто о них, кроме тебя, знает? Не думаю, чтобы ты пошел доносить сам на себя, — ухмыльнулся пан Август.

Но Михась решил избавиться от него любым путем. Если исчезнет Шпилевский, ему, Михасю, жить легче. Меньше свидетелей, которые знают о папиросах.

— А может, и пойду доносить, — вызывающе сказал он. — Меня не расстреляют. Зато потом буду по-людски жить. А вот насчет вас — не знаю. Потому что тут не только папиросы, а и документик замешан.

— Какой документик? — Лицо пана Августа пошло пятнами.

— Будто не знаете. Немецкий, из гетто, — брякнул Михась. — Вы чего-о-о?!

Шпилевский попытался схватить мальчишку за горло, но Михась боднул его головой в живот и вскочил на подоконник. В руке у него оказались увесистые настольные часы в мраморном футляре.

— Не подходи, панская рожа, а то тресну по плеши.

Пан Август глянул в бешеные глаза мальчишки и понял, что он действительно треснет.

— Откуда узнал? — прохрипел часовщик.

— Не твое собачье дело. Последний раз говорю: не чеши лысину, а мотай из города, если жить хочешь. К тебе уже едут. Понял, пан?

И Михась выпрыгнул в окно.

Он уже не видел, как пан Шпилевский ворвался на кухню и рывкнул жене:

— Рюкзак! Сапоги! Одежало! Консервы!

Еще через десять минут он давал указания пани Шпилевской:

— С этим хамьем... с Мигурскими... как с родными. Терпи. Они тебе вся защита. Про меня говори, что уехал по районам искать детали к часам. Жди вестей.

На следующий вечер у Лешки был с братом разговор. Дмитрий всерьез заинтересовался его делами с Соней Курцевич. Она похвалилась Вершинину, что с помощью его младшего братца разыскала погибавшего от эпилепсии парнишку и определила его в больницу. А семье больного по всем правилам выдали ордер на комнату в доме Шпилевских. Кроме того, она всерьез занялась судьбой Лешкиного друга Михася Дубовика и уже установила контакты со спецдетдомом для партизанских сирот.

Но... ее смущает одно обстоятельство. По ее мнению, младший Вершинин остался чем-то недоволен, а чем — упорно молчит. В ответ на ее расспросы он деликатно ответил в том смысле, что тут не женского ума дело. Вот об этом обиженная Соня и доложила Дмитрию.

— Ну, так что там у тебя завелось не для скудного женского ума? Излагай.

Лешка изложил. Он вдохновенно рассказал историю документа с фашистской печатью, из-за которого и загорелся сыр-бор с выселением Мигурских.

Дмитрий присвистнул:

— Вы когда в доме Шпилевских были, бумажку эту, конечно, не видели?

— Да ее никто из нас, кроме Казика, не видел. А он говорит, что за полчаса до нашего приезда отец сжег много бумаг в камине, а потом уехал в командировку.

Дмитрий посвистел второй раз:

— В долгую же, видимо, командировку подался пан Август. Ну а почему ты ничего не сказал о бумаге капитану Голубу? Он-то не девица.

— Так он же милиция, а не госбезопасность.

И в третий раз присвистнул старший брат, но уже с иным выражением:

— Демонстрируешь излишнюю образованность. Запомни: все мы здесь пока на одном посту — санитарном. Приходится очищать область от всякой мерзости. И тут уже не всегда есть время разбираться, кто на какой должности. Все мы — люди партийные, и дело у нас общее. И всем нужно помнить... о чем?

— О бдительности, — понятливо сказал Лешка.

— Именно. Умница. Хотя и запоздалая. Ну ладно. Насчет фигуры Шпилевского я сегодня же проинформирую кого надо. А пока у меня к тебе просьба. И основательная.

Дмитрий сообщил, что завтра вечером уезжает в командировку. На неделю. И просит Лешку в эти дни посидеть по возможности дома и, главное, не ввязываться ни в какие истории. А то, кажется, мама была права, когда писала о его таланте на этот счет. Пусть он лучше почаще пишет матери. С месяц, как уехал из дому, а отправил всего два письма.

Авансом за будущее примерное поведение Дмитрий пообещал Лешке дать сегодня почистить пистолет.

Пистолет чистили после ужина. Лешка с почтением принял в свои руки черное матовое тело «вальтера». Дмитрий достал из-под кровати пузырек с машинным маслом и суконку. На ковровой кушетке, принадлежащей Фелиции Францевне, они разостлали две газеты.

— Он у тебя с фронта, да? — уважительно спросил Лешка.

— Нет, фронтовой я сдал, как положено. Эти машинки нам выдают в обкоме, когда едешь в командировку.

— Зачем?

— Ну как — зачем? А если соскучишься в деревне? Выйдешь за околицу, в лесок, а там в консервные банки постреляешь. Ладно, смотри лучше, как он разбирается...

Они протерли и смазали каждую деталь, и Дмитрий дал Лешке пощелкать курком-самовзводом пустого пистолета.

— А в какую сторону он гильзы выбрасывает?

Дмитрий вздохнул от настырности братца, загнал в рукоятку обойму и, резко оттягивая каретку назад, показал, как выщелкивает пистолет патроны. Потом он стал собирать их с газеты и загонять обратно в узкую щель магазина. Пистолет лежал рядом, и Лешка взял его в руки.

— Брось! В стволе пат... — крикнул вдруг Митя.

Грохнул выстрел. Кисло запахло сгоревшим порохом...

Вообще-то ничего страшного не произошло, если не считать, что оба брата побледнели: старший от испуга за младшего, а тот от неожиданности. Убедившись, что Лешка невредим, Дмитрий сунул его голову под мышку, но хлопать не стал, а сказал:

— Растяпа!

— Я же нечаянно...

— Не ты, а я растяпа. Не мог патроны сосчитать. Ну ничего, дурачок. Дыши глубже — отойдешь.

В эту минуту дверь их комнаты во всю ширь распахнулась, и на пороге возникла сухопарая фигура квартирной хозяйки.

— Цо пенкнуло? Что разбили?!

Взор хозяйки блуждал по комнате — от трюмо до кушетки и от кушетки до буфета.

— Да вроде бы ничего, пани Фелиция, — галантно улыбнулся Дмитрий. — Просто случайный выстрел. Знаете, это иногда бывает.

— Так. Бывает, говорите. И говорите, ничего...

Фелиция Францевна вошла в комнату, еще раз осмотрелась, заметила на кушетке замасленную порванную газету и брезгливо приподняла ее с ковра.

...Боже, как она закричала!

Она вопила, что этот ковер чисто персидской работы, хотя, конечно, ее квартирант пан Вершинин, пусть он и числится в офицерах, понятия не имеет о Персии, тем более что та находится в Африке, а туда, слава Деве Марии, большевики еще не дошли, а вот менж пан Болеслав, хотя он и всего лишь «сержант героичнэго генерала Андерса», до Персии дошел и сейчас пишет из Лондона, чтобы она пуще всего берегла ковры, потому что это надежное вложение капитала, а она не уберегла, и пан Вершинин ковер погубил, а он стоит большие тысячи, которых, конечно, у него нет, и что она сейчас пойдет подавать в суд.

Лешка стоял за спиной брата и тоскливо ждал, когда кончатся вопли хозяйки. Дмитрий тоже молчал, и только правый глаз его все прищуривался и прищуривался, а левая бровь ползла вверх.

Наконец Дмитрий выбрал секундную паузу в словоизвержениях Фефе и вежливо произнес:

— Мадам, боюсь, что сегодня в суд идти поздновато — там закрыто. И потом — ради упомянутой вами Пречистой Девы Марии — поясните, что же трагического произошло с вашим ковром,

если вы вдруг призвали в свидетели далекого супруга, а также вспомнили цены ковров по курсу международной валюты?

Фелиция Францевна обомлела от негодования:

— Как — что произошло с ковром! Пан издевается? Пан не видит, что на нем дыра?

Дмитрий и Лешка одновременно глянули на то место, где раньше лежала газета.

Дыра — это было сказано хозяйкой слишком мягко. Возможно, от незнания ею тонкостей русского языка. Пуля пропорола в ковре великолепную дорожку длиной сантиметров в сорок и шириной в два. Потом она ушла куда-то в пружинные недра кушетки.

— Нет-нет, пан Вершинин, — продолжала клокотать горлом хозяйка. — Я не могу терпеть у себя квартирантов, которые стреляют в ковры. За этот шедевр вы еще, конечно, уплатите, но житье ваше у меня конечно же в дальнейшем невозможно. Сначала вы мне брата привезли, а потом какая-нибудь комсомолка появится. Нет и нет! Я вас пускала как одинокого мужчину, но вижу, что проку от вас...

— Мадам, закройте плевательницу! — сказал Дмитрий.

Сказал так, что Фелиция Францевна некрасиво икнула и смолкла.

— Цо то есть — плевательница? — изумленно прошептала она.

Дмитрий шагнул к ней и подставил кренделем согнутую руку. Хозяйка машинально оперлась на нее. Дмитрий довел свою даму до выхода из комнаты, рывком высвободил локоть и плотно закрыл за хозяйкой дверь.

— Н-да-с! — сказал он и сконфуженно поглядел на Лешку. — Ругаешь меня, что я поселился у такой крокодилицы? А сатана ее знал... — Он

виновато покосился на брата: — С кем теперь я тебя оставляю? Не с этой же ведьмой.

Лешка пожал плечами.

— Ты как насчет Сонюшки? — осторожно спросил Дмитрий. — Может, продержишься у нее неделю? Комната у нее большая и, слава богу, государственная. Ковров там нет.

Лешка в упор глянул на брата. Дмитрий шмыгнул носом, как маленький, и уставил глаза в потолок.

Они пошли к Соне.

Инструктор школьного отдела ужасно обрадовалась приходу неожиданных гостей и до того разволновалась, что заговорила без точек и запятых. Братья слышали, что пусть генеральная стирка летит ко всем чертям и что она немедленно начинает жарить оладьи, и это во-первых, а во-вторых, с Лешкой у нее будет разговор насчет его друга Михася, которого она целые сутки разыскивает, но на фабрике его не оказалось, а оказалось, что он находится в милиции, о чем ей сообщил Антон Голуб, который сказал, что будто бы Михась был вчера ночью задержан при попытке проникнуть в квартиру Шпилевских, но лично она подозревает здесь какую-то путаницу, потому что Дубовик как раз и способствовал обнаружению больного мальчика Мигурского, а поэтому она считает задержание Михася очередной ошибкой Антона, который и в партизанах-то, случалось, путал взрыватель с капсюлем, за что был неоднократно бит ею, Сонею, по рукам, а сейчас будет бит по другому месту, если вздумает и дальше путать хорошего парня с уголовником, но что пока она никак не может мальчишку из милиции выцарапать.

— И не выцарапаешь, — холодно заметил Дмитрий. — Для этого существуют прокуроры,

а не анархистствующие бывшие партизаны. Хотя бы и доблестные. Кстати, Лешка, как это вышло, что твоего верного друга заточили? Он что, не сообщал тебе о своей подпольной профессии квартирному налетчику?

Лешка укоризненно посмотрел на брата и промолчал. Конечно же тут происходит дикая нелепица. Но все-таки за каким лешим Михася понесло ночью в дом Шпилевских? Не иначе как хотел добыть ту бумагу с печатью. Но тогда почему он не объяснил все в милиции?

Надо обязательно Михася увидеть. Чего бы это ни стоило.

— Я погуляю полчаса, — сказал Лешка. — Еще только девять.

Дмитрий подозрительно взглянул на него. Зато Соня тут же поддержала Лешку:

— Конечно, погуляй перед сном. Вечер чудный.

Лешка мчался к дому маленького капитана. Он запомнил, где тот вышел из машины, когда они возвращались от Шпилевских. Сейчас Антон Голуб сидел у окна в одной майке и пришивал к синему кителю подворотничок.

— Значит, устроить тебе свидание с босяком Дубовиком? — задумчиво спросил он.

— Он не босяк! — горячо заверил Лешка.

— Вылитый, — упрямо мотнул головой Антон. — Ты еще не знаешь. А я знаю. Давно он у меня на примете. Говоришь, хороший? И это знаю. Но с трещинкой. И упрям. Скоро сутки, как сидит, а молчит. Даже на двор не просится, паршивец. Но тебя, между прочим, вспоминал. Что ж, если ты думаешь, что он перед тобой раскроется, могу рискнуть. Кстати, где твой брат Димка?

— Митя? Он у тети Сони.

— Хм... Снайпер-то он, конечно, известный, а вот не зависил ли прицел на этот раз, — непонятно сказал Антон, и они пошли.

Лешка ожидал увидеть Михася в мрачной, темной камере с решеткой, а оказалось, что тот сидел на деревянном диване в дежурной комнате и пил чай с каким-то небритым старшиной. При виде капитана старшина вскочил и начал докладывать, но Антон приказал ему выйти. И сам ушел в соседний кабинет. Михась и Лешка остались вдвоем.

— ...Да не за бумагой я полез, — сердито объяснил Михась. — Чего ее искать, если она сгорела. Говорил же Казька...

— Так чего тебя понесло?

— А то и понесло, что хотел узнать, как лучше в бункере застукать пана Августа с друзьями.

Лешка широко раскрыл глаза, рот и уши.

6

Когда Михась после стычки с паном Шпилевским выпрыгнул из окна, он не сразу выскочил на улицу, потому что поранил ногу. Валявшаяся в песке ржавая часовая пружина впилась стальным концом выше лодыжки, так что сразу обильно пошла кровь. Проклиная часовщика и его ремесло, Михась захромал в угол двора, выскивая листок подорожника. Он нашел его, сдул пыль и присел на пороге аккуратного сарайчика, чтобы унять кровь.

Носков Михась не носил, платков у него не водилось, а поэтому надо было найти тряпочку, чтобы плотно привязать подорожник к ноге. Дверь в сарайчик была полуоткрыта, и там на

полу валялось разное тряпье. Михась на всякий случай оглянулся на окна дома. В них — никого. Он шагнул внутрь сарайчика.

В этот момент в доме заскрипела входная дверь и в ней показался Август Сигизмундович. Плечи его оттягивал назад пузатый рюкзак, отчего походка стала замедленной и горделивой. Часовщик прошагал по бетонной дорожке от крыльца к калитке.

— Сматываешься? Валяй-валяй, — прошептал Михась.

Но оказалось, что радовался он рано. Не успела за хозяином дома закрыться калитка, как тут же снова с треском распахнулась, и пан Август влетел обратно во двор. Он обалдело глянул влево, вправо, суматошно махнул рукой выскочившей на крыльцо жене и галопом помчался прямо к сарайчику. Рюкзак колотил его по спине и прибавлял скорости. Михасю ничего не оставалось, как вскарабкаться на пыльную полку под потолком. Там он укрылся за кучей тряпья, недоумевая, зачем вдруг понесло сюда хозяина.

Но вскоре все разъяснилось. За оградой про шумел и смолк мотор автомобиля, а через секунду Михась услышал голоса капитана милиции, большой Сони из обкома и Лешки.

Пан Шпилевский в это время развивал в сарае бурную деятельность. Он подскочил к огромной пустой бочке, от которой несло кислой капустой, и уперся в нее плечом. Бочка покачнулась и накренилась. Когда днище ее приподнялось, пан Август ловко подставил под него березовое полено. Бочка осталась стоять набекрень, а под ней зачернел круглый кусок пола. Часовщик вынул из нагрудного кармана большой фигурный ключ и вставил его в центр круга. Тотчас же деревянный диск провалился.

С непостижимой быстротой Шпилевский швырнул в люк рюкзак и скрылся в нем сам. Звякнула какая-то пружина, люк с силой захлопнулся, березовый кругляш от сотрясения выскочил из-под днища, и бочка аккуратно шлепнулась на прежнее место.

— Здорово! — чуть ли не вслух сказал изумленный Михась. — Вот это механика!

Он остался лежать на полке, раздумывая над всем увиденным. Выходит, порядком нечиста совесть пана Августа перед Советской властью, если он такой бункер соорудил для себя. Пойти вот сейчас в дом и привести сюда капитана Голуба.

Но что-то удерживало Михася от спешки. Нет, не страх, что Шпилевский все-таки сболтнет о папиросах. Придет время — Михась сам расскажет, раз уж хотел «завязать» с прежней жизнью. Он чувствовал, что сейчас можно просто спугнуть часовщика. Надо подождать.

На дворе опять раздались голоса. Михась выглянул в маленькое оконце над дверью и увидел, что капитана Голуба, Соню и Лешку провожают две женщины — хозяйка дома и мать Стася. Пани Шпилевская любовно держала под руку свою квартирантку и горячо уверяла в чем-то гостей. Лешка задумчиво шел сзади.

Послышался звучный голос Сони:

— Больничная машина придет за мальчиком завтра утром. Приготовьте его.

— Так, так, пани. Все сделаем, — вперед матери Стася ответила хозяйка.

— Спасибо вам, пани Софья, — сказала мать.

— Я не пани! — гневно зазвенел Сонин голос. — Если вы не привыкли еще к слову «товарищ», зовите просто Софьей Борисовной.

Слышно было, как «виллис» отъехал. Михась выждал минут пять и слез со своих полатей.

В носу было полно пыли, но он удержался и не чихнул. Как магнитом его потянуло к капустной бочке. Он нажал на нее по примеру пана Шпилевского. Где там — даже не шелохнулась. Тогда он лег на пол и прижался ухом к доскам около бочки.

Сначала ничего не было слышно. Видимо, пан Август сидел тихо как мышь. Но Михась был терпеливый парень, да и спешить было некуда. Завтра он скажет на фабрике, что ему не полагается работать в ночную смену и сошлется на инструктора Соню. Удивительная все-таки она. И Лешка мировой пацан. Вообще везет Михасю в последнее время на хороших людей. Может, и переменится жизнь. Только вот почему капитан погрозил пальцем?

Терпение победило. Минут через сорок под полом отчетливо раздались голоса. Мужской и женский. Михась вдавился ухом в пыльную половицу.

— ...А где была гарантия, что они не знают меня в лицо? Не мог же я спокойно двигаться навстречу, прямо им в лапы.

— Они могли заметить, что ты побежал сюда.

— Ни дьявола они не заметили. Машина еще на углу была, когда я во двор повернул. А теперь слушай меня внимательно. Я сейчас уйду и вернусь не скоро. Тебя не тронут, а мне здесь крышка. Про разрешение на скупку жидовского добра уже знают все. Черт его дернул завалиться в щель. Даже этот щербатый голодранец пронюхал. Первый визит нанес легавый. Вот-вот жди и чекисты появятся. Это как закон. В общем, дня через три вызывай сюда Когута и Хорунжего и делите валюту. Сегодня — пятница. Значит, в понедельник. Будет возможность, и я появлюсь. И пусть они тоже сматываются с фаб-

рики: чую, что этот сопливец скоро всех завалит. Идей набрался... Свернуть бы ему башку, да некогда. А Казимира лупцуй нещадно, если он еще будет путаться с этой рванью.

«Щербатый сопливец» перевел наверху дыхание и медленно поднялся на ноги. Он бесшумно вышел из сарайчика и тенью вдоль забора добрался до калитки. И только на улице его будто стукнуло по голове. Шпилевский разговаривал в подвале с женой. Но она-то в сарайчик не приходила и в люк не прыгала. Как она туда попала?

— Ну а как ты сюда попал? — спросил Лешка, когда Михась изложил ему свои похождения.

— Так я же назад вернулся во двор. С другой стороны дома окно в кухню. Вот я через него и хотел заглянуть, чтобы проверить, есть ли там лаз в подполье. В комнатах его нет — я бы раньше заметил. Надо же было узнать, откуда начинается ход в бункер. Ну, я только влез на подоконник...

— Тут его и защучили, — сказал Антон Голуб, входя в дежурку. — Ты, друг Михась, извини меня: я весь твой рассказ слышал. Будем считать, что нечаянно: стенка очень тонкая. А сгреб тебя за воротник наш постовой, которому я велел на всякий случай приглядывать за домом, — усомнился в командировке пана Шпилевского. Однако получилась форменная чепуха, потому что, пока постовой тебя доставлял сюда, хозяин дома как раз и утек. Вот такие пироги! Лично у меня никаких сомнений нет, что пан Август «пошел до лясу»¹. Но разговор об этом будет не здесь. А пока у меня к тебе есть не-

¹ Подался в лес (польск.). (Примеч. авт.)

сколько вопросиков. Первый: зачем ты и раньше частенько забредал на усадьбу Шпилевских?

Михась ощерился.

— Давай-давай, не стесняйся. Видишь, я даже протокола не веду. Мои люди пару раз видели, как ты выплывал из фабричной проходной с большим животом. Но пока тебя не трогали. Затем мы установили, что пан Шпилевский сбывает крупные партии папирос сельским спекулянтам. Есть связь между этими фактами? Так кто доставлял ему краденые папиросы?

Михась набрал полную грудь воздуха, прощальным взглядом поглядел на Лешку и выдохнул:

— Я доставлял.

— Так. С мертвой точки сдвинулись. Сколько от него денег получил?

— Шесть сотенных получил. Проел.

— Догадываюсь, что не пропил. А Шпилевский, наверное, шесть тысяч отхватил, хотя по суду он может получить срок меньше твоего. Он просто перекупщик, а ты... этот самый. Ладно, не сверкай очами. Зачем выносил папиросы? Сам придумал?

— Жратвы не хватало. Не сам.

Антон раздраженно побегал по комнате.

— Ну, допустим. Паек, конечно, маловат для твоего роста. Но почему не пришло тебе в стриженую башку, что не ту дорожку для пропитания указали твои дружки с фабрики? Мог сам-то сообразить?

— А я уже начинал соображать, — замогильным голосом сказал Михась.

— Ну, милый, этого мы не знаем. Зато факты нам известны. И все они за то, чтобы идти к прокурору за санкцией. Ну да черт с тобой. Постановление следователь оформит завтра. Постараюсь, чтобы в нем было кое-что сказано об откровенном

признании и прочих смягчающих обстоятельствах. Например, о сопливом возрасте воришки. Я кому говорю, не ощеривайся! Напаскудил, а еще в пузырь лезешь. Сейчас я тебя отвезу в управление госбезопасности, и там ты слово в слово повторишь свой рассказ. Не о папиросах, а о бункере. А ты, Вершинин, двигай до хаты.

Лешка обиделся.

Почему он должен оставаться в стороне? Такая интересная история заворачивается, а его побоку? А кто раскрыл загадку четырех букв? Кто вчера первый надоумил Соню поехать к Шпилевским?

Лешку поддержал Михась:

— Я не больно помню эти... немецкие буквы. В «виллис» они сели вместе.

Поздно ночью капитан Голуб привез мальчишек к квартире Сони, развернулся и укатил в темноту. Лешка и Михась глянули на окна, убедились, что они еще светятся, и, не сговариваясь, сели на скамейку у подъезда. Надо было поговорить о серьезных делах.

Итак, в понедельник будут «братъ» бункер Шпилевских. Хотя в управлении госбезопасности об этом не было сказано ни слова, но они не маленькие. Недаром майор заставил Михася несколько раз рисовать план двора, дома и сарая. Потом он спросил:

— Любопытно, кто такие Хорунжий и Когут. Ты не догадываешься?

Михась мотнул головой:

— Сроду не слыхал.

На прощанье майор сказал:

— Главная опасность сейчас в вас, ребята. Болтнете кому-нибудь одно слово — все сорвется. Я, Вершинин, знаю еще с фронта твоего бра-

та. Значит, в какой-то мере могу доверять и тебе. Под честное пионерское. Между прочим, была у меня возможность раньше познакомиться, да обстоятельства помешали. Не догадываешься? Это же я должен был захватить тебя в поезд по дороге сюда... В общем, за тебя я спокоен. А вот Дубовика я не знаю. Вернее... знаю не совсем с той стороны. Так что за ценные сведения ему спасибо, но для пользы дела пусть он пару суток погостит в милиции.

Мальчишки повесили носы. Михась подумал: «Хана. Сажают. А ты на что надеялся?» Но тут заговорил капитан Голуб:

— Товарищ майор, я полагаю, что Дубовик будет молчать. Между прочим, это он умеет. Сколько понимаю, он именно к вам и рвался со своими данными, а милиции их не доверил. А раз дорвался, чего ему трепаться? Так, что ли, Дубовик?

Михась не ответил, только глянул своими круглыми глазами прямо в глаза капитану, и тот понял, что именно «так» и без всяких «что ли».

— Кроме того, — добавил Антон, — у него крестная мать выискалась — инструктор обкома Курцевич. В лобовую атаку идет на меня. Вот пусть он у нее и отбывает двухдневный карантин. А то в дежурке весь чай выпьет со старшиной. Или еще хуже: эта Соня вдрызг разнесет милицию.

Майор засмеялся. Ребята тоже улыбнулись.

А сейчас мальчишкам было не очень весело. Они сидели и молча смотрели на подрагивающие в бархатном небе июльские звезды. Оба думали об одном и том же.

В понедельник развернутся главные события на улице Пограничной. Властная рука взрослых устраняет мальчишек от участия в решающих действиях. Где справедливость?

Так мыслил Лешка.

Часовщика, может, и застукают. Вместе с дружками. А вдруг что-нибудь сорвется? Одно дело картинку на бумаге нарисовать в блокноте майора, а другое дело — когда сам показываешь. Случись у них какая осечка, скажут: сбрехал. Тогда уж точно посадят. Чохом за все. И законно будет.

Таков был ход мыслей Михася.

Мерцающим звездам было наплевать на людские заботы. Они подмигивали кстати и некстати, правому и виноватому.

Лешка тихонько вздохнул и сказал:

— Близнецы.

— Кто? — сердито спросил Михась.

— Звезды. Созвездие такое. Вон в самом верху мигают.

— Там их тыщи. И все близнецы.

— Не все. Ниже — Единорог. Во-о-он, над костельным крестом.

— Не трепись. Это бабка моя об единороге рассказывает. Только он на иконе в церкви нарисован, а не на небе.

— Ну на иконе — не знаю. А созвездие Единорога точно есть. И вообще звериных созвездий много. Козерога, Дракона, Льва... потом еще Змеи, Скорпиона, Гидры.

— Это попы напридумывали страшных названий, чтобы людей небом пугать.

Лешка помолчал. Такая мысль ему не приходила раньше в голову. Он усомнился:

— Ну почему же только пугать? Есть и другие названия. Например, Лисичка, Ящерица, Дельфин. Ими не напугаешь.

— Ну а почему — Ящерица? Что, хвост, что ли, у звезды длинный?

— При чем тут хвост... Просто все вместе они, если прищуриться, похожи на ящерицу. Наверное, кто первый это заметил, тот и назвал.

Михась поерзал на скамеечке:

— Все-то ты знаешь... А откуда знаешь? Ты ж на два года позже меня родился. Почему я ничего не знаю? Жизнь у меня такая проклятая!..

Лешке стало не по себе от тоски в голосе друга, даже в носу защекотало. Конечно, он сумел бы сказать ему, что не жизнь — проклятая, а пусть будет проклята война, которая исковеркала детство Михася. Что жизнь только начинается. И все такое. Но как-то неловко.

Лешка сказал:

— А вот еще есть такое созвездие — Волосы Вероники. Лучше всего в сентябре его видно. Я читал, что в этом созвездии один школьник из Швейцарии открыл новую звезду. Был у него самодельный телескоп. У них там, в Швейцарии, горы, воздух чистый, и звезды хорошо видны. Он вечером глядел и увидел.

— Швейцария — это где? Она за кого воевала?

— Она ни за кого. Нейтральное государство.

— А! Не воевала! — зло расхохотался Михась. — Тогда у пацана было время звезды считать. На сытое брюхо. И бомбы на него с неба не сыпались.

Лешка не стал объяснять, что свое открытие швейцарский лицеист сделал двадцать пять лет назад. Он только добавил, что новая звезда с тех пор носит имя этого школьника. Такой порядок в ученом мире.

— Ну да? — не поверил Михась.

— Точно. Я читал.

— А сам мальчишка? Наверное, разбогател.

— Ну... не знаю. Он молодой умер от какой-то болезни.

Ребята долго молчали. Потом Михась встал и с хрустом поддернул свои жестяные штаны.

— Да-а-а! Это — ничего. Он, значит, помер, а звезда... все равно называется. Ну, так жить

можно! — неожиданно заключил он. (Через двадцать пять лет Алексей Петрович Вершинин прочитает в центральной газете статью астрофизика профессора М.Д. Дубовика «Сверхскопления галактик — крупнейшие структурные единицы Вселенной».)

7

Дмитрий уехал в командировку в воскресенье вечером, а утром в понедельник, уходя на работу, Соня сказала мальчишкам:

— Я не знаю почему, но мне дана установка не выпускать вас сегодня из квартиры. Запирать вас на ключ дело бесполезное, поскольку существуют окна. Поэтому мне просто нужно ваше честное слово. Даешь, Леша, честное пионерское?

Лешка отрицательно замотал головой:

— Вы не совсем в курсе, Софья Борисовна. Установку я знаю: не допускать нашего общения с кем бы то ни было. Но чтобы держать взаперти — об этом вам не говорили.

Соня несколько растерялась. Вообще-то именно так майор и говорил: не допускать контактов.

— Так вот, — уверенно продолжал Лешка, — я даю честное пионерское за нас обоих, что в течение дня мы не будем ни с кем разговаривать, а только друг с другом. Но взаперти мы не высидим. Сбежим. Отпустите нас в музей.

Соня задумалась. Музей — это звучало солидно. Не купаться и не мяч гонять. И сам Лешка выглядел представительно, делая свое заявление. Он очень серьезно смотрел снизу вверх на Соню абсолютно правдивыми и ясными глазами. Потом добавил:

— Митя бы отпустил.

В конце концов, воспитывать надо доверием. Соня сдалась.

— Ловко ты ее, — хмыкнул Михась. — На Неман дернем?

— Нет, в музей, — непреклонно сказал Лешка. — Я слово дал.

— Да иди ты... Был я в том музее. Кости да черепки.

— Это — в нижнем зале. А верхний только на днях открыли. Митя говорил, там рыцари. В настоящих доспехах. Латы и кольчуги, мечи и палаши. В нашем городе такого музея нет. Я хочу фотографии сделать для отряда. Вот — взял у Мити «лейку». — Лешка помахал кожаным футляром.

Михась еще сроду не держал в руках фотоаппарат.

— Меня... научишь?

Они пожевали вчерашних котлет и пошли. По дороге к музею случился небольшой казус: какая-то девушка с чемоданом спросила, где Запсковая улица. Они были как раз около Старого замка, и спрашивать об этом было глупо. Михась открыл рот, чтобы так и ответить, но Лешка сильно дернул его за штаны и бегом увел за собой.

— Нельзя же разговаривать, — шепнул он.

— Больно уж ты... того! Какая разница, если бы я и сказал ей пару слов. Не бойся, не услышит твоя Соня.

Экскурсантов в музее в этот утренний час было немного. Лешка и Михась неторопливо переходили от стенда к стенду. Потом дело пошло веселее. Из узкой боковой дверцы появился ветхий, но аккуратный старичок в очках и наглаженном парусиновом костюме. Он отрекомендовался ученым секретарем музея и сказал, что готов быть экскурсоводом. Лешка быстро присоединился.

Старичок говорил без умолку.

— ...Здесь собраны и более древние экспонаты — начиная с десятого—одиннадцатого веков. Легко заметить, что у тогдашних восточных славян особенно было развито кузнечное ремесло, а также обработка драгоценных металлов. Эта коллекция древнего оружия свидетельствует...

И тут у Лешки разыгралось воображение.

— ...Этим самым копьем, которое держит в стальной рукавице фигура рыцаря, был сражен на княжеской охоте могучий зубр. На древках копий его притащили сюда, на гору, целиком зажарили, а потом отрезали себе куски жаркого вон теми зазубренными кинжалами. Потом затрубил этот зеленый, с красивой насечкой медный рог, и дружина князя умчалась отражать нападение соседей-феодалов, на полном скаку стреляя из этих громадных луков. В качестве трофеев они привезли двуручный меч с извилистым лезвием и непонятной латинской надписью на клинке...

Немного ошалевший от дремучей старины, Лешка метался между стендами и витринами и успевал схватывать только отдельные реплики музейного старичка. Оставалось читать куцые надписи на экспонатах, щелкать «лейкой» и фантазировать. Спрашивать и разговаривать Лешка сегодня не имел права. Ни с кем, кроме Михася. А Михась затерялся в обширных гулких залах.

Наконец узкая дверь с надписью «Выход» вывела Лешку снова на гранитный мост замка. Лешка почти с облегчением вздохнул и прищуренным взглядом фотографа стал обозревать панораму города с высоты Замковой горы. Внизу сверкал на солнце Неман. За ним дымились трубы фабрик. Где-то там табачная Михася. А куда он сам провалился?

Михась подошел своей обычной неспешной походкой, встал рядом на парапет и сплюнул вниз. Лешка неодобрительно покосился на него, потому что под мостом проходила лестница к набережной и по ней двигались люди.

Михась сказал тонким от обиды голосом:

— Научил меня карточки снимать, да? Сам щелк-щелк, и будь здоров. Трепло.

— Кто трепло? — возмутился Лешка. — Ты сам где-то потерялся.

— «Потеря-а-лся»? — передразнил Михась. — Я не терялся, пока не увидел, что ты с этими железяками... с глузду зъехал. Стоишь у ящика и губами шевелишь. Я чуть не заснул. Ну и пошел гулять...

Лешка понял, что Михась всерьез обижается. И торопливо сказал:

— Ты не думай, что я всю пленку израсходовал. Еще шесть кадров. Пошли, научу.

Один из склонов огромной Замковой горы сплошь зарос кустами сирени, акации и жасмина. Изредка в зарослях попадались живописные лужайки. К ним были протоптаны уютные стежки. На одной из полянок Лешка и предложил Михасю попользоваться «лейкой». Он, как мог, растолковал ему, что такое дальномер, выдержка и диафрагма, и отошел к кромке кустов. Встал в позу и скомандовал:

— Жми на кнопку.

Михась долго прилаживался к аппарату, застенчиво улыбался, рассматривая в видоискатель лужайку, кусты и Лешку. И вдруг он увидел в этом мутноватом стеклянном кружке силуэт еще одного человека. За спиной Лешки стоял мужчина и призывно помахивал рукой. Даже в неверных радужных разводах видоискателя лицо его показалось Михасю очень знакомым. От неожи-

данности он нажал кнопку и вздрогнул от громкого щелчка затвора.

Ну конечно! Из-за спины Лешки выдвигалась хорошо известная ему клетчатая фигура фабричного экспедитора. Он был здорово пьян. Он отпихнул Лешку, зигзагом приблизился к Михасю и фамильярно обнял его за плечи.

Лешка одним прыжком встал плечом к плечу с другом. Но пьяный безобидно чмокнул Михася в щеку и всхлипнул:

— Ну вот... а говорили, ты сидишь. А я подумал — это не для него. Это — для меня. А тебе чего делать в милиции? Правда? Ты же толковый муж-ик...

Михась легко вывернулся из его объятий, и пьяный, потеряв точку опоры, сел на траву:

— И-з-з-вини. Я вижу, ты занялся фотокоммерцией. И это твой клиент? Дуй. Снимай. Ты прав. Папиросы — это пошло. Тем более, что я тебе больше не компаньон. Я... иду садиться. Да. Сам. В милицию. И пусть меня поскорее спрячут в уютную беседочку с симпатичной сеточкой. Там не дует. И там нет комаров. Если пан Август в них влюблен, он может их кормить. В камере, конечно, не курорт, но зато нет пана Августа и его приятелей. И слава Иисусу Христу, что нет. Чем дальше от них, тем спокойнее. Лучше сидеть за папиросы, чем за еврейское добро...

Умиротворенно смежив веки, экспедитор улегся на траву и приготовился храпеть.

Михась вопросительно глянул на Лешку.

Лешка кивнул. Нельзя давать ему спать!

Михась довольно беззастенчиво пнул пьяного в бок.

Экспедитор поднял голову и как ни в чем не бывало продолжил свою мысль:

— ...Потому что идейных разногласий у меня с Советской властью нет. Я всего лишь хронический нарушитель Уголовного кодекса. Да. Тадеуш Петуховский — жулик, но не бандит. Поэтому я отклоняю предложение пана Шпилевского о прогулке в пуши и куши и иду садиться. Лучше получить три года, чем пулю из кустов. Еще раз привет дебютирующему фотоателъе. Все!

Это было действительно все. Экспедитор надежно уместил свою физиономию между ладонями и мгновенно уснул на изумрудной траве лужайки.

— Ты слышал? — шепотом спросил Лешка. — Выходит, что это он должен был идти сегодня в бункер. — Он схватил Михася за руку: — Бежим к капитану!

Они выбрались из зарослей на тротуар и бешеным аллюром помчались по тихой Замковой улице к центру города.

Через двадцать минут вплотную к бордюру тротуара, от которого уходили вниз зеленые джунгли, подлетела крытая машина. Мальчишки сидели в кабине рядом с водителем. Из кузова выскочили трое мужчин. Лешка рукой показал им направление, и они скрылись в кустах. Долго никто не появлялся.

— Разбудить не могут, — догадался Лешка.

Наконец пестрый костюм экспедитора замаячил среди зелени. Его обладателя несли на руках.

— Так и не проснулся? — удивился Лешка из окна кабины.

— А ну, отвернись! — вдруг заорал на него Антон Голуб, который поддерживал экспедитора за ноги.

Тадеуш Петуховский был мертв.

Через полчаса с мальчиками разговаривал майор. Сначала ребята не могли понять, почему

его больше всего интересовало, каким голосом говорил на лужайке экспедитор.

— Пьяным голосом, — повторял Михась.

— Я спрашиваю, громко или тихо?

— А пьяные тихо не разговаривают.

— Это, пожалуй, верно. Сколько шагов было от места, где он лежал, до ближних кустов?

Лешка прикинул в уме и сказал, что шагов пятнадцать. Тогда майор вывел ребят в коридор, отмерил на линолеумной дорожке расстояние и велел Михасю лечь на пол и сказать несколько фраз таким тоном, как говорил экспедитор. Михась конфузливо хмыкнул, повалился на бок, подумал и хрипло произнес:

— Я жулик, а не бандит!..

Майор улыбнулся в конце коридора. Фразу он услышал отчетливо.

Картина вырисовывалась четко: кто-то следил за Петуховским, заподозрив, что тот решил податься в милицию. Преследователь дождался ухода мальчишек и задушил спящего. Но был он совсем близко, не дальше пятнадцати шагов, потому что слышал весь разговор Петуховского с ребятами.

Неужели ребята совсем его не заметили?

Мальчишки растерянно пожимали плечами. Лешка добавил, что он не видел появления даже самого экспедитора. Тот вышел из-за Лешкиной спины, когда Михась щелкал «лейкой».

— Щелкал, говоришь? — задумался майор. — Дай-ка мне аппарат. Хороший прибор. «Цейсс». Просветленный объектив. Светосила один к двум. Вот что, хлопцы, я достану из него пленку и отправлю в лабораторию. Ты, Вершинин, не волнуйся: музейные кадры будут целы. И проявим мы их тебе на высшем уровне.

В кабинет без стука влетел разгоряченный капитан Голуб.

— Докладываю: собака след не берет — чихает. Там на два пальца махры насыпано. Несколько пачек не пожалел, мерзавец. Вот обертки от пачек.

Он положил на стол порванные желто-серые клочки бумаги.

Майор покрутил их в пальцах и разочарованно положил обратно: самая обыкновенная упаковка местной фабрики. Таких пачек полно в каждом киоске.

— Можно, товарищ майор? — спросил вдруг Михась и придвинулся к столу. Он разгладил и внимательно осмотрел каждый клочок.

— Нету, товарищ майор, — испуганно сказал он.

— Чего нету?

— Штампа ОТК нету. Значит, они не из магазина, а прямо с фабрики. Еще и контроль не прошли, а их уже свистнули.

Майор поднес клочки бумаги к своим глазам:

— Верно, парень. Соображаешь. Это уже ничточка. Выходит, пачки были в кармане у человека, который работает на фабрике. Или связан с кем-то из тамошних леваков. А, Дубовик?

Он глянул на Михася. Мальчишка побагровел. Антон Голуб шагнул к столу и твердо сказал:

— Исключается, товарищ майор. Кто старое помянет...

Смутился и майор:

— Ладно. Я не то имел в виду. Вообще-то вы молодцы, ребята. С головой. Но...

Домой, то есть на квартиру Сони Курцевич, их не отпустили. В той же закрытой машине капитан Голуб отвез мальчишек в отдел милиции и с рук на руки сдал дежурному сержанту. Приказание было коротким: кормить, поить и никуда не выпускать. До отбоя.

О каком отбое идет речь, ребята не поняли. Антон ехидно хмыкнул:

— Перехвалил вас майор насчет голов. Убийца вас видел? Видел. Известно ему, что вы болтовню Петуховского слышали? Известно. Экспедитора он придушил, а вы-то остались. Радостно ему вас живыми наблюдать? То-то.

У друзей забежали под рубахами полчища мурашек.

ПИСЬМО

«Здравствуй, мама. Я здоров и пишу из милиции. Но я здесь не почему-то, а так надо. Нас не пускают отсюда, пока не поймают того, кто убил, а то и нас могут убить, но у них не выйдет, потому что нас караулит дядя Костя — сержант, который кормит нас перловкой, которую здесь дают разным жуликам, но, кроме нас, здесь никого нет, и я уже наелся, а Михась все еще ест, потому что мы с утра не ели и вечером, может, тоже есть не придется, потому что мы отсюда убежим и пойдем на одно интересное дело, о котором я Мите говорил, но он уехал в командировку, и я остался у его тети Сони, а она на работе, но мы слово сдержали и ни с кем не разговаривали, и майор нас похвалил и велел нас спрятать в милицию.

Твой сын *Алексей*».

Они уснули на широком топчане в двенадцатом часу, измотанные впечатлениями суматошного дня и так и не дождавшись обещанного отбоя.

8

Проснулись они от возмущенных интонаций в голосе старшины:

— Гражданка-а! Не положен-но!

В ответ гремел колоколом громкого боя хорошо знакомый ребятам грудной альт:

— А спать детям не раздевшись, не разувшись — это положено?! Стихни. Это мои ребята, и я их заберу. Кому говорю, стихни! Лешка, Михась, вставайте, пошли домой. Быстро. Лешка, завяжи шнурок. Михась, штаны падают. Идем.

— Гражданка-а! — вновь заголосил дежурный. — Я вынужден буду оружие применить!

— Чего-о! — на две октавы возвысился альт. — Чего применить? Да ты его в глаза видывал? А ну, убери руку с кобуры — там у тебя ложка немытая. Ах ты...

Затиснутый в угол дежурный в последний раз подал голос:

— Гражданка, вы хоть в журнале распишитесь, что забрали вверенных мне пацанов...

— Это я могу. Давай свой талмуд.

Соня размашисто начертала что-то в затрепанном журнале милицейских дежурств и вытолкала мальчишек на улицу.

По дороге она их ни о чем не расспрашивала, зато сама залпом выложила новости. Главной из них было то, что судьба Михася решена: он определен в спецдетдом для партизанских сирот. Завтра за ним приедет директор, и все будет оформлено, включая обмундирование, и осенью Михась пойдет в школу.

— До свидания, — сказал Михась и шагнул в сторону. В темноту переулка. Он моментально растворился в ней, но Соня и Лешка услышали: «Ни в какой детдом я не поеду».

— Глупо! — сказала Соня, ставя перед Лешкой тарелку с пирожками. — Он что, псих?

— Он не псих. Но в детский дом он не поедет.

— Да почему, черти вы полосатые? — чуть не заплакала Соня.

— Ну... не знаю. Он уже большой. Он работать будет.

— Ему учиться надо, это ты понимаешь? Он что, действительно ненадежный? Я в нем ошиблась?

Соня сидела, грустно подпершись кулаком, и походила на большую печальную матрешку.

— Кто ненадежный? Михась? — ахнул Лешка. — Да вы что?!

...У них в этом году появилась в классе новая учительница географии Евгения Евгеньевна. Она сразу сказала: «Меня вообще-то зовут Женей, и мне девятнадцать лет. А вам сколько?»

Это так всем понравилось, что через два дня ребята назубок знали столицы государств Европы, Азии и даже Латинской Америки. А когда один дурак попробовал назвать учительницу действительно Женей, то получил пощечину. Это сделал Лешкин сосед по парте. Он учился в их классе всего лишь неделю, как многие ребята, которые возвращались нынешней зимой на Запад и транзитом останавливались в их городе. Сейчас Лешка не помнил даже имени того парня. Но самого его запомнил. Он тогда спокойно поднялся, обогнул два ряда парт, подошел к нахалу и съездил ему по физиономии. И не получил сдачи. Всего забавнее было то, что класс никак не отреагировал на происшедшее. Будто ничего и не случилось. Евгения Евгеньевна с некоторым изумлением понаблюдала за ребятами, а потом продолжила рассказ о том, что столицу Норвегии не обязательно называть Осло, а можно и Христианией...

С тех пор как Лешка познакомился с Михасем, ему все время казалось, что тогдашним соседом по парте был именно он.

В эту хлопотливую ночь Лешка долго еще не мог добраться до раскладушки. После разговора о Михасе Соня сообщила, что звонил Митя и велел завтра привезти Лешку к нему в район.

— Это еще зачем? — удивился Лешка.

— Затем, что я тоже еду в командировку, а он тебя не велел оставлять одного.

«Здрасьте, — подумал Лешка. — Мне-то что в деревне делать? Обрывают события на самом интересном месте».

— А это обязательно? — спросил он.

— Да! — твердо ответила Соня. — Раз Митя сказал... Он сказал что-то насчет твоих способностей куда-то попадать.

— Я спать хочу, — рассердился Лешка. — Это вы ему накапали насчет сегодня?

— Что за жаргон! — в свою очередь рассердилась Соня. — Я не капала, а коротко доложила, что ребята помогли раскрыть преступление.

— Его еще не раскрыли, — уточнил Лешка и подумал, что такого сообщения Мите было вполне достаточно, чтобы издать строгий приказ.

Лешка думал о всех этих вещах и долго не спал.

Уже наступало утро. За окнами голубел рассвет, и в эту утреннюю тишину вплелся звук далекого автомобильного мотора. Соня прислушалась и поежилась:

— Антон едет, его дилижанс. Ну, Лешенька, держись!

— А чего? — удивился Лешка.

Капитан Голуб вошел сердитый и долго молчал. Соня сначала тоже помалкивала, но вскоре не выдержала:

— Чего примчался? Из-за парней ругаться? Так теперь уже поздно. Забрала и забрала. Они там у тебя блох нахватаются. Садись лучше ужинать.

Медленным движением Антон расстегнул полевую сумку и извлек оттуда журнал дежурств.

— Что это за хулиганская надпись, а? — тонким голосом спросил он, и ресницы его обиженно затрепетали. — Как это прикажете понимать: «Каков поп, таков и приход». Ведь это оскорбление, так?

— А чего ты там понасажал всяких формалистов, — сконфуженно сказала Соня.

Антон прошелся по комнате и остановился за ее спиной.

— Я вас очень уважаю, Софья Борисовна, но и меня прошу понять. Какой ни на есть, а я сейчас начальник. И должен у меня быть авторитет. А вы его на каждом шагу дисекр... дрески... в общем, это самое. Мне обидно.

— Не буду больше, Антоша, — покаянно сказала Соня.

— Теперь старшина... Он — на службе. Я ваш нетерпеливый характер знаю и понимаю, но в ответ на насилие он бы по инструкции обязан был вызвать в помощь дежурный наряд. Что бы тогда произошло?

— Свалка! — убежденно сказала Соня.

— Именно. Как бы это отразилось на авторитете ответственного комсомольского работника?

— О нем ты не беспокойся. Раз уж знаешь мой характер, не испытывай его больше нотациями. А то...

— А то что?..

— А то!.. Чарку к ужину не получишь!

— Ого! А есть, что ли? Димка еще не все вытянул?

За ужином, а вернее, завтраком капитан перестал хмуриться и стал все чаще поглядывать на Лешку.

— Томишься? — спросил он его. — Невтерпеж?

— Угу, — чистосердечно признался Лешка, изнывавший от желания узнать, прозвучал ли сигнал «отбоя». А еще он очень удивился, почему Антон Голуб не интересуется, куда пропал Михась.

...Фотопленку из «лейки» подвергли в лаборатории специальной обработке. При крупном увеличении на позитиве позади фигуры экспедитора с поднятой рукой отчетливо стал виден силуэт еще одного человека. Раз Михась его не заметил в видоискатель, значит, на нем был костюм в тон зеленым зарослям. Скорее всего, защитного цвета. Тем не менее одна светлая деталь костюма на фотографии отчетливо выделялась: белая полоса подворотничка. По форме и ширине полосы установили, что подшит воротничок не к стоячему вороту, а к отложному. Значит, на том человеке была или гимнастерка старого армейского образца, или френч от польской военной формы. Не исключается и трофейный немецкий, но маловероятно: их давно все повыбрасывали.

Круг поисков сразу сузился. На табачной фабрике указали только на пятерых человек, которые могли быть приблизительно так одеты и не были на работе в период с четырнадцати до пятнадцати часов. Отпечатки пальцев на горле убитого были отчетливы, как в учебнике криминалистики. Деликатно проверили отпечатки четырех подозреваемых: на больших тисках у двух слесарей в механической мастерской, на ложке в столовой у франтоватого делопроизводителя и на белоснежной фаянсовой ручке смывного рычага в туалете, который посетил после обеда главбух фабрики.

Ничего не совпало. Наука дактилоскопия безнадежно теряла авторитет в глазах весьма реши-

тельных, но пока не очень эрудированных вчерашних партизанских разведчиков, а ныне оперативных помощников майора Харламова, а также капитана Голуба.

Однако оставался еще пятый, кто носил на фабрике френч с отложным воротничком и отсутствовал с четырнадцати до пятнадцати. Вахтер Винцуковский. Он и должен был отсутствовать: его дежурство начиналось только в полночь.

Направились по его домашнему адресу, взятому в отделе кадров. Майор сказал при этом членам оперативной группы:

— Проверьте оружие. Если он убийца, то или его не будет дома, или он будет дома, но тогда он, значит, большой нахал, поскольку не верит в свое разоблачение вашими умными головами. А когда увидит, что его накрыли, начнет палить. Улавливаете?

Майор оказался и прав, и не прав. Алоизий Винцуковский был дома, но очень спокойно встретил троих гостей. Хладнокровно выслушал сообщение о том, что является в данный момент подозреваемым, но отнюдь не обвиняемым и ему придется посидеть в квартире до тех пор, пока следствие не проверит отпечатки его пальцев.

Узнав об этом, вахтер табачной фабрики взглянул на свои длинные тонкие пальцы, хрустнул ими и бестрепетно позволил сделать с них оттиски. Потом взглянул на часы и сказал:

— Панове, я к вашим услугам. Я подожду.

Он остался в обществе капитана Голуба и еще одного оперативника, а эксперт уехал куда следовало. В течение часа в убогой комнатке вахтера не прозвучало ни слова.

У окна шумнул на последней форсировке перед выключением мотор машины. Винцуковский не пошевелился. Вошел эксперт и протянул Голубу

два листка бумаги. Капитан их проглядел и один передал вахтеру:

— Это касается вас, гражданин Винцуковский.

— Не трудитесь, — почти брезгливо отстранил его руку Винцуковский. — Убежден, что это прокурорский ордер на арест. Но вы зря потеряли время, господа. Именно этот час мне и был нужен. Вы ставили перед собой цель добраться до бункера пана Шпилевского, не так ли? Хотя и сами не знали, что там имеется. Вы опоздали. Там уже ничего не имеется. Пятнадцать минут тому назад валюта уехала. Мерси, панове. Мы собрали достаточно средств, чтобы обеспечить наше доблестное лесное братство всем необходимым на будущие времена. И мы долго еще будем пускать вам кровь, господа коммунисты. Пока здесь не рухнет хамская власть хлопков. Это говорю вам я — офицер славных польских легионов двадцатого года. Нам не сумели помочь немцы избавиться от вас — помогут другие. И я сегодня удовлетворен: вы проворонили нашу валюту, которая пойдет на оснащение новых боевых групп. Вы ее не возьмете. Как, впрочем, не возьмете и меня. Вы еще не видели, как умирают истинные дворяне...

— Ну, мы после этих слов подумали, что он стреляться будет, — рассказывал Антон. — Мы к нему кинулись, а он захохотал, зубами скрипнул и выплюнул на стол стекло. Маленькие такие осколки. Глаза вытаращил и упал. Помер.

— Цианистый калий, факт, — сказал Лешка. — Миндалем запахло, да?

Антон без особого дружелюбия покосился на Лешку:

— Лезешь ты, Вершинин, поперек старших. Залишне грамотный. Насчет калия эксперт раньше

тебя сказал. А в смысле миндаля меня и майор спрашивал, но я такой взрывчатки сроду не нюхал. Динамит на язык пробовал и даже этот, тринитро... солидол... или как там, Сонюшка, учила ты нас в отряде?

— Толуол, — тихо сказала Соня.

— Вот. А миндаль... При чем тут миндаль, Вершинин, когда этот гад действительно чуть нас всех не обвел вокруг пальца. Хлопцы двое суток сидят в засаде и, выходит, пустое место караулят.

— Куда же вы глядели? — вздохнула Соня.

— Туда. Нам этот Дубовик когда рассказал о бункере? В субботу ночью. А пани Шпилевская еще накануне побывала у этого Хорунжего и передала ему совет своего супруга прятать валюту. Тот никакого понедельника дожидаться не стал, а сразу же очистил тайные закрома, упаковал сокровища в обычную базарную сумку и немедленно снарядил Шпилевскую в путь-дорогу. В Вильнюс, будто бы к родственникам. А там предполагалось передать золото и все прочее бандитскому руководству.

— Смылась? — запаниковал Лешка.

— Почти. Наши хлопцы в дом-то не входили, чтобы подозрений не вызывать, и женщин выпускали из него свободно. Пошла и пошла пани с сумочкой на базар. На наше счастье, оказалась она не очень расторопной бабой. Михась и узрел ее. На перроне.

— Михась?! — в один голос сказали Соня и Лешка.

— Ну да. А чего вы удивились? Он же где-то за путями там живет. Фактически он и сгреб ее. Сейчас он в больнице. Кастетом ему попало...

Соня охнула. У Лешки, по обыкновению, открылся рот.

Когда Михась отделился от Лешки и заботливой Сони, готовившей ему судьбу воспитанника детдома, он машинально направился к своему старому жилью. Надо было пройти через вокзальную площадь, пересечь пути, подлезая под товарные вагоны, а там близко хибарка старухи нищенки. Нет, в детдом он не поедет. Свобода дороже. Он будет работать. И уже без фокусов. Или попросится в ремесленное. Это все-таки почти самостоятельность.

Стукаясь затылком о буфера, Михась нырнул под третий состав товарняка, когда справа заметил под соседним вагоном две человеческие фигуры. Они или что-то ели из корзины, или что-то делили. И шептались.

Беспризорники? Да нет, вроде взрослые. Причем одна явно тетка. Они не заметили Михася, потому что довольно громко переругивались. Женский голос показался Михасю знакомым. Михась прилег между рельсами.

— Четверо часов, не меньше. И чтобы желтенькие. Иначе не повезу. Самому риск, потому что в мое купе тоже заглядывают, когда проверяют документы. И браслетик в довесок. У меня... хе-хе... тоже дамочка есть знакомая.

Пани Шпилевскую Михась узнал по ругани. Ругалась она всегда вдохновенно, это он не раз слышал в их доме. Сейчас она старалась понижать голос, но жадность была сильнее осторожности. Наконец парочка договорилась.

— Вот ключ от вагона, им же откроете купе. Как увидите, что цепляют маневровый к составу, сразу забирайтесь и запирайтесь изнутри. Предупреждаю: если сцапает милиционер или кондуктор, я вас в вагон не сажал и вообще впервые

вижу. Выкручивайтесь сами. Попробуете на меня капнуть — супругу вашему в лесу не поздоровится. Ну... приятно оставаться!

Михась понял — гадов надо ловить. Своими силами? Немыслимо. Нужна помощь, а ближе чем на перроне ее не найдешь. Перрон с дежурным милиционером — в десяти шагах, но добраться туда непросто. Надо делать это бесшумно и быстро.

Михась начал выбираться из-под вагона и зацепился карманом брезентовых штанов за какой-то кран. Раздался громкий треск. Михась рванулся и, уже не думая о тишине, выскочил на междупутье. От здания вокзала Михася теперь отделял только эшелон закрытых наглухо теплушек. Михась прикинул издалека, под какой вагон удобнее нырнуть, и тут же услышал за собой тяжелый топот и прерывистое дыхание.

— Э-эй, — закричал Михась, подбегая к эшелону. — Ловите бандитов! Под вагонами!

Он упал в ту же секунду, сбитый тяжким ударом.

С визгом отскочила роликовая дверь ближайшей теплушки, в белых нательных рубашках из вагона выскочили солдаты и ринулись на бандита.

Ничего этого Михась уже не видел и не слышал...

10

— Почему — «Мосты»? — хмуро спросил Лешка, увидев за окном вагона станционную вывеску.

Соня прикрыла глаза. «Слава богу, заговорил! Два часа молчал...»

— Наверное, потому, что здесь два моста через Неман. Излучина. Есть хочешь?

Есть Лешка не мог. Он думал о том, что где-то в больнице в эти минуты проснулся Михась Дубовик, слабый, беспомощный и одинокий. А Лешку увезли. И никто к Михасю в больницу не придет. Легко так жить, а?

— Сейчас, наверное, Антон уже у Михася в больнице, — сказала Соня.

Лешка воззрился на нее. Что она — умеет мысли читать? И потом — почему Антон? На кой нужен сейчас Михасю капитан милиции?

Эту фразу Лешка произнес вслух.

Соня вздохнула:

— Ты же, Лешенька, ничего не знаешь. Голуб усыновил Михася.

Разумеется, у Лешки открылся рот.

— Чего сделал?

— Откровенно говоря, даже я не ждала от Антона такой... прыти. Ну, мы подъезжаем. Через час будем в райцентре. Соскучился по брату?

Они сошли на разъезде, где стоял один-единственный домик. Сразу же за ним белая от пересохшего песка проселочная дорога упиралась в стену векового соснового бора.

— Это — пуща? — спросил Лешка.

— Она самая. Партизанская колыбель и — «Смерть оккупантам!».

— А где же этот... райцентр?

— За лесом, две версты.

Лешка нес Сониному полевую сумку, а она легко помахивала объемистым портфелем. В нем лежала пара Лешкиного белья, Митина тенниска и какие-то вещи женского обихода. Предполагалось пробыть в районе не меньше недели.

Откуда у Сони взялись его майки и трусы, а также рубашка брата, Лешка как-то не подумал. Между тем Соня могла кое-что рассказать о своем визите на квартиру Вершининых. Фелиция

Францевна наотрез отказалась выдать белье квартирантов: «Пани меня принимает за дуру? Они мне кругом должны, сами сбежали, а вас подослали за вещами. Пусть пани даже не надеется. Только через суд. Я ему покажу, как в ковры стрелять».

У Сони не было ни минуты свободного времени. Она попросту отодвинула хозяйку в сторону, вытащила из-под кровати чемодан и стала отбирать белье.

— Это грабеж! — завопила Фефе. — Вы... вы какая-то партизанка.

— Именно, — спокойно ответила Соня, укладывая вещи в портфель.

— Вы такая же нахалка, как и сам пан Вершинин! — продолжала верещать Фелиция Францевна.

Соня застегнула портфель, обняла хозяйку за талию и перегнула ее через колено.

— Это тебе за нахалку! Это — за Диму Вершинина! Это — за все остальное!

Она трижды хлопнула ее портфелем ниже поясицы и ушла. Фелиция Францевна была настолько потрясена совершенным над ней насилием, что не издала ни звука. Она так и осталась сидеть на полу с открытым ртом, ошеломленно потряхивая белесыми кудряшками.

Сейчас Соня громко смеялась, вспомнив вытращенные глаза квартирной хозяйки.

Соне весело становилось в лесу. Она входила в него, как входят в хорошо знакомый и любимый дом. Пусть в нем бывали не только радости, но и горе — он все равно любимый. Она запела их партизанскую:

Ой, березы да сосны,
Партизанские сестры...

— Окопы! — заорал Лешка и помчался с дороги к небольшим холмикам среди рыжих сосен.

Да, это были остатки окопов неглубокого профиля. За год они потеряли четкость и на дне их выросла крапива.

Осыпавшиеся песчаные брустверы были направлены в сторону железной дороги.

Лешка самозабвенно лазил по ячейкам для стрельбы лежа и с колена, обжигал до волдырей руки крапивой, копаясь в хвое и песке на дне окопов. Меньше чем через пять минут он был обладателем пригоршни зеленых гильз, заплевывавшего махорочного кисета и ржавого автоматного затвора. Забыв о Соне, он уселся на сосновые шишки и стал сочинять...

Кисет принадлежал, конечно, молодому бойцу-сибиряку. У него кончались патроны. Чтобы сосредоточиться и стрелять наверняка, он закурил, но тут фрицевская пуля раздробила его автомат и ранила бойца. Кисет выпал, товарищи оттащили раненого в тыл...

— Здесь вел бой партизанский заслон, — сказала Соня Курцевич. — Каратели высадили из эшелона целый батальон эсэсовцев. Хотели прорваться в село на помощь окруженным полицаям. Им нельзя было дать соединиться.

— Не дали? — спросил Лешка.

— Не дали, — выдохнула Соня.

Она подержала в руках полуистлевший холщовый кисет с остатками вышивки и осторожно положила его на дно окопа.

— Только никто из хлопцев живой из леса не вышел. Ну, пора идти дальше. Если ты у каждого окопа будешь останавливаться, мы и к вечеру до Димы не доберемся.

Лешка встал и пошел, но все оглядывался на дальнюю опушку леса. Ему не надо было даже за-

крывать глаза, чтобы представить, как от станции двигались цепи черных эсэсовцев с автоматами у животов и как они падали, сбитые меткими партизанскими пулями. Падали на дно окопов и партизаны, срезанные густыми автоматными очередями. Они знали, что не уйдут отсюда живыми. О чем они думали в эти минуты? Это, наверно, страшно — знать, что живешь последний день на земле.

Лешка помотал головой. Одно дело смотреть войну в кино, и совсем другое — шагать по тем самым местам, где недавно шло настоящее сражение и где бурая сосновая хвоя, кажется, еще пахнет порохом и кровью.

Соня вышла уже на дорогу. Догоняя ее, Лешка торопливо запихивал в нагрудный карман вельветовой куртки тряпичный кисет, который он все-таки поднял со дна окопа.

В тесном ряду деревянных домиков райцентра стояла хата чуть побольше других. Здесь находился райком комсомола. Внутри было тихо. Соня и Лешка прошли по визжащим половицам сеней к двери с табличкой «1-й секретарь РК ЛКСМБ» и отчетливо услышали мужской храп. Соня послушала мажорные звуки и открыла дверь. На составленных вместе стульях, подтянув к животу ноги в сапогах, спал Дмитрий Вершинин. На письменном столе, уткнув кудлатую голову в подшивку «Комсомольской правды», лежал другой человек. Лешка узнал его: это был цыгановатый Иван, по фамилии Мойсенович, с которым он познакомился в обкоме комсомола в день своего приезда.

— Радужные хозяева встретили гостей хлебом-солью, — громко прокомментировала Соня свои впечатления.

— Соль есть, хлеба нет, — подняв голову с бумажной подушки, сообщил Мойсенович. — Не

привезли хлеба. Зато сало есть. А мы всю ночь заседали и сейчас отсыпаемся. Имеем право, потому что вечером опять ехать на собрание.

Дмитрий уже сидел на своей постели из стульев. Он притянул к себе Лешку и похлопал его по макушке:

— Явился, борец за человеческие права! Очень хорошо. Будешь дышать здесь незамутненным сельским воздухом и пить парное молоко. В отдалении от всяких Стасиков, Михасей и прочих любителей приключений. Мать мне за тебя голову отвернет. У Ивана имеется сестрица твоего возраста, а также братец молочных лет. Будешь с ними пасти буренку и восхищаться деревенским пейзажем.

«Миленькая перспектива, — подумал Лешка. — Я так и знал, что от этой дыры добра не жди».

— Матери писал? — внушительно спросил Митя.

— Писал, — без энтузиазма ответил Лешка. — Еще в милиции.

— Г-где?! — запнулся старший брат.

— Это когда нас туда привезли, чтобы не убили, а тетя Соня потом выпустила.

— Было такое, — подтвердила Соня.

— Батюшки светы! — взялся за виски Дмитрий. — Надеюсь, ты не упомянул матери о своих похождениях?

— Н-не помню, — сказал Лешка. Он хорошо помнил, что именно упомянул. Растяпа болтливая!

Он вышел в райкомовский дворик и сел на крыльцо. Мирная предвечерняя тишина висела над приземистым поселком. Напротив темнел

дверной проем сеного сарая, и оттуда доносилось какое-то хрустение. Лешка побрел к сараю. Там стояли две расседланные лошади и звучно жевали сено. На земляном полу валялись седла. Пахло пылью, увядшей травой и конским потом.

Одна из лошадей повернула к Лешке голову и прижала уши. Он воспринял это как приветствие и протянул к ней руку. Лошадь резко вздернула башку и сварливо оскалила зубы. Лешка выкатился наружу.

Черт их разберет, этих сельскохозяйственных животных. Мотоцикл завести Лешка умеет, а обращаться с животным транспортом не доводилось. Неужели Митя ездит верхом на этой зверюге? Ладно, на то он и старший брат, чтобы все уметь. Только зачем он затащил его сюда? Похоже, что для личного спокойствия. И самое скверное, что опять куда-то собирается уезжать, а он, Лешка, здесь застрянет. Молоко пить... Диктатура старших.

В открытое окно до Лешки доносились обрывки горячего спора. Многого Лешка не понял, но кое-что уловил. Речь шла все о том же колхозе.

Уполномоченный райкома партии, он же секретарь райкома комсомола Иван Мойсенович, и представитель обкома партии, он же завождем обкома комсомола Дмитрий Вершинин, сцепились в жаркой дискуссии насчет кратчайших путей, дабы убедить колеблющихся мужиков быстрее сорганизоваться в артель. Слышно было, как Иван раздраженно хромот по своему куцему кабинету.

— Может, ты знаешь эти пути? Я — нет! — зло говорил он Дмитрию. — Ты сам вчера убедился.

— Я знаю, — сказала Соня. — В какой-то мере затем и приехала.

— О! — поднял руку Митя. — Внимание. Изложи.

— Через баб! — коротко изрекла Соня. — Вы тут мудрите, а в соображение не взяли одну простую деталь в этой развеселой деревеньке Красовщина. Кому там хуже живется при единоличном хозяйстве — хозяину или хозяйке?

— Без тебя знаю, что бабе, — буркнул Иван Мойсенович. — Только они тебе колхозной погоды не сделают.

— Ух ты! — возмутилась Соня. — А вы, мудрецы, с ними разговаривали? То-то. А я поговорю. Мужик в хозяйстве с рассветом встает, а баба за два часа до рассвета. Ей надо корову доить, воду носить, поросенка кормить, снедать готовить. А потом вместе с мужиком на поле идти. Вечером он уже храпит на своей дерюге, а она ему портки стирает. И он еще после всего этого имеет право указывать жене, вступать ей в колхоз или не вступать! Да я сегодня как расскажу бабам, что видела в подмосковном колхозе насчет женского счастья, так они своим колеблющимся диктаторам глаза повыцарапывают.

— Ох-ох, как это у тебя все просто получается, — сказал Иван.

— Дискуссию закрываю! — объявил Дмитрий. — Сиди-ка ты, Иван, сегодня в райкоме, а в Красовщину отправимся я и комсомольский представитель лучшей половины человечества Софья Борисовна Курцевич.

Через полчаса легкая пролетка запылила по улице, а Лешка с Иваном отправились домой к Мойсеновичам.

Иван хромал впереди, а Лешка плелся за ним, как будто его тянули на веревочке.

В конце улицы стояла хлипкая серая хатка. Сидя на досках шаткого крыльца, девочка лет

тринадцати чистила черные, пожухлые картофелины и кидала их в чугунок с водой. Она была очень похожа на Ивана. Лешку она встретила не совсем дружелюбным взглядом. В уголке двора маленький пацан раздувал костерик под таганком. Он тоже без особой радости взглянул на вошедших и сердито спросил Ивана:

— Кого привел?

Лешку покорило. Гостеприимство — нулевое. Но Лешка ошибся. Пацан тут же подошел к нему, протянул руку и сказал:

— Меня жовут Варфоломей Жахарович Мойценович. Ты меня жови полностью, а не Варька, как она обжывает. — Он мотнул нечесаной головой в сторону сестры. — Варька — это девчоночье имя. Иди, раждуй мне щепки, а то они шырые, а Пашка не дает больше шпичек. Я тебе дам жа это бляшку фрицевшкую. Твое как фамилие?

Лешка назвался, а сам подумал, что Пашка — это мальчишечье имя. Все-то здесь наоборот получается.

Девочка спокойно, как будто они давно знакомы, сказала:

— Ты пиджачок-то сними, а то извозишь. Варька врет о спичках — я не от жадности, а потому что он ими бухает. Еще пальцы себе оторвет. Раздуй там ему, а мне ножик наточи. Вон жерновок лежит.

Когда девочка подала ему ножик и подняла глаза, Лешка увидел, что они совсем не угрюмые, а просто очень черные. Он взял ножик, пошел и еще раз обернулся. Нет, они были не просто черные. Там все было черное и темное. И ресницы, и веки, и даже внизу под веками. Лешка споткнулся о кусок шершавого камня, понял, что это жерновок, и сел точить ножик.

— Ужин скоро, Прасковья? — спросил Иван, умываясь под жестяным рукомойником, прибитым прямо к стене хаты. — А то мне надо бы посидеть у телефона в райкоме. Там никто не остался.

— Варька придет за тобой, — обещала Паша. — Ты бы хлеба принес.

— Нет хлеба, хозяйка, — сердито сказал Иван. — Не привезли сегодня в магазин. Завтра получим муку по карточкам, сама испечешь.

— Завтра так завтра, — очень по-взрослому вздохнула Паша и оглянулась на Лешку. — Только вот гость-то как?

Лешка рассматривал железный немецкий крест, который благодарно выволок ему откуда-то из сарая чумазый Варька. Эмаль на орденском знаке потрескалась, краска слиняла, но орел со свастикой был виден отчетливо. Трофей — что надо!

В этот момент краем уха он услышал разговор о хлебе, и ему стало не по себе.

Он как сюда явился? С высокомерной рожей, изнывая от деревенской скуки. А они? Они попросту: костер раздуй, ножик наточи, фрицевский орден пацан сунул. А девчонка даже и не ломается, будто взрослая. Таких он еще не видел. Тут Лешка вспомнил, что они говорили о хлебе, и обозлился на себя всерьез. Они стесняются, что хлеба нет. Он что, аристократ какой? Он, может, побольше их ел картошки без хлеба. А то и лепешки из картофельной шелухи. Нашли кого конфузиться! Тем более, что хлеб есть. Лежит в райкоме, в портфеле тети Сони. Две буханки. Он не знает точно, чей это хлеб, но раз там была Митина рубашка, то считаться тут особенно нечего. Лешка подошел к Ивану и изложил ему свои соображения насчет хлеба. Тот сказал «само со-

бой» и отправился додежуривать в райком, а они остались во дворе доваривать картошку.

Вечерело. С утробным мычанием вплывали в улицу коровы. Их гнал парнишка чуть больше Варьки, в меховом полушубке и босиком. К забору подошло черно-белое рогатое животное и мордой открыло калитку. Лешка вежливо посторонился. Ни на кого не обращая внимания, пестрая корова чинно прошествовала через двор, мордой же ткнулась в дверь хлева и скрылась в его темноте.

— Как бульба сварится, тащите чугуны в хату, — сказала Паша. — Я пойду доить Трижды.

— Доить... чего? — удивился Лешка.

— Корову нашу. Ее Трижды зовут. Смешно? Это у нее еще лагерное прозвище.

Лешке было смешно, но непонятно. Они с Варькой оттащили закопченный дымящийся чугунок в дом, поставили его на дощатый стол без клеенки, и Лешка пошел в хлев. Здесь из-под рук Паши чиркала в ведро белая жидкость. «Значит, так добывают молоко», — сообразил Лешка. Он умел спустить из радиатора полторки воды, но процесс доения коровы наблюдал впервые в жизни. Присмотрелся и пришел к выводу, что доить ничуть не проще, чем управлять с радиатором. Хотя бы потому, что машина не двигается, а этот пестрый зверь без остановки мотает хвостом да и рогатую башку все время сует в сторону Паши.

Но девочка спокойно сидела на деревянном ящике, и только ее руки до локтей двигались в строгом и четком ритме: вверх — вниз. Светлые росинки пота выступили на тонкой шоколадной шее Паши. Потом она немножко отдыхала. Сидела на ящике и помахивала узкими ладошками. И рассказывала.

...Ночью пришли два парня из отряда и сказали, что им приказано немедленно эвакуировать семью Мойсеновичей в партизанский лагерь. За Неман. Есть сведения, что полиция известна, где находится их Иван. Расстрелять семью могут в любой час.

Никакого скарба не собирали, только надели на себя все теплое, что было, и взяли годовалую телушку. Ее ровесника — годовалого Варфоломея — мать несла на руках. Шесть верст до реки прошли спокойно. Погрузились в две лодки. Телушка послушно легла на дно.

Но у того берега телка перестала быть покорной. Она взбрыкнула, накренив лодку, и кинулась грудью на свет фонаря, внезапно блеснувший из прибрежных кустов. Она так всегда поступала, если к ней в хлев приходили с фонарем: не терпела света, бьющего в глаза.

Она сшибла сидящего на носу лодки парня-партизана и шумно плюхнулась в камыш, где свет сразу потух и раздалась крепкая ругань, перешедшая в оханье. Потом телка равнодушно стояла на сухих кочках и ждала, пока выгрузятся ее хозяева.

Когда пришли в лагерь, командиру отряда было доложено, что семья Мойсеновичей благополучно эвакуирована, а также доставлен в плен полицай, который пытался сорвать переправу путем подачи противнику световых сигналов, но был вовремя контужен коровой.

— Не понял, — мотнул головой командир. — Кем контужен? Внятно скажи.

— Внятно — телкой.

После того как в землянке стих хохот, командир распорядился: наградить телушку немецким орденом...

— А через год она и второй фрицевский крест заработала, — сказала Паша и погладила коро-

ву по шелковому брюху. Корова повернула к хозяйке морду и лениво издала утробный звук. — Все понимает... Я ее тогда искала, искала, кричала, кричала, а она не идет. Слышу, что где-то отзывается в лесу, а не идет. Ногу, думаю, может, поломала. Чуть нашла — в овраге, в малиннике. В самые кусты забралась, так что и не видать. И мычит жалостно. Пробралась я к ней, вся об крапиву обстрекалась, а она стоит над нашим Ваней. Тот — без памяти, в крови. Его уже и потеряли, пятые сутки не приходил из разведки, а он, раненный, полз. Помер бы в кустах, если бы не Трижды.

— Так это пока дважды, — возразил Лешка.

Но рассказ о третьем коровьем подвиге ему не довелось услышать. На басовых тонах заревел во дворе Варька. Схватив ведро с молоком, Паша кинулась из хлева. Лешка за ней. Корова разочарованно мыкнула им вслед. Возможно, ей тоже хотелось до конца услышать повесть о собственной доблести.

Варфоломей ревел задумчиво и монотонно. При этом он глядел на дорогу, где кудлатой спиралью завивалась пыль. Там, за ней, стихала тупая дробь конских копыт.

— Ты чего?

— Ваня пошकाкал, а мне шумкой по колену попало...

У ног Варьки валялся Сонин портфель с хлебом. Его на полном аллюре кинул братишке Иван, умчавшийся куда-то в теплые летние сумерки.

Здорово же, видать, спешил он, если и на мгновение не остановился у порога родного дома.

Паша и Лешка молча переглянулись.

Но за ужином тревога улеглась, и они хорошо провели этот вечер.

Утром Лешка поднялся с широкой деревянной кровати, на которой спал обычно Иван, и увидел в хате одного Варьку. Мальчуган деятельно мастеровил из лучинок сложное сооружение в виде креста.

— Шамолет, — объяснил он. — Шкоро полетит, раненых повежет в Мошкву.

Мальчонка и в детских играх все еще жил войной, горькими буднями партизанского лагеря, где прошли почти три года его маленькой жизни.

— Этот не полетит, — безжалостно сказал Лешка. — Нужен плотный лист бумаги...

Он умел делать отличные планеры из листа ватмана. При легком ветре они могли целую минуту держаться в воздухе и улетать шагов за двести.

В убогой хатке с земляным полом ватмана, конечно, не было. На подоконнике Лешка нашел стопку старых ученических тетрадей. Тетрадная обложка тоже годилась для планера. Собираясь выдрать ее, Лешка прочел надпись: «Сшытак па беларускай мове вучаніцы IV класса школы партызанскага лагера атрада імя Суворова Праскоўі Майсяновіч».

Прочел, оглянулся и осторожно положил на место. У него почему-то не поднялась рука драть такую тетрадь.

Но и Варьку нельзя было оставлять без обещанного самолета. Тогда Лешка полез в Сонин портфель и извлек оттуда какую-то толстую общую тетрадь. Она была уже почти вся исписана и, по мнению Лешки, значит, не нужна.

Он аккуратно раскрыл стальные скрепки, вынул два листа и упрятал тетрадь на место. С помощью ножниц за одну минуту был изготовлен шикарный «иштребитель», как немедленно атте-

ствовал его Варька. Второй лист в качестве запасного Лешка спрятал на животе под майкой, и они отправились во двор испытывать планер.

Пущенный с крыльца, он описал в воздухе лихую дугу, заложил правый вираж и круто пошел на снижение прямо под ноги Варьке. Пацан заверещал от восторга. Тогда Лешка чуть подогнул элероны крыльев и забрался по лесенке на крышу хлева. Вспорхнув оттуда, бумажная птица долго не хотела садиться на землю. Планер то выписывал почти замкнутые круги на трехметровой высоте, то уносился в угол двора, а потом, попав в теплую струю воздуха от свежей навозной кучи, снова взмывал на уровень крыши. Совершенно ошалевший от счастья, Варька с диким визгом носился за ним по двору. Кончилось тем, что планер ткнулся носом в шею входившей в калитку Паши.

Девочка чуть улыбнулась, поставила на землю увесистый мешочек, покрытый мучной пылью, и тихонько сняла с ляпочки ситцевого сарафана белую птичку.

— Спасибо, Леша, за Варьку, — ласково сказала она. — Маленький он. А игрушек нет. Вон как радуется. Сейчас я вам лепешек напеку, а завтра уж настоящий хлеб. Муку получила.

Она все это сказала так, что Лешке стало жарко на ветхой соломенной крыше коровьего хлева. Очень хорошо сказала.

Правда, еще вчера он пришел к выводу, что влюбляться в Прасковью ему нет никакого смысла. Слишком безнадежное дело. Конечно, с великой радостью он бы сейчас сам вместо бумажного планера ткнулся лицом в эту тоненькую шею. Вот так бы прямо с крыши и ринулся.

Но, здраво оценивая свои шансы, Лешка понял их полную ничтожность. Кто он такой? Тыловой

городской пижон, не нюхавший пороха. А она знает и свист бомб, и визг мин, и сама смазывала партизанам автоматы. Никаких надежд на взаимность тут быть не может. Даже его прошлогодняя влюбленность в маленькую цирковую акробатку имела более светлые перспективы. Правда, Лешка с циркачкой не познакомился, а любил ее на почтительной дистанции, которая пролежала между галеркой и манежем. Но мог познакомиться в любой час, потому что во время гастролей акробатка училась в их школе и имела по двум предметам чахлые тройки. Лешка шел почти отличником, и это здорово повышало его шансы. Но к зиме цирк уехал, и уже целых полгода Лешка ни в кого не влюблялся.

Когда вошли в хату, Лешка сказал, что лепешек он не хочет, а пусть она лучше расскажет о школе в партизанском отряде. Он видел ее тетради. Как же они могли там учиться — в лесу?

Паша пожала худенькими плечами:

— Вот так и могли. Отвели нам самую большую землянку, а так-то больше писали на фрицевских листовках. Они с одного бока чистые. Знаешь, были такие листовки... сдавайтесь, партизаны... и всякое такое. Противно, а писали на них. А то на газетах. Третий и четвертый класс кончила в лагере. Зато сейчас у нас школа хорошая.

Лешка слушал ее рассказ, как будто читал приключенческую книжку.

— Так партизаны же воевали!

— Воевали. А ребята учились. К лагерю наши фашистов не допускали. Только иногда бомбили фрицы.

— А кто учил вас?

— Так ты ее знаешь. Софья Борисовна. Она ведь до войны здесь учительницей была, а потом в партизаны ушла.

Рассказывала Паша скупно и как-то неохотно. Потом совсем замолчала, несколько раз взглянула из-под ресниц на Лешку и тихо сказала:

— Знаешь, что-то случилось в Красовщине. Не-доброе. Я сейчас проходила мимо райкома, там Га-лина Павловна сидит у окна. Второй ихний секре-тарь... Она говорит, что Ваню по телефону вчера вызвали. Только и сказали два слова, а он бросил трубку прямо на стол — и в конюшню. Даже не стал седлать жеребца, так полетел.

У Лешки заныло где-то возле желудка. Но не показывать же виду перед девчонкой.

— А почему обязательно — неладное, — бодро сказал он. — У них там хватает дел. Колхоз со-здают. Комсомольцы против кулаков. Вот и вы-звали Ивана на помощь, раз он у них главный.

Паша тихонько вздохнула и принялась разво-дить тесто для лепешек. За обедом она согласи-лась кончить рассказ о своей заслуженной корове.

...Их отряд вместе со всеми обитателями лаге-ря вырывался из блокадного кольца. Было это прошлым летом, перед самым освобождением рай-она. Эсэсовцы прижали отряд к Неману, правиль-но рассчитывая, что глубокая река никуда дальше не пустит огромный табор с десятками подвод, сотнями женщин и детей и даже со скотом.

Командир отряда оставил в тылу и на флангах небольшие группы прикрытия, а всем остальным бойцам приказал делать плоты. Единственным выходом оставалась переправа. Там, за рекой, — спасительная пуща, и недалеко, на востоке, — свои. Лишь бы за ночь успеть переправиться.

Люди делали плоты и понимали, что не успе-ют. Слишком коротки июньские ночи. А веко-вые сосны толсты и неподатливы. Но плоты все равно вязали, потому что бездеятельное ожида-ние смерти страшнее ее самой.

Еще жива была мать Мойсеновичей. Ее встревожило, что отвязалась от телеги и куда-то пропала корова. Хоть и не до коровы тут, а все-таки... Паша отправилась ее искать и сама не заметила, как вышла на песчаный берег Немана. Глянула в ту сторону и глазам не поверила. Их пегая корова преспокойно паслась на другом берегу.

От неожиданности Паша во весь голос заорала на корову. Потом позвала еще раз! Еще!

Пегая животина всегда уважительно относилась к маленькой хозяйке. Она махнула хвостом, послушно двинулась к реке, осторожным балетным шагом вошла в воду и... преспокойно побрела пешком сквозь струи Немана навстречу девочке. При этом она нигде не погружалась глубже белого пятна на своем боку.

Корова нашла брод. Как она обнаружила его, осталось тайной ее коровьего чутья. Позже партизаны из местных жителей клятвенно уверяли взбешенного командира, что сроду не бывало в этих местах мелкоты на реке. Один из них высказал предположение, что фрицев здесь «залишне» перетопили, вот и нанесло на них песку.

За час до рассвета переправа была окончена. Последний партизан выбрался вслед за обозом на берег и сложил выразительную фигу в сторону оставшихся с носом карателей. А корове повесили на шею еще один фрицевский крест и присвоили кличку Трижды.

— Так это Варька мне коровий орден подарил? — спросил Лешка.

— Нет, — улыбнулась Паша. — Те висят в хлеву, на ошейнике. Его в шутку Иван смастерил. Господи, да где же он? Нет и нет!..

Такой тоской прозвучал Пашин голос, что Лешка поежился.

— Ну... Мити с Соней тоже нет, — привел он хрупкий довод. — А что, позвонить туда нельзя?

— Правда! — вскинулась Паша. — Там телефон есть, в сельсовете. Лешенька, дойди до райкома, а? Сама я как-то... не умею толком звонить. А ты — городской. Все знаешь...

Дважды «Лешеньку» не надо было упрашивать. Через пять минут он входил в знакомый домик райкома комсомола.

Но телефон был занят. Белобрысая девушка со злыми зареванными глазами отчаянно крутила ручку аппарата и дула в трубку.

— Нет связи с Красовщиной, — сказала она, глядя в стенку. — Сдохла линия. Даже не шуршит. Ты кто?

Лешка назвался и без спросу уселся на жесткий деревянный диванчик. Затылком он прижал к стене габардиновый китель, висевший на гвозде. Это был Митин китель, и Лешке вдруг захотелось хоть благодаря этому прикосновению ощутить около себя брата.

— Господи, еще и детей сюда понавезли, — раздраженно фыркнула белобрысая. — Ты иди отсюда. И ничего не спрашивай. Ничего я не знаю!

— Я позвонить хотел... в эту... Красовщину.

— Позвонить! Больно быстрый. Линия — тютю. Там вчера бой был. Господи!.. — вдруг взвыла она и выскочила во двор.

Лешке стало жутко. Он сообразил, что ни с того ни с сего секретари райкома, пусть даже вторые, в голос не ревут. Бой был? Митю... убили?

С пустой головой он походил по комнате. Послушал онемевшую телефонную трубку. Увидел карту на стене. Пригляделся к ней и удивился, что надписи на ней нерусские. Потом подумал, что удивляться особенно нечему: не успели за год

новых карт отпечатать. Он еще раз всмотрелся в карту. Латинские буквы кое-где начали складываться в уже знакомые названия: Neman, Grodno, Mosti, Krasowschina.

В картах Лешка разбирался неплохо. Он посмотрел на масштаб. Трехкилометровка. До Красовщины от районного центра протянулась совсем коротенькая желтая линия, обозначающая проселочную дорогу. Сантиметра три. Значит, всего-то девять километров. До Мити. До Сони и Ивана. Подумаешь, расстояние. Но половина желтой линии стиснута с обеих сторон зеленым пятном. Выходит, лес кругом. Да и сами кубики деревни чуть не сплошь заляпаны зеленой краской. А совсем рядом с ними голубеет полоска Немана.

Лешка глянул через окно во двор. Белоголовая девушка стояла у колодца, черпала из ведра ладшкой воду и плескала себе на лицо.

Он не стал дожидаться ее возвращения. Вышел на улицу...

— Што? — почему-то шепотом спросил Варька Лешку. — Жвонил?

Тот туповато глянул на него:

— А?

— Жвонил?

— Не работает телефон. Ты... иди домой.

...Ну конечно. Эта белобрысая глядела на Лешку такими глазами, как смотрят на сироту. А может... не Митю, а Ивана? Или Соню?

Лешка шел по улице и чувствовал, что сейчас заплачет. Он шел и шел, чувствуя, как звенит в голове от тоски и одиночества. Он не видел, что улица поселка давно кончилась, а он взбивает ногами белую пыль пересохшей проселочной дороги.

Наверное, километре на пятом, перед самым лесом, его нагнал веселый дядька на подводе. Вернее, он его сначала перегнал, а уж потом тпрукнул на свою кругленькую низкорослую лошадку и повернулся к Лешке:

— Сядай, кали ласка. Не звяртай уваги, что я длюбнувши. Порося продал ксендзу в районе. Ён хитрый, а я захитрейший. Ён дае шессот, а я кажу тышшу двести. Я ему кажу на ухо: можа, пан ксендж запамятовал, як самогон дул с паном полицаем-фельдфебелем? Ксендз тут и выложил мне две тышши за порося. Ну, дык сядай, хлопчик. Кажи, куды тебе ехать. Сёння я добрый, могу тебя подкинуть куды пожадаешь...

Лешка неожиданно для самого себя сказал:

— А в Красовщину... можете?

— Чаму не! Мне в Дворищи. Зусим рядом. Сядай, парень.

Лешка немного подумал и полез на повозку. Действительно, почему бы и нет? До сих пор он шел по дороге почти без мыслей и без цели. Ну а что, если действительно добраться до самой Красовщины? Не найдет Митю, так хоть узнает, что там произошло.

Они уже и в лес въехали, а дядька продолжал вспоминать, как он перепугал ксендза на рынке. Потом он блаженно повалился на спину и положил вожжи себе на пузо. Лешка уткнулся лицом в копну свежего сена в задке телеги. Ни на что на свете ему не хотелось смотреть, и слушать тоже не хотелось. Все-таки он подумал о дядьке: «Жадюга ты, а не добрый... Не пугать милицией надо было того ксендза, а вести его куда следует, если знался с полицаями. На «тышши» свои позарился...»

— Конечно, кабанчик, может, и не стоил больше одной тышши, — снова забормотал пьянень-

кий мужичок, — але ксендзу выкинуть две ко-
сых — что сморкнуться. Ну а мне они патрэбны
во як!

— Нам они тоже нелишние будут! — произ-
нес над самым Лешкиным ухом мрачный голос,
и подвода остановилась.

Лешка поднял голову.

По обеим сторонам телеги стояли люди. Их
было четверо. Пятый держал за морду лошадь.
У всех, стволами книзу, автоматы за спиной.
У ближнего к Лешке — пышная светлая борода
и светлые, какие-то прозрачные глаза. Осталь-
ные без бород, но с порядочной щетиной на ху-
дых, недобрых лицах. Одеты кто во что: мыши-
ные немецкие френчи с белыми пуговицами,
затасканные пиджаки домотканого сукна, на
одном ветхая красноармейская гимнастерка с
оторванным воротом...

— В бок! — скомандовал бородатый, и подво-
да круто свернула с дороги в сторону. Ломая ку-
сты ольшаника, она въехала в густую поросль
елового подлеска.

— На варту! — сказал бородатый, и один из
его людей стал продираться сквозь колючие вет-
ки обратно к дороге.

Лешка оцепенело наблюдал за происходящим,
зато с хозяина повозки хмель соскочил.

— Лю-у-ди! — завопил он, вскидываясь на по-
возке.

Хрусткий удар кулака в лицо опрокинул его
снова на спину. Лешке на ногу брызнула кровь,
и он в ужасе втиснулся в сено.

— Сам достанешь деньги или тебя щупать
надо? — спросил бородатый и шевельнул авто-
матом.

Сплеывая розовую слюну на рубаху, дядька
вытянул из-за пояса штанов кисет. Подчиняясь

движению бровей бородатого, к мужику придвинулся человек в домотканом пиджаке, взял кiset, вынул из него деньги и пересчитал. Потом, не размахиваясь, треснул дядьку в ухо.

— Здесь полторы косых, — сказал он.

— Неужели целых пятьсот пропил? — весело удивился бородатый.

Дядька застонал. Ничего он не пропивал. Кабанчика помянул собственным самогоном, захваченным из дому... Получалось, что ксендз его бессовестно обсчитал.

— Бреешь, быдло, — раздумчиво произнес бандит в пиджаке. — Надо его щенка потрогать. Не иначе, хозяин заначку от жинки зробил и сынку передал. Когда-то и я так хитрил...

Он протянул к Лешке руку, чтобы взять его за ворот. Лешка рванулся в угол телеги, и чужая грязная рука успела схватить только пояс брюк.

— Ну так и есть — хрумкает! — захохотал бандит и ловко выдернул из брюк подол Лешкиной рубашки.

На сено выпал листок тетрадной бумаги. Тот, который Лешка оставил на запасной «иштребитель».

— То не гроши, — разочарованно хмыкнул человек в пиджаке. — То какая-то грамотка. Чего с ними дальше робить будем? Отпустим или как? Полторы тысячи все ж таки взяли...

Поставив ногу на ступицу колеса, бородатый разглаживал на колене исписанную фиолетовыми чернилами тетрадную страницу.

— Отпустить, говоришь? — рассеянно спросил он. — Можно и отпустить... Можно. Да...

Он вдруг резко выпрямился и в упор глянул на Лешку. Смотрел долго, обшаривая прозрачными угрюмыми глазами его лицо, рубашку, брюки, желтые запыленные полуботинки.

Потом повернулся к хозяину повозки:

— Твой хлопец?

— Не мой, — всхлипнул дядька. — Попутный...

— Так. Вижу, что не твой, пьянчуга.

И снова светлые глаза вцепились в мальчишку на возу.

Лешка успел устать от чувства ужаса. Единственно, чего он сейчас еще боялся, — это прикосновения страшных чужих рук, которые могут вот так хладнокровно бить по лицу, хватать за воротник, шарить по телу. Но бородатый к нему не прикасался. Поэтому взгляд его Лешка выдержал сравнительно стойко.

И бородатый вдруг отвел глаза. Он стоял с листком бумаги в руке и смотрел куда-то в сторону леса.

— Слазь с воза, Вершинин, — вдруг сказал он Лешке. — Слазь и... не бойся. Пойдешь с нами. А ты! — заорал он на ограбленного мужика. — Луни кобылу и дуй до своего вшивого хутора, пока я не передумал. Твое счастье, что мы сегодня уже по уши настрелялись. Если кому гавкнешь на дороге о нашей встрече, завтра спалим хату вместе с блохами. А вздумаешь в колхоз записываться — на воротах вздернем.

Ошеломленный Лешка продолжал сидеть на возу, но бородатый силой снял его с телеги, и подвода запрыгала по кочкам к дороге.

13

Они двигались в глубь леса по еле заметной тропинке. Бородатый и тот, что был в заплатанном пиджаке, шли впереди. Двое сопровождали по бокам Лешку. Пятый, вернувшийся с дозора,

замыкал шествие. Передние вели разговор в полный голос, нисколько не беспокоясь, что Лешка их слышит.

— ...Это тот самый пацан, с которым девка шла с чугулки. Я еще тогда его запомнил по желтым башмакам. Как девка свою песню затянула, я сразу под куст залег. Ну, думаю, партизанская пташка идет, сейчас я ей перешибу горлышко. Только там дорога людная, нельзя стрелять. В общем, получается, что мальчишка — братан Вершинина... И не полторы косых мы сейчас взяли, а, выходит, кое-что подороже. Считай, что повезло.

— Какого Вершинина братан?

— Экая ты дубина... Того самого, что в Красовщине заварил колхозную кашу. Из областных начальников. А вчера и девку приволок к себе в помощь. Это она взбаламутила всех баб в деревне.

— Стоп! Неужто — тот длинный, в белой рубаше? Который двух наших срезал?

— Не двоих, а троих. Бронюсь тоже загнулся...

— Вот сатана! А чего же вы его самого на мушку не взяли?

— Не трепись! Ты-то небось в кооператив за шнапсом побег, драки не нюхал, так сейчас помалкивай. Поглядел бы, что около ихней читалки делалось... На мушку! Мы только и успели по окнам пустить пару очередей. А потом они и близко подойти не дали.

— Кто — они?

— Балда ты похмельная. Они — которые за столом в президиуме сидели. Вершинин, председатель сельский, комса ихняя... Девка тоже, кажись, стреляла.

— Ну так што! Вас же целых восемь душ было.

— Было... А через пару минут пять осталось. Этот Вершинин, как кошка, — из окна и за колодец. Видать, вояка! Цемент пуль не проши-

бешь, а обзор из-за колодца круговой. Он пару раз из пистолета пальнул, а потом ему из окна карабин подбросили. Ну и пошло! Фельдфебель двоих наших послал в обход с гранатами — они и метра не прошли. Тюк — и нету. Тюк — и второй лежит. Ажно завидно стало от такой стрельбы. Я Бронюсю приказал пулемет выдвинуть. Он чуть башку приподнял, диск вставить, — хлоп, и в шею навывлет. Я сам за машинку взялся — бац, приклад пулей разворотило. Отходить пришлось. Тогда и потеряли Фельдфебеля.

— Как потеряли-то?

— Не капай на душу... Если б я видел как. Мы же врассыпную отходили, ночевали по одному на хуторах. Собрались утром где было договорено, а его нет. Ты явился небось, а он пропал.

— Хм... Ну, ежели по правде, дык я в стогу проспал. Две шклянки долбанул. — и ничего не помню. А вам все равно надо было за начальником вернуться к хате-читальне.

— Заткнись, герой! Мы только отходить начали, я оглянулся — вижу, летит на жеребце по дороге Ванька-хромой. Значит, пронюхали уже о нас в селе, следом за партизаном и краснопогонники пожелуют. Куда ж возвращаться?

— Все равно начальство в любом случае полагается выручать.

— Пошел ты!..

Бородатый через плечо оглянулся на Лешку.

...А Лешка не слушал конца разговора. Ему было наплевать на остальную их болтовню. Он услышал главное: Митя — жив!

Лешка шел между бандитами и пел. Пел беззвучно для бандитов и громко для себя: «Митя — жив! Они и пальцем тронуть его не посмеют, раз Митя жив. Брат — живой, и чихать я хотел на вас, грязных дураков! Митя все сделает...»

Он так уверовал в свою неуязвимость, что ему стало смешно, когда Бородатый приказал завязать мальчишке глаза и вести его за руку. Остолопы безмозглые! В сыщики-разбойники захотели поиграть? Ну поиграйте. Митя вам и за это всыплет. Мало вам от него досталось? Еще получите. И за эту вонючую тряпку, что стянули глаза и виски, тоже будет добавление от Мити.

Лешка шел и беззвучно пел.

Но шли они так долго и столько раз Лешка валился на колени, спотыкаясь о корни и кочки, что ликующее настроение его стало увядать. Нет, первоначального ужаса не было и в помине. Зато начали заползать в голову трезвые, а потому и тревожные мысли.

Куда они его ведут? И все-таки что с ним собираются делать? Бородатый сказал — не бойся. Он и в самом деле сейчас не боится, но... как Митя узнает, что его братишка попал в этот переплет?

В довершение всего очень захотелось есть. Наверное, сейчас вечер, а он съел за весь день только две лепешки. Их испекла печальная и ласковая девочка. Очень далеким показалось ему сегодняшнее утро с его тихими событиями: планер для Варьки, соломенная крыша, негромкий Пашин рассказ о партизанской школе.

Потом они переплывали в лодке реку. Лешка держался за скользкие борта и думал: не в этом ли месте была партизанская переправа, где молочное животное по кличке Трижды удостоилось фрицевского креста?

Наконец они куда-то пришли. Лешка почувствовал под ногами ступеньки. Спускаясь, он их сосчитал — одиннадцать. Считал потому, что сопровождающий его человек перед каждой сту-

пенькой подталкивал Лешку в затылок. Толчков было десять, а потом благодатный лесной воздух вдруг сразу сменился нестерпимой вонью. Пахло кислыми овчинами, махоркой, портянками, керосином, горелым салом. И было сыро, как в погребе.

Они и пришли в погреб. В огромную, глубоко спрятанную под лесом землянку. С Лешкиных глаз стащили повязку, больно оцарапав ухо, потом кто-то надавил ему на плечо и посадил на круглый обрезок бревна.

Первое, что разглядел Лешка, — это свечку. Нелепо толстая и кособокая, она стояла на большом фанерном ящике и трещала языком пламени шириной в ладонь. От свечи несло жареным салом. Вокруг нее валялись на ящике куски хлеба, огурцы, стояла алюминиевая кружка и рядом на полу — большая канистра.

До углов землянки свет не доставал, и в этих темных углах слышалось дыхание людей.

— Живые? — коротко бросил в темноту Бородатый. — Встать! Почему вчера не вышли по ракете?

В углах — тишина. Потом Лешка услышал крихтенье и ругань сквозь зубы. Так обычно ругается человек, натягивая тесные сапоги. Действительно, через полминуты на свет свечи вышел длинный, под самый потолок землянки, человек в высоких и твердых сапогах, в распахнутом кителе с немецким железным крестом на нагрудном кармане. Волосы его падали на воротник кителя густыми, сальными прядями. Он сказал Бородатому низким голосом:

— С какой такой благодати ты на басы перешел? Чего орешь на резерв? Мы одному Фельдфебелю подчиняемся, а на бороду твою... это самое.

От короткого удара в живот длинная лохматая фигура снова скрылась в темном углу. Вторым движением Бородатый сорвал с плеча автомат. Внятно клацнул язычок предохранителя.

— Всем сидеть! — рявкнул он. — Сейчас подчиняться будете мне! Пока... не вернется Фельдфебель.

За спиной Бородатого плотной кучкой встали четверо пришедших. У всех навскидку «шмайссеры». Заговорил человек в заплатанном пиджаке:

— Фельдфебель, братки, попал, похоже, к чекистам. Команду принял Борода. Законно принял, по чину. Он старший полицай.

— Кто ему давал повязку старшего! — закричал в углу Лохматый. — Фрицы давали? Так их давно черви едят. Ихние указы нам сегодня не закон. Сами себе начальники.

Бородатый внушительно сказал:

— Тебя самого черви быстренько обгложут, если оставить без командира хоть на день. Ну, нет немцев, а что изменилось? Мы как при них воевали против большевиков, так и теперь воюем. Продержимся — американцы с англичанами помогут. Заднего хода нам все равно нет. Вдолби это себе в лохматую башку.

Он подошел к ящичку, налил в кружку из канистры мутную жидкость.

— Помянуть надо наших парней. Трое вчера переселились на небеса.

Из углов потянулись фигуры. Лешка насчитал их пять. С пришедшими — десять... Значит, еще вчера банда Фельдфебеля насчитывала четырнадцать человек. Лешка отметил все это про себя не машинально, а вполне сознательно. Хотя от тревожного напряжения у него все внутри окоченело, он уже понял, что расправы над ним пока не будет, и надо думать... думать о жизни, о своем

спасении, постараться помочь Мите, который конечно же где-то уже идет на выручку.

Лешка даже начал соображать, зачем он понадобился бандитам. «Не иначе, взяли заложником, — подумал он. — Будут и дальше играть в сыщики-разбойники...»

Сидя на обрубке бревна, он постарался вспомнить книжки, где приходилось читать о заложниках, о том, как их благополучно выпускали или обменивали. Впрочем, иногда и убивали... Хм!

Но это были книжки. Если становилось очень страшно, можно было перелистнуть две-три страницы или совсем закрыть жуткую повесть и убежать играть во двор.

А эту вонючую землянку не закроешь... И от ее обитателей, чужих злобных людей, не убежишь. Все это — настоящее. Слишком настоящее.

Почему именно с ним, с Лешкой Вершининым, произошла такая нелепая и страшная история? Может, все это — сон?

Лешка зажмурил глаза, чтобы потом открыть их и увидеть свою комнату в родном доме тихого сибирского городка, коврик на полу у кушетки, портрет отца над ней, мамин халат на гвоздике...

— Хлопчик, не спи! — услышал над ухом Лешка голос Бородатого. — Иди поешь. Чтобы не говорил потом в НКВД, будто мы тебя морили голодом. Жуй что на столе видишь, а после ложись храпануть. Твое дело телячье: ждать. Попался бы братан твой — разговор другой.

— Мне выйти надо, — сказал Лешка.

Бородатый подумал и понял.

— Эй, выведи мальчишку по надобности, — сказал он молодому парню с толстым носом и унылыми глазами.

Тот послушно поднялся с нар, вытащил из-под них автомат и повел Лешку к выходу.

Лешка так глубоко вдохнул теплый лесной воздух, что закашлялся. Его конвоир постоял рядом, а потом присел на траву.

— Ты не дуже спеши, трошки подыши, — милостиво разрешил он. — И скажи мне такую штуку... Сам-то с города?

Лешка промолчал. Станет он еще разговаривать со всяким толстоносым бандитом. Все равно тот не имеет права ничего ему сделать.

Но парень не обиделся. Он вздохнул и продолжал миролюбиво:

— Ишь, гордый... А только все ж таки скажи: про амнистию ничего не чул?

Лешка кое-что слышал об амнистии. Еще в вагоне о ней упоминала Соня, а потом в райкоме он видел листовку, в которой говорилось, что до 1 августа действует закон о прощении лиц, сотрудничавших с фашистскими оккупантами, если они явятся к советским властям с повинной и с оружием.

Лешка подумал и коротко сказал обо всем этом своему конвоиру. Потом еще подумал и добавил, что сам видел, как в районное НКВД вошли вчера двое мужиков с винтовками и гранатами и через пять минут вышли обратно пустые и отправились в разные стороны.

— Ну, с винтовками-то наши не ходят, — усомнился парень. — Карабины разве... Сам, говоришь, видел? И грамотку сам читал?

Лешка подтвердил. Коротко. Так звучало, по его мнению, убедительнее.

Конвоир посопел носом и вдруг заорал:

— А ну, валяй в бункер, пионер сопливый. Разбрехался на мою голову.

Он орал, но Лешка не слышал особой свирепости в его голосе.

Поев немножко соленого сала с луком и черствым хлебом, Лешка прилег на краешек дощатых нар с твердым намерением не спать ни минуты. Но измученный до предела всем пережитым, он молниеносно провалился в омут блаженного бесчувствия.

14

Лешка не слышал, как совещались бандиты, определяя его дальнейшую судьбу.

— «...Боюсь, что скоро опротивею ему своей назойливостью. Даже рада, что он уехал в командировку: пусть отдохнет от меня. Зато рядом со мной остался маленький Вершинин. Он до смешного похож на брата, особенно во сне, когда двигает бровями. Кажется, я люблю его не меньше Димы.

20 июля.

Не удастся старшему Вершинину долго от меня отдыхать. Сегодня звонил и просил секретаря прислать кого-нибудь ему в помощь. Что-то не получается у него с колхозом. Дима взял на себя самую трудную деревню: голая беднота, а кругом на хуторах кулачье. Районные полицаи наполовину состояли при немцах из тамошних хуторян. Добрый десяток сволочей все еще бандитствует в округе и запугивает народ.

В командировку посылают меня. С удовлетворением признаюсь себе, что еду не ради встречи с Димой. Я знаю там обстановку и людей. Лешку повезу с собой — таков наказ старшего брата. Следующую запись в дневнике придется делать уже в райцентре...»

Вот такую бумаженцию мы нащупали на пузе у парнишки, — сказал Бородатый, вслух прочи-

тав своим людям страницу из Сониного дневника. — Как она к нему попала и почему он сам оказался на возу у мужика — дело второе, а вот что хлопец — брат того самого стрелка из карабина, чтоб его разорвало, — это факт. Чуете, чем пахнет? Попробуем обменять пацана на Фельдфебеля. Пошлем письмо с нарочным. Прямо в районное НКВД. Немедленно.

От наступившей тишины выпрямилось пламя свечи.

— Может, лучше почтой? — нарушил молчание толстоносый парень.

— Тебя, дурака, не спросили, — отрезал Бородатый. — Почта от Красовщины до райцентра два дня ходит, а Фельдфебеля могут каждую минуту в Гродно, а то и в Минск отправить. За ним чекисты второй год охотятся, да партизаны три года грозились повесить.

— Вот потому и не обменяют, — сказал бандит в пиджаке. — Такую шишку да на этого сопляка... Больно разный товар.

Бородатый подумал и замотал головой:

— Мелко вы соображаете. Обменяют. Во-первых, этот Вершинин сам немалая шишка в области. И вояка заслуженный, по повадке видно. Такой любое начальство подымет на ноги из-за брата. Во-вторых, вы народ темный и не понимаете, что у Советов к пацанам особое отношение. Кого они спасали в первую очередь, когда Гитлер поднапер? Ребят. Они вагон золота отдадут, чтобы выручить какого-нибудь мокроносого. А на черта им наш Фельдфебель, если коммунисты уверены, что все равно прихлопнут нас не сегодня завтра! Хоть с ним, хоть без него...

— Еще почешутся! — мрачно раздалось из угла.

— Это само собой, — согласился Бородатый. — Но сейчас разговор про другое. Кто пойдет с письмом?

Снова тишина повисла в землянке. Никому не хотелось добровольно отправляться прямо в руки НКВД. Для каждого из них само появление в районном центре уже грозило опасностью: местные жители отлично знали в лицо большинство полицейских, укрывавшихся сейчас в лесах. И это знакомство не сулило бандитам ничего хорошего. Да и вообще большая разница: или вдесятером ограбить ночью сельский магазинчик, пристрелить безоружного finaгента, разогнать сельский сход — или оказаться среди бела дня одному перед десятками бдительных глаз, внимательно осматривающих каждого свежего человека.

Бородатый шарил взглядом по лицам собеседников и размышлял. Заплатанный сразу отпадает: в него с ходу вцепится первая же продавщица из галантерейного ларька, потому что нет такой торговой точки, где бы тот не наследил... Этими тремя пока рисковать нельзя — основной ударный костяк остался, лучшие стрелки. Набили руку в карательных экспедициях. Дальше посапывает толстым носом призывник-дезертир. Уговорили папашу-кулака не отпускать сына в армию, а спровадить к ним в лес. Взамен подбросили рулон сукна из разгромленного кооператива. Парень особой ценности не представляет, но уж больно туп: отдаст письмо в какую-нибудь контору вместо НКВД, а пока разберутся — время уйдет.

Ювелир... Человек в группе новый, всего неделя, как явился из города. Ушел от ареста за какие-то красивые дела с оккупационной властью. Грамотный. Вполне мог бы доставить пакет. Только — трус. Когда вели его через лес к бункеру, змею увидел — штаны замочил. Продать не

продаст, но и письмо не отдаст. Выбросит по дороге и вернется, попробуй докажи.

Больше всего подходит Лохматый. Имеет опыт маскировки: прежде служил тайным агентом в СД. Кем угодно может прикинуться, так что родной батька не узнает. Длинная грива у него оттого, что в последнюю разведку ходил в роли дьякона и собирал подаяние на починку сельского храма.

Но согласится ли Лохматый пойти?

Ему известно: если попадется, высшей меры не миновать. По пояс в крови подпольщиков. Потому и избегает напрасного риска: хочет дожидаться американцев.

С другой стороны, сплавить его из бункера — дело полезное, больно строптив. Сейчас тоже упрямо лежит на нарах, не желая участвовать в разговоре.

— А ну, двигай ближе, — грозно повысил голос Бородатый.

— Блажен муж, иже не идет на совет нечестивых, — раздалось с нар.

— Слушай, кончай в дьякона играть, разговор у нас серьезный. Может, о жизни и смерти твоего же дружка Фельдфебеля.

Лохматый неторопливо поднялся, присел к свечке, истово перекрестился, в одиночку вытянул кружку самогона и едко сказал:

— Это ты правильно насчет дружка. Нас с Фельдфебелем не то что водой, а и сивухой не разольешь. И я не из тех, кто бросает товарища в бою, а потом вместо него сам выскакивает в командиры.

— Значит... пойдешь с письмом? — недоверчиво спросил Бородатый.

— Сказано в Писании: положи живот за други своя... Понял, Борода? А еще для того пой-

ду, чтобы поскорей сбить с тебя командирский гонор. Выручу Фельдфебеля — быть тебе поротому. Бери бумагу, твори свою молитву чекистам.

Лешка просыпался медленно и мучительно. От спертого воздуха землянки страшно болела голова. Ужасно хотелось пить. Он с трудом разлепил веки, увидел уродливую свечку на ящичке и сразу все вспомнил. Сколько же он проспал? День сейчас или ночь? Кажется, он спросил об этом вслух, потому что у самого его уха кто-то шепотом сказал:

— Ночь сейчас, два часа. Ты как — совсем проснулся?

Лешка очень удивился. Голос был не то чтобы ласковый, а какой-то вроде виноватый. Откуда взялся такой голос в волчьей берлоге? Он попытался рассмотреть говорившего. Да, это один из обитателей землянки. Лешка с самого начала заметил его пухлое бледное лицо с тупым раздвоенным подбородком. Оно резко выделялось среди других небритых, загорелых и грязных физиономий. И еще Лешке показалось, что он уже где-то видел такое лицо.

— Ты, мальчик, лежи себе и будто спи, а сам слушай тихонько, что я буду говорить. Я уже давно караулю, когда ты проснешься. Сейчас мы с тобой в бункере совсем одни. Все ушли провожать Дьякона. Только один часовой снаружи.

Говоривший приподнял с нар толстый зад и, не выпрямляясь, на полусогнутых ногах скользнул к двери. Постоял, послушал и вернулся к Лешке.

— Далеко ходит. А знаешь, куда пошел Дьякон? Понес письмо в райцентр, чтобы тебя обме-

няли на их начальника Фельдфебеля. Думают, что он в плен попал. А я так считаю, что он в плен не попал, а его убили. Поэтому тебя не обменяют, а тоже убьют, когда узнают.

Он выговорил все это спокойно и даже дружелюбно, так что было ясно: правду говорит.

Мгновенный дикий страх стиснул Лешкино сердце. Не успеет Митя его выручить!

Лешка бы, наверно, крикнул, но человек с раздвоенным подбородком сжал ему потной ладонью губы. И снова заговорил. И Лешка уже не пытался кричать. Он слушал с недоверием и надеждой. Если человек помирает от жажды, он готов пить из самой грязной лужи.

А пухлолицый говорил уже захлеб, орошая Лешкино ухо мелкими брызгами слюны.

...Обитатели бункера прозвали его Ювелиром. Это неправильно. Просто он однажды с первого взгляда определил, что украденный где-то бандитами толстый браслет никакого отношения к золоту не имеет. Но он не ювелир, а часовой мастер, причем не просто мастер, а первоклассный специалист со склонностью к коммерции. В землянке среди этих хамов он оказался по недоразумению. Он сторонник частной инициативы, и на этой почве у него были контакты с немцами, а затем, естественно, конфликты с Советами. А кто хочет смотреть на мир через окошко в клеточку? По совету знакомых людей он подался «до лясу», где якобы живут идейные борцы против неуютной для коммерсантов Советской власти. Только его обманули. Это оборванное быдло — никакие не борцы. Они даже не знают слова «бизнес», а признают только одно — грабеж. У него они тоже успели украсть бумажник, в котором было спрятано сорок дюжин рубинов для часов. А ему дали автомат. На холеру ему автомат, если

нет коммерции. И потом, если его поймают с рубиновыми камешками — это один срок, а если с немецким «шмайссером» — совсем другой. А то и вовсе не срок, а «вышку», как они неуважительно отзываются о насильственном переселении в лучший мир. Дева Мария! Это не для него. Он уже по горло сыт «идейной борьбой» и хочет мира. Пленного мальчика ему послал сам пан Иезус. С его помощью он спасет невинного ребенка от рук бандитов, приведет его в НКВД и не станет требовать никакой благодарности, а только попросится домой. И его, конечно, отпустят к жене и сынишке, которых он не видел целую неделю.

— Короче говоря, мы сейчас убежим! — закончил монолог Лешкин собеседник.

То, что перед ним гродненский пан Август, Лешка догадался еще в начале рассказа. И вспомнил, у кого видел такой же тупой раздвоенный подбородок: у Казика Шпилевского. Оказывается, тот здорово похож на папашу.

Лешка чуть было не брякнул часовщику, что хорошо знает его сына, но, к счастью, не успел: пан Август сунул ему в зубы кусок хлеба с салом и велел подкрепиться на дорогу. Лешке хотелось пить, а не есть. Он взял с ящика алюминиевую кружку и поискал глазами воду. В одном углу землянки шалашиком были составлены карабины, в другом — ребристой кучкой свалены гранаты. А бачка не видно.

— Канистра с водой под нарами, — шепнул Шпилевский, лихорадочно упаковывая рюкзак.

Лешка опустился на четвереньки, нащупал под досками прохладный жестяной бок посуды и стал вытягивать канистру. Она звякнула днищем о что-то металлическое и выскребла за

собой угловатую, матово блеснувшую штуковину. Пистолет! «Вальтер»!

Лешка из-под руки оглянулся на Шпилевского. Тот все танцевал вокруг рюкзака. Молниеносно «вальтер» был отправлен за пазуху. Царапая и леденя кожу, он скользнул к поясу брюк и аккуратно там улегся. Только рубашка на животе оттопырилась. Заметит? Ну и пусть. Какое пану Августу дело до чужого пистолета, если он сам собирается отсюда удирать.

Лешка напился воды и стал наблюдать за возней пана Августа. Какой-то он все-таки несерьезный. Сам сказал, что снаружи часовой, а уже рюкзак укладывает. А вдруг бандиты сейчас вернутся? Или по дороге встретятся. Да и знает ли вообще он отсюда дорогу?

Нет, недооценивал Лешка пана Августа. Затолкав ногой рюкзак под нары, Шпилевский приоткрыл дверь землянки и негромко крикнул каким-то птичьим голосом.

Через минуту в бункер просунулась голова в измятой пилотке.

— Чего шумишь?

— Выпить хочу. А не с кем. Может, примешь чарку за компанию?

— П-шел ты... Борода не велел. Я — на варте.

— А что, разве он скоро вернется? — невинно спросил Шпилевский.

— Хм... Вернется-то, конечно, не скоро. Наверное, и сам сейчас где-то глушит на хуторе... Ну давай, только по-быстрому.

Пан Август сначала плеснул самогону себе и выпил. Потом стал наполнять кружку часовому. Наливая, он на мгновение повернулся всем корпусом к Лешке и крикнул на него:

— А ну, ложись спать, чего уставился! — И тут же снова отвернулся к собутыльнику: — Пей на доброе здоровье.

А Лешка действительно «установился». Он отчетливо видел, как из-под большого пальца пухлой руки, державшей кружку, скользнула в самогон крупная светлая капля. Взялась она из толстого кольца, надетого на безымянный палец.

Часовой еще не допил до конца зелье, а Шпилевский уже стал нахально вытаскивать из-под нар рюкзак.

Он знал, что делает. Часовой вдруг всхрапнул, выпрямился во весь рост и медленно стал оседать на пол. Лешка в панике первым вылетел из землянки. «Нет, он не несерьезный, он... страшный», — подумал он о пане Августе.

Хотя у Лешки и были накануне завязаны глаза, он ясно помнил, что они подошли тогда к входу в землянку с левой стороны. Бородатый еще больно дернул его за правую руку, поворачивая к ступенькам.

А сейчас часовщик повел Лешку в другую сторону. Однако подумалось об этом как-то вскользь. В глазах все еще стояла сцена хладнокровного убийства. Но когда ветки деревьев начали хлестать Лешку по глазам, а ноги стали спотыкаться о сосновые корневища, поневоле пришлось расстаться с жутким воспоминанием. Приходилось и прикрывать, и одновременно напрягать глаза, чтобы различать в темноте спину своего неожиданно проводника. Несмотря на мрак и собственную полноту, Шпилевский шел быстро и уверенно, ни разу не оглянувшись на Лешку. Видно, понимал, что мальчишка не осмелится отстать от него в страшном ночном лесу. Словно уже уверовав в свою безопасность, часовщик почти в полный голос болтал на ходу...

...Нет, они еще не знают pana Августа. Они крупно ошиблись, приняв его за труса и растяпу. Пан Август за неделю изучил все их ходы и

выходы. Он ведет сейчас мальчика по самой тайной бандитской тропе. Он проследил, как по ней ходил на прибрежный хутор Фельдфебель. Но они на хутор не пойдут, а свернут вправо, к реке. Там всегда стоят две лодки. Правда, они на замке, но он все предусмотрел. У него в рюкзаке набор любых ключей, их там не меньше, чем было рубинов в бумажнике. О, бандиты дорого заплатят за его камушки. Один уже заплатил и валяется в их грязном бункере. Познакомятся и остальные с НКВД. А сам он властей не боится. Во всяком случае, не очень. Тем более мальчик подтвердит, что пан Август спасал его с риском для жизни, вообще был добрый.

— Мальчик, ты ведь расскажешь все как надо, правда?

Если бы Лешка и хотел, он все равно не смог бы отвечать, потому что запыхался от быстрой ходьбы. Густой лес кончился, и они бежали через поляну, утыканную низенькими сосенками, а под ногами сплошной проволочной сеткой расстилался жесткий вереск. Его железные стебли путались в ногах и больно впивались в ноги между полуботинками и брюками. В довершение всего пистолет под рубашкой непрерывно ворочался и до крови царапал живот не то курком, не то предохранителем. В отчаянии Лешка всерьез уже подумывал выбросить пистолет, но тут вереск кончился, и они вышли к обрыву, к реке.

Черно-серебристый под ночными звездами Неман беззвучно катился на север. Но звезд было мало. И луна не светила, а только угадывалась за бархатным массивом туч, закрывавших половину неба. Тучи двигались с того берега реки в сторону беглецов, и через минуту пошел редкий дождь. Лешка подставил каплям потное, исхлестанное ветками лицо. Потом сел прямо на мок-

рую траву на краю обрыва и стал ждать Шпилевского. Тот спустился к воде и там брякал у лодок цепями и замками.

Вскоре его кургузая фигура выросла рядом.

— Понимаешь, мальчик, замок открыл, а весел нет. Этого я не учел. Наверное, хозяева уносят их на хутор.

Лешка подумал. У него на далекой сибирской реке Туре тоже была своя лодка. Ну, не совсем своя, а общая. Целую зиму всем отрядом латали случайно найденную плоскодонку. А река от школы — с километр. Не таскать же всякий раз весла с собой. Они их прятали на берегу. И даже соревновались, кто хитрее спрячет.

— Далеко хутор отсюда? — спросил Лешка. Это был первый вопрос, который он за все время задал своему спутнику.

— Не то что далеко, а высоко. За бугром. Но идти нам туда ни в коем случае нельзя.

«Дураки они таскать в гору весла», — подумал Лешка и сполз с обрыва.

Песчаное подножие откоса заросло чахлым ивняком. Среди него чернильными пятнами выделялись густые кусты ольшаника. Во втором кусте Лешка нащупал шершавую лопасть весла. Рядом — другое. Он потянул на себя весла. Они не поддавались. Он дернул. Раздалось бормотание, и из куста на Лешку полезло что-то живое. Лешка кинулся бежать. Но вслед ему ударил сноп света карманного фонаря, выхватил из мрака кусок песчаного берега, и Лешка от неожиданности упал. Закричать он не успел, потому что сзади раздался возбужденный и обрадованный возглас:

— Царица Небесная! Так это ж наш хлопчик. А я уже сполохался, что Борода. Трохи не стрелил в тебя. Откуль ты взялся? Утек? Дык и я

утек! Хай они огнем горят — тые «лесные братья». Як ты мне растолковал про амнистию, дак я сразу заимел думку... Ну вставай, разом поплывем. Я ждал, коли трошки развиднее, бо в потемках страшно. А покуль ждал — заснул. Ну, молодец ты, что прибежал, с тобой мне еще выгодней являться до начальства...

Лешка узнал парня-дезертира. Тот бестолково топтался на песке и даже пытался приподнять Лешку, но у него были заняты руки: в одной — фонарь, в другой — автомат.

В это время сверху посыпалась земля, скатился пан Шпилевский и визгливо заорал:

— Ренцы до гуры!¹

— Што-о?! — очень удивился парень. Однако руки поднял. Вместе с автоматом и фонарем.

— Брось стрельбу! — продолжал командовать пан Август.

— Навошто? — снова удивился парень.

— Ты что примазываешься к мальчишке? Он — мой! Это я его освободил. Один я. А ты иди своей дорогой, дезертир несчастный. С нами тебе делать нечего.

— Вона што! — в третий раз удивился толстоносый. — А я думал, хлопчик сам утек. Выходит, ты, Ювелир, вместо Фельдфебеля себя хочешь за парнишку выпустить? Га?

— Еще и рассуждает, быдло тупое! — пуще прежнего забушевал часовщик.

После таких обидных слов парень опустил руки и, опуская, хрюкнул Шпилевского стволом автомата по голове. Стукнул слегка, будто мимоходом, однако пан Август смолк на полуслове и мягко сел на землю. Выпустив автомат, он схватился руками за темя и протяжно завыл.

¹ Руки вверх! (польск.)

На этот раз Лешка не испугался и даже не удивился происшедшему. Он как-то начал привыкать к жутким сценам в бандитской семейке. Он никогда не видел скорпионов, но читал, что, если их посадить в одну банку, они поубивают друг друга. И мысль об этих скорпионах уже не в первый раз пришла ему сегодня в голову.

Кроме того, Лешка понял, что сам он сейчас для бандитов — фигура неприкосновенная.

От дерзкого сознания своей неуязвимости Лешка расхрабрился и прикрикнул на толстоногого:

— Чего дерешься? Сам сейчас и потащишь его в лодку!

По напряженному сопению парня в темноте можно было догадаться, как оторопело он установился на Лешку.

— А навошто нам его в лодку? Нехай тут и пропадает. Хотя... Хе-хе, а ты, хлопчик, с головой, недаром с городу. Выходит, я не только тебя привезу, а еще и бандита приволоку в полон. То добре!

И он послушно потянул пана Августа за шиворот к воде. От такой сговорчивости бандита Лешка еще больше воспрянул духом.

Вообще-то он уже начинал жалеть кое о чем. Надо было, например, прихватить из бункера не только пистолет, а и гранаты. Заставить их тащить пана Шпилевского. Все-таки меньше будет взрывов, когда нашим бойцам придется брать бункер. А еще хорошо было бы подробно запомнить дорогу к землянке. Только как это сделать ночью? Хотя бы ориентиры какие-нибудь были. Разве узнать название хутора за горой... Землянка от него в двух-трех километрах на северо-запад.

В лодке было порядочно воды. Она явно протекала. Дезертир погрузил пана Августа на дно и с сожалением глядел, как глубоко оседает лодка.

— Может, сходить и другую попросить отомкнуть на том хуторе... как его? — сказал Лешка.

— В Косачах? Не, не с руки показываться. Как-нибудь доплывем. А сядем глубоко, выкину толстого, и только. Мне, главное, тебя соблюсти по всей форме.

«Ишь какой почет, — усмехнулся про себя Лешка. — Значит, хутор называется Косачи. Ну давай, давай, «соблюдай» меня... Телохранитель нашелся».

15

Он еще многого не знал. А если бы узнал, то, наверное, зло засмеялся бы. Ему, например, в голову не могло прийти, что в эти минуты Бородатый ищет его с той же самой целью, ради которой волок Лешку через лес пан Август, а сейчас угодливо поддакивал кулацкий сын-дезертир.

Дело в том, что мысль спасти свою шкуру за счет Лешки пришла Бородатому в голову раньше всех — еще когда уговаривали и собирали в дорогу Дьякона. Бородатый не очень-то верил в авантюру с обменом Фельдфебеля на мальчишку и подумал: а почему надо спасать кого-то другого, а не самого себя?

Но для успеха необходимо было изобразить перед властями дело так, что захватил мальчишку кто-то другой, а он, Бородатый, выручил его из беды. А для этого требовалось избавиться от свидетелей. Иначе кого-нибудь из них рано или поздно чекисты обязательно выловят живым, и на допросе все раскроется...

Вот почему Бородатый придумал, чтобы Дьякона провожали на задание все, кроме часового

и Ювелира, которого считал безвредным тью-фяком.

Когда они потайными стежками бесшумно вышли на проселок и Дьякон зашагал в сторону переправы, Бородатый повел оставшихся пятерых ужинать на глухой лесной хутор.

После первого жбана самогона трое пожелали пойти в ближайшую деревню «до музыки». Захотелось потанцевать. Бородатый не перечил. Он дал им отойти метров триста в лес и неслышно догнал. Когда они круто обернулись на его оклик, он короткой очередью срезал всех троих. Снял с них автоматы и зарыл оружие в бурелом под заметной корявой сосной. Убедительное доказательство, что именно он, а не кто другой ухлопал бандитов в схватке лицом к лицу.

Через пять минут Бородатый снова сидел за столом и чокался со своим старинным дружкой в заплатанном пиджаке. Его немного беспокоило, что за время его отсутствия куда-то исчез парень-дезертир. А впрочем, черт с ним! Наверное, подался до бабки с маткой на хутор за салом. Если и влезет чекистам в руки, ничего на Бородатого доказать не сумеет: он не был на дороге, когда брали мальчишку...

Из опасных свидетелей оставался один Заплатанный. Они вдвоем вышли во двор перекурить и подышать, и Заплатанный доверительно сообщил, что приглядел у хозяев овечку, которую надо бы заранее оттащить на тропинку, а по дороге к бункеру забрать.

Это была последняя кража в темной жизни Заплатанного. Он пер овцу на плечах, а Бородатый зажимал ей морду, чтобы не блеяла. В чаще ельника Заплатанный сбросил добычу и нагнулся, чтобы перерезать ей горло. Два ножа ударили одновременно. На колючей хвое остались ле-

жать дергающаяся в агонии овца и скорченный труп с финкой под левой лопаткой.

Бородатый почти бегом бросился к бункеру. Июльская ночь коротка, а сделать надо еще многое. Убедить Ювелира и часового, что он забирает мальчишку для обмена на Фельдфебеля. Убивать он их не будет, потому что и без того мутит от сегодняшней крови. Он им просто покажет одну стежку, по которой лучше всего выбраться из пущи в соседний, безопасный район. Пусть идут. Дорожка заминирована. И наконец, надо переправиться с мальчишкой через реку, догнать Дьякона и... Кстати, он пошел без оружия.

А запугать пацана, чтобы говорил как надо, легче легкого. Пригрозит добратся и до брата, и до него самого в городе. Главное — время протянуть, уйти из этих мест, где живешь как в капкане. А потом он выкрутится, найдет дорогу на Запад. Коммунисты еще вспомнят Бородатого.

Только бы захватить до рассвета мальчишку...

Легко себе представить ярость Бородатого, когда он нашел в землянке лишь труп часового. Бандит понял, что его опередили, и бросился в погоню.

Наверное, шел четвертый час утра, когда они отплыли от берега. Небо незаметно очистилось от туч. Лешка сидел на носу, лицом к корме, и наблюдал, как быстро светлеет восточная кромка неба. Там зажигались узкие облака, похожие на длинные алые перья... Митя рассказывал, что, когда был мальчишкой, они с друзьями делали стрелы с такими перьями. Учились стрелять. Пригодилось...

Алые перья стрел...

Лешка тоже умеет стрелять из лука. Но сейчас у него не лук и стрелы, а черный боевой пистолет. И не игра сейчас.

На удалявшемся берегу стал ясно виден обрыв, а под ним кусты, из которых он вытащил весла вместе с толстоносым парнем. Сейчас дезертир работал этими веслами, а в ногах у него постанывал скорчившийся пан Август. Над бортом лодки торчал горб его раздутого рюкзака.

Они уже прошли стрежень, когда с того берега ударила длинная автоматная очередь. Пули легли за кормой правильной пунктирной линией, подняв красивые фонтанчики брызг. Еще рокотало над утренней рекой эхо выстрелов, как с обрыва донесся крик Бородатого:

— Мальчик! Вались на дно! Сейчас я этим сволочам врежу!

Лешка не повалился на дно. Он не успел толком сообразить, что происходит.

И тотчас же длинно прогремела вторая очередь. Слышно было, как пули откалывают щепки от кормы. Дезертир застонал и выпустил весла. Неуправляемая лодка зыбко поплясала на слабых волнах и повернулась бортом к берегу.

И тогда Бородатый кинулся в воду. Он греб одной рукой, держа в другой автомат, но быстро приближался к середине реки.

Он поставил на карту все, и терять ему было нечего. В лодке находился его последний шанс, чтобы выжить, и он не мог допустить, чтобы этот шанс достался другим. Тем более, что этих других он не боялся. Они были хилые сопляки по сравнению с ним. Они даже не осмеливались стрелять...

— Ювелир, да пальни ты по нему, — замычал парень. — Или ты, хлопчик, вдарь с моего автомата, у меня же руки поранены!.. Пропадем сразу все!

Но пана Августа жутко рвало на дне лодки. Не то от страха, не то от сотрясения мозга. А Лешка из автомата стрелять не умел.

Бородатый приближался. Он был уверен в своей безнаказанности.

...Он все рассчитал и учел в своих действиях. Кроме одного — способности самого мальчишки мыслить и действовать. Почему-то ни Бородатый, ни Шпилевский, ни дезертир, имеющие одинаковые виды на Лешку, не принимали его всерьез как живого человека. В их глазах он был просто предметом, выкупом для их спасения. И только.

Они ошиблись.

Чуть приподняв голову над бортом, Лешка наблюдал за приближением своего врага. Он лихорадочно размышлял. Раз Бородатый велел ему укрыться от пуль, значит, убивать не собирается. Это пока. Просто он еще не знает, что обмен на Фельдфебеля не состоится. А потом все равно прикончит. И будет бандитствовать дальше, жить и убивать людей, стрелять в Митю и Соню, в Ивана и Пашу. Да-да... в Пашу тоже, потому что она партизанка. Он будет бродить по земле коварным и безжалостным зверем. Но еще раньше, ровно через полминуты, здесь в лодке загремят выстрелы, раздадутся хрипы и стоны, и за борт полетят мертвые тела...

Был уже виден волосатый рот Бородатого, выплевывающий воду.

Лешка с тоской поглядел на огненные облака за спиной плившего бандита, на розовые клубы тумана, встающие над ласковой утренней рекой, и достал из-под рубашки «вальтер». Как учил Митя, он передернул затвор и поднял флажок предохранителя.

Когда Бородатый схватился рукой за борт, Лешка до боли в висках зажмурил глаза и выстрелил ему в лоб.

Они не дошли до райцентра. Когда начал редеть лес и впереди замелькали сквозь деревья желтые пятна спелой ржи на ближнем поле, они услышали лай собак и увидели цепь солдат, двигавшихся навстречу. Солдаты были в зеленых фуражках. Трое вели на поводках овчарок.

Лешка закричал! Он кричал обо всем. О переполнявшей его маленькое сердце тоске по людям. О мрачной и вонючей землянке. Об ее страшных обитателях. О пережитых им приступах ужаса. О том, что его заставили убить человека. Он кричал...

Он кричал только одно слово:

— Товарищи!..

Выскочивший им навстречу из цепи капитан прыжками домчался до Лешки и быстро подхватил его на руки:

— Ты Вершинин? Целый?

В пяти шагах от них переминались с ноги на ногу две фигуры. Шпилевский с огромным рюкзаком на спине еще при первых взлаиваниях овчарок бросил на землю автомат и задрал пухлые лапы. Долговязый дезертир не мог поднять раненные и кое-как перевязанные Лешкой ладони. Он просто вытянул их вперед, словно выпрашивал милостыню. Его «шмайссер» давно уже волочил на своей спине Лешка.

— Это я мальчика доставил, пан офицер! — вдруг нахально брякнул пан Август.

— И я... трошки доставил, — нерешительно добавил дезертир.

Капитан посмотрел на бандитов, потом на автомат за Лешкиными плечами, на пистолет за поясом его брюк и зло хмыкнул:

— Вижу я — кто кого доставил. Марш к дороге, вояки...

Еще через пять минут Лешка сидел в коляске мотоцикла и они мчались по пыльной проселочной дороге. Наклоняясь от руля к своему пассажиру, капитан перекрикивал рев двигателя:

— Переполоху ты наделал немало! Видишь, пограничников вызвали для прочеса пущи. Сейчас найдем твоего братца. Он где-то на левом фланге поиска со своими комсомольцами.

У одного сарая, где стоял автофургон с антенной на крыше, мотоцикл остановился. Из машины выскочил сержант с наушниками на затылке.

— Пока, товарищ капитан, никаких... — И осекся, увидев в коляске Лешку. — Он, что ли, товарищ капитан?

— Точно. Можешь сматывать рацию. Давай сигнал отбоя и сбора.

Дважды негромко хлопнула ракетница. Под белыми перистыми облаками утреннего неба повисли, а потом стали медленно валиться на землю зеленая и желтая звезды.

Прошло полчаса, и среди людей, выходявших из леса к сараю, Лешка узнал брата.

Они сидели на пыльной бровке придорожной канавы среди репейника и крапивы. Лешка плакал навзрыд и терся замурзанным мокрым лицом о белую рубашку Мити. Впрочем, она давно уже не была белой. Над ними монументально возвышалась Соня Курцевич, но смотрела не на них, а совсем в другую сторону, потому что тихонько смахивала с ресниц крупные слезы. У нее все было крупное.

Потом ровно сутки проспал Лешка на широкой деревянной кровати Ивана Мойсеновича. Три раза приходила строгая молоденькая врачиха из районной больницы. Щупала Лешкин лоб и пульс, раз-

водила в баночках микстуры и подробно наставляла Пашу, в каком порядке полагается давать лекарства, если больной проснется. И хотя у кровати целый день сидел Дмитрий, врачиха разговаривала почему-то лишь с девочкой. Старший Вершинин попытался объяснить ей, что он брат мальчика и адресоваться следует в первую очередь к нему. Врачиха уколола его откровенно недружелюбным взглядом и повела Пашу за дверь.

— Больной много пьет. Это закономерно. На почве общего истощения и нервного потрясения у него обезвожен организм. Пусть пьет. Но ему нельзя вставать. Ночная ваза у тебя найдется?

— Чего, тетенька доктор?

Врачиха объяснила. Паша слегка покраснела и сказала, что найдется.

— Но, тетя, этот дядя на самом деле его родной брат, — добавила Паша. — Леша к нему в гости приехал.

— Невозможно поверить, — отрезала врачиха. — Старшие братья не позволяют, чтобы младшие попадали в бандитские лапы. Весь райцентр возмущен. Вазу поставишь мальчику под кровать.

Окна были открыты, и Дмитрий слышал разговор. Он легонько вздохнул, поглядев вслед удаляющейся белохалатной фигурке. Без нее тошно. Интересно, что бы она запела, если узнала бы, что через час он снова уедет в Красовщину. Потому что не поехать он не может. Потому что колхоз все-таки там создали, и надо ехать выбирать правление. Лешка проснется и поймет его. Не может не понять, потому что при всех своих прочих качествах он еще и пионер. Он знает, что любое дело надо доводить до конца.

Дмитрий оглянулся на дверь и тихонько поцеловал Лешку в щеку около уха, где курчавились светлые завитки волос.

Лешка слегка всхлипнул.

«И в кого ты, милый мой братец, уродился со своей уникальной способностью застревать в каждой узкой щели? Пошел, видите ли, искать своего ненаглядного Митю... Взял и пошел — как прогуляться по городскому бульвару!»

Счастье, что дядька с возом попался не из совсем трусливых и все-таки заскочил в сельсовет сообщить, что его ограбили, а мальчонку увели. Все механизмы заработали на полные обороты. Через час к райцентру мчались на машинах пограничники. К рассвету они были на месте. Шутка ли: бандиты захватили пионера...

Лешка перевернулся во сне на другой бок и сбросил на пол узорчатое домотканое покрывало.

Дмитрий поднял его и укрыл исцарапанные в кровь ноги брата.

«Ладно, братик, за каждую минуту твоего страха они заплатили сполна. И за все прежние свои темные дела — тоже. Жутко, конечно, малыш, что пришлось тебе самому стрелять в человека, но... это лучше, чем трусливо сдаться. А интересно, понимаешь ли ты, какую вообще сыграл роль в окончании страшной летописи банды? Нет, наверное, не догадываешься... Ты же разложил ее самым своим появлением в бункере. У предателей одна лишь тактика — предавать. Кого угодно, было бы за что. Вот они и перегрызлись из-за тебя. Ты ведь для них ценный залог. Омерзительно было слушать Дьякона, как он выторговывал себе жизнь, давая в сельсовете показания. Ни в какой райцентр он не пошел, а явился к участковому милиционеру и все выложил до ниточки. Он, видите ли, страшно беспокоится за жизнь мальчика. Он не только начертил дорогу к бункеру, а подробно описал, сколько в нем людей, оружия, патронов, назвал все пароли на не-

делю вперед, рассказал о характере каждого из бандитов. Он даже вызвался первым проникнуть в землянку и под каким-нибудь предлогом вывести пленника в лес, чтобы тот случайно не пострадал в перестрелке, когда будут брать бункер. Любой ценой хотелось ему выпятить свою роль в спасении мальчонки, чтобы зачлось ему это на суде! Вот мразь!..»

Внезапно Лешка, не открывая глаза, попросил пить, Дмитрий привстал, но из-за перегородки моментально появилась Паша с кружкой молока. Похоже, что она так и держала ее в руках все время. Лешка глотнул несколько раз и разлепил веки. Он оглядел Пашу, Митю, потом всю комнату, улыбнулся — и снова уснул.

Дмитрий потрогал его лоб. Ничего, обойдется... Крепкий у него братик. А ехать в деревню пора... Интересное дело получилось с этим колхозом. Когда бандиты напали на женское собрание, расчет у них был простой: запугать народ, чтобы не подавали заявления в колхоз. Вышло все наоборот. После того как Дмитрий уложил из карабина троих, а Иван скрутил Фельдфебеля, бабы их быстренько опознали и поднялся несусветный крик: «Так это же тот самый, что мою дочку вешал! А этот соседского сына арестовывал! Бабы, гляньте на рыжего, — это он наших коров угонял к коменданту!» И в этот разноголосый вой легко и очень вовремя ворвался звучный и насмешливый голос Сони Курцевич: «Ну, увидели, кто взялся вас от колхоза защищать? Может, и дальше их будете слушать и от артели шарахаться? Валяйте-валяйте, верьте им, они для вас люди надежные, ласковые, добрые! А я, выходит, плохая, и мне доверять нельзя...»

Стыдливая тишина продолжалась недолго. Женщины снова заголосили и повалили вambu-

читальню. Они резонно потребовали у Сони Курцевич продолжения собрания и того увлекательного женского разговора, который нахально прервали автоматные очереди.

А на завтра состоялся общий деревенский сход, и в колхоз вступили все хозяйства. Но правление и председателя колхоза избрать не успели. Под окнами избы-читальни истошно заорала нелощадиным голосом кобыла, по-дурному вздернутая в оглоблях на дыбы, а потом уже все звуки перекрыл голос ее хозяина, который кричал о взятом в плен мальчишке.

Дмитрий поднялся с табуретки, и на скрип ее моментально вышла из-за перегородки Паша. Взметнула веники-ресницы и прошептала:

— Вы... кали вёрнетесь?

— Паша, ты ведь не об этом хотела меня спросить...

Мохнатые ресницы полукружьями опустились на щеки.

— Ты хочешь узнать, когда вернется ваш Ваня, так?

— Ну... так. — Ресницы медленно приподнялись.

— Боюсь, что сегодня не вернется. Батюшки, спрячь ты свои сверхъестественные глазища. Я хочу сказать, что приедет завтра. Похоже, что его в Красовщине изберут председателем колхоза. Ну и... если откровенно, то ему надо полежать пару часиков.

— Ранен?! — ахнула девочка.

— Поцарапан — и только.

Паша молча открыла Дмитрию дверь. Во дворе вокруг расседланной и привязанной к забору лошади суматошно топтался Варька. Он испробовал все способы вскарабкаться на ее спину и сейчас громоздил сложное сооружение из ко-

рыта, чурбана и ржавого чугуна. Лошадь насмешливым глазом поглядывала на эту баррикаду.

— Ты с забора попробуй, — посоветовал Дмитрий.

— Шам попробуй, — ответил мокрый от пота Варька. — Жабор шатаетшя. А ваш Лешка шчаш герой, да?

Дмитрий подсадил мальчонку на лошадиный хребет, дал ему проехать два круга по двору и опустил на землю. Варфоломей вернул его к мыслям о Лешке.

— Ну какой он герой! — сказал Дмитрий, затягивая подпругу. — Самый обыкновенный оболтус. Да еще с мозгами, жестко нацеленными в одном направлении — на поиск приключений. Черт его знает!.. Другие мальчишки, бывает, ищут-ищут себе всякие интересные случаи и никогда не находят. А на моего братца они сами по себе сыплются, без скидки на возраст.

Рассуждая так, Дмитрий понимал, что врет и Варьке, и себе. Судьба тут ни при чем. Всех сегодняшних мальчишек тянул на поиск подвигов пример старших братьев, лишь недавно вернувшихся с войны. А в здешней обстановке любой из них мог попасть в самую неожиданную переделку. Вот Лешка и попал. И нечего, значит, все валить на его характер, а надо поскорее спроводить брата домой. Если и есть тут какая-то судьба, так это счастливые исходы его приключений. Пока счастливые. А где гарантия...

— Вше равно он герой, — упрямо забасил Варька. — Так Паша шкажала.

Сидя в седле, Дмитрий захохотал:

— Ну, если так сама Паша говорит, то я со спокойной совестью могу оставить нашего героя на ее попечение.

Он велел Варьке открыть калитку. Потом подумал и написал на листке из блокнота несколько слов.

— Варфоломей! Отдай Лешке, когда проснется.

Варька проводил всадника и пошел в хату ругаться с сестрой. Она его с утра не пускала домой. Дальше порога не пустила и теперь.

— Я же сказала, играй на дворе, пока Леша не проснется. Если проголодался, возьми хлеба и иди.

— Не хочу я есть. Мне шкучно. Школько шпать можно... Лешка, вштавай, у меня иштребитель поломался!

И Лешка проснулся. Впрочем, он давно уже беспокойно покряхтывал от некоего природного желания, а призыв Варьки окончательно прогнал дремоту. Он сел в постели и огляделся. Паша выскользнула за дверь.

— Варька, где мои штаны?

— Жачем тебе штаны? Ты хворый.

— Мне на двор надо.

— Нельзя хворому на двор. Пашка чугунок поштавила.

— Какой чугунок?

— Под кроватью. — Варька услужливо вытянул посудину.

Лешка понял и побагровел:

— Никакой я не хворый. Я голодный. Где Митя?

— Поехал, а тебе пишмо оштавил.

«Проснулся? Значит, все обстоит отлично и жизнь продолжается. Выше нос, пионерская гвардия! Скоро вернусь».

Лешка прочитал и почувствовал, как в него начинает входить хорошее настроение, а руки и ноги наливаются веселой упругостью. Раз Митя пишет, что все на свете обстоит отлично, значит, так оно и есть.

Не касаясь низенького подоконника, Лешка выпрыгнул во двор. Тотчас же рядом в траву плюхнулся Варька. Сидевшая на ступеньках крыльца Паша удивленно, но молча проводила глазами мальчишек, удиравших за угол сарая.

Когда они вернулись, девочки на дворе не было. Лешка услышал песню в хате:

...Эх, дороги,
пыль да туман!
Холода, тревоги
да степной бурьян.

Варька оторопело уставился на дверь.

— Шпеваает... — задумчиво прокомментировал он это явление. — А вчера ревела. И шегодня утром...

Паша цела и месила тесто для хлеба. Жизнь продолжалась.

Перед заходом солнца они втроем пошли на луг встречать Трижды. Варька возражал против общей прогулки:

— Мы шами ш Лешкой пригоним корову. Ты шиди дома, нечего ражгуливать. А у наш — ражговор.

Паша спокойно посоветовала именно Варьке посидеть дома, а то кошка сало съест. Это предложение, а также клеветнические домыслы насчет любимой кошки были с негодованием отвергнуты, и сейчас мальчишка шариком катился впереди по мягкой луговой тропинке.

— Ты только в траву не ступай, Леша, — ласково сказала Паша и даже попыталась поддержать его за локоть, чтобы он не сошел с тропинки в высокое некошеное разнотравье.

— А чего?

— Видишь, какая роса выпала на ночь. Промочишь ноги.

И через минуту снова:

— Ты, Леша, застегни френчик. Туман поднимается.

Это становилось невыносимым. В конце концов Лешка не выдержал:

— Слушай, ты что так... как с маленьким со мной?

— Ну не с маленьким, а... У тебя в самом деле ничего нигде не болит?

Да что они — сговорились? Ему казалось, что после вчерашнего он, наоборот, будет выглядеть в глазах всех сильным и взрослым, а его на каждом шагу унижают. Чтобы доказать, что он заслуживает другого обращения, Лешка отрубил:

— Единственное, что у меня болит, — это голова от твоей дурацкой и никому не нужной заботы. Отстань!

И он добился своего. Паша в самом деле сразу отстала на два шага и накрепко замолкла. А потом путавшийся в ногах Варька заорал на весь луг:

— Лешка! Она снова ревет. Ты что, дура, он уже шовшем ждоровый!

Судя по звуку, мальчонка получил от сестры подзатыльник. Наверное, такое случилось в первый раз, потому что изумленный Варька сел на траву и разинул рот.

Лешка даже не улыбнулся. Ему было тошно. Он чувствовал себя сейчас последним мерзавцем на свете...

Мирились они долго и трудно. Обратный путь прошел в глухом молчании, которое нарушало только жизнерадостное взмыкивание коровы, спешившей на дойку. Но в хлеву, когда раздалось цвиньканье струек молока о ведро и снова

заблестели на шее девочки светлые влажные бисеринки, Лешка не выдержал:

— Знаешь... я тебя вспоминал. Там!

...Вверх — вниз, вверх — вниз летают смуглые тонкие пальцы. Цзвинь-цзвик, цзвинь-цзвик — с разным звуком ударяются об алюминий косые белые струйки.

Девочка легонько вздохнула, но молчит.

— Честное слово! Три или даже четыре раза.

Стихло в полутемном, душноватом, но удивительно уютном хлеву.

Лешка смело встретил взгляд блестящих Пашиных глаз, потому что сказал правду.

— Где... вспоминал? — прошелестело с низенькой скамейки.

— Ну — там... Когда меня через лес вели, через реку везли. И в землянке тоже.

— Как вспоминал?

Вот этого Лешка сказать не мог, не умел. По его мнению, таких слов вообще не существовало. И он промолчал. Паша отвернулась, опять запело ведро. Но Лешка заметил, как дрогнули уголки ее губ. Он снова глянул на тонкую шею девочки и, протянув внезапно онемевшую руку, с великой осторожностью коснулся пальцами хрустальных бусинок.

17

В Гродно старинный городской парк. Маленький, но густой и тенистый, как вековой лес. Столетние липы и кто его знает скольколетние дубы, грабы, ясени сжали мощными объятиями узенькие аллейки и превратили их в лесные тропинки. Одна из них вдруг расширяется и упирается в танцевальную площадку с маленькой эстрадой.

По вечерам здесь взрослые парни и девушки вертятся в вальсе, толкают друг друга в танго и наступают на ноги в фокстроте.

А в сегодняшний воскресный день на эстраде будет выступать пионерский оркестр струнных инструментов. Концерт посвящается первой годовщине освобождения города от фашистов.

Лешка идет на концерт ради свидания со своим другом Михасем Дубовиком.

Вчера они вернулись с Митей из района, и Лешка в нерешительности затоптался уже на пороге Сониной квартиры.

— Смысл таких вращательных движений мне понятен, — отметил Дмитрий, выгребая из-под двери почту. — Но выяснение обстановки насчет благоприобретенного капитаном Голубом сына я беру на себя. Сиди дома и читай газеты! Гм! Оказывается, тут и телеграмма. От мамы!

Дмитрий быстро пробежал глазами телеграфный бланк и ткнул его прямо в нос Лешке:

— Читай. Вразумляйся. И жди меня.

Лешка остался ждать и читать телеграмму.

«Гродно обком комсомола Вершинину. Немедленно сообщи что Лешей. Получила дикое письмо. Если несчастье немедленно выеду. *Мама*».

Митя вернулся через полчаса. Мрачный Лешка все еще крутил в пальцах телеграмму.

— Ми-ить! — заявил он. — Надо же ответить маме, что...

— Н-ну? Какое гибкое мышление! Особенно полно оно было проявлено тобой в момент сочинения рапорта из милиции. Ладно, не хнычь. Телеграмму маме отправил. Интересуешься содержанием? Вникай: «Оба идеально здоровы и благополучны через два дня выезжаем в отпуск. Твои недостойные сыновья Алексей Дмитрий». Вопросы ко мне?

— Нет вопросов, — заулыбался Лешка.

— Грешно врать старшему брату. По сведениям, полученным от счастливого отца Антона Голуба, его приемный сын, а твой сомнительно достойный друг Михаил Дубовик процветает. В данный момент он на какой-то репетиции в Доме пионеров, а завтра выступает с пионерами в парке. Оказывается, он в оркестре — первая скрипка. Если, конечно, можно скрипкой назвать цимбалы... Он что, действительно музыкант?

— В первый раз слышу, — задумчиво сказал Лешка.

В раковине эстрады сидели и стояли по меньшей мере полсотни мальчишек и девчонок. Среди одинаковых белых рубашек и красных галстуков за частоколом бренчащих и пиликающих инструментов всех мастей Лешка долго не мог разглядеть Михася. Потом вспомнил, что Митя говорил о каких-то цимбалах. А что это за штука? Спросить у кого-нибудь? Совестно. Лешка стал плечом пробивать дорогу сквозь тесную толпу; заполнившую танцплощадку. Все шло хорошо, но в первом ряду он наступил на новую сандалету длинного парня лет шестнадцати, за что получил увесистый щелбан по макушке. Оркестр завершал в этот момент бравурный финал «Марша энтузиастов» и смолк в то самое мгновение, когда Лешка в полный голос задал парню стереотипный вопрос: «Ты чего дерешься?!»

В наступившей тишине фраза прозвучала нелепо и комично. К ним обернулись. Наверное, от конфуза долговязый отвесил Лешке еще один щелчок. Звук его был отчетлив. Лешка звонко сказал: «Сейчас сам получишь!» Кто-то рядом уже произнес традиционное: «Хулиганы!» А на

эстраде чернявый музыкант, услышав возгласы Лешки, вдруг поднял голову и, опрокидывая хрупкие пюпитры, ринулся вниз на площадку. В руках у него были зажаты аккуратные, утолщенные на концах палочки. Парень в сандалетах еще держал над Лешкиным лбом свою распростертую ладонь, когда по его собственному лбу лихой дробью прогулялись цимбальные колотушки.

Никакой драки не было, потому что нельзя драться под общий хохот. Парень резво мотанул с площадки, а Михась схватил Лешку за руку и потащил в дощатый чуланчик сзади эстрады. Здесь пахло вазелином и пудрой и стояли два больших зеркала.

— Сиди тут. У нас еще один номер. Потом сразу на Неман.

Но усидеть в гримировочном чулане Лешке было трудно.

Из эстрадной раковины рванулась мелодия песни, от которой у него всегда пересыхало в горле:

Меряй землю решительным шагом.
Твердо помни заветы отцов!
Знай один лишь ответ —
боевой наш привет:
 будь готов,
 будь готов,
 будь готов!

Лешка выглянул из чулана и близко увидел спины оркестрантов. Стремительно-слаженно взлетали и опускались смычки скрипок, невидимыми от скорости стали движения рук балалаечников, и уж совсем со сверхъестественной быстротой плясали над деревянной трапецией, обтянутой струнами, руки его друга Михася. Вот, значит, какие они — цимбалы...

Мелодии песни было тесно на этом крохотном пятачке, сжато с боков и сверху древними стволами и кронами.

Песня рвалась со скрипичных смычков, мандолиновых медиаторов, цимбальных колотушек — и прорвалась. Ее запели где-то в поднебесье. Конечно же, когда взрослые собираются послушать детский концерт, для детей места не остается. Главные слушатели сидели на ветках и заборах... Оттуда и зазвенело не очень стройное, но убежденное:

Перед нами все двери открыты,
двери вузов, дворцов, городов...

Оркестр неистовствовал. Лешка глядел на Михася и боялся, что у него отвалится голова, — так отчаянно он тряс ею над своими цимбалами.

Последний аккорд — и все стихло. Только у Лешки в груди стучало сердце. Под эту песню его когда-то принимали в пионеры.

Давно это было. Три года назад.

Из парка они пошли через весь город к Неману. И не куда-нибудь, а к плотам, хотя и не сговаривались об этом. Они пересекли площадь Ленина, тенистую улицу Ожешко, вышли на шумную Советскую, подмигнули друг другу, минуя подъезд серого трехэтажного дома, и спустились к понтонному мосту через реку. Влево от него тянулась вдоль берега улица Подольная, где еще недавно жили братья Вершинины. Лешка подумал, что лучше всего бы отсюда и доплыть до плотов, как он всегда делал.

— А? — покосился он на Михася.

— Можно. Только вот шмутки...

— Какие? — не понял Лешка.

— Ну, это... — Михась ткнул пальцем в свои шевиотовые отутюженные брюки и повертел шеей в воротнике белой шелковой рубашки.

Да! Выглядел Михась Дубовик несравнимо с тем, что было неделю назад. Вот только почему он пионерский галстук сразу снял, как вышел из парка?

Михась объяснил:

— Он ведь... ну, для формы только. Какой я пионер! Меня и не принимали. Антон говорит, надо в комсомольцы вступать.

— Ты его Антоном зовешь?

— А как еще надо?

— Смешно немножко: он же тебя... как это... усыновил. Папаша он твой.

Михась хмыкнул куда-то в сторону:

— «Убратовил» — так оно будет правильнее. Вся-то разница в десять лет. Я ему сейчас папиросы по штукам выдаю, а то приучился дымить ажно ночью. Скоро совсем отучу.

— И слушается? — удивился Лешка.

— А куда он денется, — спокойно ответил Михась, и Лешка поверил. Этого — послушаешься.

Раньше Лешка спускался к реке по узкой тропинке среди картофельных зарослей чьего-то огорода. Он и сейчас нашел эту стежку. Отсюда рукой подать до их прежней квартиры. Интересно, смирилась хозяйка с дырой в ковре или все еще злится?

— Никто тут не тронет твои шевиоты, — сказал Лешка. — Позагораем на плотках — и обратно.

Он разделся первый, сложил по складкам брюки, аккуратно расправил на траве вельветовую куртку. Пусть Михась учится... Но тот и без него священнодействовал над своими обновками. Лешка только головой крутил от удивления...

Животами кверху они лежали на теплых шершавых бревнах и глядели в небо. Там таяли и бесследно растворялись в синеве ватные клочки редких облаков.

— Ну, трепись, — коротко сказал Михась.

— О чем? — схитрил Лешка.

— Сам знаешь.

— А тебе кто сказал?

— Антон. Да я что-то не поверил.

Да, это было посложнее, чем рассказывать Мите, Соне, Паше и даже начальнику районного НКВД о своем приключении. Перед Митей он мог без зазрения совести выреветься, что и сделал. Перед остальными он напускал на себя сдержанность, чтобы все выглядело внушительнее. А перед Михасем и нюнить нельзя, и хвастать дело безнадежное — засмеет.

А если по правде, то и рассказывать особенно нечего. Подумаешь, событие: по-бестолковому попал в лапы к бандитам. Подумаешь, с закрытыми глазами из пистолета пальнул. Здесь в Белоруссии пионеры шли с гранатами на фашистские танки и глаза при этом не жмурили.

Лешка так и сказал Михасю:

— Ничего там и не было особенного. Все по случайности вышло.

Тот с интересом глянул на Лешку:

— Ну? Ишь ты... не трепло.

Он поерзал на бревнах, пачкая смолой новенькие сатиновые трусы. Лешка тоже поерзал, переворачиваясь на живот. Комплимент друга был приятен, но кое-что все-таки хотелось рассказать. Поймет ли Михась?

— Когда мы плыли, там были облака будто перья из красного огня. От них все кругом стало розовое. Все розовое, а он плывет — черный. Противно...

Плюхала вода о бревна, поскрипывали узлы канатов, доносилось с моста вяканье автомашин. Звуков много, но все равно — тишина.

Через минуту Михась сказал:

— Таракан.

— Где? — не понял Лешка.

— Нигде... Зашел я на этих днях к старухе. Антон велел забрать цимбалы. Больше у меня никакого барахла не имелось. Что оставалось отцовское — все проел при немцах. Покопался в углу, вытащил свой инструмент, сказал бабке спасибо за угол и выполз из подвала. А был я уже в новой одежке... в этой самой белой рубаше. Огляделся на свету — ажно дрожь прошибла. Сидит у меня на животе таракан. Большой. Черный. Мохнатый. И лапками шевелит. А кругом солнце светит. Муторно стало.

— Ну? — поежился Лешка.

— Чего — ну? — досадливо сказал Михась. — Раздавил...

Все так же ласково покачивала река стоящие на якорях плоты. Милосердно поджаривало мальчишечьи спины и животы послеполуденное солнце. Блаженное спокойствие наполнило Лешку после короткого рассказа друга. «Раздавил» — и точка. Все-то он понял, Михась.

— Ну а пистолет ты куда дел? — спросил Михась через минуту.

— Как куда! Отдал. Даже написать пришлось, где нашел... и все такое.

— Зря отдал! — вдруг жестко сказал Михась и встал на ноги. — Зараз бы он мне пригодился. Ты погляди, что там делается!..

Лешка вскочил и увидел, что делается на том берегу явно нехорошее. Какая-то тетка в пестром сарафане держала на весу и спокойно рассматривала одну за другой принадлежности мальчишь-

его одеяния. Потом она принялась аккуратно свертывать их и запихивать в полосатую хозяйственную сумку.

— Э-э-эй! — затанцевал на плоту Михась.

Никакого внимания.

— Положь на место! — снова заорал Михась и солдатиком сиганул в воду.

Лешка — ласточкой — следом. Второй вопль грабительница, вероятно, услышала, потому что оглянулась на плоты.

Но ребята ужеплы. Никого не увидев, тет-ка хладнокровно повесила сумку на руку и направи-лась по огородной тропинке к улице.

— Уйдет, ворюга! — захлебывался от злости Михась. — Следи, куда она повернет.

Но Лешка плыл «кролем», а попробуй что-нибудь уследить, если все время вертишь башкой.

Однако на середине реки они еще раз увидели нахальную тетку. Она поставила на тротуар сумку и как ни в чем не бывало принялась поправлять высокую белобрысую прическу.

Лешка узнал Фелицию Францевну.

Выскочив на берег, Михась с ходу рванулся в погоню, но Лешка успел схватить его за щиколотку, и тот сунулся носом в картофельную ботву.

— Ну, чего держишь?!

Лешка перевел дыхание.

— Стой. Это хозяйка наша... бывшая. Тут тактика нужна.

— На холеру мне твоя тактика, когда штаны украли! — рассвирепел Михась и вырвал ногу.

Лешке ничего другого не оставалось, как тоже преследовать похитительницу. Через минуту они ворвались в знакомую калитку.

Но время уже было упущено: полосатая сумка исчезла, а сама хозяйка преспокойно сидела на скамеечке под окном и наливала из кофейника в

свою любимую фаянсовую чашку дымящуюся «каву».

— Отдай шмутки! — без предисловий заорал Михась.

Фефе положила ногу на ногу.

— Цо пан муви?¹ — издевательски спокойно спросила она и бережно поставила кружку на скамейку.

— Фелиция Францевна, это недоразумение, — вздрагивающим от одышки, но по возможности вежливым голосом заговорил Лешка. — Если Митя... еще... не уплатил вам за ковер, то потому, что... уезжал. Он уплатит. А этот — мой товарищ, и он совсем ни при чем. Верните брюки.

И тогда Фелиция Францевна взвилась и закуковала... Хо, ковер! Нет, дело уже не в нем; ковер она, слава Деве Марии, заштопала и продала, хотя, видит пан Иезус, потрудиться ей пришлось больше чем на тысячу рублей, которые ей выбросил по почте пан Вершинин, потому что нынешняя тысяча — это блеф, а хуже всего то, что пан Вершинин выехал, не расторгнув договор на съём квартиры, и не заходит, и она поэтому не может пустить новых квартирантов, и уже прозевала двух очень выгодных жильцов, которые дали бы ей доход не менее трех с половиной тысяч в год, и эту сумму, по всей справедливости, ей сейчас пан Вершинин обязан компенсировать или хотя бы явиться для переговоров, а костюм его брата, который она сразу узнала по бархатному «камзелю», пусть у нее пока останется как бы в залог...

Мальчики отупело стояли перед ней. Вода с трусов капала на утопанную дорожку, образовав порядочную лужицу. К ней зачем-то подбирались воробьи. Михась первым стряхнул с себя оцепе-

¹ Что вы говорите? (польск.)

нение, навеянное гулким кукованием, и сказал нехорошим голосом:

— Я в последний раз говорю: отдай, тетка, штаны!

При этом он лягнул босой ногой воробья, отчего взлетел небольшой каскадик грязных брызг, и воробей шмыгнул в сторону, а брызги попали на шикарный сарафан Фефе.

«Будет скандал», — подумал Лешка и запоздало вспомнил строжайший Митин наказ утром: не влезать ни в какие истории.

Он не ошибся насчет скандала... Пани Фелиция с визгом взметнулась со скамеечки и вцепилась Михасю в волосы. Совершенно нелогично она при этом завопила:

— Лю-у-ди! Гвалту-ют!

Конечно, Лешка кинулся другу на помощь. Но... не бить же взрослую тетку кулаками. Женщины для кулаков — табу! А голова Михася между тем тряслась под цепкими лапами Фефе, и лицо его наливалось кровью. Дальше размышлять о гуманности приемов борьбы было некогда. Лешка схватил со скамеечки кружку и капнул ее содержимым на тощую шею Фефе.

Пани Фелиция странно зашипела. Освобожденный Михась кинулся бежать не на улицу, а в дом. Продолжая шипеть, Фефе зловеще повернулась к Лешке. Увидев ее белые от бешенства глаза, Лешка тоже побежал. За калитку. А дальше события развивались вовсе уж дико. Из дома сразу же вылетел Михась с полосатой сумкой. Он на ходу опорожнял ее. Пани Фелиция кинулась ему наперерез и вцепилась в брюки, майки, рубашки, сандалии. Михась рванул барахло к себе, она — к себе. Все-таки парнишка оказался сильнее. С растрепанным свертком в руках Михась в несколько прыжков догнал за калиткой Лешку. На-

лаживая резвый старт, друзья в последний раз оглянулись на скандальную домовладелицу и... Лешка замер. Фефе кричала вслед что-то неприличное и при этом размахивала красным шелковым треугольником.

— Михась, галстук!!! — отчаянно крикнул Лешка.

Михась приостановился только на мгновение и рванул Лешку за руку.

Но Лешка стоял как вкопанный.

Михась глянул ему в лицо и понял, что Лешка дальше не побежит. Наоборот, похоже, что он собирается вернуться в гости к пани Фелиции, потому что решительно поддергивал трусы.

— Вот холера белобрысая, — ругнулся Михась. — Ладно уж, я сам...

Он сунул Лешке одежду и снова ринулся во двор. Одновременно из соседнего двора через забор перескочил какой-то усатый дядька и с ходу навалился на Михася, выкручивая ему руки.

Что было делать Лешке? Оставалось одно: звать на помощь. Но кого? Милицию? На этой окраинной улице сроду не появлялись милиционеры. И прохожих не было в тихий воскресный день. Только за целый квартал впереди маячили какие-то две фигуры. Не раздумывая больше, Лешка метнулся им навстречу.

Это были два молоденьких лейтенанта-пограничника. Начищенные от макушек до пяток, они неторопливо шли по каким-то своим, наверное, неслужебным делам.

— То...ва...рищи офицеры! Пионера... бьют! — вот и все, что выдохнул им прямо в румяные лица полубморочный Лешка.

Что ни говори, пограничники — народ особенный. Реакция у них молниеносная. Лешка еще не успел опустить руку, показывая направление,

как лейтенанты в хорошем спринтерском темпе устремились к месту действия.

Когда измученный Лешка притрусил во двор пани Фелиции, все было кончено. Усатый дядька смирно сидел на корточках возле забора, а над ним стоял один из лейтенантов и рассудительно ему что-то втолковывал. Усатый охотно соглашался и потирал шею. Второй пограничник вел беседу с Фефе. Пани Фелиция приседала в частых реверансах и конвульсивно улыбалась. Михась стоял посредине двора и мрачно растягивал в руках вырученный из беды пионерский галстук. На лбу у него росла и наливалась густой синевой шишка.

— А протокол все-таки надо бы составить, — резюмировал события лейтенант, взявший шефство над усатым. — По поводу побоев, неспровоцированно нанесенных этим гражданином мальчику.

— А также по поводу похищения этой гражданкой пионерского галстука, — объявил второй лейтенант. — Кто сходит за участковым?

При слове «протокол» пани Фелиция распротерлась в паническом книксене.

— Но так не мо-ожно, пан офицер! Пан офицер преувеличивает. Зачем мне было похищать эту... онучку!

Лейтенанты хмуро переглянулись.

— Как вы сказали?

— Сама ты онучка! — бешено крикнул Михась и шагнул к Фефе.

— Ладно, хлопцы, пошли отсюда, — решительно сказал пограничник и подтолкнул ребят к калитке. — Тут дышать нечем. Проветривать надо.

На тротуаре лейтенанты вежливо подождали, пока мальчишки натянут порядком измочаленные брюки и рубашки. Лешка немного удивился,

увидев, что Михась завязывает галстук. Но тот очень серьезно расправил его лепестки и так же серьезно вскинул руку в салюте:

— Спасибо, пограничники... за помощь!

Лейтенанты взяли под козырек:

— На здоровье. Хорошие вы хлопцы...

— Ну и вы... ничего. Настоящие...

Четыре хороших человека дружелюбно рассмеялись и разошлись в разные стороны.

18

В больничной палате, где лежит Стасик Мигурский, — свирепая чистота и невыносимая тишина. Он лежит здесь десятый день в полном одиночестве. Ему прописан абсолютный покой. Три раза в день Стася колют, четыре раза дают таблетки и микстуры, два раза растирают поясницу, колени и шею. Называется — локальный массаж. Делают его парни-практиканты из медучилища. Сначала Стась ничего не чувствовал, и ему было смешно глядеть, как они потеют. Но на четвертый день в местах, где растирают, калеными углями вспыхнула боль, и Стасик не выдержал, крикнул. Веснушчатый медик-практикант цыкнул на него:

— Жить хочешь? Бегать хочешь? Терпи!

И Стась терпел, но всякий раз с ужасом ждал массажистов. А на шестой день добавили душ. Сначала вроде приятно: сидишь на стуле, а на тебя льется. Когда вода попадает в нос и немножко захлебнешься, вспоминается река. Чутьточку похоже. Но раз за разом водяные струи становились все сильнее и холодней, от них долго болела кожа. Очередного приглашения в душ Стась тоже стал ждать с содроганием. Ничего

себе «абсолютный покой», от которого и помереть недолго.

Только главный врач почему-то был доволен. Вчера он басом захохотал, увидев, как Стась шустро поджал коленки при первых же струях воды.

— А ну, расскажи, что сейчас чувствуешь! — потребовал он.

— Щиплет. И колется.

— Выключить душ! — скомандовал врач. — Быстро считай до десяти.

— Один, два, три, четыре, п-ять... девять, десять.

— В двенадцати словах ты заикнулся один раз. Умница. И ногами начал дрыгать не вразброс, а по-человечески. Процедуры продолжать...

Кормят не то чтобы плохо, а бестолково. Кашу дают с сахаром вместо сала, а мясо и вовсе портят, потому что забывают посолить.

Сегодня — воскресенье. Слышно, как в соседние палаты приходят посетители. А у него совсем пустой день. Свидания запрещены. Не придут даже массажисты — у практикантов тоже бывают выходные дни. Тоска зеленая. Конечно, можно почитать, если аккуратно пристроить книжку на животе. Руки уже дергаются меньше, и после нескольких попыток удается перевернуть страницу. Но что за книжки ему дали! Просил про войну или про море, а сестра принесла сказки про зверей. Хотят для него спокойствия, а сами издеваются. Сказки! Он уже читал про капитана Немо и его «Наутилус», и Лешка обещал принести продолжение о каком-то таинственном острове. Лешка — восточник с Подольной — здорово рассказывал про остров. Да не все. Дошел до пиратского корабля и с Казиком подрался. Нашел момент. Сами-то небось сейчас читают. Или купаются. А его в боль-

ницу запихали. Еще вопрос, что хуже: или больному на плоту, или выздоравливающему в этой белой конуре.

А пока лучше всего смотреть в окно. Верхняя половина его полуоткрыта. Дежурная сестра каждое утро тянет за шнурок, и наверху откидывается внутрь часть рамы. Когда на улице шумит ветер, ветки густой липы влезают в окно и потом долго выпутываются из переплета рамы, обрывая листья. Бывает, что маленькие листочки падают Стасю на кровать. Он их ждет и старается не зареветь от тоски по воле.

...Сейчас на одеяло опустился не зеленый липовый листок, а белая бумажная птичка. Стась долго и недоверчиво глядел на нее, но не тронул. Потом прикинул в уме линию полета и стал медленно поворачивать голову к окну. Глаза уперлись в ветки липы. Между ними маячили физиономии Лешки и Михася.

И сразу же в палату вошла старенькая няня-санитарка. Она прошлепала разболтанными тапками к Стасю и подняла с одеяла бумажную птичку.

— Ишь ты, что смастерил. Выходит, ожили пальчики-то. Чудотворец наш доктор. А там к тебе двое бесенят приходили, дак их, само собой, не пустили. Ох, тяжелый к тебе доступ, строже, чем к святым мощам. Однако передачу приняли. Я ее тебе на плитке варю. Чего варю? Раков они тебе принесли, полную миску. Еще ворочаются. Потерпи маленько, подам. А самих не пустили — нельзя. Хоть парнишки вроде ничего. Один из них больно уж культурненький мальчик. Нам, говорит, сведению ему надо интересную передать, он враз от нее поправится, и вы, говорит, этому научному опыту помогать должны, а не препятствовать. Все равно не пустили. А другой — тот все молчком к тебе пробивался. Дежурная с куль-

турненьким этим разговаривает, а тот в проход теснится. Она его хватить за локоть, а он из кармана рака выдернул да показал ей. Живого-то рака! Она, конечно, обмерла, а он — по коридору. Вот они, которые молчком-то! Ну тут уж я его переняла, усовестила по заливку.

— Так он тебе и дался! — насмешливо донеслось из-под потолка. — Грех врать, бабушка!

Старушка села на койку и обморочно зашевелила вялыми губами.

— Признайся, что не била, а только обозвала!

— Каюсь, — прошептала ошеломленная нянька. — Не поднялась у меня на тебя рука, ирод ты окаянный. Ты где спрятался, сатана лукавый?! А! На дереве! Оба голубчики. Ну, сейчас я доктору скажу, он вас оттедова сымет. Ужо будет вам за мой перепуг.

— Бабушка, у нас халва есть! — звонко сказал Лешка из липовых ветвей.

— Какая такая халва? — насторожилась старушка.

В беседу снова вступил Михась:

— Ореховая. Та самая, за которой ты, бабуля, в киоск бегаешь. В рабочее время. И в халате. Попадет тебе от доктора.

Нянечка задумалась.

— Чего хотите-то, дьяволята, не пойму я вас?

Лешка растолковал:

— Вы, бабушка, нам окно чуть побольше откройте и выйдите на пять... ну, на десять минут. Покарауйте. Честное пионерское, мы будем тихо. Халву положим Стаське в тумбочку.

...Десять минут старушка честно просидела в коридорчике около дверей, сокрушаясь о своих обильных прегрешениях.

А в палате шел странный, шепотный, отрывочный, но всем троим понятный разговор.

— ...Напротив лесозавода вышку для ныряния ставят, во!

— «Человека-амфибию» не читал? Держи.

— На батьку твоего Антон документы нашел, пенсию будете получать как за погибшего подпольщика.

— То д-добре.

— У вас сейчас две комнаты будут. Шпилевских выперли. А в подвале у них золотых часов было с тонну и каких-то каратов на миллион. Митя говорил, можно целый стадион построить.

— Лу-лучше бы лодок наделать, с парусом.

— О лодке Лешке не поминай, он с лодки бандюгу пришил.

— К-как?

— Да ерунда все это... Слушай, Стась, я ведь уеду послезавтра. Тебе куда написать — в больницу или домой?

— Домой. Я скоро вы-выберусь. А мы еще... сустренемся?

— Ну... не знаю. Наверное.

— Сустренетесь. Он тут влюбился в одну... доярку. Жениться приедет.

Не сдержал Лешка честного слова насчет тишины. На грохот опрокинутой тумбочки в палату вкатилась перепуганная нянечка и увидела свалку. «Культурненький» сидел верхом на своем приятеле и аккуратно клал тумаки на его шею, причем тот не сопротивлялся, а только дурашливо верещал, что больше не будет.

Старушка знала верное средство разнимать дерущихся котов. Их надо облить. Чем? В страхе, что шум услышит врач и ее больничная карьера будет погублена, она схватила первое попавшееся под руку. Мальчишки вовремя заметили в ее руке диковинный плоский сосуд с длинным горлом. Еще не догадываясь о его содержимом, они

устрашились невиданной формы посуды и кинулись к спасительному окну.

А на узкой больничной койке остался лежать больной Стась. Если только есть смысл называть больным человека, который неудержимо хохочет, задирая при этом ноги.

19

Лешка сидел на подоконнике, наблюдал, как Соня упаковывает Митин чемодан, и тихонько насвистывал. Одновременно он размышлял о многих вещах. Например, о том, обязательно ли надо спешить стать взрослым? Некоторые события убеждают, что торопиться с этим не надо. Взрослые явно перестают видеть то, что совершенно очевидно для тринадцатилетних людей. Зачем же мчаться навстречу глупости?

Вот, скажем, Софья Борисовна. Одной рукой она заталкивает в карман чемодана Митину бритву, а другой вытирает слезы. Чего ревет? Боится, что Митя сюда не вернется? Ну и зря. Лешке абсолютно ясно, что они поженятся. Достаточно было увидеть, как Дмитрий вчера по-хозяйски выбирал место для полки со своими книжками. Или как помогал Соне мыть посуду. Лешка вспомнил, что точно такое важно-сосредоточенное выражение лица бывало у его отца, когда он помогал маме в домашних делах.

Конечно, Митя вернется из отпуска только сюда. А Соня ничего не видит, хоть и глядит на Митю во все глаза. Наверное, ждет обещания на словах. Глупо! Зачем слова, когда и так все понятно.

Вот у них с Пашей все по-другому. Они ни слова не сказали друг другу. Когда Лешка до-

тронулся до Пашиного плеча, она даже головы не повернула, а только склонила ее вбок и чуть прижала его руку маленьким розовым ухом. И снова занялась своим делом. А чего еще надо? Лешке — ничего не надо.

Соня перестала хлюпать носом, мощно уперлась коленом в крышку чемодана и застегнула его.

— А ты свой уложил? И не свисти, пожалуйста-ста, на дорогу — плохая примета.

— Вот еще, — фыркнул Лешка. — Комсомольский руководитель, а в приметы веришь.

— Как ты сказал? — вдруг радостно спросила Соня.

— Чего — как? Я говорю, неприлично тебе верить в бабушкины сказки.

Соня бурно стиснула Лешку в объятиях и запечатлела звучный поцелуй на его щеке.

— Спасибо, малыш! — снова хлюпнула она носом. — За то, что сказал мне «ты». Вроде как своей...

Лешка вытер щеку. Беснадежны эти взрослые. Что он — «выкать» ей должен, если она ему без пяти минут сестра?

— Ну, так я и тебе скажу кое-что хорошее, — вспомнила Соня. — Я тебе письмо из района привезла от Паши Мойсенович. Она говорила, что ты забыл какие-то тетради.

Лешка удрал на кухню с тугим бумажным свертком. В нем под газетной оберткой лежала записка.

«Добрый день, Леша, извини, если с ошибками. Посылаю свои тетради с лагерной школы, ты их спрашивал, а потом забыл. Варька говорит спасибо за самолеты, что научил его делать, и посылает два креста, только зачем они тебе, если фашистские. Ну тебе лучше знать, ты ум-

ный. Ваня уже работает в колхозе, скоро мы к нему переедем, и, если захочешь написать, адрес: колхоз «Партизанская слава». Ну и все пока. Оставайся здоровый. Твоя знакомая пионерка *Прасковья Мойсенович*».

— Все правильно, — бормотал Лешка, запихивая тетради в свой обшарпанный чемоданчик. — Зачем разные там слова? «Оставайся здоровый», и все... Хотя, конечно, не лопнула бы, если написала, что будет немножко ждать... или что-нибудь такое.

Он тихонько вздохнул и по примеру Сони нажал на крышку коленом. Чемодан не закрывался. Слишком много собралось имущества: тетради, гильзы, партизанский кисет, ржавый рубчатый чехол от гранаты...

— И еще место понадобится. Сложная у тебя проблема! — сочувственно произнес за его спиной знакомый голос.

В дверях комнаты стоял майор Харламов. Лешка не сразу узнал его, потому что майор был в сером гражданском костюме и соломенной шляпе. В левой руке он держал длинную и узкую картонную коробку.

— А где Дмитрий Петрович?

— На вокзале билеты добывает, — не очень весело ответила Соня. — Попрощаться зашли?

— Это само собой. А еще — по делу. Алексей Вершинин, подойдите сюда!

Зардевшись от предчувствия чего-то приятного, Лешка подошел. Майор вытянулся и отчеканил:

— От имени товарищей по работе и себя лично вручаю вам скромный памятный подарок.

Лешка машинально взметнул руку в салюте и схватился за коробку. Она оказалась увесистой. Пришлось положить на стол. Узел шпагата дол-

го не поддавался пальцам, и Лешка завертелся на месте, высматривая ножницы. Понимающе улыбаясь, майор раскрыл и протянул ему перочинный ножик.

В коробке на мягкой постельке из папиросной бумаги лежала пневматическая винтовка.

Лешка почему-то спрятал за спину руки и глуповато открыл рот:

— Мне?

— Тебе... Надпись, правда, не успели сделать, некогда было. Очень уж поспешно ты свои героические дела устраивал...

Лешка почти не обратил внимания на чуть заметную усмешку.

Винтовка!

Бывают в жизни человека бесконечно счастливые мгновения!

Впрочем, через минуту Лешка уже насел на майора:

— А Михасю... ничего не подарили? Шпилевских-то он накрыл, не кто-нибудь. Раненый был... А?

— Имеется в виду Дубовик? Ну, у него подарок фундаментальнее твоего. Выхлопотали путевку в железнодорожное училище. На этот раз он, кажется, остался доволен.

Поезд на Москву уходил в час ночи, и ровно в двенадцать они двинулись на вокзал. Шли втроем — братья и Соня. Михася не было. Город спал. Когда вышли на Советскую площадь, Лешка поглядел на шпили костелов, покосился в сторону Замковой улицы и вздохнул. Удивительно! Прожил здесь меньше двух месяцев, а уезжать не больно хочется, хотя ничего особо выдающегося здесь нет. Разве что музей.

Он еще не знал, что люди любят города не за улицы и площади, а за то, что им пришлось на них пережить.

Прямой вагон «Гродно — Москва» был прицеплен к хвосту поезда. Подсвечивая себе фонарем, щупленький пожилой проводник разглядывал билеты:

— Через Москву, Казань, Свердловск. Далекватый у вас путь, граждане пассажиры. Милости прошу — шестое купе, нижние места. Вы, гражданка, провожающая? Отправление через пятнадцать минут.

— Сама знаю! — мрачно сказала Соня и через голову проводника поставила чемоданы в тамбур.

В купе было душновато и темно. Только перронные фонари отражались в полированных поверхностях спальных полок и откидного столика у окна. Дмитрий поднял сиденье, сунул в темную яму под ним чемоданы и сказал Лешке:

— Сиди. Мы выйдем.

Лешка сел. Соня чмокнула его в щеку, и они вышли. Не успел Лешка вытереться, как противоположное сиденье медленно приподнялось, словно крышка гроба в страшной сказке, и оттуда вылез Михась.

— Тесак держи, — как ни в чем не бывало сказал он и протянул Лешке широкий штык в металлических ножнах.

— Это еще зачем?

— Ну... ты всякое трофейное барахло собираешь, а он у меня давно валялся. Прячь. На память, что ли...

Лешка затоптался на месте, как всегда с ним бывало в затруднительные минуты. Это что же получается? У него же ничего нет, чтобы на прощанье «отдарить» друга. Свинство сплошное.

— Да не крутись ты, — насмешливо сказал Михась. — Ничего не надо. Сам не знаешь, сколько ты мне... В общем, всё. Ежели соберешься — на училище пиши.

— Так и будешь торчать у окна всю ночь? — спросил Дмитрий.

— Не всю, — сказал Лешка. — Еще немножко.

— Ага! Кажется, понял. Но, братик... у нас же скорый поезд, он на разъездах не останавливается.

— Я знаю. Все равно. Я посижу.

...Через полчаса после этого разговора паровозный гудок и тяжелый слитный гул далекого поезда услышала в маленькой хате на краю районного поселка худенькая девочка с печальными темными глазами.

Она приоткрыла дверь, чтобы стало слышней. От скрипа петель проснулся пятилетний мальчуган.

— На Мошкву пошел? — спросил он и снова сладко засопел в подушку.

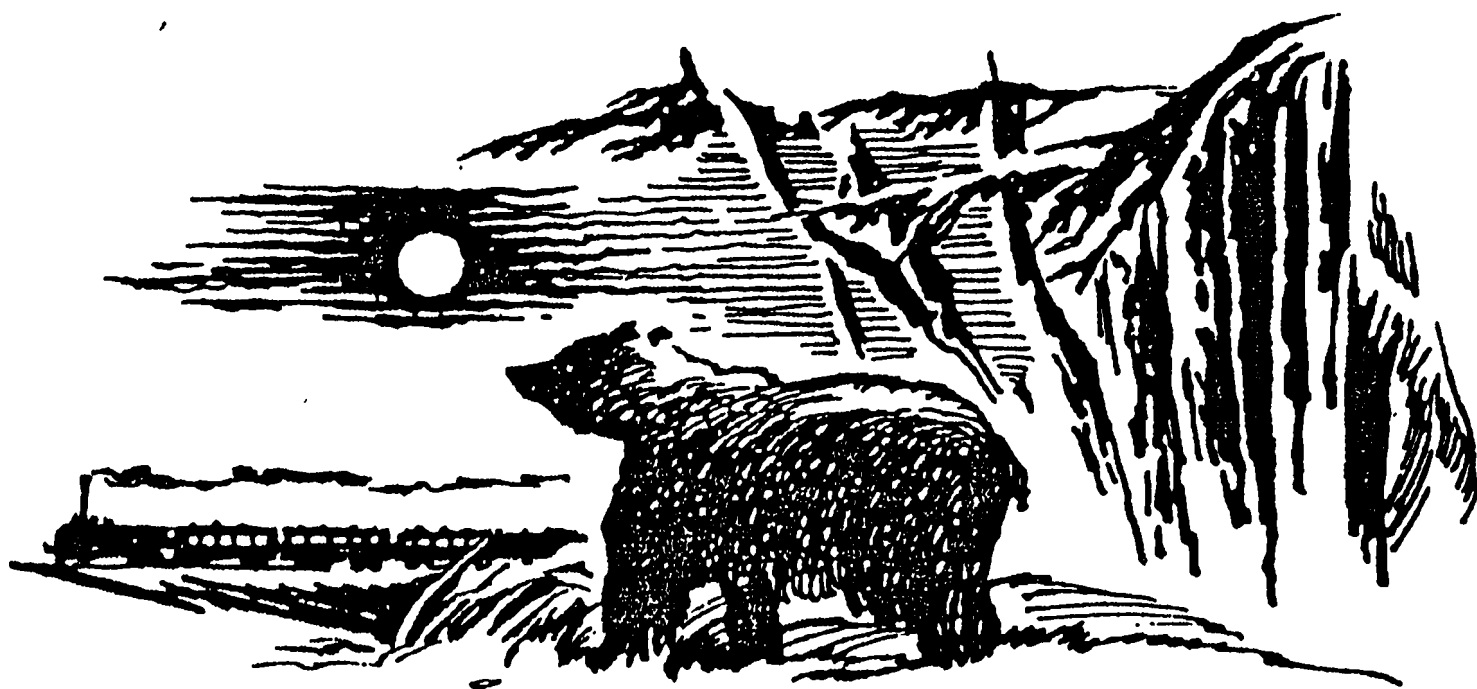
Паша не ответила. Она стояла и стояла у открытой двери, пока не стих за лесом последний звук ночного поезда.

1974 г.

Шесть лет спустя

Повесть

Часть первая

Гул ночного поезда рассек тишину необъятного бора. Поезд шел на запад, а за ним начинало предрассветно сереть небо.

В борозде между вековыми соснами и ельником заворочался молодой медведь. Он недавно вернулся из похода на овсяное поле, где славно полакомился сладкими сережками, и склонен был с рассветом забраться подремать в этот самый ельник. Но его излюбленное место оказалось занято. Есть люди, которым не спится по ночам. Кто-то пахнувший рекой и еще многим непонятным разжег рядом с лежкой огонь, долго стоял около него, потом бродил по ельнику, наконец исчез. Но убрался, видимо, недалеко, потому что густой человеческий запах не пропал в зарослях.

Долго лежать в борозде тоже нельзя. С первыми лучами придут за лесной малиной шумливые бабы и ребятишки с отвратительно гремящими ведрами. А спать очень хочется. Может быть, тот человек все-таки удалился из его владений?

Медведь бесшумно выбрался наверх и заковылял в ельник, изредка пофыркивая от бьющих по нежному носу колючек.

МИР ТЕСЕН

В вагонах спали. Спал и студент второго курса факультета журналистики Уральского университета Алексей Вершинин. Он ехал из Москвы после месячной практики в «Комсомолке», но двигался не на Восток, как бы ему полагалось, а как раз наоборот — в Белоруссию, да еще в самую западную, прямо к границе. Шесть лет назад он уже побывал здесь — зеленым шестиклассником. Гостил у старшего брата Дмитрия, осевшего после войны в Гродно на комсомольской работе. Сейчас то Митя уже на партийной, секретарствует в одном из лесных районов. Взял клятву со студента, что остаток каникул Лешка проведет у него. Обещал прелести ночной рыбалки на Немане и грибных походов по непролазной пуще.

Правда, с некоторыми из «прелестей» пущи и Немана Алексей был знаком по первому своему визиту к брату. Мать полностью так и не узнала о приключениях своего младшенького в окрестностях белорусского села Красовщина. Иначе не разрешила бы ему сейчас сюда ехать. Девятнадцатилетний верзила с вполне реальной растительностью на физиономии для матери по-прежнему «Леша, надень калоши». А калоши-то надо надевать на башмаки сорок третьего размера.

С мыслью о своих великолепных желтых туфлях с пряжками Алексей и проснулся на верхней полке. Стремительно сунул руку под подушку. Туфель нет. А ведь прятал их именно под голову. Для гарантии. Все-таки первое приобретение на первый гонорар.

Снизу раздался дискант:

— Вы, дядя, как повернетесь, а он как упадет мне по шее...

Снизу смотрела на Алексея рожица четырех-летнего карапуза.

— Кто упадет?

— Ваш ботинок... Он — тя-а-желый!

Туфли теперь аккуратно стояли на вагонном столике рядом с кольцом колбасы и куском батона. К счастью, мать парнишки еще спала, отвернувшись к стенке. Алексей поспешил водворить свою обувь на полку.

— А вторая туфля? Тоже упала?

— Н-не! Я сам залез и достал, а то и вторая стукнет.

— Ловко. Молодец. Спасибо. А не можешь объяснить, почему у меня рука в яичном желтке и скорлупе? — Алексей с недоумением рассматривал липкую ладонь.

— Могу... потихоньку. Только вы не ругайтесь.

— Ладно, лезь ко мне, конспиратор. — Алексей одной рукой поднял карапуза на полку и сунул под простыню. — Ну?

— Я, когда полез за вторым ботинком, на столике два яйца раздавил. Всмятку. Они под газетой лежали. Я забоялся, что мама ругаться будет, к вам их под подушку сунул, вместе с газетой. Никому не скажете?

— Не... не скажу. — Алексей со страхом подумал, что постельное белье скоро надо будет сдавать проводнице. Интересно, сколько стоит железнодорожная наволочка?

— Надо бы познакомиться, — сказал он. — Как зовут моего юного друга, обменявшего туфлю на гоголь-моголь?

Под простыней раздалось обидчивое сопение, а с нижней полки прозвучало чуть хрипловатое после сна сопрано:

— Его зовут Мирослав. Но это родительская ошибка. Истинное имя ему — Стрекозел. Слав-

ка, сейчас же слезай оттуда. Молодой человек, спустите его за шиворот.

Позавтракали они вместе, причем таинственное исчезновение яиц прошло, кажется, незамеченным. Впрочем, когда Алексей сообщил, что скоро ему сходить, женщина вызвалась сложить его постельное белье. Во время этой процедуры она издала несколько скорбных междометий, а Мирослав был удостоен испепеляющего материнского взора, но сделал невинное лицо.

Два других пассажира купе — пожилые командировочные — мирно спали, не мешая завтраку и беседе.

Девушка-проводница заглянула в купе и осветила его белозубой улыбкой:

— Молодой человек, следующая остановка — ваша! О, вы уже и постельные принадлежности сложили. Спасибо. А может быть, пожелаете что-нибудь написать в адрес нашей бригады в книге отзывов?

Алексей бурно пожелал. А когда вернулся в купе, они с женщиной взглянули друг на друга и расхохотались. Невольное маленькое сообщничество сблизило их, и мать Славика сказала:

— Между прочим, в райцентре, куда вы едете, живет моя давняя подруга Соня Курцевич. Работает директором школы. Хотя фамилия ее сейчас другая — по мужу она Вершинина.

— Между прочим, — в тон ей ответил Алексей, — моя фамилия тоже Вершинин, и я прихожусь родным братом мужа вашей подруги.

— О! — только и смогла произнести женщина. — Поистине, мир тесен. Выходит, я тоже вынуждена отрекомендоваться. Живем мы в Гродно, зовут меня Татьяна Григорьевна. Фамилия моя Голуб, муж...

— Стоп! — чуть не в панике замахал руками Алексей. — Мир еще теснее, чем вы думаете. Если муж ваш Голуб, то зовут его Антон... э-э-э?

— Сергеевич!

— Он капитан милиции...

— Подполковник.

— Очень вероятно: шесть лет прошло. Тогда у вас должен быть приемный сын Михась.

— Михась — парашютист! — восторженно заорал Мирослав.

— Он сейчас служит в армии, — пояснила Татьяна Григорьевна Голуб. — Погодите: а вы... неужели вы тот Лешка, о котором мне Соня и Михась рассказывали? Значит, это вы умудрились заварить тогда детективную кашу?

— Почему — заварить, почему — кашу? — обиделся Алексей.

Но уже визжали тормозные колодки; стукались вагонные буфера, и пора было выходить.

КЕРОГАЗ КАК ПРОДУКТ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Варфоломей тосковал. Стрелки ходиков немолимо приближали время к девяти. Именно на этот час — в ноль-ноль — назначен сбор звена. Время выбрано с умыслом: женщины и девчонки поселка уже уйдут со своими кошелками с опушки, и никто не помешает развернуть операцию.

Вчера конопатый Юзик Бородич увидел над ельником белесый дымок и показал деду, вместе с которым выгнал корову перед восходом солнца. Дед отреагировал флегматично:

— Самогонку робят. Дело обычное — скоро Спас...

Назавтра Юзик нервно говорил Варфоломею:

— Им Спас, а колхозу пас: семена не засыпаны. Батька зубами скрипит, думает, где взять зерно на озимый сев, а пьянчуги его на сивуху переводят.

Батька его Феликс Устинович был бригадир в здешнем колхозе и очень переживал за свое «подразделение», как он называл бригаду. Но ему Юзик ничего не сказал о подозрительном дыме над ельником. Так и видел, как бывший партизанский взводный хватает топор и бежит крушить самогонные аппараты. Никакой милиции дожидаться не будет. А если рядом с аппаратом его хозяин окажется? Отцу же потом и отвечать...

— Нам бы самим засечь этих винокуров, — развивал идею Юзик. — Ну, нашему звену...

— Они тебе засекут. Дорогу в лес забудешь!

— Ты, Варька, дрейфун досрочный, хоть и звеньевой. Мы же тайно, по-пластунски. А потом уж участковому доложим по форме эти... кардиналы.

— Координаты, балда... Матери ночью хлопцев в лес не отпустят.

— Мы и днем все раскопаем.

— Днем-то дыма не бывает.

— Не бывает, а самогонщики остаются. Я у деда расспросил: им надо первач остудить, новую брагу к вечеру развести. При сплошном прочесе и накроем. Эх, был бы еще фотоаппарат!..

Такой роскоши в звене Варьки Мойсеновича не водилось, но он уже загорелся: через месяц являются они в школу, а их встречает духовой оркестр, и директор Софья Борисовна провозглашает: «Пионеры из второго звена пятого класса «А» во время летних каникул отличились при разоблачении злостных нарушителей закона, и им объявляется...»

Решение о походе было принято и одобрено всем звеном. Название операции тоже придумали — «Голубой дым».

Но что толку в названии, если сейчас Варька вынужден торчать около распроклятого керогаза. Эту адскую машинку он люто ненавидел: стоит себе тихо и смирно, безобидно попискивает синим огоньком под колпаком с дырочками, но вдруг взрывается косматым костром. Тогда пожара не миновать, если не накрыть пламя мокрым рядом, которое всегда лежит рядом.

Взрывы — от некачественного сельповского керосина. Или от сильного порыва ветра. Поэтому нельзя вытащить ненавистный прибор на двор, где бы он мог взрываться себе на здоровье сколько влезет. А ведь были, были светлые времена в Варькиной жизни, когда обед готовился именно на дворе, на такой удобной и неприхотливой кирпичной печурке. Но то происходило в войну и в первый послевоенный год. А сейчас пришла пора мирной цивилизации, как выражается брат Иван. Варьке от этой цивилизации один ущерб.

Выключить керогаз и попросту смотаться из хаты Варька не имеет права: в кастрюле варятся говяжьи кости и копыта — основной компонент будущего холодца. Срок его приготовления сестра Прасковья определила весьма расплывчато: «Пока не загустеет. Ты, Варенька, изредка помешивай, но главное, чтобы огонь не погас — процесс приготовления должен быть непрерывным».

«Процесс приготовления»... Выучилась в своем педтехникуме! А процесс опаздывания на звеньевой сбор — это как?

И все-таки бывает удача на белом свете. В дверях кухни неожиданно возник высоченный парень в голубой тенниске. Вытер желтые туфли о половик и произнес вежливым баском:

— Добрый день этому дому. Так, кажется, принято здороваться в данной местности? Ну, здрав-

ствуй, Варфоломей. Меня ты, конечно, не узнал, а вспомнить, может быть, сумеешь. Поднатужься.

Варфоломей молчал. На кого похож этот долговязый и красивый парень? Кажется, на их секретаря райкома Дмитрия Петровича. Только тот постарше и покрупнее. Но похож.

— Старайся, старайся, — подталкивал гость, усевшись на табуретку. — Могу помочь: бумажные «иштребители» помнишь? Во дворе здесь пускали. Кто их тебе делал?

Из самых сокровенных глубин Варькиной памяти выплыло: такой же солнечный летний день, на крыше их сарайчика стоит мальчишка в коричневой городской курточке и отправляет в воздух беленький самолетик из листа тетрадной бумаги. Тот крутится в теплых струях легкого ветерка, а потом бесшумно опускается на плечо очарованного Варьки...

Варфоломей забыл про керогаз. Он несколько раз обошел вокруг табуретки, но никак не мог раскрыть рот. Имя гостя он легко вспомнил, но как обратиться к этому совсем взрослому парню? И снова гость помог:

— Тогда ты называл меня просто Лешкой, а я тебя — Варькой. Что верно, то верно: выросли мы, посолиднели. Давай так: я Алексей, а ты Варфоломей. Только без «выканья».

Варька счастливо хмыкнул:

— Нехай так... Вот только угостить пока нечем... тебя. Скоро Паша придет, тогда...

— Скоро?! — Алексей круто поднялся, поправил воротник тенниски, извлек расческу.

Но раньше Прасковьи появился конопатый Юзик. Сунул в окно свои вихры и заорал, не обращая никакого внимания на постороннего:

— Ты кто — звеньевой или шеф-повар, чтоб тебе подавиться своими щами-борщами! У тебя

что, часов нет? Переизберут тебя хлопцы, раз операцию срываешь!

— Не тебя ли выберут? — огрызнулся Варька.

— Минутку, братцы. Почему суета? — вмешался Алексей. — И что за операция, если не тайна?

— Как раз и тайна. Тем более, что мы вас не знаем, — нахально парировал Юзик.

— Варфоломей меня знает. Но дело в другом. Почему ты, звеньевой, не идешь к своему заждавшемуся коллективу?

Варька коротко обрисовал ситуацию с проклятым керогазом.

— Иди, я послежу, — великодушно сказал Алексей.

— Прасковья заругается, — не очень уверенно возразил Варька.

— Хм! Уверяю, что и не вспомнит о тебе, — несколько самонадеянно заверил гость.

— Ладно. Только ты не забудь... Здесь процесс непрерывный. Ты помешивай...

Алексей остался один. Он прошелся по кухне, заглянул в две небольшие комнаты. Ничего похожего на ту убогую хатку шестилетней давности. Перестроен домик полностью. Любопытно, сохранился ли хлев, где они тогда с Пашей доили корову с забавной кличкой Трижды?

Он приоткрыл дверь, чтобы выйти во двор, и отпрянул: от калитки шла беловолосая девушка с черными глазами.

СКОЛЬКО БЫЛО МЕДВЕДЕЙ

С часовым опозданием, но операция началась. Еще раз обсудили обстановку. Дымок, по мнению Юзика, был виден километрах в трех, не-

далеко от реки. Ребят собралось восемь человек. Если держать между собой интервал в двадцать метров — так, чтобы при перекличке в полптичьего голоса слышать друг друга, площадь прочеса получалась немаленькая.

Сложнее было Варьке распределить среди хлопцев позывные.

— Микола, будешь петь дроздом.

— Не могу. Лучше я кукушкой...

— Может, еще петухом пожелаешь закукаркать? Кукушки внизу не кукуют. Василь, синицу знаешь? Молодец, действуй. Петро, тебе быть витютенем. Покажи, как лесной голубь трубит. Ну чего ты горло раздул, словно блином подавился? У тебя удоб получается, а не витютень. Ладно, нехай будет удоб...

Договорились: на поданный сигнал всем не кидаться, иначе треска в ельнике не оберешься. Подползают только Варька и Юзик. Для общего сбора — крик совы.

— Днем-то? — усомнился кто-то.

— Если сову неожиданно спугнуть, она и днем кричит, — авторитетно пояснил звеньевой.

— Ну а если медведь встретится? — хихикнул в рукав не очень храбрый Микола. — Говорят, бабы опять следы видели...

— Тогда, ясное дело, реви своим голосом. И мы все подхватываем. Ни один косолапый не выдержит.

Посмеялись и нырнули в чащобу ельника. Двигались где в рост, где на коленках, а то и во все ползком. Иначе и нельзя: под нижними засохшими ветвями елок легче проползти на животе, чем продраться сквозь них напрямую. Того и гляди, без глаза останешься.

Из восьми разведчиков только двое догадались надеть плотные куртки с длинными рука-

вами и штаны. Шестеро пришли в майках и трусах. Через полчаса майки превратились в немыслимое рванье. Пот заливал глаза, но вытереть его было нечем — хвоя для этого не годилась, а лопухи под ногами не росли. Рос жесткий вереск, в котором прыгали маленькие кузнечики. Они были безобидны, а вот разбуженные комары освирепели. Пришлось пустить в ход обломанные еловые ветки. Их буйное вращение над головами явно демаскировало разведчиков. Варфоломей от возмущения чуть было не заорал во весь голос: «Потерпеть не можете, неженки!» Но тут в двух интервалах от него раздался нежный посвист синички. И раз, и два. Звеневой кинулся на сигнал.

...Василь, с ободранными в кровь коленями и локтями, с перемазанным смолой и раздавленными комарами лицом, лежал на крошечной лужайке и тыкал пальцем в свежий след костра. Ветерок еще не сдул белесый налет пепла на обгоревших скелетиках веток. А больше здесь ничего не было. Ни самогонного аппарата, ни каких-либо его признаков. Не было даже ямок от кольев, которые чаще всего вбивают у костров. Ни спички, ни окурка. Ничего.

— Дурацкий какой-то костер, — прошептал Юзик. — Будто пришел человек, разжег огонь, постоял над ним и ушел.

— То-то что постоял, — согласился Варька. — Если бы он сидел, так на вереске осталась бы вмятина.

Согласились, что найденное кострище отношения к самогонщикам не имеет, и двинулись дальше.

Следующий сигнал поступил от Петра, коротко ухнул удод: «Худо тут!» На зеленом мху лежал кусочек яичной скорлупы.

— Тоже мне след! — хмыкнул Юзик. — Тебе сказано, человечесьи следы искать, а не птичьи. Ну выпало яйцо из гнезда, разбилось...

— В-во-на как! — насмешливо протянул Петро. — В августе-то яйца в гнездах бывают? Эх ты, юннат... И где видано, чтобы птицы свои яйца в городе клеймили?

Ребята присмотрелись. На осколочке скорлупы отчетливо проступали красноватые знаки. Ясно можно было разобрать две цифры, разделенные точкой: 9.7.

— И опять, значит, не самогонщик яйцом закусывал, — подытожил Варфоломей. — Что у них, своих курей нет, чтобы клейменные яйца покупать в магазине? И потом, в нашем райцентре синей краской их метят, а не красной.

Сошлись на том, что приезжали, видимо, на выходной день отдыхающие из Гродно, от них и осталась городская скорлупа. Только Петро с сомнением качал головой и про себя хмыкал: «Видал я тех отдыхающих. Они после себя не кусочек с ноготок оставляли, а полберега выбеливали скорлупой на Немане».

Свою находку он не выбросил, а завернул в березовый листок и спрятал на животе под майку.

По Варькиной прикидке, поиск продолжался уже больше двух часов, и прошли они километра два. Так они скоро и на берег Немана выйдут. Тогда придется признать полный провал операции. Конечно, брехло Юзик получит по шее, но от этого не легче.

Не крик, а истошный вопль разнес в клочья сумрачную тишину ельника. Где-то на левом фланге цепи панически орал Микола. Тотчас же к нему присоединились семь других мальчишеских глоток. Взвилась над лесом стая перепуганных голубей. Смолкли и попрятались дятлы. И наобо-

рот, оголтело застрекотали невесть откуда взявшиеся сороки. Продолжая орать, мальчишки ломились по направлению Миколы, а навстречу им ломился... медведь. Самый настоящий. Он улепетывал от дикого визга Миколы и, повстречав других пацанов, совсем ошалел. Роняя на хвою жидкий помет, он полез на тоненькую елку. Та, конечно, согнулась, косолапый снова очутился на земле. Уныло, почти по-собачьи таякнув, он задним ходом сунулся в кусты колючего можжевельника и там исчез.

А трясущийся от страха Микола продолжал вопить и показывал рукой в сторону, как раз противоположную той, где скрылся косолапый.

— Там, та-аа-м! — всхлипывал он.

— Да не там, а наоборот! — озлился Варька. — Хватит глотку драть, медведь больше тебя передрейфил.

— Не-е, там! Вон же елки шевелятся!

Действительно, и в той стороне было заметно движение кого-то крупного и ясно слышался удаляющийся треск.

Неужели они повстречали сразу двух медведей?

ДАЛЕКИ ТЕ ГОДА...

Злополучный керогаз был выключен, дом заперт, ключ спрятан под половичок на крыльце, и они шли по луговой упругой тропинке, как и шесть лет назад. Но тогда они как-то умещались на тропинке рядом, а сейчас оставалось одно из двух: идти гуськом или тесно касаться плечами. Попробовали то и другое. Не получалось.

— Сядем лучше, — сказала Паша около ольхового куста.

— Сядем, — согласился Алексей. — Тем более, что именно на этом месте мы с тобой тогда поссорились.

— Не помню.

— Ну как же! Ты меня все жалела как хворого, а я видел себя таким мужественным героем и ляпнул тебе какую-то чушь. Ты обиделась... А потом мы помирились. Помнишь?

Ей хотелось опять сказать «не помню». Но она не умела врать. Она все помнила, и, уж конечно, больше, чем этот сегодняшний Алексей Вершинин — шикарный студент какого-то далекого университета да еще загадочного факультета журналистики. Да еще после московской практики в газете «Комсомольская правда». Что у него могло остаться в памяти об их тогдашнем детском знакомстве? Кто знает, сколько раз с тех пор он ссорился и мирился с другими девчонками и девушками, которые не чета ей, деревенской простушке? Недаром за шесть лет — всего шесть писем. В основном к праздникам.

Она не обижалась на него за то, что не писал. Сама виновата. Ясно, что ее редкие и сдержанные ответы не могли вдохновить Лешку на теплую переписку. Она и подписывалась как-то по-глупому официально: «Знакомая тебе пионерка Прасковья Мойсенович». Потом — «знакомая комсомолка».

От одного она не могла удержаться: наступая на горло собственной гордости, не стеснялась при каждой встрече с Софьей Борисовной дотошно расспрашивать, что пишет «Лешенька» в семью Вершининых. И потому почти в деталях знала его жизнь за шесть лет.

А что ему известно об ее жизни? И интересно ли ему знать? Правда, в первое же утро он разыскал ее, но, кажется, мимоходом, ради прогулки после завтрака. Сидит вот в своей фасонистой

тенниске, пряжками на туфлях поблескивает, брюки подтянул на коленях, чтобы пузыри не вздулись. Такой уж не покраснеет, если случайно коснется девчоночьей шейки, как однажды случилось у них — в душном сарайчике, когда она доила корову Трижды...

— Паш, а как живет Иван? Я знаю — он все в председателях ходит, — сказал Алексей.

— Ну как... Хозяйствует. Соответственно своему характеру. Два выговора получил за партизанские замашки.

— То есть? — заулыбался Алексей, вспомнив цыгановатого, хромого и стремительного старшего Пашиного брата.

— По шее надавал хапуге кладовщику. А в другой раз тракториста из МТС напоил, чтобы тот остался на лишний денек. Он и остался... на неделю запил. Сейчас-то выговора сняли. Говорят, к ордену представили за нынешний урожай.

Помолчали. Алексей потаенно, из-под руки разглядывал девушку. Ситцевый сарафанчик в горошек, клеенчатые босоножки. Но слепит же Господь Бог в глухой деревне такую точеную фигурку, такие хрупкие кисти рук с длинными тонкими пальцами, такие словно полированные смуглые ноги с крохотной узкой ступней. А этот ошеломляющий контраст светлых волос с черными глазами и мохнатыми ресницами! Черт возьми, у них на курсе немало девчат из семей артистов и разных потомственных интеллигентов, есть даже одна дочка академика — но ничего похожего. Он чуть ли не сокрушенно вздохнул.

— Соскучился? Может, пойдем, — обеспокоилась девушка.

— Да не то, — отмахнулся Алексей. — Ты вот что мне скажи... У тебя каких-нибудь дворян в роду не было?

Изумленно взметнулись черные дуги бровей на продолговатом лице, заплясали ямочки смеха на загорелых щеках.

— Кого не было, того не было. Цыгане были. Отец-то мой наполовину цыган. Говорят, что все черное у меня — от него, а светлое — от мамы. А вот характер уж весь мамин.

— Это какой же?

— Ладно, пойдем, Леша. Наверное, Варька уже прибежал. Конечно, голодный. Какой, спрашиваешь, характер? Люди говорят, что слишком тихий и покладистый. Не умею я ни на обиду ответить, ни постоять за себя...

...Варфоломей сидел на крыльце в глубокой задумчивости. Он не услышал вопроса сестры насчет аппетита, а отрешенным взглядом поглядел на ее спутника:

— Скажи, Алексей, если спугнуть в лесу сразу двух медведей, они вместе будут удирать или в разные стороны?

БРАТЯ

Когда конопатый Юзик получил от матери кое-что заслуженное в связи с погубленной майкой, в события включился отец.

— Где тебя холера носила?

— Тебе же хотели помочь! Накрыть самогонщиков, чтобы хлеб не переводили... А накрыли медведя...

— Какого медведя? — ахнула мать.

— Живого. С поносом.

Женские причитания по медвежьему поводу отец пресек коротким «цыц!» и стал вразумлять Юзика:

— Мозги у тебя и твоих дружков не варят. Подумали бы, какой самогонщик будет пускать дым

на виду у райцентра, где милиция и все другое начальство. Если ему приспичит, он или на хутора закатится к родственникам, или в погребе дело так оборудует, что вся гарь будет выходить в печную трубу. Приснился вам с дедом этот дым.

— Ага, приснился... А след от костра? Не медведь же его разводил.

— Кто там чего разводил, не знаю. Чем рубахи драть в лесу, помогли бы завтра доставить на поле горячий обед людям. Третий день на жниве народ харчуется всухомятку... А то шумите: звено, звено, пионеры...

Юзик подумал, что работенка предстоит скучноватая, но в отцовских словах был резон. Надо было согласовать этот вопрос со звеньевым. Юзик отправился к Мойсеновичам и сошелся по дороге с Петром. Тот рысцой бежал туда же. Зачем? А затем, чтобы позвать Варьку к участковому милиционеру. Вернее, к себе во двор, где в данный момент находился участковый. Он зачем-то пришел к отцу и вдруг страшно заинтересовался кусочком яичной скорлупы, который среди разговора подсунул ему Петро. Велел:

— А ну, зови ребят.

У Мойсеновичей пили послеобеденный чай с черной смородиной. Варфоломей глотал терпкие ягоды, посыпанные сахаром, и обдумывал ответ Алексея насчет медвежьих повадок: «Я не знаком с обычаями здешних топтыгиных, но, насколько знаю, в нашей тайге нормальные медведи не бродят парами. Мамаша с детенышем — другое дело, а взрослые мишки — индивидуалисты. У меня родной дядюшка охотовед, он рассказывал... Не думаю, чтобы ваши медведи слишком отличались от сибирских собратьев. Тут какой-то зоологический нонсенс. Увы, я не зоолог...»

Варфоломей не знал, что такое нонсенс, но понял, что второго медведя в ельнике не было. Выходит, был человек. Чего же он удрал от мальчишек?

Когда Юзик сообщил Варьке о приглашении участкового, Алексей вдруг почувствовал зуд в подошвах: ему захотелось тоже отправиться к местному блюстителю порядка. Там явно пахло чем-то необычным... Тут же он круто одернул себя: «Опять суешься? Забыл, что утром говорил Митя?»

...А Дмитрий Петрович действительно говорил. Встретив младшего брата на лесном полустанке, он усадил его в «Победу» и все три километра до райцентра тыкал Лешку носом то в одно, то в другое:

— Вон там были окопы, помнишь? Заровняли, гляди, какой лен вымахал. Отсюда начинается новая дорога на Красовщину, где тебя защучили бандиты, не забыл? Уложили дорогу булыжником до самой переправы через Неман, а на переправе мотопаром. В том бору, где бункер Борода того стоял, сейчас смолокуренный завод...

— Сейчас-то, надеюсь, тихо в смысле этих «лесных братьев»? — поинтересовался Алексей.

— Надейся, — усмехнулся Дмитрий. — Отставных полицаев со «шмайссером» под полой, конечно, теперь не встретишь... Но... граница как была рядом, так и осталась.

— За ней дружественная Польша!

— Гм! Ты с международным положением слегка знаком? Ах да, вы только что прибыли из центральной газеты! Тем более. Вам известно, что идет война в Корее, и обстановка так себе. Между прочим, американским самолетам что до Польши, что до нас одинаково близко от какого-нибудь готического городка в Западной Гер-

мании, нашпигованного разными шпионскими школами. И. учатся в тех заведениях разные «недобитки», как их называет здешнее население. Ну те, которые удрали на Запад, поскольку ты их не успел перестрелять... Ладно, не свирепей, больше не буду.

Уже за завтраком, когда разрумянившаяся от плиты и радости встречи Соня Курцевич-Вершинина пичкала братьев гречневыми блинами с жареным салом, Дмитрий Петрович закруглил свои дорожные мысли несколько неожиданным выводом:

— Конечно, ты сейчас парень взрослый и гулять можешь где вздумается. Однако боюсь, что твой дивный талант попадать в истории не иссяк. Посему ограничься здесь ради мамы скромными визитами к знакомым, загляни к коллегам в районной редакции и вообще живи мирно. Ну и все, я пошел в райком.

Но со двора крикнул в открытое окно:

— Лешка, выйди на минутку!

И вполголоса сказал на прощанье:

— Ты о спокойствии спрашивал... Так вот для сведения: звонил из Гродно небезызвестный тебе полковник Харламов. Вчера прошел с запада в нашем направлении самолет без опознавательных знаков. Туда и обратно. Черт его знает, какой и где он оставил груз. Чекисты, конечно, начали поиск, но партийно-комсомольский актив мы тоже поставили в известность. Тебя я почему-то склонен отнести к его числу...

— Спасибо, оправдаю...

— Убери ухмылку, дубина стоеросовая! Я тебе это на всякий случай сказал. А вот мое категорическое требование: занимайся отдыхом, местной прессой и... лирикой. Но-но, не смей поднимать руку на старшего брата!

КОЕ-ЧТО О ПЕДАГОГИКЕ

Вот почему Алексей не пошел к участковому, а остался с Пашей мыть посуду. Она-то нисколько не беспокоилась уходом братца. По всему было видно, что Варфоломей растет не на вожжах, а на свободе. И не потому, что без отца-матери, а просто парнишка не по годам основателен и раздумчив. По словам Паши, «босое детство научило». У него и забавы-то мальчишечьи всегда сочетаются с делом и пользой. В школе записался не в какой-нибудь развлекательный кружок, а в столярный: «Ты, Лешенька, на его табуретке сидишь...» Подарил ему Иван в первом классе педальный автомобиль, так он его приспособил под тягач для доставки картошки с «соток»: прицепит сзади тачку на двух колесиках, насыплет в нее три ведра бульбы и крутит педали по пыльной дороге целую версту. Потеет, но крутит. Если с синяком придет, то, значит, вступился за справедливость. Недавно соседка прибежала жаловаться, что раскровенил нос ее сыну. А тому уже пятнадцатый год, почти на четыре старше Варьки, и был уличен в некрасивом деле — плевал в колодец. За что и поплатился.

А вот учится Варька неровно, особенно с русским языком не ладит. Как-то в третьем классе дважды написал в диктанте «яйцо» без «и» краткого.

— Да не я-и-цо, а яйцо, — вскипела учительница.

Варфоломей ответил хладнокровно, с присущей ему степенностью:

— Нехай, лишь бы не тухлое.

Учительница Леокадия Болеславовна посчитала эту реплику хулиганской выходкой и сообщила Прасковье, что она «не потерпит». А в прошлом, четвертом классе Варька снова довел ее до

каления, написав на доске слово «лучше» так: «лутче». Последовало наказание:

— Уйдешь из класса, когда всю доску правильно испишешь этим словом.

Варька терпеливо исписал половину доски, но так как торопился натаскать сестре воды для стирки, то сделал внизу приписку: «Мне треба до дому. Лутче я утром допишу». На завтра Леокадия Болеславовна прибыла к Мойсеновичам и объявила, что тут пахнет прямым издевательством в ее адрес. В связи с этим она намерена поставить вопрос перед советом отряда об отстранении «закоснелого и невоспитанного мальчика» с поста звеньевского.

Оказавшийся при беседе брат Иван молча слушал разговор. Но при последних словах гостыи резко дрыгнул под столом хромой ногой, что повлекло падение кувшина с квасом, который щедро окропил подол светлого крепдешинового платья.

— Вы уж извините! — сказал он, вставая.

— Пожалуйста, бывает... — снисходительно поморщилась Леокадия, отряхивая крепдешин.

— Нет, вы извините за то, что я вам хочу сейчас сказать. Конечно, у парнишки не было родителей с высшим образованием, чтобы тонко его воспитывать. В ранние свои годочки он не в кружевной коляске спал, а на соломе в партизанском блиндаже. На пианино его тоже не учили играть, а вот минную музыку он слышал. Если ему грамматика трудно дается, так на то вы и поставлены, чтобы он ее одолел. А чтобы он задумывал какую-нибудь грубость или зло имел против вас — в это я ни за что не поверю. Он ко всем взрослым уважительный, а к учителям вдвойне. На вашу директоршу Софью Борисовну только что не молится!

Именно этого не следовало Ивану говорить. Леокадия нервно встала:

— Ну а я не удостоилась. Где уж там, я не партизанская героиня. Впрочем, я и не ожидала встретить понимания в вашей семье.

Она удалилась, а разозленный Иван бросил сестре:

— Не знаю, чья она сама героиня, но что несет от нее шляхетским гонором, это я чую.

Вот такие эпизоды из жизни Варфоломея передала Паша своему гостю. Слушал он с увлечением. Может, потому, что вспоминалось многое похожее из собственного детства. Конечно, в блиндажах он не жил и свиста мин не слышал. И родители у него как раз были с высшим образованием, да и к тому же учителя, так что почтение к данному сословию он испытывал, что называется, по нескольким каналам. Но попадались и ему малосимпатичные педагоги. Например, Лешка замечал еще с шестого класса, что его друг Платон Ложкин находится в явной опале у преподавателя физкультуры Викентия Антоновича. Платон был парень сильный и ловкий и на зависть всем умел сделать опорный прыжок через коня с сальто-мортальным соскоком. Но больше четверки он на уроках гимнастики сроду не получал по маловразумительному мотиву, что «так не положено». А на лыжных соревнованиях учитель однажды снял Платона с дистанции под тем предлогом, что тот будто бы срезал поворот, хотя Лешка шел за другом лыжа в лыжу, и они вместе миновали контрольный пост. Никакие заверения не помогли, и Платон лишился призового места.

— Слушай, Платон, где ты дорогу перебежал Викентию? — напрямик спросил Лешка.

— Да не я, а батя, — угрюмо пояснил друг.

Оказалось, что его отец — грузчик судоверфи — и «физкультурник» вместе по субботам встречаются в бане, а там обязательно борются перед парилкой. Мальчики уговорили добродушного грузчика хоть раз поддаться сопернику. На следующем уроке Платон получил пятерку за упражнение в вольных движениях, которые он, кстати, терпеть не мог, да еще услышал панегирик в свой адрес на тему, что сын достойно развивает атлетические традиции семьи. Однако вскоре грузчику надоело разыгрывать слабака, и на парня опять посыпались в спортзале придирки. В результате в аттестат была проставлена четверка по физкультуре.

— Помянь ему слегка пиджак? В силу семейных атлетических традиций... — задумчиво спросил Платон на выпускном вечере, разглядывая олимпийскую фигуру Викентия Антоновича.

Алексей отсоветовал:

— Да гнетет его собственная педагогическая совесть.

— Сомневаюсь, что гнетет, — вздохнул Платон.

Вчерашние десятиклассники рассмеялись и предали забвению полуанекдотическую фигуру горе-учителя.

Но были конфликты и посерьезнее, когда очень глубоко проникала горечь в мальчишечью душу.

Литература — любимый предмет Алексея, и вела ее в старших классах беззаветно чтимая всеми ребятами Серафима Серафимовна. До нее Лешка знал Виктора Гюго по «Отверженным» и «Девяносто третьему году», «Собору Парижской Богоматери» и «Человеку, который смеется». Она открыла мальчикам Гюго-поэта. Она иногда пол-урока читала его стихи из циклов «Осенние листья», «Лучи и тени», его «Оды» и приглашала юных слушателей оценить тончайший ли-

ризм, музыкальность, а также душевную нежность и чистоту человека — создателя этих шедевров. Алексей помнил, как Серафима Серафимовна, пожилая и суховатая вне урока женщина, прослезилась, читая стихи, посвященные поэтом трагически погибшей дочери. «Только человек с кристальным сердцем мог создать такие строки», — сказала тогда учительница.

Было это в восьмом классе. Но одновременно в десятом она факультативно вела литературный кружок для любителей западной литературы XIX века. Это могло им пригодиться при поступлении в вузы. Алексей однажды проник на занятие кружка. И что же он услышал из уст почитательницы Виктора Гюго? Она и здесь не отрицала его литературных заслуг, но клеймила как человека и гражданина чуть ли не последними словами, обвиняя в распутстве и скопидомстве, многократном политическом ренегатстве и нечистоплотности.

Алексей был ошеломлен: как может педагог искренне плакать над действительно великолепными стихами, а потом «поливать» их автора?

Горькое недоумение не исчезало, и он под разными предлогами перестал ходить на ее уроки...

Паша слушала Алексея и потихоньку вздыхала: она уже сама сейчас учительница, через месяц придется вести первый урок. Не дай господи, если ей попадутся такие въедливые ученики, как собеседник. Лучше бы он рассказал ей, как понимает настоящих педагогов.

— А сейчас я тебе поведаю об учителях — кумирах немеркнущих, — многообещающе сказал Алексей Паше.

— Лешенька... — конфузливо шепнула девушка. — А тебя не потеряют дома?

Он глянул на часы и ахнул: полпятого. Свинство беспардонное!..

ХОРУНЖИЕ ИСЧЕЗЛИ

Леокадия Болеславовна Могилевская не была ни бывшим, ни настоящим кумиром своих младшеклассников. Она сама это знала и не очень печалилась, что гурьба школьников не провожает ее до дому, а на учительском столе отсутствуют свежие цветы. Даже рада была, потому что искала одиночества в этой глухомани. Что касается цветов, то она верила, что будут еще в ее жизни не чахлые ромашки и унылые астры из деревянных палисадников, а розы и магнолии, орхидеи и тюльпаны в изящных корзинах с атласными лентами.

Они уже были — эти роскошные подношения. Сначала в Вильне — от влюбленных хорунжих с блестящими саблями и мелодичными шпорами. Они скопом ходили за пышнокудрой гимназисткой панной Лёдей. В тридцать девятом она окончила гимназию и уже готова была подарить свое сердце одному из хорунжих. Но все они куда-то внезапно подевались вместе со своими шикарными конфедератками. Скоро на бульварах появились рослые парни в отутюженных гимнастерках с малиновыми петлицами. Они при встрече с задорными гимназистками вежливо прикладывали ладони к околышам круглых фуражек со звездочками, но цветов не дарили. Тем не менее Леокадия, отлично владевшая русским языком, попыталась очаровать одного светло-русого крепыша танкиста с двумя кубиками в петлицах. Изредка он посещал Леокадию на частной квартире, где она жила с подругой в ожидании счастливого поворота своей девичьей судьбы. Такую компанию и застал однажды ее отец, приехавший из села проведать дочь. Он молчаливо дождался ухода лейтенанта и крепко протянул Леокадию между лопаток.

— С большевиками нюхаешься?!

— Та-а-ту! — изумилась Лёдя. — А чем он плохой?

— Ты, дармоедка кудрявая, выгляни во двор, посмотри, на чьих я приехал лошадях. На чужих! А наши все восемь штук голодранцы поотобрали, одного жеребчика оставили. Из полсотни моргенов пахоты сорок отрезали. И все с благословения большевиков.

...Леокадия любила свой богатый хутор, где росла до гимназии. Отец — белорус по национальности, но принявший при Пилсудском католическую веру — вошел в доверие к польским властям. Ему дали на откуп сплав леса по Неману, и за три года оборотистый мужик нажил на мозолях поденных сплавщиков немалый капитал. Приобрел после смерти осадника¹ его хутор, раскорчевал руками батраков лесную пустошь и пустил ее под лен. Но не ограничился землепашеством. Прибрежные воды Немана буквально кишели тогда раками. Деревенские хлопчики за час налавливали в подолы рубах по полсотни штук и тащили улов матерям в приварок к убогому обеду из надоевшей бульбы и ржаного хлеба с овсяными охлопьями.

Могилевский купил у гмины² за сто злотых монопольное право на вылов раков в течение трех лет. С той поры два километра берега принадлежали ему. Зачем ему понадобились раки? Вот зачем. Однажды приехал он в Варшаву, чтобы прощупать цену молотильного локомотива. Сделка с немцем — управляющим заводом — удалась, и

¹ О с а д н и к — отставной военнослужащий в буржуазной Польше, получивший от правительства за «особые заслуги» богатый земельный надел. Осадники являлись на селе опорной силой реакционного режима. (Примеч. авт.)

² Г м и н а — сельская административно-территориальная единица в Польше.

пан Болеслав пригласил пана Транзе в «ресторацию». Там метрдотель зычно воскликнул:

— Панове, имеем свежие раки с Вислы!

Немец плотоядно зажмурился. Болеслав Могилевский тоже с удовольствием рвал крепкими мужицкими зубами раковые клешни, а сам думал: «Почему с Вислы, а не с Немана? Только что далековато, но если отправлять по чугунке...»

Когда подали счет, он ахнул: десяток раков стоил целый злотый, поскольку они шли как изысканный деликатес. А злотый — это полпуда хлеба.

И вот полезли в студеную воду Немана десятки мальчишек. Полезли наперебой, даже очередь устанавливали между собой. Еще бы: Болеслав Иосифович платил хлопцам ползлотого за сотню раков. Выходит, четыре сотни — это пуд зерна в гминовской краме¹. Ради такого заработка родители избавляли ребят от нудной пастьбы коров.

И никто не знал, что в Варшаве за каждую сотню раков на счет Могилевского столичные рестораны перечисляют восемь злотых. Правда, приходилось платить немалые деньги железной дороге за отправку живого груза в специальных бочках с водой. Но чистая прибыль все равно была один к четырем.

За три года владения раковыми берегами Могилевский отгрохал белокаменный дом под стать помещицкому. Из этого поместья и уехала в Виленскую гимназию «панна Лёдя». Именно панна — так круто оторвало ее отцовское богатство от обычных сельских девчат и хлопцев. Лёдя с головой окунулась в тщеславные интересы своих гимназических подружек: блеснуть на балу в городском магистрате, понравиться родовитому шляхтичу,

¹ К р а м а — магазин, лавка (польск.).

найти, наконец, себе суженого среди блестящих офицеров доблестных польских легионов.

Но она и училась неплохо. Понимала, что ей надо сравняться в знаниях и манерах с дочерьми адвокатов и чиновников, коммерсантов и помещиков. Жила она на квартире у старой петербургской эмигрантки и от нее научилась говорить и писать по-русски. Читала в оригиналах Бальмонта и Гиппиус, Надсона и Северянина. Гимназические преподаватели научили ее правильному польскому языку и в достаточной степени немецкому, а ксендз — основам латыни. Один лишь язык не хотела знать Леокадия — родной белорусский, потому что это был язык «хлопов» и напоминал ей запахи бедных крестьянских дворов.

Сообщение отца о разорении семейной усадьбы она восприняла трагически: ведь только что пригласила двух подруг и трех симпатичных выпускников лицея прокатиться в свое «имение».

— Но тату! — ахнула она. — Дом-то уцелел, свободные комнаты есть?

— Фигу с маслом не хочешь? Дом отбирают под школу для деревенских оборванцев, а нам с матерью сельсовет отдает в деревне ту самую заколоченную хатенку, где ты родилась. Вот что наделали твои большевики!

— Почему — мои?! — вскипела Леокадия. — Гимназисты, что ли, пустили их в Гродно и Вильно? А где хваленые легионы, где твой приятель пан полковник с толстым пузом, которому ты на Рождество и на Пасху по кабану дарил? Почему он не защитил твое богатство?

— В Лондон драпанул ясновельможный пан, — огрызнулся отец. — Перевел туда капиталы и спокоен. А землю не переведешь. Слушай, дочка, что я тебе присоветую...

...Так Леокадия Могилевская вернулась в родное село и стала учительницей русского языка в семилетней школе, открытой как раз в их бывшем доме. «Хоть за ним присмотришь, — настаивал отец. — Авось ненадолго обосновалась эта батрацкая власть».

Приняли ее на работу без особых придинок: кадров пока не хватало, а у нее солидное образование. Что из того, что отец был матерый кулак? Дочь за него не ответчица. Тем более, что папаша по решению сельского схода был выслан Советской властью из здешних мест. От самой же Леокадии крестьяне плохого слова не слышали. Пусть учит детишек да кормит старенькую мать на свою наставницкую зарплату.

И она учила. А в ушах стояли отцовские слова: «Авось ненадолго эта батрацкая власть».

Меньше чем через два года пришли немцы.

АЙВЕНГО

Варька, Юзик и Петро правильным треугольником расположились на корточках вокруг младшего лейтенанта милиции Айвенго. Нет, не они нарекли добродушного сорокалетнего участкового именем славного рыцаря. Произошло это еще в партизанском отряде, куда приполз из лагеря военнопленных в кровь изодранный колючей проволокой младший сержант РККА Айсидор Венедиктович Горакоза.

— Кто же ты будешь по национальности с таким чудным именем? — спросил Иван Мойсенович.

— Украинец я. Закарпатский. Слышал про такие горы — Карпаты?

— Я слыхала, — отозвалась Соня Курцевич. — Только зовут тебя больно сложно и длинно. Хочешь быть просто Айвенго — по первым слогам?

— Я фрицев хочу стрелять, а под каким названием, мне все едино...

Девять лет прошло с тех пор, а так и не отклеилось от закарпатского плотогона звонкое прозвище. До курьезов доходило дело: в собственном райотделе милиции, где он работал седьмой год, машинистка однажды так и отстучала ему справку: «Предъявитель сего мл. л-т Айвенго А.В. ...»

Жил он холостяком, потому что не захотел разменивать память о жене, погибшей в конце войны от бандеровской пули на родных полонинах. Побывал вчерашний партизан на ее могиле и вернулся в белорусский край — служить в милицию. Он и после войны сводил с фашистами счеты за жену и собственные лагерные муки, когда вылавливал ушедших в подполье гитлеровских прихвостней. Не щадил себя в рукопашных схватках, когда брали лесные бандитские ямы. Его геройство без слов подтверждали три медали «За отвагу». Но была и другая память о боях: в сырую погоду шевелилась под коленом пистолетная пуля, огнем горела резаная рана на левом плече. И казалось, не будет конца этой изнуряющей боли.

В мирной жизни Айвенго был флегматичным и не очень общительным человеком. Одной неизменной его привязанностью были мальчишки. Летние рассветы он встречал с удочкой на речной старице, вечерние зори проводил там же. И всегда с мальчишеским эскортом. Хлопцы зачарованно следили за каждым его движением и пытались постичь тайны рыбацкого счастья. Пока у них один окунишко клюнет, Айвенго двух сазанов вытащит. У них и пескарь не берет, а участ-

ковый лещей тягает. Когда клев кончался, он собирал вокруг себя хлопцев и распределял свой улов среди неудачников.

— Берите-берите, а то батьки вас завтра вместо реки гусей пасти пошлют. Теперь соображайте, почему этот сазан сел на мою удю, а, скажем, не на твою. Потому что я в тени куста лежал, а твоя тень, наоборот, сама на воду легла. Другой факт: ты всего червяка насаживаешь на крючок, и он у тебя через минуту уже дух испустил. Кому же охота глотать дохлую наживку. А ты делай вот так... вот так: чтобы он крутился.

Потому-то и было для мальчишек каждое слово Айвенго законом. Сейчас он осматривал своих трех друзей с высоты дворовой скамейки, а они смирно сидели у ее подножия. Начинать разговор участковый не спешил. Вспоминал события сегодняшнего дня...

Дело в том, что дымок над лесом он и сам видел ранним утром, когда шел на рыбалку, и весьма заинтересовался. Самогонщиков участковый сразу отмел в сторону: знал он их наперечет и не верил, что кто-нибудь полезет на рожон. Отдыхающие? В будний-то день?

На два часа раньше Варькиного звена он побывал в ельнике. Видел круглое кострище. А вот медведя не встретил и яичную скорлупу тоже просмотрел — это удача хлопцев. Зато после выхода из ельника он обнаружил на берегу нечто весьма любопытное.

...Младший лейтенант милиции не был следопытом-профессионалом и не кончал специальных учебных заведений подобного профиля. Но в юности он был неплохим охотником в родных Карпатских горах. Почти три года «партизанки»

тоже основательно научили его замечать то, чего другие не видят. Ну а шесть лет службы в милиции тем более дали многое. К тому же природные неторопливость и рассудительность. Впрочем, он не знал, что повторяет методику знаменитых детективов, когда действовал по принципу: а как бы я сам поступил в данной обстановке?

«Что бы я делал дальше?» — задумался Айвенго, обнаружив сегодня утром на прибрежном песке след мужской туфли. Не сапога, не грубого ботинка, а именно туфли — узкой и остроносой, с довольно высоким каблуком. След шел прямо из воды. Может быть, человек заходил в нее просто помыть обувь? Но «входящих» отпечатков не было. Значит, обладатель модной обуви появился из реки, с мокрыми ногами. И видимо, не только ногами, потому что речное дно здесь круто уходило вниз. Следовательно, человек брел или плыл по реке в одежде.

Итак, он был мокрый. До нитки. Что обычно делает человек в таких обстоятельствах? Спешит обсушиться. Можно, конечно, подставить бока летнему солнышку, но след-то явно ночной: если сейчас на часах Айвенго было только семь утра, а края отпечатков на песке уже подсушило ветром, то ясно, что пришелец выбрался на берег затемно. Значит, нужен был костер. Но на песчаной косе топливо не водится. Выручить должен был ближний лес. Туда и отправился неизвестный. Теперь понятно, откуда взялось свежее кострище в ельнике.

Так рассуждал Айвенго, осторожно крутясь на берегу у найденного следа. Чего он крутился? А на всякий случай. Пока он старался не задумываться, какая нелегкая занесла в реку, да еще ночью, человека в городских туфлях. Мало ли в жизни бывает самых неожиданных случа-

ев. Ясно одно: если этот водолаз имел при себе какую-нибудь поклажу — ну, вроде рюкзака, — то он не потащит ее с собой в лес. Он мог попытаться нести груз, а когда напоролся на чащобу ельника, то должен был плюнуть и бросить поклажу у кромки леса.

«Лично я так бы и сделал, — развивал свою мысль Айвенго. — А дальше? Сразу бы, как обсушился, вернулся сюда за вещами? Вряд ли. У костра человека разморит от тепла, вчерашнего хмеля и бессонной ночи, и он завалится где-нибудь похрапеть. Стало быть, есть смысл подождать, а пока поискать...»

Рюкзак он не обнаружил, а нашел под можжевельным кустом влажную полевую сумку из желтой кожи. В последнее время у городской молодежи стало модным носить такие сумки на ремне поверх разных там коверкотовых пиджаков и вязаных жакетов. Вместо портфелей, что ли.

Ясно. Пижон из города оказался вчера ночью на том берегу Немана и за каким-то чертом решил плыть на этот берег. Несомненно, с пьяных глаз; может, с дружками поскандалил, а может, перед девчонкой характер показывал. Что ж, подождем. Выспится и явится. Уж больно интересно: кого и по какой причине сюда занесло?

Но солнце поднималось, а никто не являлся. Может, парень плюнул на свое имущество и отправился в райцентр опохмеляться?

Айвенго решил заглянуть в сумку. Все соответствовало родившейся версии. В одном отделении лежало махровое полотенце, шелковые носки в шашечку, два носовых платка, мыльница, зубная щетка и зеркальце (ишь франт!); в другом отделении поместился сверток из вощенной бумаги, а в нем бутерброды с колбасой и яйца; в третьем находилось несколько фабричных наборов для уже-

ния рыбы: на пластмассовых рубчатых пластинках намотаны прозрачные капроновые лески с яркими поплавками, грузилами и привязанными крючками. Такое богатство Айвенго видел впервые. Особенно его восхитили капроновые жилки. Заграничные, что ли? Нет, на пластинках стояли штампы: «Артикул 14—51. Минск. Промартель № 12. 9 руб.». Дешевка, а какое удобство. «Нам небось такое в продажу не дадут, — расстроился участковый. — Все кобылам дерем хвосты!»

Участковый от нечего делать пересчитал яйца. Девять штук. Значит, одно слопал: для круглого счета обычно берут в дорогу десяток. Крутанул яйцо на твердой сумке — не вертится, сырое. Значит, намеревался печь на костре. Удивительно, что яйца не подавились во время заплыва. Впрочем, скоро их придется выбрасывать: трехдневной давности, вон стоит розовый штамп «29.7», а при нынешней жаре...

Он не дождался владельца сумки, засунул ее снова под куст (зачем причинять огорчение загулявшемуся пижону?) и отправился в поселок.

Откуда ему было знать, что через пару часов в ельнике начнется мальчишечье-медвежий переполох и на опушку выскочит тот, кого он напрасно высматривал, а потом выбредут из леса чумазые и измученные, взбудораженные встречей с топтыгиным члены Варькиного звена...

АЙВЕНГО И ГЕОМЕТРИЯ

Когда в девять ноль-ноль он доложил начальнику о дымке над лесом и, как следствие, о найденной сумке, майор недовольно пожевал губами:

— Дело-о! Обнаружил какого-то пьяного дурака... Ладно, покажи сумку.

— Но, товарищ майор... я ее на месте оставил.

— Ч-чего? Ты, случайно, не переутомился в смысле соображения?

— Так ведь вернется парень — искать будет. Ему и пожевать нечего перед отправкой в город. Одним яйцом сыт не будешь.

Начальник уже не хлопал губами, а железно их стиснул и минуты две пронзительно глядел на участкового. Наконец спросил хриплым голосом:

— Каким еще яйцом?! А ну, доложи, что было в сумке!

Айвенго доложил. Когда он дошел до рыболовных лесок, майор побледнел и рванул телефонную трубку:

— Товарищ подполковник! Разрешите срочно зайти к вам с нашим сотрудником младшим лейтенантом Ай... Горакозой.

Они почти бегом пересекли улицу от райотдела МВД до райотдела МГБ, и там младший лейтенант услышал такое, что ему и присниться не могло.

Вчера еще он был в отпуске и лишь сейчас узнал о самолете без опознавательных знаков. Но не это кинуло его в холодный пот, летали и раньше. Однако ему прочитали (возможно, и не полностью) документ, полученный из вышестоящей инстанции: «Агент-парашютист может также быть снабжен миниатюрной радиоаппаратурой новейшей конструкции, рассчитанной на разовую передачу краткого сообщения о своем местонахождении. Передатчик может быть вмонтирован в конфетную обертку, сигаретную гильзу, яичную скорлупу и т. д. и поэтому после использования мгновенно уничтожен, что затрудняет обнаружение вещественных доказательств...»

«Все. Под суд!» — почти хладнокровно подумал Айвенго.

«...Для приведения микроаппарата в действие и подачи разового сигнала-импульса достаточно раздавить в ладони его упаковку. В качестве антенны используется специальная проволока, замаскированная под капроновую рыболовную леску, натягиваемую для ускорения действий радиста в одном направлении на небольшой высоте, горизонтально, на расстояние от трехсот до трехсот пятидесяти футов. Антенна обеспечивает работу передатчика на волне... а затем самоуничтожается (плавится от искры в передатчике)...»

«Не просто под суд, а под трибунал, — отрезанно подумал участковый. — Полюбовался городскими удочками, добрая твоя душа!»

Но подполковник смотрел на него как-то странно. Чуть ли не с улыбкой.

— Что, Айвенго? Мааетесь? Мечтаете о ковресамолете, чтобы мчаться назад и успеть захватить сумку, а может, и ее хозяина. Так?

— Так точно!

— Ну и не надо. Вы все правильно сделали. Если владелец сумки действительно агент и если он вас видел, то очень хорошо, что вы были в гражданской одежде: он ничего не заподозрит. Покопался, мол, дядька в чужом имуществе и почестному оставил его в покое. А если он вас все-таки не видел, что более допустимо, то совсем хорошо. Сумка на месте, агент будет спокойно продолжать свои действия и выходить на связь еще... Сколько раз, товарищ младший лейтенант?

— Девять, товарищ подполковник! — К Айвенго вернулся дар соображения.

— Именно так. И мы всегда сможем...

— Взять его с поличным.

— Не спешите, товарищ Ай... э-э... младший лейтенант. Мы всегда сможем следить за его передвижением, поскольку уже знаем длину волны пе-

редатчика. — Подполковник щелкнул ногтем по телеграмме на столе. — Это если не засечем, так сказать, визуально. В любом случае хватать за шиворот его рано: он же к кому-то пришел, кого-то ищет, что-то собирается делать. Надо знать, кого и что... Но прежде всего необходимо убедиться, что ночной пловец действительно тот субъект, который нам интересен. Сумеете это доказать, товарищ младший лейтенант? С помощью полученных вами здесь дополнительных сведений...

— Так точно, — обрадованно подтянулся Айвенго. — Разрешите вопрос: триста этих футов — сколько будет метров?

Подполковник улыбнулся:

— Эге, да я вижу, у вас уже и план какой-то есть. Будет примерно сто метров. Желаю удачи!

О походе мальчишек в лес Айвенго узнал от Петра, к отцу которого шел, чтобы попросить на завтра его плоскодонку. Узнал и испугался: а не напортили ли шустрые хлопцы чего-нибудь в лесу? Но рассказ о встрече с «двумя» медведями его только убедил, что там в самом деле был чужой человек, а сбереженная Петром крохотная скорлупа и вовсе обрадовала. Пока хлопцы собирались по его вызову, Айвенго успел доставить находку туда, где он уже был утром. Скорлупу обследовали. Она оказалась остатком вполне натурального яйца, но внутри не обнаружилось ни малейшего признака белка или желтка.

— Ребята, прикиньте, сколько примерно будет метров от костра до места, где лежала скорлупа?

Хлопцы зашевелили мозгами. Задача оказалась не из легких, и Варфоломей стал рассуждать вслух:

— Значит, так. Шли мы цепочкой, через двадцать метров или около того. Василь от меня справа, Петро, через Юзика, слева. Выходит, от костра до Петра было... метров шестьдесят. Так, дядя Айвенго?

— Да, но не между костром и скорлупой. Вы же не сразу обнаружили то и другое, Петро после костра еще продвинулся вперед. На сколько?

Хлопцы опять поникли головами и зашевелили губами. Вот где оказалась нужна арифметика! На сколько же метров уполз этот Петро, пока не закричал удадом? Прибрежной опушки они достигли примерно за три часа. А это три километра — измерено по просеке. Средняя скорость получается километр в час. Удад ухнул после синицы минут через пять. Тысячу метров требуется разделить на шестьдесят минут — получим скорость движения: примерно шестнадцать метров в минуту. Затем их надо умножить на пять минут...

— Дядя Айвенго, получается восемьдесят метров, — почти одновременно возгласили трое следопытов.

— Спасибо, грамотеи, но вы опять посчитали не то расстояние. Костер-то от Петра оставался наискосок.

Ребята растерялись: а ведь действительно, круглое кострище ушло куда-то вбок. Но как рассчитать эту третью линию, они попросту не знали: в четвертом классе геометрию не проходят.

— Ладно, хлопцы, я хоть и в зрелом возрасте кончал вечернюю десятилетку, но помню, что квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов...

Он нарисовал пальцем на песке прямоугольный треугольник, расставил по его коротким бокам цифры «60» и «80» и тоже зашевелил губами. Ребята глядели на Айвенго с глубоким почтением.

Через пять минут он встал и торжественно поднял испачканный в песке палец:

— От костра до скорлупы было сто метров. Что мне и требовалось доказать. Очень требовалось, хлопцы вы мои дорогие!

— А зачем, дядя Айвенго?! — Мальчишки тоже вскочили на ноги.

...И сказать им было нельзя, и отправлять разочарованными жалко. Он нашел мудрое решение: попросил их наловить к утру как можно больше божьих коровок, снять со своих удочек грузила, явиться на берег в пять ноль-ноль. Тогда он им кое-что покажет. А сейчас — бывайте здоровы!..

Веселее жить, когда впереди ожидается что-то интересное. Но и о делах забывать нельзя. Раз Юзиков батя просит помочь бригаде, надо помочь. Тогда появится в летнем дневнике звена еще одна выразительная запись: «2 августа 1951 года. Пионеры звена № 2 обеспечили горячей пищей жнецов колхозной бригады в количестве...» Вообще-то записей в коричневой дерматиновой тетради скопилось за лето уже немало. Были и такие: «Звено вытащило из болота телушку, которая тонула, которую пас безо всякого розума первоклассник Тихон Мозоль. Матери не сказано». Или: «В школу грузовик привез торф, шофер покидал у сарая не весь, а увез к себе на двор. Ночью доставлено к школьному сараю 14 ведер. Собаку кормили салом, которое принес Микола».

Вот последняя запись: «Копали у старой бани червяков, нашли ящик, похоже, железный, а что в нем, пока не знаем».

Содержательно жило звено.

БУДНИ

Вершинины обитали втроем в кирпичном трехкомнатном доме. Кроме комнат, была кухня и застекленная веранда. Софья Борисовна немного конфузилась: «Вроде бы и многовато для нашей семьи, да у прежнего секретаря было шесть душ, а домик достался нам как бы по наследству, когда того в область перевели». Зато четырехлетняя Лялька нисколько не смущалась излишками жилплощади. Ей было даже маловато пространства для лихих гонок на трехколесном велосипеде. Сшибая по дороге стулья, она гоняла из кухни через прихожую на веранду, преследуя ошалелую кошку.

— Катись, Лялька, на двор! — умоляюще сказала мать.

— Не хочу! Там песок. Там колеса бускуют.

— Надо говорить «буксуют».

— А мне так легче. Это ты говори правильно, раз учительница, а я еще маленькая.

Софья Борисовна ахнула и дернула дочь за ухо. Лялька выдержала. Нахально спросила:

— А если я тебя так? Только ты, пожалуйста, нагнись...

Алексей хохотал на диванчике. Племянница приблизилась к нему, понаблюдала и изрекла:

— Ты глупый, да? Ничего тут смешного нет, а сплошная таргедия. Моя мама самая высокая из всех садиковых мам, а выродила меня самую коротенькую в группе.

В комнате Дмитрия зазвонил телефон. Алексей сгреб Ляльку под мышку и пошел туда.

— Дмитрий Петрович? — осведомился далекий голос. — Могу доложить, что первый обоз с хлебом...

— Нет, это Алексей Петрович. Так что передать ему?

Трубка замолчала, потом громко хмыкнула:

— Гы-ы! Что еще за Алексей Петрович? Ты Димин брат, что ли? Тот самый? Ну с приездом. Это Иван говорит, Иван Григорьевич Мойсенович. Не забыл?

Алексей сказал, что не только не забыл, но и сегодня целых полдня вспоминал его с Пашей. В ответ он услышал настоятельное приглашение пожаловать в воскресенье в колхоз на какие-то «дожинки». Конечно, с братом и Соней. А за Прасковьей и Варькой он бричку пришлет. Еще Алексея попросили передать секретарю райкома, что первый обоз с зерном нового урожая нагружен и с рассветом отправится на приемный пункт.

— Ольга, ты не знаешь, что такое «дожинки»? — спросил он племянницу.

— Нет, я не знаю, что такое «донжики», мы в садике еще не проходили. Зато я знаю слово «интер-тан». Это такая школа, когда дети не ходят домой спать, потому что далеко живут. Скоро у мамы в школе будет этот самый ин...

Соня сказала, что интернат и правда будет, а «дожинки» — это праздник последнего снопа, когда кончают жатву хлебов. В Красовщине нынче собираются праздновать широко, потому что получили самый высокий урожай в районе. А вообще-то в районе положение сложное: комбайнов в МТС мало, а колхозные жатки старые. Приходится, как и раньше, пускать в ход серпы и косы. Да еще портят людям настроение всякие слухи будто бы о близкой войне. Кто распускает слухи? Мало ли осталось разных подкулачников.

— Ну, это уже называется антисоветская агитация! — возмутился Алексей. — Существует Уголовный кодекс!

— Э, Лешенька, не так-то все просто. Чаше это называется — за что купил, за то и продаю. Один слышал от другого, тот от третьего, а третий в костеле. Вот-вот, в костеле! Ксендз, бывает, разразится такой проповедью, что вроде и придраться не к чему, разглагольствует себе о Священном Писании. Потом на латинские изречения перейдет, и получается еще звонче. А потом слухи... У тебя, кстати, как с латынью?

— Если бона фидэ, то есть чистосердечно, то пока грессо модо — знаю весьма приблизительно. Только один курс за плечами. «Гаудеамус игитур»¹, конечно, поем.

— Ну-у! — восхищенно протянула Соня. — Да ты уже почти Цицерон. Знаешь что: дам я тебе кусочек латинского текста вперемешку с польским. Это отрывок из недавнего выступления ксендза. Переведешь?

— Но я же польский — ни в зуб.

— Польский я сама знаю, ты латынь расшифруй.

— Дай... А для кого ксендз такие проповеди чешет? Кто ее понимает, эту латынь?

Соня объяснила, что «переводчики» находятся. Воскресная проповедь в храме — это, так сказать, парадное выступление римско-католического пастыря, и не важно, что он изъясняется непонятно для слушателей. В каждой деревне у него есть помощники — члены костельного совета, которые получают от ксендза копии проповедей на понятном всем языке. Они-то и доводят до сознания верующих истинный смысл речений ксендза. Доводят по вечерам, при закрытых окнах, без «посторонних». Вроде бы никакого нарушения законов, а наутро у колод-

¹ Начало старинной студенческой песни (лат.).

цев — шу-шу-шу: «Вось завчора пан ксендз говорил...»

— Так, а чего вы прямо не скажете ксендзу: не пыли, не темни, укороти язык, раз живешь на советской земле и с нее кормишься?

Оказалось, что опять же не получается лобовая атака: ксендз получает жалованье из епархии за рубежом. Хотя, конечно, главный (и немалый, ох немалый) его доход составляют «доброхотные даяния» верующих... Так просто ксендза и его помощников не прижмешь, тут людям долго разъяснять надо. Потому Митя и является домой только к ночи. Да и все коммунисты так: переночевал — и снова в деревни, втолковывать людям, где правда, а где провокация. В общем, нелегкая у райкомовцев жизнь, Лешенька...

— У тебя, наверное, тоже.

— Тоже, но веселее: дети есть дети... Хотя — полюбуйся: сесть начинаю в тридцать лет.

Не удержалась Софья Борисовна, рассказала гостю кое-что о своих бедах, после которых хочется ей проклинать эту директорскую должность. Ладно бы только заботы о ремонте, топливе да инвентаре. Двоечники тоже явление не смертельное, потому что временное. А вот как быть со всеобщем? Каждый апрель, едва пробьется первая травка, на уроках в четвертых — седьмых классах нет половины учеников. Оказывается, коров пасут. Вызывают мать. Является в учительскую и... на портрет Крупской: «Слава Пречистой Деве Марии... А кто же скотинку попасет, как не моя Катерина, если деревенский пастух в колхоз подался. Не уйдет ученье-то. Ну дык што, што экзамен. В осень сдаст».

Вызывают отца, и тот крестится уже на портрет Макаренко: «Слава Иисусу... О господи, что

это у вас Спаситель в окулярах? Ах, не он? Эге: вот этот, значит». Кладется поклон перед Ушинским. А потом — осточертевший рефрен:

— Не-е, не-е, и не говорите, товарищ директорша, не пущу зараз Ванечку в школу. Закон нарушаю? Какое же нарушение, если парень целую зиму ходил к вам. Штраф? А нехай — мусить, дешевле обойдется, чем корову загубить без зеленого корма.

В конце концов райком помог: обязал председателя колхоза выделить общее пастбище для частного скота и двух пастухов, но трудодни им начислять за счет владельцев буренок. Опять нет согласия: «Дорого! Пастуху, который был от общества, поставишь шклянку первачу, он и не заикается о чем другом, а тут — кровные трудодни. Ванька мой обходится куда дешевле — сунешь кавалак хлеба да яйцо — и вся зарплата, а самогонку он по малолетству еще не пьет».

— Вот так-то, Леша... — вздохнула Соня. — Но почему ты меня не обругаешь, что пичкаю гостя всякими печальями? Больно тебе интересно... погоди, с минуты на минуту принесут свежее молоко, будем ужинать. Не дожидаться, наверное, Митю...

МИНОИСКАТЕЛЬ СПОКОЕН

Молоко принес конопатый Юзик. Парнишка был причесан, в свежей ковбойке и вообще настолько степенен, что Алексей не узнал сначала пацана, который ругался утром с Варькой.

— Вечер добрый, Софья Борисовна. Здравствуй, Ляля. Держи ящерицу, только пересади ее в другую стеклянную банку, побольше, и мух туда напусти.

Девочка задохнулась от восторга, а Соня сказала, принимая глиняный кувшин:

— За молоко спасибо, ящерица — это лишнее, а вот почему ты не поздоровался с нашим гостем?

— Мы здоровались. Утром, у Варфоломея.

— Вот как... Деньги за молоко тебе сейчас отдать?

— Мать говорит — в конце месяца, больше скопится. Как раз мне на книжки пойдет.

— Видал?! — Софья Борисовна возмущенно повернулась к Алексею. — Десять раз толковали родителям, что дети партизан и инвалидов получают учебники бесплатно. Не верят! В прошлом году выдали некоторым костюмы за счет фонда всеобуча, а назавтра пришли ко мне мамыши-папыши: сколько стоит и кому нести деньги. Иосиф, у тебя же отец сознательный, бригадир!

Юзик шмыгал носом. Отец-то сознательный, а вот мать... Все вспоминает, что «за польским часом» учитель требовал деньги даже за мел, которым пишут на доске. Говорит, что не может долго держаться такая власть, которая столько делает для людей бесплатно. Капиталов, говорит, у нее не хватит. Батька кулаком стучит: «Цыц, подпевала ксендзовская!» — а она встанет на колени и крестится у иконы: «Пресвятая Дева, сохрани и продли светлые денечки Советов, дай народу дольше подышать полной грудью». И опять сцепятся с отцом.

Как-то неохота обо всем этом здесь рассказывать. Тем более, что есть дело поважнее.

— Софья Борисовна, мне звено поручило поговорить с вами. Один на один только...

— Ну и говори. Леша не чужой, а Ляльку я сейчас спать отправлю.

— Еще чего! — раздалось из кухни. — Ярещица спать не хочет, она вниз головой бегаёт в банке.

— Софья Борисовна, — продолжал Юзик, — вы минером в партизанах были?

— И минером, и учительницей, и санитаркой. Чего тебе на ночь глядя война вспомнилась?

— Не война, а мины. Выходит, вы в них разбираетесь. Так вот, слушайте...

Юзик рассказывал обстоятельно и неторопливо.

Записи о железном ящике, которая появилась в дневнике звена, предшествовали некоторые события. Мальчишки вышли на заброшенную баню в поисках особо породистых червей для рыбалки. Вокруг хлипкого черного домика гнила многолетняя куча слежавшейся соломы. Именно под такой соломой водятся ярко-красные и необычайно подвижные червяки. Юзик в этом сам недавно убедился.

В сумерках он возвращался со своей коровой из стада и пошел не проселком, а свернул на луговую тропинку. Она огибала зеленый островок ольховника и лозняка, где на возвышении и стояла закоптелая банька. Оттуда спускалась мужская фигура. Юзик узнал глухонемого старика Дударя, тоже заядлого рыболова и главного конкурента Айвенго на рыбалке.

Жил Дударь одиноко на заброшенном хуторе в километре от поселка. От всего хуторского хозяйства там осталась вросшая в землю хатенка с половиной соломенной крыши, но ее, видать, хватало бобылю. Из обычной крестьянской живности он держал одну лишь черную козу, которую сам доил. Иногда он появлялся в райцентре, продавал на базарчике козий сыр и вяленую рыбу, покупал хлеб, махорку, керосин и снова исчезал на своем хуторе, а вернее, на берегах Немана.

Рыбачил он и зимой, к великому удивлению местных мужиков и мальчишек, поскольку о подледном лове здесь раньше не слыхали. Как большинство глухонемых, был нелюдим и мрачноват. Мальчишек близко к себе не допускал, и подсматривали они рыбацкие секреты на расстоянии — летом из-за кустов, зимой из-за сугробов. Главное, чтобы Дударь их не увидел, а орать от восторга можно было сколько угодно, все равно не услышит. Это случалось, когда Дударь размеренными движениями выбирал на лед или берег леску с метровой щукой на крючке. Мальчишки разносили в поселке весть о пойманной фантастической рыбине, и в следующий базарный день женщины райцентра поджидали Дударя. Мечтой каждой хозяйки было уязвить соседку воскресной фаршированной щукой невиданного размера.

Дударь никогда не торговался, да и не в состоянии был из-за немоты, а молча поднимал чугунные пальцы: три — тридцать, пять — пятьдесят рублей и так далее. Это было недешево, но если покупательница растопыривала в ответ меньшее количество пальцев, старик равнодушно отворачивался от нее. Рыночных конкурентов, которые могли бы сбить цену, он не имел и потому обязательно получал в конце концов запрошенную сумму. Отдавая проданную рыбу, он непонятно дудел, что можно было в равной степени воспринять и как «кушайте на здоровье» и как «чтоб тебе костью подавиться!».

Была ли это фамилия — Дударь, или так прозвали его за гулкие горловые звуки, мальчишки не знали. Он был не местный, а откуда-то с верховьев Немана и появился здесь после войны через несколько лет. Поговаривали, что были у него когда-то семья и дом, но немцы угнали глухонемого на земляные работы — позарились на его

диговинные мускулы, а вернувшись, он нашел на прежнем месте обгорелые бревна и кости. Так он изложил крупными каракулями местным властям свою биографию.

Кочуя вниз по Неману со своим рыболовным скарбом в поисках пропитания и немудрящего заработка, Дударь добрался до здешнего поселка и бросил якорь. Документы какие-то у него были, и в сельсовете его прописали без проволочек. Там же порекомендовали бобылю-горемыке занять пустующий хуторок. Секретарь сельсовета сказал будто бы так:

— Вроде бы не тунеядец, а по социальному положению соответствует графе «кустарь-одиночка». Хай живе...

С той поры и бродил по речным берегам хотя и нелюдимый, но безобидный старик Дударь. Сейчас он нос к носу повстречался в сумерках с Юзиком. В одной руке у глухонемого была жестяная банка из-под тушенки, в другой саперная лопатка. Снаряжение, понятное каждому рыболову. «Вон он где наживку берет, глухой дьявол! — сообразил хлопец. — У нас под боком, а мы не догадались!» Однако кепку хлопец снял уважительно, как положено перед старшим. Похоже было, что Дударь немного растерялся. Он затоптался на тропинке, но потом щелкнул пальцем по банке и поманил Юзика, явно приглашая его взглянуть на содержимое. «Правильно, — подумал Юзик, — что уж тут таиться, раз я все равно тебя накрыл».

Было темновато, но Дударь крепко затянулся сигаркой, и при свете ее стал виден в банке большой клубок шустрых красных червяков.

— Ого! — сказал Юзик и поднял перед носом Дударя большой палец в знак одобрения. — Там? — протянул руку к бане.

Отпираться было бесполезно, и глухонемой покорно прогудел: «До-до, д-даб д-д...» Юзику пришло в голову попросить у старика лопату и сейчас же накопать червяков. Завернуть можно в лопухи, а корова подождет. Как мог, он объяснил свое намерение. Дударь понял и стремительно замотал головой. Он показал на небо, потом на землю, потом закрыл ладонями глаза: уже темно, ничего не видно. Юзик согласился: ладно, накопаем завтра, и они мирно расстались со стариком.

Но не согласился Варька:

— Дубина ты, мы же опоздаем утром на клев. Сейчас надо идти. Там же солома, в жгуты скрутим — знаешь какие получаются факелы!

Позвали Петра, взяли тоже саперную, давно испытанную лопатку и отправились к бане. Червей добыли быстро — полную литровую банку. Но Варька пожадничал и копнул глубже. Лопата звякнула о металл. Немедленно зажгли новые факелы. При свете их раскопали квадратный металлический ящичек.

— Ну его, — сказал Петро. — Может... это самое. Мало, что ли, хлопцев подорвалось...

— Мина у бани? — усомнился Юзик.

— И очень может быть. Фрицы набились туда помыться, гуляют себе голые, а партизаны подобрались и заминировали. Те выйдут наружу и — бабах! — с легким, значит, паром...

— Ну, разбабахался, — нахмурился Варфоломей. — Не похоже сочиняешь. Легче было баню гранатами закидать... Ладно, трогать эту штуку все равно не будем. Надо посоветоваться.

— С Айвенго? — догадался Петро.

— Можно, но надо сначала с Софьей Борисовной посоветоваться. Она говорила: о всех ваших летних делах докладывайте мне. К тому же она по минам специалист лучше Айвенго.

Снова закидали ящик землей и соломой, спрятали в кусты обгорелые факелы. Вроде и не были здесь. На обратном пути Варфоломей задумчиво спросил Юзика:

— Интересно, а не видел этот ящик Дударь?

— Не похоже, — раздумчиво отозвался Петро. — Если бы видел, то упер бы с собой. Он мины не побоится, а, наоборот, подумает: пригодится рыбу глушить.

— Ладно... Ты, Юзик, каждый вечер молоко носишь Софье Борисовне. Вот и Расскажи ей об ящике.

Уснула Лялька в соседней комнате. Носится ящерица внутри стеклянной банки. Озабоченно смотрит в открытое окно Алексей — черт-те что за край: железные ящики в земле, неуловимые дымки над лесом, самолеты без опознавательных знаков... Нелегко здесь живется брату Мите...

Размышляет и Соня. Потом говорит:

— Ты молодец, Бородич, что сообщил мне. Когда, значит, вы были у бани?

— Да, выходит, ровно сутки назад.

— А чего же с самого утра не прибежал рассказать?

Елки-моталки! Ну как объяснить, что у хлопцев на счету каждая минута длинного и вместе с тем поразительно быстротечного летнего дня. Рассвет их застал на рыбалке, как застанет и завтра, — это уж закон. В это время в домике Вершининых еще спят — не идти же будить ради какого-то ящика. Потом была чистка рыбы, поскольку мать отказывается колоть пальцы об ершей с мизинец ростом. Потом — лесной поход. Взбучка за майку, разговор с отцом, длинная встреча с участковым, беготня за коро-

вой, наспех выпитая чашка парного молока, а тут и вечер.

— Ну ладно, — сказала Софья Борисовна, догадавшись по недовольному вздоху о ходе мыслей Юзика. — Ты еще посиди, а я позвоню...

Соня позвонила своей коллеге, муж которой служил в военкомате, он носил на погонах скрепленные топорики. Бывший сапер.

— Люда, ты можешь срочно прислать ко мне своего супруга?

В трубке хохотнули:

— А что это он тебе понадобился?

— Не хихикай, серьезное дело! Пусть захватит миноискатель.

— Ч-чего?!

Соня положила трубку, а через четверть часа щедушный Юзик Бородич, коренастый мужчина в потертом офицерском френче и Софья Борисовна шли к окраине поселка. Алексей остался дожидаться брата. У дома Мойсеновичей Юзик затормозил:

— Надо Варьку взять, Софья Борисовна.

— Может, все звено будешь собирать? Чем нас меньше, тем лучше...

Но капитан поддержал хлопца:

— Он прав. По уставу так полагается. Беги за своим старшим начальником.

К бане подошли вчетвером. Мальчишки с ходу показали край соломенной кучи, где вчера обнаружили ящик. Быстро разрыли солому. Капитан надел наушники, включил звуковой индикатор, повел по земле рамкой искателя. В наушниках не раздалось ни звука. Тогда при свете фонарика разрыли верхний слой земли.

Ящика не было.

— Хлопцы, он вам не приснился? — раздраженно спросил капитан, сматывая свою аппаратуру.

— Одному может присниться, но не двоим, — справедливо заметила Соня. — В общем, ясно, что опоздали. Вы хоть запомнили, какой он сверху? Крышка ржавая?

Ребята переглянулись. Нет, они ясно помнили, что крышка была чистая, глянцево-черная.

Значит, не с войны лежал здесь ящик.

ЯЗЬ — РЫБА КАПРИЗНАЯ

Ребята пришли на берег ровно в пять. Айвенго обещал показать хлопцам, как можно без грузила добывать язей.

Солнце прогоняло с реки последний туман. Мальчишки слушали вступительную лекцию Айвенго.

— Из всех бдительных рыб язь самая осторожная, — вполголоса говорил участковый. — Он и сейчас нас слышит. Но не видит — мы в тени. А между прочим, у него в данный момент самый-самый утренний аппетит. И скушать язю хочется чего-нибудь свеженького. Не из тины на дне выкопать какую-нибудь сонную моллюску, а эдакое живое, завлекательное и чтобы поярче. Вот глядите на этот куст.

Ребята поглядели. По резным листьям красной смородины (она здесь очень точно называется «поречки») ползли какие-то красные жучки меньше спичечной головки. Айвенго продолжал:

— Это есть язиное лакомство наивысшей кондиции. Вроде как для вас шкварка со сковороды или, скажем, куриная ножка.

Непозавтракавшие хлопцы кто проглотил слюну, кто потрогал живот.

— Теперь глядите за мной, что я сделаю, и сразу глаза на воду.

Айвенго слегка потрянул куст. Жучки посыпались в омут. Тут же на воде обрисовались четкие круги с точкой в центре. Точка появлялась на мгновение и сразу исчезала.

— В-вот, — удовлетворенно произнес лектор. — Видите, они поверху хватают жучков. Потому и грузила ненадобны. Но смородинную крохотулю ты на крючок не насадишь, нужны божьи коровки — они побольше, но тоже красные, живые. Наблюдайте за моими действиями, а потом работайте самостоятельно, потому что я на службу уйду.

Участковый размотал свое четырехметровое ореховое удилище, отошел метров на семь вверх по течению, забрел по колено в воду и пустил по течению легкую леску. Видно было, как красная наживка вертится в светлой струе. Вот она дошла до омута, исчезла, а леска натянулась и звякнула по воде. Айвенго выскочил на берег, стал подтягивать удилище на себя. Называется это «выводить». Орешина согнулась, на руке рыболова вздулись жилы.

И вот затрепыхался на серебряной от росы траве красавец язь. Сантиметров тридцати. Не меньше килограмма весом. С зеленовато-желтыми глазами, малиновыми плавниками и золотыми боками.

— Вот так! — прошептал Айвенго и кинул рыбину Варьке. — Держи для почина. Дальше действуйте сами, а мне пора в отдел. Запомните, что главное — тишина и маскировка, а клюет язь утром не больше получаса. Так что без толку долго тут вам торчать нечего.

Ребята с азартом принялись за дело. Но разве что-нибудь укроется от взора мальчишек? Юзик обратил внимание, что участковый отправляется на работу не в синем форменном кителе, а в ста-

ренькой ковбойке с засученными рукавами, в нечищенных кирзовых сапогах.

— Не на службу он пошел...

— На службу, — твердо возразил Варька. — У него «ТТ» с собой, карман оттопырен.

Айвенго действительно отправился не в отдел, но по служебной надобности. Прошагав по берегу метров триста, он нашел в затоке дощатую плоскодонку и, орудуя одним веслом, поплыл вниз. Туда, где в двух километрах река делала крутой поворот и огибала массив непролазного ельника.

Здесь Айвенго привязал плоскодонку к ивовому кусту, забросил для видимости две удочки и огляделся. Обычное утреннее безлюдье. Песок матово покрыт росой. А выше, на траве, ее капельки поблескивают мелким стеклом. Один поплавок косо пошел под воду. «Ну тебя к лешему, не до того», — отмахнулся Айвенго и выбрался на берег. Если кто за ним наблюдает, пусть думает, что у рыболова появилась некая надобность.

Он вошел в ельник. Кострище нашел быстро. Отсчитал от него в обратном направлении, но наискосок, полтора шага и остановился. Где-то здесь лежала вчера яичная скорлупа. Сто пятьдесят шагов — это сто метров, то есть триста тех самых футов. Приблизительная длина антенны согласно той инструкции. Так ли уж бесследно антенна уничтожается?

Если человек, обсушившись у костра, начал там разматывать леску, то к чему-то он должен был ее прикрепить. Айвенго вернулся к костру и стал осматривать ветки на высоте вытянутой руки. Вскоре он обнаружил, что одна веточка дважды опоясана еле заметной серебристой пау-

тинкой. Паутинка как паутинка, но больно уж правильные витки.

Участковый чуть дотронулся пальцем до спиральки. Оказалось, что это даже не паутинка, а пылеобразный налет нитевидной формы. От прикосновения он начисто рассыпался.

Если антенна тянулась отсюда, то другой конец должен быть где-то у скорлупы. Айвенго снова побрел туда сквозь чащу и в одном месте, где среди вереска была небольшая песчаная проплешина, увидел сразу два следа остроконечных туфель. Направлены они были к костру. Глубоко вдавлены в песок каблуки. «Зачем этого типа обратно-то понесло?» И вдруг Айвенго понял: разматывая леску, человек шел задом наперед. Он должен был следить, чтобы антенна не легла на землю, а повисла на деревьях...

Обнаружил Айвенго и веточку, на которую в последний раз была накинута леска. В последний — потому что дальше конец, естественно, уходил в передатчик. То бишь в данном случае в яйцо.

Итак, все сходилось.

Айвенго представил себе, что было затем. Агент раздавил яйцо, аппарат сработал и передал в безбрежный эфир мгновенный сигнал-импульс: «Я на месте». Или: «Все в порядке». Или: «Приступаю к работе».

Потом ночной визитер забросил куда-нибудь остатки крошечного аппарата (интересно, что они из себя представляют?), однако обронил в темноте скорлупу. Потом он отправился... Куда? Скорее всего, решил выспаться. Поспал до солнышка и вдруг увидел рядом с собой медведя. Оба перепугались и кинулись в разные стороны. Косолапый в довершение всего перепугал ребят. Впрочем, неясно, от чего больше запаниковал неизвестный. От встречи с мишкой или от наше-

ствия голосистой ватаги хлопцев. Конечно же ему нельзя было встречаться с людьми. Теперь он стремился как можно быстрее выбраться из чащи на берег, к своей сумке, которую и нашел на прежнем месте...

Так рассуждал Айвенго. И, судя по всему, рассуждал правильно, потому что через пять минут убедился: желтой сумки под кустом нет.

Куда же «гость» направился с берега?

«Кто-то же его ждет», — вспомнил Айвенго слова подполковника. Безусловно, искать следы агента сейчас надо было ближе к райцентру.

ЛАТЫНЬ НЕ ДЛЯ РЕЦЕПТОВ

В это утро Алексей проводил брата до райкома и собрался завернуть к Мойсеновичам, но сообразил, что рано. Паша, видимо, управляетя по хозяйству, и незачем ее смущать. Может быть, сгрести себе в компаньоны по прогулке Варфоломея? Но он, наверно, ходит у сестры в помощниках. В общем, бездельнику в будний день довольно тошно среди занятых людей.

Алексей прошелся от площади, где разместились районные учреждения и Дом культуры, потом по главной улице поселка. Аккуратные новые домики из кирпича и блоков вместо дряхлых приземистых хат, которые стояли шесть лет назад. Детский садик с веселым гомоном. Где-то здесь забавная племянница Лялька. Музыкальная школа — оттуда несутся нудные гаммы. Двухэтажная средняя школа в ремонтных лесах — вот куда кладет свои недюжинные силы Софья Борисовна Курцевич.

Стоп, Лешенька! Ты же, лодырь, обещал Соне сделать перевод ксендзовской проповеди! А ну, за

работу, оправдывая утренние драники, как здесь забавно называют картофельные блины. Не забыть бы захватить их рецепт для мамы...

Где пристроиться для творческой работы? В конце улицы зеленел живописный холм, а на нем возвышался массивный костел. Две его остроконечные буро-красные башни вонзались в небо. Тень от костела покрывала весь холм и выходила на улицу. Алексей усмехнулся: тут тебе и карты в руки. Он расположился на мягкой мураве — конечно, не у парадного входа, а под сенью древних кленов. Достал из пиджака выданный Соней оригинал, из заднего кармана брюк извлек блокнот.

— Н-ну-с, приступим... Ад хоминэм — это понятно: взываю к чувствам людей. Допустим. Что дальше?... Черт, словаря нет с собой. Ладно, как-нибудь...

Дальше шли катехизисные рассуждения о бренности всего земного, о тщете мирской суеты и неизреченной милости Всевышнего. Недавно Алексей ездил с друзьями в Загорск под Москвой полюбоваться шедеврами русского храмового зодчества. Экскурсанты попали в собор на богослужение, где православный священник провозглашал примерно то же самое, только по-русски. Не преувеличивает ли Соня ксендзовскую крамолу?

Но вот ему попалось выражение «ад нотам», что означает: будьте внимательны, нечто важное довожу для вашего сведения.

У Алексея пропало ироническое настроение, когда в последующем тексте он увидел часто повторяющееся слово «бэллум» — «война». Нет, в проповеди загорского иерея это слово не звучало. Надо постараться аккуратнее сделать перевод.

И вот такая запись легла в блокнот Алексея: «Взываю к вашим чувствам и требую внимания.

Утверждаю, что война — дело решенное, и это будет ваша справедливая война за алтари и очаги (бэллум про арис эт фоции). А потому готовьтесь свергнуть недругов огнем и мечом (игни эт ферро). Я не называю ненавистных имен, но для понимающего сказанного достаточно (сапиэнти сат)».

Были там еще призывы к осторожности и бдительности (хабеас тиби), но Алексею расхотелось переводить, хотя и оставалось всего несколько строк. Ему стало холодно и неудобно. Он оглянулся на костел. Казалось, тень от него не желает повиноваться даже солнцу: она все так же разлаписто и мрачно накрывала окрестность. Он мысленно выругался и пошел домой.

Летает в небе голубка Пикассо, проходят всемирные фестивали молодежи, разнеслись по земле слова их гимна «Мы за мир, и песню эту пронесем, друзья, по свету...», миллиард людей подписали воззвание против войны. И все это пытается перечеркнуть зловещая фигура в сутане? Конечно, за такую проповедь Ватикан сразу повысит в ранге ее сочинителя. Но черт с ней, ихней иерархией. Страшнее другое: ведь вполне может найтись темная голова, которая после таких воззваний с амвона возьмется за обрез. Если ее вовремя не просветить.

Уже сидя на пронизанной светом веранде, Алексей перевел высокопарную и зловещую концовку: «Помните всегда: сегодня с Востока не идет свет. Я сказал и тем облегчил свою душу (дикси эт анимама левави)!»

— Я бы тебе облегчил душу, инквизитор бритый! — заорал Алексей, вообразив себя на вольной студенческой дискуссии. — Я бы тебе показал, как людям мозги кви про кво, то есть заливать туманом! Я бы с тобой установил модус вивенди — теплые отношения!

— Нон лицет, — раздался с крыльца голос Сони. — Не положено. Как-то не принято, чтобы комсомольцы устанавливали прямые контакты с духовным причтом.

— Вот и зря! — буйствовал Алексей. — Потому-то они и чувствуют себя вольготно. Не можете, что ли, устроить с ксендзом открытый диспут? Не можете найти человека, который бы политику знал и в латыни разбирался? Он бы разнес патера в пух и прах!

Соня вздохнула. Где взять такого человека? Алексея, что ли? Он посторонний, прихожане его слушать не станут. Да и не пойдет ксендз на открытую дискуссию, сошлется на какую-нибудь буллу Папы Римского. Потому существует твердая линия: вести пропаганду среди верующих за стенами костела. Лекции, беседы — в клубах, избах-читальнях. А туда ярые католики и не заглядывают. Дымят самосадам недавние партизаны, да молодежь резвится потихоньку от скуки, потому что и без лекций все давно атеисты.

Получается холостое коловращение. Да и не могут лекторы противопоставить ксендзу ничего, кроме теоретических рассуждений. Они просто не знают его оружия, считается весьма предосудительным, если активист побывает в храме и послушает проповедь. Не положено — и все!

— Тут демагогией пахнет! — снова пылко возразил Алексей — Ксендз не стесняется и в кино прийти, и лекцию послушать, а мы боимся нанести ему ответный визит. Получается, что он вроде как в неприступном для нас бастиионе!

Соня опять вздохнула. Во многом этот славный студент прав со своим максимализмом. Методы нашей идеологической работы пока не слишком гибки.

Ей вспомнился трагикомический случай, когда учительница Леокадия Болеславовна потребовала исключения из пионеров Варьки Мойсеновича: она случайно увидела его выходящим из костела. Пришлось Софье Борисовне вмешаться и сходить в райком комсомола. Но разбор «персоналки» на отрядном сборе все-таки состоялся. Леокадия клещом впилась в Варфоломея:

— Нет, ты скажи честно и откровенно: зачем ходил в этот рассадник мракобесия?

Варька не был расположен к откровенности. Сбор — не то место, где можно признаться, что он подкарауливал хуторского Стефку, чтобы дать ему заслуженного «дубца». Этот Стефан еще до начала службы нарисовал мелом на школьном заборе фигуру черта с рожками, хвостом и копытами, но в пионерском галстуке. Рисунок был выразительный (это Варька оценил беспристрастно), но имел явно оскорбительный характер, и Варфоломей долго гнал автора по улице. Тот сбежал под спасительный кров костела. Пришлось дожидаться конца литургии. Однако обратно заборный художник вышел в сопровождении отца, сел в двуконную бричку и покатил на свой хутор. У резных костельных ворот Леокадия и застала Варьку...

Рассказывать о своей неудаче перед всеми ребятами не хотелось, и Варфоломей степенно ответил:

— А в костеле красиво. И музыка играет.

— Ага, признался! Как же совместить твои слова с пионерской обязанностью бороться с предрассудками?

Варьке хотелось поскорее кончить нудный разговор, и он не очень удачно ляпнул:

— Я исправлюсь. Я тогда не успел. В следующее воскресенье обязательно... это самое... поборюсь.

Леокадия взвилась:

— Вы слышите, он опять собирается идти туда! Он и не думает раскаиваться.

Все-таки ограничились замечанием. Не прошло и предложение снять Варфоломея с звеньевых: ребята дружно застучали крышками парт. А сам он остался больше всего недоволен тем, что Стефка ушел-таки от возмездия: не рискнул больше Варька показываться у подножия костельного холма — беды не оберешься.

Алексея не столько насмешила, сколько рассердила эта история, и он сказал, что учителей вроде Леокадии он представляет себе в виде сухой еловой палки: гибкости никакой, а колется сколько угодно.

— И ее левацких выходок ксендз не испугается, — добавил он. — Совсем другой метод нужен...

ЗАДАНИЕ — ЖДАТЬ

Леокадия Болеславовна не собиралась пугать ксендза. Она с ним дружила с сорок первого года.

Когда на берега Немана пришли немцы, они предложили Леокадии очистить школу от ребятишек и сдать дом под волостную управу. Первое она охотно выполнила, второму воспротивилась — мой дом! Заявившегося на новоселье бургомистра неделикатно выставила за дверь. Тот вызвал начальника полиции и приказал ему силой освободить помещение от «красной стервы». Леокадия пошла жаловаться к коменданту, представилась ему на чистом немецком языке и вернулась от него только утром. Вернулась, безнаказанно отхлестала по щекам бургомистра и заняла для себя две комнаты с кухней. Работать она стала переводчиком в комендатуре. Здесь и встретилась впер-

вые с ксендзом Иеронимом, который доставил оккупационным властям список прихожан — активистов Советской власти.

Сблизило их полное отсутствие в деревне других интеллигентов Речи Посполитой. Они были белыми воронами как среди гитлеровских солдафонов, так и придавленных оккупацией местных жителей. По вечерам ксендз зазывал к себе Леокадию в обширный особняк при костеле и часами читал звучные строфы Овидия и Вергилия. После вкуснейшей черносмородиновой наливки, которую выставляла его домашняя хозяйка — порядком упитанная пани Августина, отец Иероним переходил на Боккаччо с его весьма игривыми рассказами.

Наливка Леокадии нравилась, а Боккаччо — нет. Она побаивалась коменданта. Стареющий майор, кажется, не на шутку влюбился в нее и ревновал к ксендзу. Тем не менее Леокадия вынуждена была терпеть ответные визиты отца Иеронима в свою уютно обставленную квартиру, где угощала его «кавой» и томными гимназическими романсами под вполне приличное пианино.

Ни о политике, ни о религии они почти не говорили, да, кстати, ни то ни другое и не интересовало Леокадию. Ею владела другая идея: как стать сильной самостоятельной хозяйкой, вернуть отцовскую землю, скот, батраков и таким образом войти в роль богатой невесты. Однажды она поделилась с гостем своими мечтами, но отец Иероним ее жестоко разочаровал:

— Прелестная панна напрасно думает, что немцы позволят такому свершиться. Человек иной расы, каковыми они считают славян, для них ничто, и они не позволят ему экономически возвыситься. Для слуг фюрера любая былинка здесь — это священная собственность рейха. Они нас тер-

пят и кормят, пока им нужны помощники, чтобы легче править здешним норовистым народом. Но ваша и моя судьба в перспективе мрачна, если...

— Вы рассчитываете на победу большевиков? — поразилась Леокадия.

— Сохрани нас, всемогущий Господь! — перекрестился отец Иероним. — Если даже и случится такое Божье попустительство, то ненадолго. Придут с Запада, из-за океана другие силы, истинно демократические. Сейчас эти силы, правда, в коалиции с Советами, но, думаю, временно. Конечно же Третий рейх будет развален, однако могучий Запад не допустит установления в Европе власти коммунистов. Нам с вами надо ориентироваться в конечном счете на Америку и Англию. Тогда вы и осуществите все ваши мечты.

Вот так просвещал юную Леокадию многоопытный и далеко не глупый слуга Ватикана. Пока же он более чем лояльно вел себя в отношении гитлеровских властей и представил им очередные списки: на этот раз тех, кто ушел в партизаны. Передал он их через переводчицу, избегая лично показываться в комендатуре, дабы не бросить на себя тень в глазах населения. Леокадия положила документ на стол коменданта:

— От герра Иеронима.

Майор зло посмотрел на нее:

— Вот что я вам скажу, полупочтенная фрейлейн. Мне надоели ваши шашни с длиннополым кавалером. Я вполне мог бы вынудить его предписание соблюдать целебат¹ не на словах, а поневоле, но не сделаю жестокого шага. Я просто отправлю вас в рейх. В город Аахен. Там живет моя

¹ Ц е л е б а т — обет безбрачия католических священнослужителей.

сестра, старая дева, и там под ее присмотром вы будете дожидаться меня, поскольку, на свое несчастье, я вас полюбил. Но будете и там работать переводчицей в лагере для военнопленных. Я пишу вам рекомендательное письмо...

Так Леокадия в сорок втором году оказалась в Германии, на время расставшись со своим другом в сутане. Там она и попала через три года в руки американцев, не дождавшись своего майора. Партизанские гранаты уложили его прямо в комендатуре. Тогда же сгорел и дом Могилевских. Об этом любезно сообщил в письме из родных мест отец Иероним. Одновременно в завуалированной форме он по-прежнему советовал ей держать курс на приближающиеся с запада союзные армии.

Американцев совершенно не интересовало сотрудничество Леокадии с нацистами. Зато их привлекло другое: молодая женщина хорошо знала обстановку на востоке, имела там знакомства...

Через несколько месяцев Леокадия засобиралась домой. Правда, радужная перспектива превращения в именитую помещицу снова отодвигалась, но ей только двадцать четыре года, и все еще впереди. Она без труда прошла контрольно-пропускные комиссии перед отправкой в Белоруссию и вернулась в знакомое место. Здесь никто не мог о ней сказать что-либо предосудительное: многие даже помнили, как немцы под конвоем отвезли ее на вокзал перед отправкой в рейх. Людям невдомек было, что конвой являлся своего рода почетным эскортом влюбленного майора.

Леокадия вскоре закончила заочно учительский институт и стала полноправным тружеником на ниве народного образования. Даже с некоторым повышением: ее послали работать в среднюю школу районного центра вместо прежней семилетки, в ста с лишним километрах от родного

села. Оно было и к лучшему. Тем более, что в поселке оказался отец Иероним, переведенный сюда волею епископа настоятелем местного костела вместо умершего предшественника.

Старый знакомый был воплощенная осторожность и не стал целовать ей ручки при первой встрече на улице. Но уже на завтра она получила письмо, в котором предусмотрительно регламентировались места и сроки их randevu — ну, например, в вагоне поезда, на экскурсии по историческим памятникам Вильнюса, на городском пляже в областном центре. А один свой отпуск она полностью провела вместе с ксендзом в Закарпатье, где отец Иероним лечил печень.

Они оба с терпеливой надеждой ждали прихода «западной демократии», то есть наступления истинной свободы для исконной человеческой склонности обогащаться и повелевать низшими. А пока настоятель костела сочинял великолепные проповеди на звучной латыни. Леокадия иногда читала их копии. Одну из них она нечаянно обронила из сумочки в учительской, где и нашла ее Софья Борисовна. Впрочем, Соня не заподозрила Леокадию.

Работала Леокадия добросовестно, жила спокойно. Никаких заданий у нее не было. Кроме одного: жить, как все, и ждать. Когда-нибудь к ней придет человек и скажет известное ей слово...

Первым, кто пришел к ней с паролем, был... ее отец.

«СЕМИНАРИСТ»

За полчаса мальчишки поймали девять язей. Потом клев как обрезало.

— Айвенго все знает, — отметил Варфоломей.

— Елки-моталки! — вскинулся Юзик. — Мы же так и забыли рассказать ему о вчерашнем ящике. Н-ну, растяпы!

— Ничего, другие расскажут, — утешил Варька. — Военкоматский-то капитан молчать не будет, может, уже сообщил в милицию. Еще нас позовут.

— Не ко времени: нам сегодня на поле надо обед доставить. Обещали же батьке...

— Н-да, вот еще морока!

Звеньевой был недоволен. Ему до смерти хотелось встретиться и всласть наговориться с Алексеем. Например, узнать, какой такой бывает телевизор. Если в комнате по нему запросто можно смотреть кино, то где дома взять лучи, которые в зале светят на экран? Или такой вопрос: если в атоме имеется страшная сила, то как не поубивало тех ученых, которые в первый раз разломали атом? Или поубивало, да об этом молчат, чтобы другим профессорам не стало страшно?

Круг интересов Варфоломея был широк, и ответить на засевшие в голове вопросы должен был студент Лешка. Ну пусть — Алексей. Потому что от Леокадии и Паши толку не добьешься. Первая — «Это не по программе», а вторая — «Варенька, я и сама еще толком не знаю». У Ивана на уме семена и удобрения. А больше и обратиться не к кому. Приезд Алексея — это как щуку поймать на голый крючок.

Но слово есть слово: обед доставлять жнецам надо. Конечно, каждый из них берет с собой из дому что-то пожевать, однако бригадир, Юзиков папаша, решил щегольнуть: обеспечить людей горячим питанием за счет какого-то бригадирского фонда.

Борщ и кашу поручили варить трем старушкам. Они готовили обед в бывших банных кот-

лах. Эти громадные чугунные посудины были вкопаны на бригадном стане рядом с овощехранилищем. Сюда и подъехали хлопцы на выделенной им в конюшне подводе. Уволенная по старости лет от уборочной страды кобыла с ходу потянулась мордой к сочной груди свекольной ботвы. Мальчишек же заинтересовали зеленые стручки бобов, которые также шли в борщ.

— Но-но, короеды, — добродушно шугнула ребят древняя бабка. — Лучше щепок насобирайте, не доварится никак каша, хоть ты сядь на нее.

— Сядешь — остудишь, — ехидно заметила ее напарница, мелко нарезаая сало для гречневой каши. — Вот я и говорю, — продолжила она прерванный хлопцами рассказ. — Идет он себе промеж сосенок и саквояжиком помахивает, как на городском бульваре, — ну женишок женишком, личико кругленькое, на подбородке ямочка, глаза светленькие....

— Эк ведь запела, старая греховодница! — рассмеялась третья кухарка. — Как увидит молоденького, откуда слова берутся... Ну, что дальше было?

— Вот, значит, идет... Брючки узенькие, со стрелочкой, как сейчас из-под утюга. Обувка на нем остроносенькая — ежели пнет, дырка будет.

— Не пнул? Правильно, незачем ему туфлю об тебя портить.

— Ну вас к лешему, охальницы, — обиделась старушка. — Все. Словечка больше не услышите.

Варфоломей здорово разозлился на сварливых бабок. Ему обязательно надо было услышать продолжение рассказа. Всего лишь три часа назад на берегу, пока хлопцы поспешно разматывали удочки, Айвенго отозвал Варьку в сторону и то-

ропливо шепнул: «Слушай, Варфоломей, внимательно, одному тебе пока говорю. Будешь в поселке, посматривай на свежих людей. Нужен мне человек с желтой сумкой на ремне и в туфлях с острыми носами. Скорей всего, молодой. Какой костюм, не знаю, но, видать, будет помятый. Увидишь, проследи, куда пойдет. Ну все. Вечером зайду».

Ясно, что Варька в струнку вытянулся, когда услышал об острых туфлях. Правда, о помятом костюме старуха ничего не сказала, а наоборот... Но туфли-то все равно остались! Интересно, где она видела этого «женишка»?

— Бабка Настя! Не иначе, про моего брата вы рассказывали. Он должен был приехать сегодня из города, а я еще дома не был после рыбалки. Он с разъезда шел?

— Про какого еще брата? Ивана вашего я знаю, сроду он не был блондинчиком.

— Да нет, я про двоюродного брата.

Бабка зашевелила губами и закатила к небу выцветшие глаза:

— Какой же это двоюродный? Был у твоего отца брат Кастусь, сгноили его где-то жандармы. Но тоже цыган цыганом, от таких белявые опять-таки не родятся.

Варька чуть не взвыл от злости и что есть мочи лягнул босой пяткой подвернувшегося воробья.

— Чего это ты, чего божью пташку обижаешь! — возмутилась его собеседница. — У матери твоей покойницы была-таки сестра светленькая. Э-э, так, может, от нее этот твой двоюродный. Да не-е, Катерина сроду не была замужем. Хотя... жила она в городе, в прислугах. Во-он оно што, бабоньки! — восторженно обернулась старушка к подругам. — У Катьки-то модницы, оказывается,

ребенок был в городе. То-то, я гляжу, личико у него вроде как панское.

Взбешенный Варфоломей собирался повернуть оглобли, но тут бабка Настя его ошарашила:

— Чего же твой двоюродный мало погостил у родичей? Не с чугулки он шел, а как раз наоборот, к разъезду. Это я шла из лесу с рыжиками, а он, видать, к поезду поспешал.

— С желтой сумкой? На ремне?

— Говорю тебе, с саквояжем. И видать, с тяжелым. Поздоровался он со мной уважительно так: «Добрый день, мамаша». Саквояж на травку поставил. Потом, как папироски стал доставать, отстегнул замочки, так я приметить успела — там ящичек какой-то черный, вроде как из железа. С белыми завитушками по углам. Точь-в-точь как у ксендза, где он прячет святые дары после причастия. Ну, я так и поняла, что семинарист какой-нибудь приезжал к нашему отцу Иерониму. Может, по какому делу от самого епископа. Такой уж он обходительный в разговоре, сразу видно, что поблизости стоит к святому костелу.

Старушка перекрестилась на светлое облачко и вдруг набросилась на Варфоломея:

— А ты мне голову морочишь, будто какой-то твой двоюродный... Подзаборникам-то в семинарию доступа быть не может...

Варька все-таки поддал нахальному воробью под хвост и аллюром рванул в поле. На бегу он попытался склеить воедино разрозненные мысли. Надо найти Айвенго. Желтой сумки нет. Зато есть железный ящик. Может, тот самый? Но они не видели на нем никаких серебряных завитушек. Правда, и отрыли не полностью, могли не заметить. Ладно, наплевать на завитушки. Главное — остроносые туфли...

ДУДАРЬ

Зимой сорок третьего года, вскоре после Сталинградской победы, бывший кулак Болеслав Могилевский попал на фронт: добросовестным трудом в северном леспромхозе он заслужил право искупить свою вину перед трудовым народом в боях с фашистами. Воевал он недолго: при первой возможности сдался в плен. Не наугад сдался, а с вполне определенным намерением: вступить в армию генерала-предателя Власова.

С пленными власовцами он познакомился еще в заключении, от них и узнал о «вольной жизни» в частях РОА.

...Восстанавливая под минометным огнем мост через приток Дона, он дождался очередного взрыва, рухнул в холодную весеннюю воду и, прикрываясь обрезком сваи, выплыл на западный берег. Дальше все пошло как по маслу. Через месяц он жег в составе спецвзвода РОА партизанские деревни на Черниговщине. Под Ровно был контужен и временно лишился дара речи. После госпиталя его забрали в СД тайным агентом по выявлению антифашистского подполья в польском городе Познани. Зная польский, русский, белорусский языки и уже неплохо владея немецким, он, маскируясь под глухонемого скупщика старья, собирал для гитлеровской службы безопасности сведения об отважных, но не всегда осторожных патриотах. Приобрел солидный опыт агентурной работы, эсэсовское звание унтерштурмфюрера и немалое количество золота.

Первое и второе ему здорово пригодились летом сорок пятого, когда его завербовали спецслужбы Соединенных Штатов. Да, Могилевский для них был ценной находкой: агентурно натренирован, без идейных колебаний, здоров, силен,

решителен, жесток. Он прошел все испытания на «детекторе лжи», дополнительную годичную подготовку на ту же роль глухонемого, и в сорок восьмом году встал вопрос о месте его выброски с парашютом. Когда стали сверять по картотеке сеть имеющихся агентов в западных районах Белоруссии, на которых мог бы опереться в нужный момент их свежий коллега, обнаружилась поразительная вещь: там находилась завербованная дочь Могилевского. Хорошо это или плохо? Решили, что скорее хорошо: Леокадия является теневой фигурой, отключенной от активных акций. Если даже будет замечена встреча с ней Могилевского, подозрений это не вызовет. Другое дело, что такая встреча должна быть событием одноразовым — только в крайнем случае. В дальнейшем всякая связь между красивой молодой учительницей и глухонемым бобылем каждому постороннему показалась бы противоестественной. Тем не менее соседство дочери в критическую минуту могло все-таки оказаться для Могилевского весьма полезным.

Новому агенту без всяких иносказаний поручалась диверсионно-террористическая работа. Не обязательно своими руками. Использовать деклассированные, уголовные и другие неустойчивые элементы для физического уничтожения партийных и советских активистов на селе. Потом убийц ликвидировать самому, дабы не выявилась на допросах роль глухонемого. Отравлять колхозный скот, поджигать общественные постройки теми же методами. Минировать мосты и дороги, приурочивая взрывы к проезду различных делегаций на собрания, слеты, колхозные праздники и так далее. Похищать из районной и политотдельской типографий шрифты, чтобы создать впечатление о существовании типографии

нелегальной. Короче говоря, всячески инсценировать наличие разветвленного и энергичного анти-советского подполья. Это должно внести сумятицу в умы местного населения, посеять неверие в прочность советского строя.

Так мыслили разведшефы Могилевского. Так думал и «президент Белорусской народной республики» пан Абрамчик, которому показали нового агента перед отправкой на восток.

— Да-да, — сокрушенно качал головой гитлеровский холуй, обосновавшийся сейчас в Мюнхене. — К несчастью, поредели наши ряды в заповедных пущах Белой Руси. Ваш святой долг — снова вызвать к жизни, влить свежую силу в руку мстителей — благородных «лесных братьев». Рада ВНР вас восславит после победы над коммунизмом.

Дударю было в высшей мере наплевать и на Раду, и на липового президента. Его интересовало, что ему дадут в этом довольно обшарпанном особняке. И ему дали: пан Абрамчик подарил Могилевскому собственный портрет с автографом. Присутствовавший при трогательной встрече земляков американский разведчик Стиф, который и готовил Дударя, ядовито сказал Абрамчику:

— Вероятно, ваш гость ожидал чего-нибудь более существенного.

«Президент» только развел руками:

— Вы, господа, задерживаете наше субсидирование...

Фотографию Могилевский выбросил. Он не верил ни в какую Раду, а надеялся только на американцев. Во время шпионской учебы его возили в Штаты и там показали хозяйства богатых фермеров. Вот это была жизнь! Ради такой жизни можно было и шеей рискнуть при парашютном прыжке.

Но все обошлось. Глухонемой благополучно акклиматизировался в условленной местности, а дочь побеспокоил только через три года. Было это неделю назад.

За три года он много раз встречал свою дочь, но так, что она его обычно не видела. Иногда она замечала на улице глухонемого; но, конечно, никак не могла узнать в оборванном старике с запущенной бородой родного отца. Она его помнила щеголевато одетым, с пышными выхоленными усами и гладко выбритым подбородком.

А он, Дударь, следил за каждым ее шагом, знал привычки. Ему было известно, когда она возвращается домой, когда встает. Леокадия занимала небольшую квартиру в одноэтажном доме на две половины. У квартиры было отдельное крыльцо. Старик знал скрип каждой половицы на этом крыльце. В дом он проникнуть не решался, потому что ключ учительница уносила с собой. Но вечером долго виднелся свет в окне, и Могилевский умудрялся много раз наблюдать за дочерью с высокого забора напротив. Леокадия обычно долго вычитывала тетради на простом обеденном столе, иногда слушала приемник, стоявший на туалетном столике, или читала в постели. Потом выключала свет, открывала форточку и через минуту слышался скрип матрацных пружин. Молилась она, наверное, уже в постели.

«Кровинушка моя, дочушка, — скорбно думал Болеслав Иосифович, уходя в темноту, — вот до чего довели нас проклятые большевики: родной отец должен прятаться от своего дитяти, а ты лучшие годы проводишь как в монашеской келье. Такую ли жизнь готовил я для тебя!»

Он знал про ее близкое знакомство с ксендзом, про их потаенные встречи и не осуждал дочь. Может быть, это ей необходимо для тайной работы,

а может... сколько же ей сейчас лет? Еще и тридцати нет, а она мается в одиночестве.

Однажды они почти нос к носу встретились на рынке. Дударь продавал золотистых лещей шириной в таз. К нему образовалась небольшая очередь, а в конце ее он вдруг увидел дочь. Через пару минут она подойдет вплотную.

Ничего не объясняя покупателям, старик смахнул в мешок непроданную рыбу и зашагал прочь. Хозяйки могли сколько угодно кричать ему в спину — глухонемой не слышал. Однако он запомнил голос Леокадии: «Зачем зря шуметь, наверное, ему срочно куда-то понадобилось».

«Ты-то получишь рыбку!» — не выдержал он и перед рассветом повесил на ручку двери у ее квартиры связку отборных линей. Это было рискованно, и с тех пор Могилевский старался совсем не попадаться дочери на глаза.

Месяц назад Дударь получил от резидента в Вильнюсе сообщение, что в их район скоро будет заброшен агент с особо ответственным заданием. Агента надо принять в райцентре легально, потому что он должен ознакомиться здесь с обстановкой для выполнения своей миссии. Поскольку сам Дударь, в силу своей «легенды» о глухонемом бо-быле, не может прилично встретить гостя, необходимо подготовить к его визиту Леокадию. К ней он явится под видом племянника. Он пробудет у нее недолго, тем не менее некоторая помощь ему, видимо, окажется необходима. Сам же Дударь обязан встретить агента у места приземления или вызвать его на себя определенным ночным сигналом.

Могилевский все обдумал. Раз «там» известны координаты поселка, то остается только навести на ближний лес. Ориентиром послужит рыбацкий костер — дело безобидное — на берегу реки.

Он встретит гостя и к утру покажет ему дорогу к Леокадии, куда тот явится под видом пассажира из Вильнюса.

Вскоре Дударь получил от резидента краткое одобрение предложенного им варианта и пошел на встречу с дочерью.

Шел он туда не без волнения. Выбрал раннее воскресное утро, когда людей на улицах почти не бывает, подстриг бороду, надел чистую рубаху, подвесил на кукан две солидные щуки и с тем пожаловал к одноэтажному домику. Дверь была заперта изнутри. Постучал. Ответа долго не было, потом без обычного «кто там?» щелкнул откинутый крючок. Болеслав Иосифович осторожно вошел в крохотные сенки — пусто. Заглянул в кухню. Леокадии и там не было. Он отогнул портьеру на двери, ведущей в комнату. Там шторы были задернуты, стоял полумрак.

Она стояла в узорчатом халате, судорожно стянув его на груди. «Испугалась такого страшилища», — подумал Могилевский и молча приподнял в руке рыбу.

Не спуская с него глаз, Леокадия взяла щук, отнесла на кухню, вернулась и вдруг упала на колени, уткнувшись головой в подол его рубахи.

— Тату... родненький тату, пришел все-таки!.. — шептала она исступленно, но без слез и все ловила его пахнущую щуками руку.

...Через пару минут они тихонько сидели рядом на ее кровати и еле слышно шептались.

Да, она давно его узнала. Видела, что он наблюдает за ней. Но раз не подходит, значит, так надо. Значит, нельзя. Но сейчас... сейчас, раз он пришел, значит, всякая опасность миновала и можно не таиться?

— Нет, еще рано, дочка, — покачал кудлатой седеющей головой пан Болеслав. — Но скоро кон-

чатся наши испытания. Пришла и твоя пора помочь в этом.

Он для верности назвал пароль, услышал отзыв и рассказал о деле.

— Племянник? — удивилась Леокадия. — Но вдруг проверят мою биографию? У меня же не было ни сестер, ни братьев, откуда взяться племяннику?

— Двоюродный, — успокоил ее отец. — Был у тебя дядя Григорий, мой брат, у него сын Тадеуш, от него и твой двоюродный... А вот как этого зовут, я пока и сам не знаю. Ничего, отрекомендуется.

— Трудно тебе, татусь! — шептала Леокадия. — Стареешь, живешь в одиночку, как зверь...

— Недолго уже осталось. Да и привык я.

Он осторожно гладил своей чугунной рукой ее волосы.

...Зверем он бывал, когда выполнял установки своих хозяев. Нет, сам он не убивал сельских депутатов и районных финагентов, не вешал в лесу на берегах колхозных избачей и комсомольцев. Год назад он получил задание ликвидировать на страх другим председателя колхозной ревизионной комиссии в одной деревне. Слишком ретиво этот активист стоял на страже общественного добра. В субботний вечер Дударь оказался со своей лодкой у деревенских огородов, спускающихся к реке. Вскоре вылез на берег и стал готовить уху из живых сазанов. На огонек костра подошел сначала один мужичок, за ним появились еще желающие отведать даровой ущицы. Там, где субботняя компания, да еще у костра, без выпивки не обходится. Каждый нес с собой «шклянку» самогона.

Дударь со своей стороны выставил две бутылки магазинной перцовки, что всех привело в вос-

торг. Знаками и мычанием он дал понять, что не видит в компании того самого «ревизионщика». Сходили и за ним. Тот уху похвалил, но пить отказался и даже попрекнул одного уже захмелевшего колхозника (ему глухонемой особенно усердно подливал):

— Ты не из того жита первач выгнал, что ночью спер на току?

В первый раз драку разняли, но обиженный не утихомирился. Дударь влил в него еще один стакан, дождался, когда тот кинулся на своего недруга и незаметно сунул ему в руки увесистое, грязное чугунное грузило для сети.

На следствии после убийства Дударь проходил только свидетелем, причем совершенно незапятнанным. Не было повода упрекнуть его даже в распитии запрещенной самогонки, потому что выставил он к злополучной ухе магазинный товар.

Загадочным было прошлогоднее убийство председателя сельсовета в дальнем углу района, расположенного по течению Немана. По одному ему известному каналу Могилевский узнал, что этого энергичного работника из местных бедняков собираются выдвинуть на ответственную должность в район. Очень подходящий момент, чтобы расхолодить население от участия в работе Советов и доказать, что не дремлют бдительные «подпольщики-мстители».

Был в том селе недавно вернувшийся из заключения мелкий уголовник, отсидевший небольшой срок за кражу. И была у него молодая красивая жена, которая в его отсутствие несколько раз ходила к председателю сельсовета с просьбой походатайствовать о досрочном освобождении муженька. Сразу же по приезде домой тот получил анонимное письмо о шашнях супруги с председателем. Естественно, угостил жену

кулаками, напился пьян и кинулся к «сопернику» выяснять отношения. Это все видели. Видели и кухонный нож в его руке. Когда пытавшиеся догнать его односельчане следом вломились в кабинет председателя, его хозяин был уже мертв.

...Ясно, что о подобных историях Дударь не стал рассказывать. Леокадии. Еще неизвестно, как она отнесется к подобным отцовским подвигам — хотя бы и во имя западной демократии. Не беседовал он с ней двенадцать лет, а только видел, что живет она чистенько, культурно, ни в каких темных, а тем более «мокрых» делах не замешана. Надо ли смущать невинную душу?.. Он поинтересовался ксендзом.

— Общаемся негласно, — коротко ответила Леокадия. — Он знает, кто я, но, безусловно, выдавать меня не в его интересах. А ты с ним знаком?

— Хожу в костел по праздникам. Все ж таки католик. Пусть народ видит, что и я не без креста. Охотнее будут рыбу покупать. Скажи-ка, дочка, как у тебя с деньгами?

— Ну как! Раз наблюдал за мной, мог видеть, что живу на зарплату.

О некоторых подношениях со стороны отца Иеронима она промолчала.

— А оттуда — ни-ни?

— Вот именно. Честно говоря, я уже забывать начинаю...

— Но-но! — Могилевский кинул на нее быстрый взгляд. — Мысли эти выбрось — опасные мысли. Вот возьми-ка. Тут порядочно, надолго хватит. Но трать с умом, чтобы не бросалось в глаза. А теперь пойду, негоже рыбному торговцу засиживаться у одинокой учительницы. Крепись, дольше ждали. Проводи меня на крыльцо и при прохожих выдай полсотни...

Так они и расстались. Пятнадцать минут свидания через двенадцать лет. Когда он ушел, Леокадия заплакала: «Проклятая жизнь!»

ОТКРОВЕНИЯ ПОД ГЕОРГИНАМИ

Варька разыскал участкового на берегу, когда тот вытягивал на песок плоскодонку.

Младший лейтенант как был в нечищенных кирзовых сапогах, так и отправился к подполковнику. Тот поморщился:

— Что, разве уже отпала необходимость маскировать ваши визиты сюда?

— Отпала, товарищ подполковник. Так что этот тип действительно разматывал антенну, и, значит... это самое. Только его уже в поселке нет.

— Докладывайте подробно.

Айвенго доложил о Варфоломее и говорливой бабке Насе.

— Вы сами допросили бабушку?

— Никак нет. Прямо к вам.

— Продолжайте работу в данном направлении, раз уж подключились к нашему профилю. С вашим майором я договорюсь. Деликатно побеседуйте со старушкой. Интересно также, как он здоровался — по-белорусски или по-польски? А может, они и поговорить успели? Если он действительно играет под семинариста, то предпочтет польский. Впрочем, эту деталь мы уточним у преподобного настоятеля костела.

Отец Иероним встретил гостя в дверях кабинета, пахнувшего свежими цветами. Раскланялись они почти изысканно. Повинуясь учтивому жесту хозяина, подполковник, одетый ради важного ви-

зита в элегантный костюм, расположился в массивном сафьяновом кресле. Ксендз уселся напротив в такое же. Был он по-домашнему в легкой чесучовой куртке и изрядно помятых полотняных брюках. Извинился за туалет: сию минуту вернулся из сада, где подрезал георгины. Их пышный букет украшал письменный стол.

— Гражданин Савицкий, — начал гость, — мне, видимо, нет необходимости рекомендоваться?

— Ни малейшей: всякий знает вас в районе. Кстати, поскольку мы беседуем в моем, а не в вашем кабинете, нам, может быть, избежать излишней официальности? Мне, например, известно, что вас зовут Василий Кондратьевич, и если вы позволите...

Подполковник галантно позволил и выразил готовность именовать настоятеля Иеронимом Вацлавовичем. «Если, конечно, вас не будет шокировать такое сугубо мирское обращение».

— Все, что удобно вам, доставит удовольствие и мне. — Ксендз склонил голову в изящном полупоклоне.

«Что все это мне напоминает? — исподволь соображал Василий Кондратьевич. — А! Ну конечно же встречу Чичикова и Манилова. Ну и ну!» Он поскорее перешел к делу.

— Иероним Вацлавович, это ни в коей мере не вопрос, иначе...

— Иначе мы беседовали бы не здесь, — заулыбался хозяин. — Я весь внимание!

— Так вот: не посещал ли вас кто-нибудь на дому в течение вчерашнего утра, дня, ночи, а затем и сегодняшнего утра?

Ксендз недоуменно поднял плечи:

— Но, Василий Кондратьевич, мой дом посещает довольно много людей. Разве что только по ночам я избавлен от визитеров... Если не ошиба-

юсь, уже сегодня приходили шесть или семь человек с просьбами совершить требы: двое крестин, свадьба, похороны и так далее.

— Ну что ж, Иероним Вацлавович, я конкретизирую свой вопрос: не было ли у вас кого-либо из приезжих, то есть иногородних? Допустим, не заходил ли некий симпатичный молодой человек, который...

Ксендз тихонько засмеялся и шутливо погрозил выхоленным пальцем:

— Поистине, ничто не скроется от ока власть предержащих... Мне нечего скрывать. Действительно, не далее как перед обедом навестил меня сегодня юный гость здешних мест, и именно симпатичный. Мы с ним долго и оживленно беседовали.

Такая откровенность несколько обескуражила Василия Кондратьевича. Или у агента железная «легенда», или ксендз действительно не в курсе дела. И почему, собственно, перед обедом?

— Иероним Вацлавович, не сочли бы вы возможным посвятить меня в тему вашей беседы? — сказал Василий Кондратьевич и сморщился от вычурности фразы.

— Почту своим прямым долгом. Именно долгом, потому что я уже подумывал сам навестить вас и разъяснить кое-что лично, дабы в дальнейшем не возникло каких-либо прискорбных недоумений. Одну секунду...

«О чем это он? — раздумывал Василий Кондратьевич, наблюдая, как ксендз роется в бумагах на письменном столе. — Неужели решил-таки заложить визитера из-за кордона?»

— Вот, уважаемый гость! — Ксендз протянул исписанный лист бумаги. — Мы дискутировали с юным оппонентом о содержании моей последней проповеди в храме. Вернее, о ее латинской части. Его, видите ли, насторожила якобы име-

ющаяся некоторая тенденциозность в отношении вашего покорного слуги к существующему порядку. Больше того, он позволил себе усомниться в моей приверженности к делу мира. Так вот, вы, пожалуйста, прочитайте перевод, а потом я в меру своих скромных способностей постараюсь кое-что разъяснить,

Что за дьявольщина! Кто поверит, будто агент с радиопередатчиком явился ради рецензирования проповедей какого-то провинциального попа! Но прочесть надо... Гм, действительно звучит не в унисон с веяниями времени, хотя это не новость и ксендз уже предупреждался. Тогда он, помнится, заявил, что цитата из Писания апостола Павла «возлюби осла своего и виноградник свой» отнюдь не означает призыв тормозить обобществление в колхозах земли и тягловой силы. Просто это было напоминание о необходимости бережно относиться к сельскохозяйственному имуществу. Интересно, а что сейчас собирается сказать проповедник вот насчет хотя бы этой самой «бэллум омниум» — всемирной войны?

Отец Иероним обратился к гостю с маленькой, но проникновенной речью. Конечно, запальчивость юного оппонента понять можно: в тексте встречается некоторое количество воинственных слов. Но (тут ксендз молитвенно воздел руки) — аудиатур эт альтера парс — пусть будет выслушана и другая сторона, то есть он.

В Корее война идет? Коварный империализм угрожает мирным пашням? Безусловно. Как же можно усыплять людей пацифистским сюсюканьем? Пусть гневные, пусть даже излишне (он допускает!) воинственные слова громом падут на головы генерала Эйзенхауэра и его агрессивных приспешников. Другой направленности эти слова отнюдь не имеют. Нельзя столь односторонне, прими-

тивно и, он бы с прискорбием сказал, заведомо недружелюбно толковать слова проповеди, как это сделал сегодня его недавний гость лишь потому, что настоятель костела не принадлежит к большевистской партии и лагерю атеистов. О молодость, молодость! О юный максимализм!..

«Вывернулся, иезуит, — почти весело подумал Василий Кондратьевич. — Однако чего это он сконцентрировался на проповеди? Хочет отвлечь меня от главного вопроса?»

Но отец Иероним еще не исчерпал тему. Он вдруг оставил патетический тон, понюхал георгины, поглубже уселся в кресло и почти интимно продолжил:

— Теперь позволю себе сказать самое главное и при этом надеюсь на вашу скромность. Итак, я человек, и ничто человеческое мне не чуждо — «хомо сум...» и так далее — не буду надоедать вам латынью. Так вот: в жизни я боюсь двух вещей — зубной боли и неудовольствия начальства. Его опала более опасна, чем даже гнев Господень, потому что реально осязаема. Вам, разумеется, известно, чего хочет от восточных священнослужителей папский престол: быть в оппозиции к Советской власти и призывать к тому же мирян. Я рискую быть циничным, но вынужден сказать: если и допускаю в проповедях некоторые... гм... заостренные грани, то с единственной целью уболаготворить начальство. Посылаю в округ для отчета желательные тексты, и мной в духовных верхах довольны. Но для вас — для вас! — все эти речи ни на гран не опасны хотя бы уже потому, что произносятся они по-латыни, которой никто из прихожан не знает. Это своего рода бутафория, мистификация, инсценировка — называйте как хотите. Вот сейчас я высказался полностью и весьма вам признателен за терпение.

Действительно, это было порядочное испытание терпения Василия Кондратьевича. Ему-то был известен «актив» ксендза, снабжаемый из костела переводами проповедей. Ну да дьявол с ним и с его верой в наивность собеседника. Хуже, что время уходит, а ничего не прояснилось насчет загадочного посетителя.

— Ну хорошо. Иероним Вацлавович, это предмет для другого разговора. Вернемся к молодому человеку. Вы снабдили его чем-нибудь?

Ксендз изумленно поднял брови:

— Зачем? Он ничего не просил. Думается, ничего бы и не взял...

— Даже так? А куда он от вас пошел?

— Полагаю, обедать. К своему брату, секретарю райкома партии Дмитрию Петровичу Вершинину.

...Их прощание опять-таки было выдержано в гоголевских тонах. Но чего это стоило Василию Кондратьевичу!

ВЫКУПАЛСЯ — ПОБОЛТАЙ...

— О, Алексей! День добрый!

— Салют звеньевому!

Обменявшись теплыми приветствиями прямо посреди площади, старые друзья пару минут награждали друг друга нежными шлепками: Варьке попало по макушке, Алексею — по животу. Затем они обменялись информацией: выяснили, что Варфоломей идет куда глаза глядят, Алексей же — от ксендза.

— Иш-шо чего! — приоткрыл рот Варька.

— Вот так, дружище. И потому чувствую себя несколько липким. Ты не покажешь мне ближнее место для купания?

Место оказалось отличное: чистейший пляжный песочек, а рядом травка, чтобы обтереть ноги. Глубина — какая душе угодно: шагов двадцать — до пупка, а там и с маковкой. Алексей продемонстрировал кроль, а Варька мощные саженьки, причем от напарника почти не отставал. Только дольше отдувался на берегу.

— Силен, — похвалил его Алексей. — Ладно, научу тебя кролю. А чего ты вдруг бездельничаешь? Вроде на тебя не похоже.

Варфоломей сказал, что сегодня провернул уже кучу дел: притащил сестре трех язей, доставил с хлопцами обед на поле, помог Айвенго вытащить лодку, сбегал на полустанок. И даже пообедал. А сейчас — на распутье, поскольку конкретной работы пока не видит. Но думает, что до вечера она еще найдется. Была бы шея, а хомут...

— А что ты делал на вокзале?

Варька покряхтел на песке. Дело в том, что Айвенго просил его покрутиться на станции и посмотреть, не появится ли там субъект в остроносых туфлях и отутюженных брючках. По мнению участкового, вышеупомянутый субъект должен был купить билет до Гродно (а потом прыгнуть на какой-нибудь мелкой станции, чтобы затеряться). Варька колебался. Пора или не пора посвящать Алексея в тайные дела? Прямого запрета на этот счет от Айвенго не поступало. Хотя и разрешения тоже. С другой стороны, Алексей не новичок в подобных вещах: историю с бандой Бородатого помнят здесь до сих пор. С третьей стороны...

— Сам-то не говоришь, зачем ходил к ксендзу...

Алексей тоже закряхтел. Не иначе сам сатана его соблазнил на этот идиотский поход. На любой гневный и, казалось бы, неоспоримый аргумент Алексея ксендз находил два-три возражения, смягчая их витиеватостью речи. Пока Алексей

искал в густом тумане вычурных фраз заведомо логическую ошибку собеседника, тот окутывал его новым облаком софизмов. Наконец Алексей решил разрубить всю эту паутину ставшего бесцельным спора прямым, как гвоздь, утверждением: «Все равно вы классовый враг Советской власти!» На что получил снисходительный ответ: «Как видите, и ваши доводы противоречивы: вы же недавно утверждали, что классовая борьба в стране больше не имеет места. И кроме того, будь я врагом, то, наверное, не благоденствовал бы в здешних умеренных широтах».

Ушел Алексей взбешенным. Соня права: кавалерийским наскоком не обойдешься. Но и не опускать же руки! Волго-Дон строим, университет высотный, а тут действуем точь-в-точь на манер бессмертного Остапа Бендера с его безапелляционным доводом: «Бога нет!» Ладно, там Великий комбинатор боролся за единственную душу шофера «Антилопы-гну», а здесь сколько душ?

Алексей снова побряхтел на песке. Еще неизвестно, как Дмитрий отнесется к его самодеятельной антиклерикальной акции. Сказано ведь было — не ввязывайся...

— К ксендзу я ходил, видимо, за сплошными неприятностями, — мрачно ответил Алексей на вопрос Варфоломея.

— Во-во! Только беду и наживешь. Я раз на минутку заскочил в костел, так меня два часа песочили на сборе.

Алексей об этом уже знал из Сониного рассказа. Но не все знал. Когда Варька упустил зловредного хуторского Стефку, он с досады плюнул. И сразу угодил в цепкие лапы костельного старосты. В одной руке староста нес не проданные за обедню свечи, а другой скрутил Варькин воротник.

— В Божьем храме плюешь, бахур! А ну, пошли...

Он повлек Варьку в костельную пристройку — притвор, где ксендз переоблачался после службы. Пастырь был не один. Прислонившись к мозаичному окну, стоял глухонемой Дударь. Они о чем-то разговаривали за дверью. Это Варфоломей отчетливо слышал, когда староста пихнул его через порог.

— Вот, пан ксендж! Это хамово отродье плевалось в стенах святого костела. Пусть его отец поучит вожжами своего пащенка.

Ксендз оглядел Варьку и брезгливо сказал:

— Ты стареешь, пан староста. Он же из семьи схизматиков. Православных. Это Мойсенович. Простим недомыслие отроческое... Отпусти его с молитвой.

Варфоломей получил молитвенное напутствие в виде подзатыльника и вылетел наружу. Перебирая в памяти все происшедшее, он вдруг вспомнил о разговоре за дверями притвора. Да, там слышался не только мягкий голос ксендза, но и другой — бас!

Ци-и-каво!¹

Сейчас он спросил у Алексея:

— Скажи, глухонемые могут разговаривать?

— Между собой — да. Знаками.

— Никакими не знаками, а басом. Могут? Хотя бы иногда? Вдруг у них такое время бывает: вылечивается голос. А потом он опять немой.

— Не говори чепуху... В чем, собственно, дело?

И тут Варфоломея прорвало. Начав рассказ с костельного притвора, он переключился на фигуру Дударя вообще и его роль в обнаружении высокопородистых червей, а затем и загадочного

¹ Интересно! (белорус.)

ящика. После этого в повествование вполне закономерно вклинилась бабка Настя с ее свидетельством о ящике в саквояже у юного прохожего. В связи с саквояжем упомянуты были исчезнувшая желтая сумка, а также остроносые туфли, в поисках которых Варька гонял на полустанок, а потом докладывал участковому о неудаче.

Так Варька волей-неволей ответил на вопрос Алексея, зачем бегал на вокзал.

Алексея заинтересовал Айвенго:

— А Квентина Дорварда нет в вашем экзотическом краю? Ты что же, в ординарцах ходишь у этого рыцаря без страха и упрека?

На столь звучную должность Варфоломей не претендовал.

— Н-не. Мы просто дружим. Как с тобой. Хоть он и старый.

— Ну, мерси за лестную аналогию. А теперь скажи: все эти туфли, ящики и сумки не имеют роковой связи с закордонным самолетом?

Варька широко раскрыл рот, поскольку о самолете слыхом не слыхал. «Ага, — сообразил Алексей, — полного милицейского доверия парень еще не удостоился. А меня, кажется, уже тянет окунуть башку в эту коловерть без опознавательных знаков».

— Познакомил бы ты меня, Варфоломей, со своим мэтром.

— С Айвенго! Гы-ы, это вставать надо же до зари. Только так и поймаешь его на берегу. Да и то если не с севера ветер. Когда северный, рыба не клюет. Тогда он дома книжки читает. Какую-то... крем-налист... Не выговорю. — Потом подумал и добавил: — Ладно, познакомлю. Может, даже сегодня, хотя тут секретное дело.

Алексей улыбнулся: опять секреты! Варфоломей обиделся на улыбку: не на весь же свет

орать, если Айвенго и ему прямо не сказал, что пойдет вечером на разъезд, а только осторожно спросил: «Слушай, друг, ты был на полустанке. Там сразу за кассой стоял стожок сена. Не заметил, есть он или уже свезли?»

Варька все заметил: стог стоял на месте.

СКИПИДАР ПРОТИВ СНОБИЗМА

— Итак, резвимся. Дон-ки-хот-ству-ем... — Дмитрий разделял слога глотками кофе. — С поднятым забралом на штурм ци-та-дели Ватикана. Белый флаг капитуляции с собой увезешь или нам от щедрот своих пожертвуешь — сирым и убогим?

Издеваться старший брат умел. Это Алексей знал с детства. Только до конца никогда не мог понять: злился Дмитрий или просто насмехался. Сейчас он, кажется, делал то и другое. Он язвительно поведал о приходе в райком Василия Кондратьевича. Тот вежливо поздравил секретаря с приездом в гости младшего братца, мимоходом поинтересовался его жизненными устремлениями, а потом напрямик заявил: «Знаете, ваш младшенький мне сегодня довольно коварно перебежал дорогу». И рассказал о своем randevu с ксендзом. «Понимаете, ваш расторопный братец едва не сбил меня с правильного следа...»

— Не икнулось? — поинтересовался у брата Дмитрий Петрович. И взмолился: — Ну что, на канат привязывать тебя? Где ты раздобыл эту сволочную проповедь?

На кухне Соня предупреждающе грохнула посудой.

— Не сигнализируй! — повысил голос Дмитрий. — Жуть как трудно догадаться, что тут не

обошлось без моей любезной женушки. Вы что, втроем решили меня доконать?

— Почему втроем? — возникла в дверях Соня.

— А как же! Лялька меня утром гладит по затылку: «Папочка, ты райкомщик? Бедненький, нелегкая у тебя жизнь!..» Чьи это слова, филантропы чертовы?

Но сделанного не поправишь. Да в конце концов, Алексей теперь не очень раскаивался в посещении ксендза. Конечно, это был не штурм, но все-таки сигнальный выстрел. Сейчас его интересовало другое: как отправиться на вечернюю прогулку с Варфоломеем. После случившегося он вроде бы снова почувствовал себя перед старшим братом несовершеннолетним. Однако никто его удерживать не собирался. Дмитрий и Соня шли в кино и по дороге хотели завести Ляльку к Люде-капитанше.

— Пусть со мной останется, — сдвuruшничал Алексей.

— На двадцатом году жизни летние вечера не проводят с младенцами, — сказала Соня. — Но может быть, ты с нами пойдешь в кино?

— Интересно ему ходить туда с женатиками, — хмыкнул Дмитрий. — Он с другими пойдет... Куда, кстати?

— Н-ну, мы погуляем, — неопределенно ответил Алексей.

— Вот-вот, он погуляет, — пробурчал Дмитрий. — Будет наблюдать мигающие и падающие августовские звезды. А не упадет ли в очередной раз на его голову что-нибудь потяжелее, поскольку данный мыслящий объект фатально притягивает на себя из макромира самые, пардон, дерьмовые булыжники?

— Ми-тя-а-а! — укоризненно протянула жена.

Алексей посидел в одиночестве и решил никуда не идти: настроение было испорчено. Но Варфоломей такой категории душевного состояния еще не знал. Для него всякая договоренность была непреложным законом. В полдевятого он появился под окнами Вершининых.

— Ну чего ты! Не пускают? Меня и то Прасковья отпустила.

— Да?! — удивился Алексей. — А что она делает?

— Она, по-моему, злится. Ну, что мы ее не позвали с собой.

Они все-таки ее позвали. И опять той же троицей, как было давным-давно, отправились на прогулку. Только на этот раз Варфоломей был флагманом, а не плелся в хвосте. Сумерки в лесу сгущаются быстро, и он спешил показать Алексею как можно больше интересного. Вот отсюда начинается полоса подсочки: из сосновых стволов добывается смола-живица и идет на смолокуренный завод, к брату Ивану. У одной из сосен под широкой насечкой в виде оперения гигантской стрелы Варька отколупнул жестяную воронку, полную застывшей янтарной массы, и поднес Алексею. При этом он сообщил, что такие сосуды укреплены на деревьях в количестве 3772. Ни больше ни меньше. Он сам считал. Зачем? А для математики. Ё каждой воронке бывает по 250—300 граммов смолы. Значит, только с этой делянки колхозный завод получит больше тонны сырья.

Конечно, для Алексея сбор живицы не был новостью: подсочку он встречал в тайге нередко. Но всегда равнодушно проходил мимо. Зачем ему смола? А хозяйственный хлопец Варфоло-

мем посвятил его в некоторые детали применения живицы. Скипидар он знает? По запаху только? Э-э, без скипидара и сапожной ваксы не сделаешь. Хорошая краска и лак без него тоже не бывают. Говорят, и доктора его употребляют на мази и еще что-то. Но главное — без него в хозяйстве не обойтись.

Тут вмешалась Паша и добавила, что скипидар используют даже в парфюмерии. Алексей удивился: с такой-то вонью? Он удивился еще больше, когда услышал от девушки краткую лекцию о том, что из скипидара добывают душистое вещество терпинол, если он, конечно, богат пиненом, но для этого ни в коем случае не годится сульфатный скипидар, потому что содержит меркаптаны, от чего действительно происходит очень неприятный запах, но живичный скипидар с его плотностью 860 граммов в кубическом сантиметре при 20 градусах Цельсия и при показателе лучепреломления 1,475...

Алексей только поматывал головой. От скипидара Паша легко перешла к канифоли и бальзамам, шеллаку, янтарю, а также ладану, который издревле употребляется при религиозных обрядах. При последнем сообщении Алексей особенно энергично потряс головой и довольно бесцеремонно перебил девушку:

— Вполне-вполне удовлетворен и чувствую, что насквозь пропах ароматом скипидара. Но скажи ты мне, Христа ради, откуда у тебя столь обширные познания в этой... смолологии?

Паша укоризненно взглянула на него и отвернулась:

— Тут не смола... Просто химия мой любимый предмет. Ты вот даже не поинтересовался, где я думаю учиться дальше. А я поступаю на заочное в менделеевский химико-технологичес-

кий. Экзамены сдала, жду вызова на установочную сессию.

...Н-да! Алексей ощутил, что его этак деликатно, исподволь щелкают по носу и сбивают основательный налет снобизма. И он загрустил: поедет в Москву... без меня... такая-то купринская Олеся.

И тут же выругал себя за несообразность аналогии: ускакала она от патриархальной Олеси. Однако другого литературного образа подобрать не мог. Ни на кого и ни на что не была похожа эта девушка. Какая-то каждую минуту неожиданная.

Но Паша была просто Паша.

— Лешенька, — шепнула она, — ты на что-то обиделся?

Он тихонько вздохнул и осторожно обнял ее за плечи. Она не отклонилась. А Варфоломей ничего не видел. Он умчался вперед к открывшейся вдруг большой поляне, к поблескивающим при свете звезд накатанным рельсам, к крохотному станционному домику лесного разъезда.

Он искал глазами своего друга Айвенго, чтобы познакомить его со своим вторым другом — Алексеем. Но участкового не увидел.

«НЕЛЬЗЯ ЛИ ДЛЯ ПРОГУЛОК...»

Увидеть его было невозможно, разве что услышать, потому что младший лейтенант лежал в стоге сена и ругался. Негромко, но внятно. На сочном партизанском диалекте он шепотом излагал все, что думает по поводу появления на разъезде милой компании. Особенно возмутил его легкомысленный вид пижона, обнимавшего Варькину сестру. Негодование вызывал и сам Варфоломей, надежно усевшийся на скамейку у дощатой кас-

сы. Участковый понял, что именно он приволок сюда парочку, так как ясно расслышал безмятежное заявление парнишки:

— Ничего, он обязательно появится, тогда познакомлю.

«Не иначе, меня ищет, — догадался Айвенго. — Но как догадался, что я пойду на разъезд? А! Сам же я ему сболтнул что-то про сено. Не хватало, чтобы он в стогу рыться начал».

Варька словно читал мысли участкового.

— Вообще-то я почти что знаю, где он, но раз сам не идет, значит, так надо.

«Спасибо и за это, помощничек», — прокомментировал Айвенго и обрадовался, увидев, что из кассы вышел широкоплечий молодой человек и направился к компании.

Был он постарше Алексея, но одного с ним роста и одет почти так же — в легком летнем костюме и пестрой тенниске. Он радушно улыбнулся студенту и предложил ему пройти по маленькому перрону. Алексей с легкой тревогой взглянул на Пашу, но девушка спокойно кивнула — она знала этого человека. Издали она видела, как собеседники предъявили друг другу какие-то книжицы, обменялись несколькими фразами и вернулись к кассе. Широкоплечий снова скрылся внутри, Алексей же довольно мрачно поглядел ему вслед, взял Пашу под руку, а Варфоломея за воротник и повлек их обратно к лесу.

— Нам только что популярно разъяснили, — сказал он, — что вечерний перрон — не лучшее место для праздных прогулок. Предлагаю вернуться через этот угрюмый бор под безмятежный свет электрофонарей райцентра и финишировать у танцплощадки. Танцевать не люблю, но там, говорят, бывает пиво.

Паша отнеслась к происшедшему с тихим удовольствием:

— Ну, действительно, чего нам тут делать-то? В лесу лучше.

Лес никогда не был для нее угрюмым, как и для Варьки. Но Варфоломей реагировал на уход с полустанка по-другому:

— Был бы Айвенго, он показал бы, как нас гонять. Что, поглядеть нельзя, как шпионов арестовывают?

— Варфоломей, ты не бредишь? — обеспокоилась Паша. — Знаешь, Леша, он по ночам все бормочет, какого-то Штюбинга ловит, фрейлейн Терезу вспоминает... Я понимаю, что возраст у него такой, но уж больно он впечатлительный. Ему лучше бы читать побольше, а он все кино про шпионов норовит поглядеть... Плохая из меня получается учительница, если не могу родного брата...

На этот раз Алексей слушал ее невнимательно. Варфоломей прав: их удалили с полустанка даром.

— Слушай, друг, где все-таки твой Айвенго?

— В сене. Был. Это точно, он сам про стожок спрашивал. А сейчас не знаю — поезд-то уже пришел и ушел.

Да, из-за темных деревьев пару минут назад отчетливо прозвучал короткий гудок паровоза, а потом появилось над кронами сосен облако светлого дыма. Значит, если и случилось на станции что-то интересное, то все уже в прошлом.

Они не спеша продолжали путь по рыхлой гравийной дороге, вскоре сзади слышался хруст щебенки: в поселок торопились пассажиры, сошедшие с поезда. Обогнала тетка с двумя сумками через плечо и белеющей на шее связкой баранок — такие в райцентре не выпекали, возили из

города. Прошли парень с девушкой в обнимку — Паша деликатно отвернулась. Торопливо прошагал высокий мужик с чемоданчиком, в кителе без погон и в блестящих при луне сапогах. За ним двигался по обочине дороги Айвенго. В неизменной ковбойке и тоже в сапогах, только не в блестящих.

Варфоломей толкнул Алексея в бок и рванулся было к своему другу. Алексей инстинктивно задержал его. И тут ему показалось, что участковый на мгновение благодарно улыбнулся.

А вскоре проехал на велосипеде тот самый широкоплечий. Он словно на прогулке медленно крутил педали и легонько насвистывал «Прекрасную маркизу». Все четверо одновременно поравнялись со стреловидной табличкой на столбе, указывающей влево: «Красовщина — 8 км». Велосипедист туда и свернул, помахав компании рукой. Будто знакомым.

Не успели они отойти от указателя сотни шагов, как сзади, со стороны красовщинского свертка, раздался приглушенный крик: «Студент! Вершинин! Давай сюда, быстро!»

Алексея звали одного, но побежали все трое. Метрах в ста от поворота поблескивал под луной брошенный на дороге велосипед. Его хозяин в кювете приподнимал за плечи другого человека. Младшего лейтенанта милиции Айсидора Венедиктовича Горакозу.

Часть вторая

Луна запуталась в облаках, радостно выскочила из них, посветила мимоходом на крыши вагонов мчавшегося поезда и снова ушла в тучу... По обе стороны железнодорожного полотна притаились двое. Слева, на склоне насыпи, медведь обирал позднюю землянику, находя ягоды по запаху. Он уже научился не бояться грохота поездов, знал, что от них, кроме шума и вони, вреда не будет.

Справа от насыпи скорчился в кустах человек. Минуту назад он спрыгнул с тормозной площадки заднего вагона и сейчас ощупывал ногу, которая побаливала. «Просто легкое растяжение», — подумал он. Однако резкая боль заставила охнуть и сесть. В ответ за рельсами испуганно рывкнул медведь. Человек быстро побежал на четвереньках в сторону болота, пытаясь на ходу достать что-то из-за пазухи. Медведь короткими скачками умчался в лес.

ОСОБНЯК С ПОДЗЕМЕЛЬЕМ

Когда участкового перевязали рукавом белой Пашиной кофточки и широкоплечий умчался искать машину, Варфоломей всхлипнул:

— Ага, вот ты и познакомился с Айвенго. Лучше бы не знакомиться... Он живой?

Он был живой, но лежал совсем тихо. Без сознания. Его сильно ударили сзади по затылку. Наверное, проломили череп. Кровь уже не шла из-под повязки, но и так ее натекло много на ковбойку и на руки всех, кто ему помогал. Паша тряслась мелкой дрожью, прижавшись к сосне. Алексей в ужасе думал о том, что смерть может наступить раньше, чем придет машина. Варька продолжал всхлипывать и вдруг начал икать. Паша прижала к себе его голову и стала дуть ему в темя, как поступают в подобных случаях с младенцами.

Машина приехала довольно быстро. Это был фургон «Скорой помощи», и все поместились в нем. Алексей с изумлением поглядел на майора милиции, который всхлипывал почти как Варька. Мрачно смотрел в окошечко подполковник с синими просветами на погонах. Женщина-врач поддерживала голову Айвенго, которого положили на носилки вниз лицом. Паша так и не могла унять дрожь. Варфоломей ехал в кабине.

У окраины поселка автобус притормозил, видимо, шофер знал, где живут Мойсеновичи. Вместе с Пашей вылез Алексей. Подполковник не очень дружелюбно спросил:

— А вам куда? Насколько я знаю, Вершинины дальше живут.

Алексей ничего не ответил. Не мог он в таком виде являться к Мите, Соне и Ляльке: брюки, тенниска, руки — все в засохшей крови.

Дома Паша вскипятила на керогазе большую кастрюлю воды, напоила сначала Варфоломея чаем с какими-то листьями и непрерываемо командовала — спать. А он и так уже спал за столом.

Потом Паша поливала Алексею во дворе на руки и голову, снова грела воду, застирывала его одежду, а он сидел на крыльце в старых брюках и наброшенном пиджаке Ивана. Глядел в темную августовскую ночь. «Ничего себе — тихая ночка!..»

За калиткой слышались шаги и нарочитый кашель. Алексей узнал Дмитрия. Встал, подошел к брату со смешанным чувством вины и готовности обороняться. Но Дмитрий не думал его упрекать. Тихонько проговорил:

— Он в сознание приходил. Ненадолго. Говорит, что ударил его тот, за которым он шел. Спрятался после поворота, пропустил мимо и ударил. Выходит, знал, что милиционер. В кителе, говорит, какой-то...

— И с чемоданом, — добавил Алексей. — Видели мы его, нас он тоже обогнал. Почему его сразу на разъезде не взяли?

— Спрашивал я об этом подполковника. Говорит, что рано было брать. Хотели узнать, зачем он идет в Красовщину.

Алексей горько усмехнулся:

— Вот и проследили. Ищи ветра в поле.

— Да нет, дальше на дороге имеется еще один товарищ...

Алексей попросил у брата закурить. Тот удивился: сроду не видел Алешку курящим. Но сигарету вынул.

— Что, нервы?

— Есть немножко, — признался младший. — В самом деле, на мне словно тавро какое-то... Ну, если тебе уже все рассказали, то скажи, зачем там был этот... с велосипедом? Нас выгонять с перрона?

— Не дури. Лейтенант Харламов — один из лучших здесь оперативников. Между прочим, сын того бывшего майора, из Гродно.

— То-то мне фамилия в удостоверении показалась знакомой.

— Он должен был страховать участкового. На какую-то минуту опоздал свернуть на ту дорогу... Сейчас как мальчишка ревет в больнице.

— Лешенька, ты где? — испуганно крикнула с крыльца Паша. — Все готово, иди переодевайся.

Дмитрий Петрович протянул брату ключ:

— Кончай свои дела и иди домой. Не звони, чтобы женщин не будить.

— Соня здорово волнуется?

— Ничуть она не волнуется, раз передали, что ты здесь сошел. Только и сказала: «Правильно, не оставлять же ему после всего Пашу и Варьку одних». Вот так-то. Завтра, то есть уже сегодня, мы с тобой в Гродно прокатимся. Мне в обком надо, а ты — куда там хочешь. Так что торопись выспаться.

У Алексея полгоры с плеч свалилось после разговора с братом. Он передал этот разговор Паше. Она тоже взбодрилась:

— Главное, что живой, а врачи у нас хорошие. Знаешь, он такой одинокий, живет службой да мальчишками. Варьке вроде отца... Леша, ты умеешь яблоки чистить? Я хочу ему приготовить сок, утром отнесу в больницу. Больше-то ничего, наверное, не примут. А спать все равно не хочется.

Не хватило духа у Алексея сказать ей о наказе брата. Он достал перочинный нож и принялся за яблоки, а Паша орудовала теркой...

Варька спал беззвучно, только пальцы на откинутой руке все разжимались и сжимались. Разжимались и снова сжимались плотно-плотно. Кому-то крепко грозил Варфоломей ободренным кулачком.

«Грустно ему завтра будет, — подумал Алексей. — Развеять бы парнишку. Что, если попросить Митю взять его тоже прокатиться в Гродно?»

«Победа» промчалась по заречной улице Пограничников, миновала мост через Неман и остановилась на углу Советской и Замковой. Дмитрий Петрович сказал:

— Мне отсюда до обкома два шага, а вас, ребята, водитель отвезет на квартиру к Голубу. Там и встретимся вечером. Ну, скажем, в шесть часов. День у вас свободный. Не забыл, Женя, где живет подполковник Голуб?

Чубатый шофер Женя снисходительно процедил:

— Чего тут забывать. Не такое помним...

— Ну-ну... Сразу вернешься к обкому, ясно?

— Чего тут неясно. Вернемся.

Еще через пять минут машина затормозила на зеленой и тихой улице Лермонтова. Здесь стояли двухэтажные коттеджи. У того, к которому подъехали, наверху была раскрыта дверь балкона. На балконе сидел в кресле-качалке мальчик лет четырех. Он увидел вышедших из машины и крикнул внутрь квартиры:

— Мама, мы туда не поедem, он сам приехал!..

Алексей узнал шустрого Мирослава. Сразу же выглянула Татьяна Григорьевна:

— О господи! Без предупреждения! Антон, гости!

Появилась мужская физиономия с усами. После короткого рассматривания приехавших Антон Сергеевич Голуб сообщил:

— Спускаться я не буду, потому что в пижаме. Отпуск завершаю. Шагайте вон по этой боковой лестнице, тут такая дурацкая архитектура.

По жидким ступенькам гости поднялись на второй этаж. Варфоломей сразу оробел при виде большого цветастого ковра на полу. Однако вскоре робость прошла. Когда Алексею было сказано хозяином, что «ни в жисть бы тебя не признал», а тот отрекомендовал Варьку как родного брата Ивана Мойсеновича, Антон Сергеевич сказал:

— Ты, хлопец, со своего старшого и бери пример. Ванька сроду не спасует ни перед какими коврами. Он в сорок четвертом добрался до самого Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко, начальника всех белорусских партизан. Тот уже первым секретарем ЦК был в Минске, а ковры там, думаю, побольше этого. Так наш Иван протопал по ним мимо всех помощников и секретарш и предстал, как был, в прожженной телогрейке перед очами нашего дорогого партизанского генерала. Спросите, по какой надобности? А кровно оскорбился, что его друга забыли внести в наградной список.

Попутно гости узнали, что смутивший сельского хлопца ковер — всего лишь лотерейный выигрыш Славки. («На милицейскую зарплату разве купишь, а Мирослав потянул однажды в парке билетик на счастье — и на тебе!»)

Далее гости еще узнали, что в свой отпуск Антон Сергеевич с семейством собирается навестить Ивана и Соню с Дмитрием, да вот приболел, а между тем есть там у него коллега, младший лейтенант Горакоза, великий рыболов, и звал он Антона голавлей ловить на рассвете, гарантировал дюжину рыбин за полчаса.

Варфоломей взглянул на Алексея: говорить — нет? Тот пожал плечами: наверное, говорить, в милиции не слабонервные служат...

— Антон Сергеевич, — насупился Варька. — Айвенго подождать придется с голавлями. В больнице он. Раненный.

Выслушав рассказ о вчерашнем происшествии, Голуб печально посвистел:

— Ну, дела там у вас... Значит, тем более поеду. Сейчас уже в командировку. Не поймали, выходит, того уголовника?

Алексей осторожно сказал:

— Вероятно, там не просто уголовщина. Впрочем, я не уполномочен. Митя приедет, он расскажет.

— Так-так. Понятно. — И долго не возвращалось к Антону Сергеевичу хорошее настроение.

Алексей любовался цветной фотографией бравого воздушного десантника, узнал Михася по упрямому квадратному лбу под пилоткой и с удовольствием выслушал сообщение Татьяны Григорьевны, что возможен скорый приезд приемного сына во внеочередной отпуск.

— Да-да, — рассеянно подтвердил отец. — От командования части пришло письмо с благодарностью. Что-то учудил в небесах Михась. Кажется, принял на свой парашют другого солдата; у того не раскрылся этот чертов зонтик. Не люблю я их профессию. За миллион не полезу на облака.

— Вы ему не верьте! — возмутился Мирослав. — Он сам прыгал. Или ты врал, папка?

Антон Сергеевич прикрыл ладонью рот сынишки.

— Нельзя так отцу говорить. Не столько я прыгал, сколько меня спихнули без всякой церемонии. Костры, видишь ли, появились под крылом. Ну и штурман меня, мягко говоря, в поясницу... без предупреждения... А может, я хотел «Отче наш» прочитать перед этим? Не шутейное дело — скакать в темноту вниз головой, а потом целый километр болтаться на каких-то веревочках. Нет, я уж лучше по матушке-земле...

Алексей подумал, что для него сейчас удачный момент тоже пройтись по матушке-земле, то есть по улицам города. До обеда явно далековато. Хозяева не стали его удерживать.

— Варфоломей, пойдешь со мной?

— А то нет!

Перед уходом Алексей поинтересовался: не встречался ли Михась до ухода в армию с неким Станиславом Мигурским, здешним пареньком, их ровесником? И что вообще о таком известно? В редких письмах Алексею Михась только два раза упомянул о Стасе: выздоровел, учится, живет там же.

Антон Сергеевич поразмышлял:

— Вообще-то к Михасю заходило много дружков, но Мигурского я не помню. Хотя фамилия мне известна. А! Однажды Михась рассказывал, что катался с ним на пароходе. А почему именно на пароходе — не знаю.

Они вернулись в городской центр, прошли мимо костелов на площади, и многое Алексей здесь не узнал. На высоком берегу стояли многоэтажные корпуса каких-то предприятий, еще в строительных лесах. Прохожий сообщил: сооружают камвольный комбинат.

— Что это такое — камвольный? — спросил Варфоломей.

— Материю будут делать. Для костюмов и пальто, — пояснил Алексей, а сам впился глазами в Замковую гору, где было пережито довольно жуткое приключение с парикмахером Петуховским.

Надо бы и в музей зайти, — интересно, жив ли тот милый старичок экскурсовод, — но маловато времени. Ему все-таки хотелось разузнать о Стасике.

Снова прошагали мост, за рекой Алексей без труда нашел улицу, где стоял бывший особнячок Шпилевских.

— Знаешь, Варфоломей, в этом дворе, вон под тем сарайчиком, есть тайное подземелье. А от него идет подземный ход.

— Что я — маленький? — шмыгнул носом Варька. — Сказки из кино рассказываешь...

— А вот и не сказки, — воодушевился Алексей, но вдруг замолк.

Из дому вышел и направился по дорожке к калитке худощавый невысокий парень в тельняшке и необъятных брюках клеш. Он на ходу что-то дожевывал и потому обратился к пришельцам так:

— Гам гого?

Алексей прищурился. Голос, конечно, не тот — мужественный голос. Усиков тогда тоже, конечно, не было. Но глаза-то годам не подчиняются. Вот они, те самые, карие и мохнатые.

Алексей скорчил свирепую рожу:

— Гам не гого, а возвращай раков, которых добрые люди тебе одолжили в больнице. Ишь исцелился, усы завел... Может, и «Яблочко» пляшешь?

...Варька решил, что назревает драка. Алексей и неизвестный матрос сшиблись в жестоком объятии. Варфоломей тоскливо оглянулся на пустынную улицу: сам-то не разнимет этих дубин, но тут услышал почти всхлипывающее:

— Лешка, дружище, какими судьбами?!

— Здорово, морской чертушка. Ты и вправду, Стаська, здоров?

Варька всмотрелся в эту сцену, плюнул и бесцеремонно отправился во двор поглядеть на таинственный сарай с подземельем. Пока эти будут там по-девчоночьи обниматься...

Они больше не обнимались, а просто не могли наговориться. Сейчас им казалось, что месяц, который они прожили вместе шесть лет назад, был целой эпохой в их жизни. Уму непостижимо, сколько событий тогда вместилось в тридцать дней.

Потом Станислав рассказал, что второй год после школы работает.

— Здоров-то я здоров, но в армию все-таки не берут пока. Пошел в пароходство: спрашиваю, нужны вам городские чемпионы по плаванию? Отвечают, что им нужны чемпионы палубу драить и на вахте ночью торчать, когда лесовоз через мели идет. В общем, поступил матросом. Доволен. Главное, что при Немане. Ну и заработок — дай боже. Мотоцикл купил, женился.

Алексей, как маленький, раскрыл рот. В сознании не укладывалось, что недавний хрупкий Стасик — уже семьянин. Сам-то он смотрит на такое дело как на весьма отдаленное.

— А чего такого? Мне же двадцать первый, я, помнится, постарше тебя на годок. Маму схоронил, подрезала ее война. Ну и надоело болтаться неприкаянному.

— Кто она?

— Была на пароходе буфетчицей, сейчас в «Поплавке» работает. Есть такое кафе на берегу. Пошли!

— Куда?

— Да к ней. Я там всегда обедаю, когда не в плавании. А сегодня у меня вольный день. Да чего тут неудобного! Забирай своего парнишку и потопали. Он кто, кстати?

Алексей коротко пояснил. Наверно, Стась про себя улыбнулся: «Ага, значит, брат той самой «доярки», что тогда болтнул Михась. Тянется, значит, ниточка...»

СТРАСТИ-МОРДАСТИ

Однако Варьку вернуть оказалось непросто. Он как исчез в недрах сарая, так и не показывался.

— Варфоломей!

Тишина.

— Куда тебя унесло?!

Молчание. Парни пошли в сарай. Люк в погреб был открыт. На земляном краю его видны были следы маленьких сандалий. Но на оклик опять никто не отозвался. Станислав озабоченно потрогал усики.

— Понимаешь, там соседкины припасы стоят. Всякие соленья-варенья. А баба она сварливая, не повезло нам на соседку.

— Да он ничего не тронет, не такой хлопец...

— Не в том дело. Ты же помнишь, ход отсюда ведет прямо на кухню. А вдруг...

Он как в воду глядел. На крыльце раздался визг:

— Милиция! Я те покажу, как лазить по погребам. Я тя научу варенье красть! Милиция!

Поджарая растрепанная тетка цепко держала одной рукой Варфоломея за воротник, а другой пыталась огреть его по голове поварешкой. Но Варька был не из тех, кто покорно принимает тумаки. Он вцепился пальцами в жилистую руку с уполовником и повис на ней, а ногами плотно оплел сухопарые тетчины икры. В результате, когда парни подбежали к крыльцу, парочка уже катилась по ступенькам.

Разняли. Алексей спрятал за спину дрожащего Варьку, а Стась пытался разъяснить:

— Наш это хлопец, наш, он случайно туда попал, успокойтесь!

— Случайно?! А вчера тоже случайно шебуршало в погребе? Я бы и вчера его застукала, да

он дал такого драпу, что лестницу на меня опрокинул. Вон — синяк под коленом. А сегодня вить пожаловал прямо на кухню. Думал, я в магазине. Откуда берутся такие ворюги, вроде бы давно уж не голодные! Н-не, я за постовым пойду. Ответит еще и за передник!

Цветастый передник действительно выглядел после схватки довольно жалко. Но Стась вновь терпеливо стал объяснять соседке, что этот парень вчера никак не мог быть в погребе, потому что вообще не здешний, а сегодняшнее происшествие — сплошное недоразумение.

— Просто он на минутку остался без присмотра, а подземный ход — это ж пацанам всегда любопытно... Ничего же не тронута у вас.

— «Не тронута»! Было бы тронута, всем попало бы поварешкой!

Она потрясла своим оружием и наконец удалилась.

«Поплавок» был устроен на четырех старых баркасах, сшитых воедино дощатым настилом. За буфетной стойкой орудовала пухленькая блондиночка со вздернутым носиком. «Таких обычно Катюшами зовут, — почему-то подумал Алексей. — И голос у них тоненький».

— Знакомься, Катя, — мой друг Леша, о котором тебе кое-что известно, — объявил Стась.

— Ой, — пискнула девушка, — а я без укладки!

Она схватилась за светлые кудряшки под накрахмаленным колпачком и скрылась за занавеской. Алексей чуть не расхохотался. Через минуту Катюша появилась вновь, чинно представилась и сразу захотела узнать, чем их угостить.

— Мальчику, конечно, мороженое на сладкое, — щебетала она, — а вам советую попробо-

вать угря копченого, только что подвезли снизу на «Черняховском». Ничего против не имеете?

Алексей против угря ничего не имел. Жена Стасика ему понравилась.

— К угрею, конечно, пиво... или вам еще чего-нибудь ради встречи? — хозяйничала Катюша.

— Чего-нибудь! — четко распорядился Стась. — По маленькой.

Они чокнулись за дружбу, закусили истекающим жиром угрем, потом подняли бокалы пива за расторопную Катюшу. Варфоломей после фирменной свиной поджарки атаковал вазочку с мороженым. Ел он его третий раз в жизни, поскольку производство этого продукта пока не было налажено в районном центре.

Стась и Катя ушли за занавеску о чем-то пошептаться. Алексей глянул на Варьку и заметил на его лбу созревающую шишку. Все-таки удостоился... Он укоризненно шепнул, имея в виду погреб:

— Ну чего полез?

Варфоломей от неожиданности выплюнул мороженое:

— А ты бы не полез?! Нарассказывал о всяких подземельях да ходах и еще спрашиваешь. Сам, что ли, не лазил?

— Ох, лазил... — покаялся Алексей.

— А тетка-то совсем сумасшедшая. Видать, сдурела от жадности к своим банкам. Вижу, что-то там в темноте белеет, спичку зажег и аж вспотел. Потому и побежал не в ту сторону. Вон какую картинку она прилепила к огурцам, как раз и есть будто в кино.

Он вынул из-за пояса брюк скомканную бумагу. Алексей расправил, и на него впечатляюще глянул пустыми глазницами череп с перекрещенными костями. Внизу крупными печатными бук-

вами было написано не менее устрашающее: «Возмездие близко!» Алексей захохотал:

— Стась, иди-ка погляди на художество своей соседки. Экую придумала для маринадов охранную грамоту.

Стась разглядывал бумагу довольно долго. Потрогал свои усики.

— Д-да, смешно. Но изготовить эти страсти-мордасти сама соседка не могла. Понимаешь, она неграмотная...

На самый-самый десерт Катюша угостила компанию пластинкой с «Молдаванкой», нежным голоском подтянула: «Ждет тебя до-ро-о-га...» Алексей воспринял это как сигнал отбоя. Когда он тихонько спросил у Стася, сколько с него причитается за обед, Катя каким-то образом услышала и замахала пухлыми ручками: «Вы у нас в гостях, как не стыдно, извините, если что не так!»

Алексей послал Варфоломея на пристань, где видел старушку цветочницу. В ожидании они стояли у деревянных перил кафе и продолжали вспоминать. Поговорили о Михасе, об Антоне Голубе. Алексей спросил:

— О четвертом из нашей компании ничего не слыхать? Ну, о Казике Шпилевском.

Станислав фыркнул:

— Если не слыхать, то видать...

— Как это?

— Да так, что я его как раз вчера встретил. Идет по Ожешковой улице такой пижонистый, в шелковой рубашке, ажно весь светится. Хотел я его окликнуть, да потом разглядел, что он сознательно отворачивает от меня свою пухлую фотографию. Ну я и прошел мимо. А раньше все шесть лет не встречал. Думал, он в Польше.

Алексей возразил:

— Чего бы ему отворачиваться? Ну ссорились иногда, так ведь ребятишками были. Ошибся ты, наверное.

Станислав ответил жестко:

— Нет. Я в нем не ошибусь. Мне даже его ямочка на подбородке до сих пор снится. Враждовали мы тогда не от ребячества...

Варька слетел сверху с букетом гладиолусов. Услышав про ямочку на подбородке, он вытаращил глаза на Станислава:

— А где вы видели... такого?!

СНОВА ОБ АЛЫХ ПЕРЬЯХ

Татьяна Григорьевна Голуб не одобрила, что Алексей и Варфоломей уже пообедали в кафе. И не смилостивилась над ними, а заставила активно участвовать в расправе над пышным рыбным пирогом: «Угорь — это мелочь, а налим — это вещь!»

Подъехавший из обкома Дмитрий Петрович с минуту разглядывал пирог, а потом пришел к выводу, что быстро с ним не управиться, и потому есть смысл отпустить машину на пару часов.

— Да ты позови шофера сюда, — посоветовал Антон.

— Не пойдет. Он принципиальный и спесивый. Ты кто? Подполковник. А он ниже генеральского ранга не признает.

— Чего так высоко?

— В армии генерала возил. До сих пор вспоминает...

— Тяжело тебе с ним. Ты хотя и начальство, но все же не генерал.

— И не говори. Он меня за одно только терпит: как-то услышал, что мне орден в сорок четвертом сам маршал вручал...

— А за что орден? — встрял Варька.

— За Пауля фон Шифенберга, командира дивизии СС, — сказал Варьке Алексей с легкой гордостью. Слава брата задевала крылом и его. — Митя грохнул его из снайперской винтовки, когда тот изволил обзирать позиции...

За столом Варька почти ничего не ел. После поджарки и мороженого пирог с налимом не казался привлекательным. Зато привлекательной была история, как старший Лешкин брат срезал пулей фрицевского генерала. Варька жаждал подробностей. И когда Лешка начал жалобно отдуваться и поклялся, что не может больше проглотить ни кусочка, Варфоломей поманил друга на балкон.

— Рассказывай, — потребовал он.

И Алексей не без удовольствия поведал о славных делах брата-снайпера, о котором писали фронтовые и армейские газеты.

— А где он стрелять учился? — деловито поинтересовался Варька.

— В детстве еще начал, в стрелковом кружке. У него уже в пятом классе взрослый «Ворошиловский стрелок» был, значок такой...

Варька вздохнул. Он хотя и рос в партизанской семье, его знакомство со стрелковым оружием ограничилось пневматическим ружьем в заезжем тире-фургончике, который несколько дней в прошлом году работал в райцентре. Выстрел стоил гривенник. Варька выпросил у Паши рубль и высадил по разноцветным мишеням десять пуль, причем с весьма слабым результатом.

Варька поведал эту грустную историю Алексею и мимоходом обругал школьного военрука, у которого в кабинете за обитой железом дверью «кое-что водится, но шиш допросишься».

— Митя, между прочим, не сразу за винтовку взялся, — заметил Алексей. — Они с ребятами из луков тренировались.

Варька пренебрежительно хмыкнул:

— Игрушки...

Алексей слегка обиделся:

— Не соображаешь! Хороший лук посильнее охотничьего ружья бьет. А меткость знаешь как развивает! И твердость рук... У Мити с друзьями даже целое стрелковое звено было, называлось «Алые перья стрел»...

Варька потребовал подробностей. И Алексей рассказал Варьке о делах славного звена, которое поклялось готовить себя к борьбе со всякими врагами и красило оперение стрел алыми учительскими чернилами Алешкиного и Митинога отца.

— Между прочим, — сказал Алексей, — из можжевельника получаются совсем неплохие луки...

— А покажешь, как делать? — загорелся Варфоломей.

— Я сам из можжевельника не делал. Но принцип известен, можно попробовать.

— А из чего ты делал? У вас тоже стрелковое звено было?

Алексей собрался рассказать, что он с друзьями предпочитал самострелы с тугой резиной, что звено было, только с другим названием, и что у звена, да и у всего отряда, хватало дел в трудные военные годы... Но Дмитрий Петрович уже выбрался из-за стола и напомнил собеседникам: пора ехать домой.

На прощанье Татьяна Григорьевна нагрозила Варфоломея солидной связкой книг:

— Я незнакома пока с твоей сестрой, но раз она тоже учительница, то остальное не важно. Эти книги ей пригодятся в начале педагогической деятельности.

Алексей мельком проглядел корешки: Крупская, Ушинский, Макаренко и даже Песталоцци. От такого подарка он бы и сам не отказался. Варфоломею вручен был перочинный нож о четырех лезвиях.

— Держи, партизанский питомец! Без нужды не вынимай, без славы не вкладывай, — сказал Антон Сергеевич.

— Не выну, не вложу, — абсолютно серьезно пообещал Варька. — Мне давно такой надо, чтобы с кривым кончиком. Я им вырежу Айвенго из ясеня.

— О! — восхитился Голуб. — Ясневый бюст при жизни. Он, пожалуй, заслужил.

— А еще пригодится стрелы строгать, — деловито сообщил Варька.

Снова замелькали городские пригороды, а вскоре начались по обе стороны булыжного шоссе и нескончаемые леса. Неожиданно Дмитрий запел вполголоса:

Стоит угрюмый лес,
задумался и ждет...

У него был мягкий баритон, легко справлявшийся с широкой, торжественно-печальной мелодией. Песня текла за окна быстро бегущей машины, и сосны согласно кивали ей вслед: да, мы задумались, да, мы ждем...

...Там человек металлом
в камень бьет.
Вперед, друзья,
вперед, вперед, вперед!

— Митя, что за песня? — тихо спросил Алексей.

— Не слышал? Это песня старых политкаторжан, — так же тихо ответил брат. — Есть вещие слова:

...По капле кровь его
в тайге тропу пробьет.
Вперед, друзья,
вперед, вперед, вперед!

Варфоломей в уголке машины подозрительно потянул носом: он опять думал про Айвенго. Только чубатый шофер Женя не был склонен к минору. Он назидательно изрек:

— Мой гвардии генерал-майор, когда из гостей ехал, песни пел сплошь веселые. Была у него любимая — «Эх, Андрюша, нам ли быть в печали!». Андрей Ипполитовичем его звали.

— Да знаком, знаком я с твоим Андреем Ипполитовичем, — с досадой сказал Митя. — В прошлом году вместе на уток охотились... Действительно веселый человек. Не то что некоторые зануды...

— Знакомы? — почтительно прошептал Женя. И всю оставшуюся дорогу уважительно молчал.

Митя и Алексей ехали на заднем сиденье. Варька сидел рядом с Женей. Казалось, он задремал.

— Ну как, рассеялся, надеюсь, парнишка? — спросил Дмитрий Петрович.

Алексей задумчиво проговорил:

— Знаешь, он, кажется, на меня похож.

— Чем это?

— Тем самым талантом «встревать», как ты выражаешься. Они с Айвенго одного типа искали в поселке, а его вчера в городе видели. Если это, конечно, одно и то же лицо. Сейчас Варька до макушки переполнен своими соображениями, а изложить некому: участковый «прихворнул».

— А с тобой не откровенничает?

Алексей вздохнул:

— У меня, кажется, рождаются некоторые собственные соображения.

— Горе ты мое! — вскинулся Дмитрий. — Все матери напишу.

...А Варька не дремал. Он уставил в стекло невидящие глаза и шептал слова песни:

И кровь его в тайге
тропу пробьет...

ПЕРЕГНОЙ

Переехавшие в начале сорок шестого года в Польшу Шпилевские задержались здесь ненадолго. Народные власти без особого восторга встретили пана Августа, выдворенного из Советской страны за весьма неблаговидную деятельность. От уголовного наказания в Белоруссии его избавило лишь великодушие соответствующих органов: учли, что у Шпилевского семья с несовершеннолетним сыном.

Уличенный вскоре на Познанском черном рынке в крупной спекуляции золотом и алмазами, пан Август не стал дожидаться повестки к следователю. Собрал остатки валюты, наплевал на подписку о невыезде и через Балтику уплыл с семейством в Швецию, а оттуда попал в Лондон, под крылышко печально знаменитого эмигрантского правительства. Был удостоен личного приема у его главы Миколайчика, где достойно расписал свои кратковременные контакты с «лесными братьями». В его рассказе банда Бородатого оказалась вовсе не деморализованным сборищем уголовников, а чуть ли не регулярной частью любезной сердцу Миколайчика Армии Крайовой — оплота борьбы против большевизма и возрождения панской Польши.

Безудержная фантазия пана Августа насчет его энергичного участия в вооруженном подпо-

лье «АК» создала ему некоторый авторитет. Он получил патент на содержание часовой мастерской, а семнадцатилетний сын Казимир был определен на казенный кошт в частный университет на славянский факультет. Потекла довольно сытая жизнь лондонских обывателей.

Сначала Казимиру нелегко было учиться и дышать университетским воздухом, потому что он почти не знал английский язык. Это вызывало ежедневные насмешки однокурсников, которые вконец испортили болезненно самолюбивый характер парня. В отместку своим недоброжелателям он стал напористо изучать бокс, всерьез занялся гимнастикой, сбросил до последней унции прежние жировые отложения, и уже через год редко кто осмеливался поддразнить его в разговоре. Однажды Казимира даже исключили за драчливость, но пан Август куда-то отнес уникальные настольные часы викторианской эпохи, и сыночка восстановили. И пополнилась бы через пару лет бесчисленная армия лондонских клерков в белых воротничках еще одним собратом, не свались пан Август под колеса двухэтажного столичного автобуса.

Казимир пошел по знакомому адресу в унылый особняк эмигрантского «правительства», чтобы попросить денег на похороны отца. Он получил пять фунтов стерлингов на оплату катафалка и ксендза и заодно сообщение о прекращении ему выплаты средств на университет. «Пусть славный польский гражданин пан Август в мире почиет, а субсидировать пана Казимира мы больше не в состоянии. Можем лишь содействовать в устройстве на работу».

Удрученный и одновременно взбешенный, Казимир спустился в вестибюль и здесь услышал ворчливый голос швейцара:

— Нех млоды пан лучше вытирает обувь, я не каторжный вылизывать эту английскую слякоть.

Не раздумывая, Казимир дал ему основательного пинка и тут же был схвачен за плечо. Коренастый человек средних лет сказал ему по-польски, но с лондонским акцентом:

— Может быть, гневный юный пан меня пожелает ударить вместо старика?..

Не дослушав, Казимир вкатил ему молниеносный прямой слева. Тот устоял, но отскочил и издали произнес:

— О-отлично! Где учились?

— Сейчас покажу! — совершенно остервенел парень и снова кинулся на незнакомца, но через секунду стоял в углу с вывернутыми назад руками. Так осуществился его контакт с джентльменом из Интеллидженс сервис.

БУТОНЧИК РАСКРЫЛСЯ

Через месяц после многочисленных бесед и проверок Казимир был увезен из дымного Лондона в Северную Шотландию, в бывшее имение богатого лендлорда, с многомильным охотничьим парком, вполне похожим на лес. Перед смертью лендлорд завещал свои владения «британской короне для умножения ее могущества». Сейчас все въезды и подъезды к имению были перекрыты шлагбаумами и автоматами часовых.

Вот тут молодой Шпилевский развернулся во всю. Теперь он был не парией, как в университете, а признанным лидером сверстников-курсантов. Хорошее знание русского, польского и белорусского языков, а также вполне приличное немецкого делали его кандидатом на ответственное задание. Очень пригодился бокс, помноженный в стенах

школы на джиу-джитсу и карате. Но долго пришлось учить Казимира хладнокровию и терпеливости.

К пятидесятому году, то есть к своему двадцатилетию, это был натренированный физически и технически выпускник сверхсекретного учебного заведения. Он пробегал стометровку за одиннадцать секунд, мог в обмундировании перепрыгнуть четырехметровый ров, взвиться с шестом на высоту четырех ярдов, имея за спиной рюкзак со снаряжением; умел молниеносно стрелять назад из-под руки и попадать за пятьдесят шагов в подброшенную фуражку. Ну а плавать он и с детства умел неплохо.

Какой политический багаж уместился в его голове? Вполне компактный: ненависть к той жизни, где у власти стоят «хлопы» и где богатство не дает привилегий. Где само это богатство не разрешают наживать. Где проповедуют дурацкое общее равенство. А какое у него может быть равенство с деревенским навозным трудягой или закопченным сталеваром, если он уже к двадцати годам почти супермен: разъезжает в машине, имеет солдата для услуг, может любого из встречных уложить одним толчком пальца, а после экзаменов для него будет открыт персональный счет в банке!

Эта ненависть имела и вполне конкретные адреса. Казимира охватывала, например, злоба при каждом воспоминании о спутниках детства в далеком городе Гродно. Его осмеливался бить своей грязной рукой оборванец Михась лишь потому, что к власти пришли нищие рабочие и батраки. Даже калека Стась всячески третировал его. Заезжий Лешка его открыто презирал. И все из-за выхоленной кожи, упитанного тела, мягких курчавых волос, заботливо уложенных рукой прислуги.

Это они отобрали у семьи Шпилевских дом, заставили ее скитаться. Ладно, он им покажет равенство...

Ничего не осталось от прежнего слабосильного барчука. Правда, нежную кожу лица не испортили даже загар и ветер, сохранилась и породистая ямочка на отвердевшем подбородке, но глаза... О, сейчас это были глаза не нытика, а мстителя.

Однако с экзаменами вышла небольшая осечка. Оказалось, что так и не удалось наставникам выработать в нем все качества агента-универсала. В ходе «преддипломной практики», то есть во время своей пробной заброски в Литву, он допустил серьезный промах.

Ему надо было проникнуть в уцелевший лесной лагерь контрреволюционных «повстанцев» и поднять их дух, проведя операцию по взрыву шоссе моста на важной магистрали. Он вез им новейшие мины, питание к рации, усовершенствованное личное оружие, и главное, очень большую сумму советских денег.

Вез и привез. Морская охрана не успела перехватить безымянный скороходный катер, который доставил в прибрежные воды пассажира от шведских берегов. Здесь Шпилевский погрузился в бесшумную резиновую лодку и благополучно причалил в условленном по радио месте. Отсюда его провели в лес.

Но дальше все пошло не по плану. Уже через несколько дней он крепко повздорил с «лесными братьями», которые сильно раздражали его своей тупостью, вшивостью и жадностью: чуть не передрались из-за сотенных купюр. А ведь ему предстояло долго жить среди этого сброда да еще руководить им. Нет, он не вынесет! Однако вернуться, не выполнив задание, было равносильно пуле в лоб. Или, при самом лучшем варианте, он

окажется сезонным рабочим где-нибудь в Новой Зеландии.

Высокомерие заморского гостя тоже выводило из себя старожилов лесного бункера. Однажды они напрямик сказали ему: «Командовать да покрикивать на нас ты еще молод. Сам-то небось мелкой дрожью затрусишься, когда выйдешь на дорогу да повстречаешь первого милиционера».

Они ошибались: трусостью Шпилевский не грешил. Самое же главное, ему нечего было опасаться встреч со знакомыми, чего так боялись лесовики, изрядно нашкодившие по всей округе. Его здесь абсолютно никто не знал.

Казимир попросту плюнул на своих одичавших соратников, выбрался вечером один из леса в одежде монтера, а к сумеркам был у заветного моста через реку. Здесь он понаблюдал с полчаса за пожилым постовым из военизированной охраны и убедился, что тот никак не реагирует на проходящие машины, а глядит на воду или отсиживается в будочке. Тогда Казимир пошел прямо к постовому. Тот увидел монтерские «когти» и пояс, приветливо улыбнулся, но удостоверение все-таки спросил.

Больше он ничего не спросил и беззвучно полетел в воду со сломанными шейными позвонками. А диверсант установил одну мину прямо под сторожевой будкой, вторую в теле главной опоры, куда спустился с помощью тех же «когтей», третью — у противоположного въезда на мост. Срок действия часового механизма — полчаса. За это время Казимир «проголосовал» перед самосвалом, идущим в Клайпеду, ровно через тридцать минут затылком воспринял эхо далекого взрыва и попросил остановить машину у первого хутора.

Самосвал и все другие автомашины вскоре станут осматривать на шоссе разные спецслужбы.

Фигура монтера с инструментом наверняка уже известна на дороге. Поэтому Казимир закопал робу и «когти» в копну сена, а сам нахально остался сидеть на бровке в спортивном костюме и кедах и принялся завтракать бутербродами и колбасой. Трижды подлетали к нему мотоциклисты для проверки документов и столько же раз он предъявлял безупречно изготовленный студенческий билет Гродненского пединститута. Один дошлый проверяющий поинтересовался:

— В общежитии живете на улице Ожешко?

— Нет, у хозяйки. На Подольной.

— А, знаю, бывал. Около пивзавода.

— Да не около, — улыбнулся Казимир. — Мой восемьдесят седьмой номер как раз в другом конце улицы.

Когда суматоха на шоссе стихла, он приехал на попутке в Клайпеду, зашел, как и положено студенту-туристу, в городской и портовый музеи и вот тут впервые ощутил, как плохо не иметь явки в незнакомом городе. Клайпеда вообще не входила в его маршрут, и он знал, что от руководства ему здорово попадет за самостоятельность, но уж слишком тянуло его море как единственный путь к возвращению на берега Шотландии.

Да, связи и явок не было, но были деньги. Двадцать тысяч рублей лежали в целлофане между двойными стенками фляги, под стельками ке-дов, в рукоятке складного ножа. И он нашел им применение в портовом районе, где немало болталось в те годы всякой сомнительной публики. На дне рыболовного баркаса его вывезли за пределы территориальных вод...

Начальству он доложил, что «шоссейное» задание выполнил и готов справиться с десятком подобных дел, но пусть его уволят от сотрудничества с типами, подобными обитателям бункера.

Что ж, агент-одиночка тоже предусмотрен штатным расписанием разведслужб. К этой роли и стали в дальнейшем готовить Шпилевского. Но на экзамене балл был все-таки снижен — за самовольство в контрольной прибалтийской акции.

Тем не менее Казимир по-прежнему находился в фаворе, и следующему его заданию придавалось особое значение. Пришлось даже обратиться к услугам американской разведки, поскольку ячейки агентурных сетей в данном случае переплелись...

БОГИНЯ НА ПАРНОМ МОЛОКЕ

Август — по-белорусски «жнивень». Жнут хлеба. Но бывает, что в первой декаде месяца уже заканчивают уборку: все зависит от щедрости солнца и количества дождей. Нынешнее лето выдалось, что называется, милостью Божьей. С мая по июль стояла ровная жаркая погода, в меру перемежаемая теплыми грозовыми дождями без сильных ветров и града. Густые хлеба поспели невиданно рано, и еще двадцать пятого июля в Красовщине справили «зажинки» — сжали первый сноп и по вековой народной традиции водили вокруг него хороводы. Потом сноп установили в колхозной конторе.

А сейчас он ожидал для себя напарника — последний сноп урожая. Подошли «дожинки». Отметить их широко решили по нескольким уважительным причинам. Колхоз «Партизанская слава» первым в районе провел зимой укрупнение и первым собрал сейчас хлеба с площади почти в пятьсот гектаров. На широких массивах оказалось удобно применить новейшие приемы земледелия, например подкормку посевов с самолета. Из многих деревень приходил народ смотреть, как сып-

люют с неба на поле юркие «кукурузники» разноцветные минеральные удобрения. Самое же главное, контрольное взвешивание показало немислимый прежде в здешних местах урожай: по двадцать центнеров зерна с гектара. Сто двадцать с половиной пудов — такое и не снилось мужику-единоличнику.

...Председатель колхоза Иван Григорьевич Мойсенович и члены правления в пятницу третьего августа сидели в конторе, обсуждая план проведения праздника. Ожидались многочисленные гости. Товарищи из обкома и облисполкома должны были вручить колхозу переходящее Красное знамя. Не исключался приезд самого секретаря обкома — человека в республике легендарного, отважного героя подпольной борьбы в Западной Белоруссии в предвоенные годы. Его имя было известно любому крестьянину. Подвиг этого человека, казнившего своей рукой подлого провокатора прямо на судебном процессе в Вильно, где тот давал показания против арестованных коммунистов, прогремел тогда по всему миру. И мир поднялся против смертельного приговора, вынесенного судом тяжело раненному и схваченному у здания суда отважному революционеру. Белопольские власти не посмели казнить патриота, а приход Красной Армии в тридцать девятом году избавил его от пожизненной каторги.

Хозяева колхоза сбились с ног в своих многочисленных и радостных заботах. Намечалось, что после митинга все участники отправятся на поле, где лучший комбайнер скосит последнюю деланку ржи, и зерно из его бункера ляжет в ярко украшенный кузов автомашины.

К этому торжественному моменту оркестр местной средней школы уже целую неделю разучи-

вал разные марши, чем доводил деревенских петухов до умопомрачения: самостоятельно они уже не кукарекали, а обязательно ждали сигнала трубы и только тогда горласто включались в общую репетицию. Трех петухов уже прирезали из-за безнадёжной испорченности.

Предметом гордости оркестрантов был новенький саксофон, но директор школы временно запретил его употребление. По жалобе заведующего фермой. Дело в том, что саксофонные рыдания угнетающе действовали на племенного быка Геринга. Он скорбно ложился на подстилку, начинал мелко вздрагивать всей тушей и вообще надолго терял всякую форму вожака коровьего стада.

Колхозные комсомольцы были здорово обеспокоены неуправкой в клубе. Здесь пока не висело ни одного приличествующего моменту лозунга. Не было и приветственных транспарантов над въездной аркой у парома через Неман. Трибуна на сельской площади тоже сиротливо выпячивала голые дощатые бока.

Художники в деревне имелись, но председатель отмахивался от услуг доморощенных живописцев. Сегодня на правлении он опять отмел в сторону тревожные напоминания:

— Ясно вам сказано, что художник будет! Специалист, а не мазила. Вот бумага, если не верите.

На официальном бланке со штампом «Областные художественно-оформительские мастерские» значилось: «Сообщаем, что согласно заключенному договору от 15 июля 1951 г. к вам командировается не позднее 3 августа художник-оформитель Слуцкий Лев Самуилович. До этого срока вам надлежит перечислить на наш текущий счет сумму, обусловленную договором».

— Бухгалтер, деньги перечислены? Ну, значит, порядок. Видите, не позднее третьего числа... А третье еще не кончилось сегодня. К вечеру явится этот Лев. И с ходу подключим его к делу. Краски есть, олифа есть, красное полотно имеется, всякие там гвоздики-шурупчики тоже найдутся.

— И двоих помощников я тоже буду иметь? — спросил от порога незнакомый голос.

Там стоял незаметно вошедший розовощекий молодой человек с курчавой шевелюрой и в дружелюбной улыбке демонстрировал свои золотые зубы. Он поставил чемоданчик у порога и сейчас рылся в кармане многоскладчатой вельветовой куртки. Потом подошел к Мойсеновичу.

— Я Лев Слуцкий из худмастерских, вот мое командировочное удостоверение. Вот и личное, если желаете. И давайте будем ехать...

— Куда ехать? — спросил председатель, рассматривая документы.

— Как куда? Двинемся к выполнению наших договорных обязательств. Или вы думаете, что здесь, в этой продымленной конторе, я могу вернуть свой дар художника? Ну так вы ошибаетесь. Я оформитель-монументалист, и мне нужен простор, воздух, ваши соображения, если они созрели в ваших головах, а также парное молоко.

— Молоком хоть залейтесь, этого добра хватит, — улыбнулся Иван Григорьевич. — Коров подоят, и пойдем ужинать.

— Вы ничего не понимаете. Я не пью парное молоко, зато я пью все другое, кроме теплого керосина. А молоком я развожу краски. Это придает красному колеру нежный оттенок конфузливого девичьего румянца. Вы видели в городе панно у почты, где девушка выиграла на облигацию ав-

томобиль и предлагает его жениху в приданое? Ну, так то — моя девушка. Через два часа вы будете иметь такую же богиню, и она протянет с фронтона арки навстречу вашим гостям сдобный хлеб-соль.

— Гм! — крикнул председатель. — Мы думали это сделать, так сказать, наяву.

— И делайте, если не жалко переводить пищу на вонючие багажники. Ваш натуральный каравай сразу же будет засунут именно в какой-нибудь ответственный багажник, и все о нем забудут через десять, нет — через пять минут. А моя девушка целый праздник будет с высоты напоминать гостям о вашем щедром гостеприимстве, и они проникнутся теплой благодарностью, и когда вы от них потом чего-нибудь попросите...

Мойсенович расхохотался:

— Ну ты, парень, теоретик!

— И совсем наоборот: я практик. Но раз вы такой идеалист, то мне это все равно, и давайте парное молоко.

— Вот наш парторг, он все вам покажет и растолкует.

Когда художник и парторг ушли, скромно сидевший в уголке лысоватый мужчина попросил у Мойсеновича документы Слуцкого.

— Соответствуют? — спросил председатель.

— Тютелька в тютельку. Но перепроверить не лишнее. Закажите-ка по-срочному Гродно, номер телефона мастерской указан на бланке.

Вскоре он объяснял в трубку:

— Это из колхоза «Партизанская слава». Ждем вашего посланца. Выехал? Хорошо. Мы его собираемся встретить на станции, поэтому скажите, как он выглядит, чтобы не разминуться? Золотые зубы? Так. А волосы какие? Курчавые. Запомним. В чем одет, говорите? А что это

такое — толстовка? А-а, куртка широкая. Ну и спасибо. Встретим.

— Все сходится, — сказал лысоватый, повесив трубку. — Жалко, что нельзя было спросить, почему у него заклеен марлечкой подбородок.

— Велика загадка! Брился да порезался — и все дела. Весе-е-лый парень!...

Веселый парень снова заглянул в контору:

— Нашел двух юных босяков, уже натягивают материал на подрамник. Но я забыл пожаловаться на ваших людей.

— Успели обидеть? — помрачнел председатель.

— А много ли ума надо обидеть скромного заезжего художника! Он сидит себе в своей дурацкой лодке и какие-то нитки из воды мотает, и я кричу ему чуть не в ухо: перевези через реку, раз паром пока не идет, а он все себе мотает и спину на меня показывает. Ну я стал такой же вежливый, как он, — а вы бы не рассердились, нет? — и бросил в него песком, а он схватил со дна жмению камней — и в меня будто шрапнелью. Видите: травму оставил, а я человек молодой и хотел, может быть, на вашем празднике произвести впечатление... Можно это себе гарантировать с поцарапанным портретом?

— Можно, можно, — опять радужно заулыбался Иван Григорьевич. — Парень ты все равно остался завлекательный. А обижаться на того грубияна ни к чему: он глухонемой.

Художник растерянно уставился на Мойсеновича.

— Ха! Совсем-таки глухонемой? Выходит, это я обязан принести ему свой пардон? Ай-ай, как же я обмишулился!

Позже лысоватый мужчина спросил у Мойсеновича:

— Это какой глухонемой? Дударь, что ли? Чего он там делает у парома?

— Одна у старика забота: рыбу ловить. На этот раз для нас поставил переметы: договорились, что обеспечит гостей ухой. С полпуда рыбешки уже есть. Ну а мы ему пообещали пшеном уплатить...

На том разговор и закончился, и собеседники разошлись. Председатель отправился полюбоваться делами веселого Льва Слуцкого, а капитан госбезопасности Михаил Андреевич пошел к реке встретить своего коллегу Юру Харламова.

САПФИР И АЛМАЗ

Он дождался его у спуска к паромной переправе и прежде всего спросил:

— Правда, что участковый снова приходил в сознание?

— Точно. И опять на минуту. Как сестра ни загораживала его от Василия Кондратьевича, узнал Айвенго нашего старика и успел сказать... Василий Кондратьевич дословно все записал, даже с точками: «Падал... обернулся... чемо... ца... цара...» И все — опять потерял память. Там уже хирург из Минска прилетел. А над этими словами подполковник велел нам с тобой крепко подумать.

— Ну что ж, давай думать.

Они лежали на жестковатой августовской траве, изредка поглядывали с кручи берега на черневшую среди реки фигуру глухонемого в закоренной лодке и размышляли.

Выходит, после удара Айвенго сохранил искру сознания: помнит про чемодан. И про то, что успел повернуться. Что было дальше?

— Юра, он как лежал, когда ты нашел его? Навзничь или ничком?

— Ничком, вниз лицом. Это к лучшему, иначе бы в рану на затылке попала грязь.

— А головой куда? Сюда, к Красовщине, или...

— Именно что «или». Головой вытянулся к шоссе, назад. Значит, правильно он шепнул старику: успел повернуться корпусом.

— Кровь могла попасть на преступника?

— Не думаю: тот, конечно, сразу отскочил.

— Та-ак! Ну-ка, покажи еще записку от Кондратыча... Чемодан, цара... Нет, такому герою любой награды мало! Помирал, а старался оставить на чемодане приметку. Но чем он его царапнул? Если просто ногтем, то не стал бы и вспоминать, от ногтя раненого человека какой след?.. Юра, может, у него какой ножик был в руке? Или хоть камень?

— Ничего у него не было, я светил фонариком. Стоп! Слушай, капитан, кажется, у него кольцо было на пальце...

— Фью-ю! Разглядел его?

— Вот-вот, только до этого мне и было. Руки кровь заливает, а я буду рассматривать финтифлюшку...

Капитан вздохнул и сожалеюще взглянул на младшего коллегу:

— Пойдем-ка звонить, лейтенант. Попробуем упросить эскулапов, чтобы осмотрели кольцо у раненого. Конечно, желательно бы это сделать самим, но легче проникнуть к моей жене в шкафчик с коньяком, чем в больничную палату.

Разговор с главврачом оставил крайне неприятный осадок. Капитан услышал кое-что насчет служебного рвения не по разуму, а также ядовитый вопрос: не пожелает ли он, чтобы ведущий хирург республики, который в данный момент осматривает больного, пересчитал заодно у пациента количество родинок на теле в угоду бессердечному телефонному собеседнику?

Единственное более-менее приемлемое, что прозвучало в трубке, это было сообщение:

— И вообще, сколько я мог заметить, интересующий вас предмет осмотру вряд ли поддается: он настолько врос в липому, то есть в жировик, что еле виден. И больше не смейте звонить из-за всякой ерунды, не то я пожалуюсь вашему начальнику.

Михаил Андреевич предвосхитил подобный шаг медика и сам связался с Василием Кондратьевичем.

Подполковник сказал:

— Врачи — публика железная, и дай им бог оставаться такими... Есть у раненого близкий друг. Они и рыбу ловят, и купаются вместе. Уж он-то наверняка про кольцо знает.

Председатель колхоза здорово удивился, что вполне серьезные люди интересуются его маленьким братишкой. В представлении Ивана Григорьевича Варька все еще был малолетним несмышленышем, хотя и самым любимым в родне. Сам Иван жениться не спешил, а может, конфузился хромоты и потому детей не завел, а жил бобылем на квартире у старухи и только изредка по-домашнему отдыхал, наезжая в райцентр к сестре и брату.

Он удивился, но машину дал. Михаил Андреевич и Юра заверили его, что только порасспросят кое о чем Варфоломея и сразу вернутся в Красовщину.

К парому они спустились уже сквозь богато разукрашенную флажками и хвойными гирляндами арку. Лев Самуилович не дремал. В данный момент он действительно создавал на четырех склеенных листах фанеры монументальное изображение девицы-красавицы, протягивающей гигантский каравай с расписной солонкой

на его вершине. И хлеб и соль были выписаны до конца, фигура богини гостеприимства тоже, а вот лицо оставалось пока схематичным.

Но художник не унывал: у него уже была натурщица. В гурьбе идущих с поля девчат Лев наметанным глазом высмотрел подходящий типаж и моментом уговорил девчонку позировать. А поскольку черты лица надо было изобразить крупнее, чем в натуральную величину, то художник и впивался очами в лицо натурщицы вплотную. Что он при этом ей шептал, было не слышно, но миловидная колхозница покрывалась тем самым румянцем, о котором Лев Слуцкий упоминал в своем экспромте насчет парного молока и богини.

Юра и Михаил Андреевич полюбовались на это зрелище из открытого кузова старой полуторки и въехали на мотопаром. Но Юра все оборачивался.

— «Богиня» приглянулась? — пошутил спутник.

— Н-нет. Художник что-то не приглянулся. Где-то я его видел.

— Не мог ты его видеть, он сегодня прямо из города, все проверено.

— Даже не его я видел, а вот этот поворот головы. Гляди, он и сейчас на нас вполоборота смотрит.

— Мерещится тебе. Это он на девчонку смотрит боковым зрением. Художнический прием. Шустрый парень. Истинно Лев...

Варфоломей только что вернулся из поездки в Гродно. Он был настолько измотан путешествием и переполнен впечатлениями, что никак не реагировал на просьбы сестры умыться с дороги. Устало сидел на крыльце — там, куда его донесли ноги, и непонятно для Паши твердил вполголоса

один и тот же мотив: «Вперед, друзья, вперед, вперед...»

— Куда тебе вперед?! — простила Паша и подхватила брата под мышки. — Спать идем!

В эту минуту и остановилась у калитки полуторка. Узнав широкоплечего Юрку, Варька вырвался из рук сестры и кинулся к машине.

— Он живой?!

— Вполне, — ответил Харламов и хотел было даже передать привет от больного, но сообразил, что это чересчур. За каким же тогда дьяволом они сюда ехали? И добавил: — Он только все время спит от лекарств, а нам надо уточнить одну вещь. Помогите нам, пожалуйста.

Паша не на шутку рассердилась:

— Он уже сегодня напомогался. Неужели не видите, что ребенок на ногах не стоит!

— Девушка, мы на минутку! — взмолился капитан. — Нас и так все сегодня гоняют: врач отругал нехорошими словами, сейчас вы накинулись. Хлопчик, это для Айвенго надо. Чтобы гада того поймать...

Сонливость с Варьки ветром сдуло.

— Прасковья, уймись! — по-взрослому прикрикнул он на сестру. — Я в машине выпался. Ну, чего надо-то?

Они втроем уселись на крыльцо, а Паша бдительно стояла над собеседниками, готовая в любой момент вырвать братца из лап непрошенных гостей. Михаил Андреевич с учетом обстановки повоенному лаконично и ясно изложил суть дела. Варфоломей раздумывал не больше минуты. Да, он, конечно, видел кольцо. Оно тоненькое, а может, кажется таким на толстом пальце. Да, его почти не видно, но, когда Айвенго согнет палец, металл выпирает наружу, и он тогда кольцом обрезает леску. Зачем обрезает? Ну, когда привязы-

ваешь крючок, обязательно остается острый кончик волоса, рыба его пугается. И обрезать трудно, он крохотный. Но Айвенго чуть надавит ребром кольца, и волосок сразу отскакивает. А еще Айвенго может стекло разрезать. Однажды Варфоломей видел, как участковый своей хозяйке стеклил раму. Он никаким алмазом не пользовался, а поведет кольцом по листу, и там сразу остается царапина. Надломит — и готово.

— Выходит, в кольце тоже алмаз, — сказал Юра.

— Не-е, — возразил Варфоломей. — Айвенго называл камешек, да я забыл. Их там даже два — побольше и поменьше, чтобы резать стекло разной толщины. Он раз провел сразу двумя по консервной банке с червями, так двойная просечка и получилась.

— Двойная?

— Ну да. Он говорил, что кольцо ему досталось на память о каком-то партизане. Тот умирал, ну и... отдал. Как же он называл камень? Ко... кор...

— Корунд?! — спохватился Михаил Андреевич.

— Точно, он, — подтвердил Варфоломей. — Камешки все-ем маленькие, один синий, другой красный. А вам зачем?

Коллеги переглянулись и откровенно рассказали хлопцу, что своим кольцом Айвенго сделал, видимо, отметку на чемодане преступника. Если действительно двойная, легче будет найти. Варька здорово им помог своим рассказом.

— Может, и еще помогу! — загадочно улыбнулся Варька, забыв об усталости. — Вы передайте Айвенго, что того типа, которого мы с ним здесь караулили... ну, со щербинкой на бороде... или похожего на него, вчера видели в городе.

— Все! Спать! — безжалостно сказала в этот момент Паша и повлекла Варьку в дом. — Совесть надо иметь, товарищи.

Капитан только развел руками и направился к машине, но Юра не успокоился. Он выждал пару минут, скорчившись под окном, потерпел, пока Паша пошла к колодцу, и поскребся в раму. Варфоломей упер в стекло нос.

— Кто видел, где, в чем? — горячо зашептал он своему нелегальному собеседнику.

— Алексеев друг, — только и успел просигналить губами Варька.

В следующее мгновение лейтенант Харламов постыдно бежал от разгневанной Прасковьи.

НЕБЕСА, ВОДА, ТВЕРДЬ

Проводив взглядом полуторку, художник Слуцкий быстро закончил сеанс живописи с симпатичной натурщицей и галантно отблагодарил ее, чмокнув в щечку. Потом объявил двум малолетним помощникам, что на сегодня работа кончена: уже темнеет. Он отнес свой чемоданчик в клуб, где ему была приготовлена постель и поставлен ужин под вышитым полотенцем. Осмотрел свое помещение — комнату для музыкальных инструментов, проверил защелку замка и вышел на улицу.

По селу плыл предзакатный домовитый шум: цвилькало в хлевах молоко о подоюники, скрипели валы колодцев, квохтали перед сном куры. У околицы уже пробовал лады баян. Слуцкий не пошел туда, а спустился к реке и помахал маячившему у другого берега Дударю.

Вскоре лодка подплыла. Лев Самуилович знаками показал, что хочет прокатиться по воде, но уже на середине реки заговорил в полный голос:

— Не слышал, о чем говорили чекисты, когда переправлялись?

— Самую малость понял. Зачем-то к Мойсеновичам поехали. Ну, к родне председателя. Еще какое-то кольцо вспоминали. А потом из-за мотора не слышать стало.

— Ты в следующий раз, когда на пароме будут нужные люди, вплотную подплывай и слушай лучше. При тебе они не боятся разговаривать. А сейчас гребь к лесу и жди...

За поворотом Слуцкий выскочил на песок, поднялся в сосняк, достал из кармана заготовку-удочку, быстро размотал леску на ветвях и удалился в заросли, отсчитывая шаги...

Через несколько минут Слуцкий безмятежно отдыхал на мягкой хвое. Он знал, что его радиосигналы приняты в нужном месте и расшифрованы скухими словами:

«3 августа в 20 часов 31 минуту и в 20 часов 31 минуту 40 секунд по среднеевропейскому времени зафиксированы радиоимпульсы из квадрата 40 — 42. Агент Голл (Шпилевский) подтверждает свою работоспособность. Условная периодичность сигналов исключает оперативный провал агента. Вниманию следующих смен радионаблюдения! Очередной сеанс односторонней связи Голла — 5 августа в 14 часов 37 минут с интервалами в 35 секунд. Волна постоянная».

Слуцкий—Голл—Шпилевский позволил себе отдохнуть минут десять, пока его лохматый помощник в лодке будет натягивать еще один шнур своего дурацкого перемета. Он размышлял...

Да, послезавтра к полудню задание должно быть выполнено. Еще через два часа он будет уже далеко отсюда и без помех сообщит начальству о своем успехе из какого-нибудь лесочка. А то и прямо из квартиры этой дурехи Леокадии. Или с

балкона дома в Гродно, где его ждут. Сообщит тремя последними «яйцами», что будет означать завершение командировки.

Конечно, для полного завершения ее еще останется немало хлопот. Предстоит ехать на Кавказ, а там ждать инструкций. Прикажут возвратиться через окно на границе или остаться в Союзе и осесть в каком-нибудь городке? Скорее всего, придется остаться. Не станут же забрасывать агента с такой подготовкой ради одной акции в какой-то Красовщине... Но надолго он в Союзе не застрянет. Он везучий. Главное, чтобы ничего не сорвалось здесь, в эти оставшиеся до воскресенья два дня. Пока все идет как надо. Остались позади все колдобины, хотя сначала их было немало.

Неприятности начались в момент прыжка. Сопровождавший инструктор проворонил время и сигнал. Истошно заорал: «Костер! Уже сзади! Быстро прыгать!» Ну Казимир и вывалился, как стоял: в незастегнутом комбинезоне, под которым был костюм студента-пижончика, едущего на каникулы к заждавшейся тетушке. Хорошо, что сумку успел надеть через плечо.

Раз опоздал с прыжком, пришлось маневрировать стропами, чтобы подтянуться ближе к маячившему пятну костра. Но подтянулся как раз к реке: плюхнул прямо в воду. Ладно, что ближе к нужному правому берегу. Пока выбрался на мелкое место, пока нашел под водой подходящий камень, пока отстегнул и надежно утопил парашют и промокший комбинезон (все легче, чем закапывать), окоченел до костей. А костра и вовсе не стало видно. Брести дрожащему в темноте и наугад? Даже если и выйдешь в поселок, то не найдешь явку, а видик такой, что первая собака вцепится в мокрые штаны, не говоря о каком-нибудь ночном стороже.

Ладно, сочиним свой костер, обсушимся до рассвета. Подозрения не вызовет, тут, наверное, рыбаки часто ночуют.

...До определенного момента у него все происходило именно так, как предполагал Айвенго. Был малозаметный костерчик, был радиосигнал и сморивший Казимира сон, и, наконец, совершенно нелепая встреча с медведем. Зверя Шпилевский увидел, приоткрыв один глаз, когда хрустнула ветка. Встречи с человеком он сейчас особенно не боялся. Документы «железные», ничего подозрительного при нем нет, зато есть правдоподобная версия о заблудившемся и чуть не утонувшем по пьянке легкомысленном студенте.

Но медведю объяснять все это ни к чему. От него надо удирать, что Шпилевский и сделал, ничуть не сомневаясь в правомерности этого решения.

А вот дальше истинные события отклонились от версии Айвенго. Дело в том, что Шпилевский увидел на песке, около можжевельного куста с сумкой, многочисленные следы. Отпечатков тяжелых сапог сорок третьего размера невозможно было не заметить. Больше того, он легко определил, что сумку открывали. Правда, все осталось на месте, и заветные яйца тоже. Но их кто-то держал в руках. Счастье, что не попробовал. Очень полезной оказалась также предусмотрительность инструкторов, промаркировавших скорлупу согласно имевшимся в центре образцам.

Шпилевский не имел возможности долго размышлять: из ельника двигались мальчишки. Он быстро пошел по дороге к райцентру, но заходить в поселок пока не стал: костюм подсох, но был страшно измят и перепачкан. Казимир припомнил ориентиры хутора Дударя, нашел тропинку и свернул на нее.

Старик сидел на пороге и вязал перемет. Увидев гостя, он встал и ушел в свою развалюху. Здесь они и обменялись паролем, после чего хозяин злобно зашипел:

— Зачем сюда приперлись?! Ясная же была установка: встретиться только на берегу. Если к костру не успеете, ждать следующей ночи!

Измотанный Шпилевский дал волю нервам, а заодно использовал момент, чтобы сразу показать, кто есть кто. Незаметным движением левой руки он свалил собеседника на земляной пол и, пока тот корчился от боли, сообщил:

— Это для начала! Теперь сообразишь, как надо со мной разговаривать. Ты что, старый пень, сам не мог дождаться меня на берегу? Почему искать не пошел? А если бы я приземлился с травмой! С этой минуты будешь глотать каждое мое слово, а то я тебя быстро превращу в натурального глухонемого, а заодно и в неживого. Уразумел?

Дударь уразумел: шутить с этим желторотиком, оказывается, нельзя. Не только сила, но и права у него, видать, большие. Из тайника под печкой были извлечены пакеты в плотной упаковке. Два новых костюма, светлый и темный, затем полувойенный костюм и к нему хромовые сапоги, летнее белье, тенниски и рубашки, галстуки, носки и платки.

— Оружие и мины?

— Отдельно закопаны в ящике. Здесь побоялся держать. Тряпки найдут — ладно, сойду за спекулянта, а другое... Там же ампулы, лекарства.

— Понятно. Деньги давай.

— А... сколько надо?

— Слушай, дед, ты в дурачки со мной не играй. Нам точно сообщают перед отправкой, сколько мо-

нет должно получить от резидента. Вот я тебя сейчас и проверю, и если соврешь...

Дударь почел за лучшее не врать и вручил гостю двадцать тысяч рублей в банковских облатках.

Шпилевский быстро переоделся в светлый костюм, надел белоснежную шелковую рубашку, свежие носки, поискал глазами туфли. Их не было.

— Пшепрашем пана, запамятовал припасти, — извинился Дударь.

— Черт с тобой, — сказал подобревший гость. — Использую прежние, только почисти их хорошенько.

Пока Дударь надраивал суконкой остроконечную обувь пришельца, тот зашил в воротник рубашки ампулу и, по обычаю воспитанников их школы, пробормотал: «Сперо милиора»¹.

Потом он изложил Дударю план дальнейших действий. Он идет сейчас к своей «тетушке», берет там сведения, которые ему нужны, отдыхает у нее, ночует и утром уезжает в Гродно. Вернется вечерним поездом и сразу в Красовщину. Старик за это время должен извлечь из тайника мины и оружие.

— Кстати, в какой они упаковке?

— В надежной. Я так подумал: раз студент едет из города, так займется в деревне модным для ихнего брата делом: иконки будет искать. Ну и выпросил у ксендза такой плоский ящичек с серебряными вензелями и в него сверху положил икону, будто в футляр, а уж внизу под фанерой все прочее...

— Неплохо придумано, — одобрил Шпилевский. — Такой камуфляж мне и в Гродно пригодится в случае чего. Ты меня встретишь завтра

¹ Надеюсь на лучшее (лат.).

утром на дороге к разъезду и отдашь эту церковную утварь. Саквояж для нее найдется?

— Разве что этот... Зачем вам в Гродно-то?

— А вот это, старик, не твоего ума дело. Ты как завтра мне коробку передашь, плыви сразу в Красовщину и жди там. В каком бы обличье меня ни увидел, я тебе незнакомый, а ты мне — глухонемой. Ну, давай саквояж.

Шпилевский уложил в него полувоенный костюм, сапоги, запасную пару белья. Вынул из желтой сумки яйца и аккуратно упаковал туда же.

— У вас и эта сумка хоть куда, — заметил Дударь.

— Как раз никуда, потому что уже меченая. Спрячь ее подальше и рассказывай, как идти к тете Лёде.

ТРЕЩИНА

В учреждениях был обеденный перерыв. Казимир Шпилевский, легкомысленно посвистывая, пересек площадь, прочитал вывески на зданиях райкома, а также райотделов МГБ и МВД, любовался фасадом новенького Дома культуры и спросил у девочки с кошкой на руках, где переулок Гастелло, в котором живет учительница Могилевская.

— Леокадия Болеславовна? А я вам покажу ее дом, это близко.

Леокадия заметила гостя еще в окно, но дверь открывать не спешила, ожидая условленного стука. И он прозвучал: тук, тук-тук-тук.

По протоколу встречи им полагалось громко, в расчете на соседей, изображать радость свидания любящих родственников, причем слова «Дай я расцелую тебя в розовые щечки, племянник!»

входили в пароль. Но церемониал подпортила не-тактичная девчонка с кошкой. Она вперед Казимира проскочила в прихожую и затараторила:

— Здравствуйте, Леокадия Болеславовна, вас этот дядечка спрашивает, а я за книжкой к вам, вы обещали, и я чуток посижу у вас, картинки погляжу, а то на улице жарко, и кошка царапается...

В такой обстановке бурно выражать свои чувства было как-то не к месту, и встреча произошла суховато, хотя с произнесением всех предусмотренных инструкцией выражений.

Кроме того, Леокадия сама не понимала, что с ней происходит. Известие отца о прибытии агента «оттуда» через пять с лишним лет она восприняла без всякого энтузиазма. Она просто устала от ожидания и гнетущего чувства раздвоенности. Образ жизни, который она годами вела в силу обстоятельств, исподволь подчинил ее себе. Эта жизнь становилась не декорацией, а реальностью.

Учитывали далекие «шефы» на Западе такую возможность? Видимо, нет. У них для попавших в тенета вербовки всегда наготове было пугало: угроза разоблачения. Собственно, с этого и начиналась подготовка агента. Ему внушали, что малейший шаг назад — и его постигнет кара беспощадного советского правосудия.

Но все чаще Леокадия задумывалась: а какой, собственно, реальный вред она принесла стране, где живет, чтобы та покарала ее высшей мерой? Да, была переводчицей у оккупантов. Но своих рук в крови она не замарала. Да, была завербована иностранной разведкой. По глупости. Точнее, из-за жадности. Из-за стремления вернуть для себя тот образ жизни, который был усвоен с детства стараниями отца.

Однако никакого практического зла она пока никому не причинила. Живет как все окружаю-

щие ее люди: соседи, знакомые, коллеги по школе. Даже в самодеятельности участвует, и не без удовольствия. Выполняет разные общественные поручения. Добросовестно учит ребят. Правда, ее считают замкнутой, излишне педантичной и придирчивой. Но эти черты помимо воли вошли в ее характер, и опять-таки из-за проклятой раздвоенности жизни.

О нет, она не стала сторонницей нынешнего строя. Слишком сильно бродила старая закваска. Она заставляла ее во всем происходившем видеть в первую очередь негативное. Тем более, что всяких недостатков было действительно немало. Но вот одно поразительное обстоятельство, которому Леокадия и сама удивлялась все чаще. В первое время любой промах местных властей рождал в ней злорадство: так вам и надо! А потом все чаще стал вызывать досаду: неужели не сообразили сделать лучше?!

Когда она ловила себя на таких мыслях, то пугалась, терялась, злилась, и все оканчивалось жестоким приступом тоски. Она искала тогда встречи с отцом Иеронимом: его обволакивающие софизмы и почти циничное умение сгладить все острые мысли в мятущемся сознании успокаивали ее, как смесь брома с валерьянкой.

До недавних пор. Но в последние год-два и здесь что-то надломилось. Раздражать стала Леокадию ограниченность ее давнишнего приятеля. Она-то, в силу самих условий учительского бытия, постоянно следила за современной духовной жизнью. А он словно окостенел. Если Юлиуш Словацкий, то только его мистика, если музыка, то лишь Бах и Вагнер, если живопись, всего только фрески ватиканских храмов. А все остальное — от лукавого. С ним становилось скучно. И он перестал быть очагом душевного отдохновения в ее унылой

жизни. А недавно он и совсем сбил ее с толку своим откровенным заявлением: «Наверное, один дьявол знает, следует ли до конца делать ставку на этих янки и томми с их атомными игрушками. Упадет такой дар небесный — и аминь всему на двадцать верст кругом, без различия, где истинный слуга святого престола и приверженец демократии, а где нечестивец. Вы над этим не задумывались?»

Правда, сказано это было после третьего фужера черносмородинной, однако сама Леокадия без всякой наливки давно размышляла о подобных вещах.

...Ее счастье, что Шпилевский ничего не знал о душевном смятении своей «тетушки». Собственно, ему и ни к чему это было. Гости интересовали более конкретные вещи. Что знает пани Леокадия о здешней милиции, ее численности, распорядке службы. Аналогично — об оперативных работниках госбезопасности и МВД. Существует ли охрана у руководителей района во время их поездок. Бывала ли она на районных праздниках, вечерах и так далее. Как они охраняются. Кто из интересующего его круга людей особенно дружит со спиртным. Существуют ли материальные затруднения у кого-либо из руководящих работников.

Услышав неопределенные ответы Леокадии, собеседник хмуро сказал:

— За столько лет могли бы узнать больше.

— Больше знает, вероятно, наш соратник Дударь. Он везде бывает, за всем наблюдает. И вообще, мужчина...

— Дударь — всего лишь старый обух, которым его хозяева просто заколачивают клинья, — рассердился Шпилевский. — Эта замшелая колода не могла меня даже встретить...

Как-то случилось, что его не проинформировали о родственных связях «глухонемого» и учи-

тельницы. Леокадия это поняла, но все равно оскорбилась. Однако ответила сдержанно:

— Будет вам известно, что мне лично было приказано просто законсервироваться...

— Что вы успешно и сделали, — съязвил Казимир. — Ладно, мерси, тетушка, и за такую информацию. Сейчас мне нужно какое-нибудь подобие ванны, а потом — спать, спать до утра. В пять разбудите.

· ХУДОЖНИКИ ЖИВУТ В МАНСАРДАХ

На следующее утро Шпилевский отправился на поезд. В сером элегантном костюме, белоснежной рубашке и многострадальных, но тщательно вычищенных туфлях. Через полчаса он встретился с Дударем и положил в саквояж плоский ящичек с иконой и двойным дном. В том же саквояже лежали китель, бриджи и сапоги.

Они немного поговорили в густых зарослях бузины. Явно ожидая похвалы, старик сообщил:

— Еще вчера забрал багаж из ямы. Счастливо обошлось — мальчишки вздумали там червей рыть и только что чудом не напоролись на ящик. Я уж затаился рядом, думаю, если найдут, придется силой отнимать.

Шпилевский скривился будто от клюквы:

— Ну, помощнички!.. Силой! Ты ж завалил бы все...

Поболтав по дороге с бабкой Настей, запомнив дорожный свороток на Красовщину, он полюбезничал на полустанке с симпатичной кассиршей Ниночкой и влез в вагон пригородного поезда. Но садиться на обшарпанную скамейку по соседству с тетками, ехавшими на базар, не стал, а сошел на первой остановке. Отшагал два километра до

параллельного шоссе и приехал в Гродно в кабине попутной машины. Если он уже кого-то интересовал, пусть ищут на вокзале.

Зачем он ехал в Гродно? Еще в центре ему было предложено два варианта проникновения в Красовщину: или под видом студента — племянника Леокадии, которая сама наведается ради развлечения на сельский праздник и прокатит с собой гостя, или в роли художника-оформителя.

От первого варианта он после некоторого размышления отказался. Миссия племянника будет привязывать его к тетушке и лишит свободы действий, в том числе передвижения, столь необходимого для изучения обстановки и активных действий. Кроме того, «племяннику» можно было появиться на месте только в день события. А ему следовало сюда попасть раньше. Наконец, успешный финал операции означал неизбежный провал Леокадии. А она хоть и была абсолютно пассивным агентом, однако гробить ее все-таки, наверное, не следовало.

Значит, художник...

По агентурным данным, Лев Самуилович Слуцкий не отличался высокой нравственностью. К двадцати двум годам он имел судимость по двум статьям: за вымогательство и за мошенничество во время денежной реформы. Вырос он в Ташкенте без родителей, в семье дядюшки, руководящего работника торговли, и рано вкусил прелести комфорта. Но дядюшка кончил карьеру плачевно, и Лев пошел учиться в систему трудовых резервов. Не на металлиста или тракториста, а на художника-оформителя. Познакомился с «богемной» жизнью за счет левых приработков. Эти дополнительные дивиденды часто превышали скромную официальную зарплату театрального декоратора, но слишком много рас-

плодилось в его родном городе конкурентов, и Слуцкий подался в западные края. И не ошибся: любые мастера кисти здесь были нарасхват.

Слуцкий отсидел полгода за упомянутые делишки и последнее время работал в мастерских, которые занимались оформлением клубов, заводских цехов, городских улиц и площадей. Любил выезжать в командировки, потому что это давало верный побочный приработок: колхозные кассы легко раскрывались перед человеком, способным красочно изобразить в виде диаграмм рост удоев и урожаев. За пятнистую буренку на изумрудном лугу и силуэт силосной башни заезжий художник брал половину своего месячного оклада, а орудовал кистью от силы день.

В поле зрения английской разведки он как раз попал благодаря гипертрофированной любви к легким заработкам. Конечно, там понимали, что этот бездумный завсегдатай двух гродненских ресторанов не годится для агентурной работы. Но кое-какую помощь оказать мог. Разумеется, за солидную сумму. Когда в центре разрабатывали «легенду прикрытия» для Шпилевского в Красовщине, то сразу подумали о Слуцком, хотя он и не подозревал, что его имя известно на Западе. Почему бы колхозу «Партизанская слава» официально не пригласить к себе художника из солидной организации для оформления праздника?

Эта идея была подброшена председателю Мойсеновичу по почте в виде проспекта-рекламы оформительских мастерских. Полистав на досуге красочное издание, тот послал сюда запрос. Зная мобильность Слуцкого, руководители мастерских его и послали в командировку.

Шпилевский действовал в городе уверенно и даже нахально. Вообще в последние сутки у него было бодрое и даже приподнятое настроение. Пока

все шло гладко. Главное, что прыжок завершился в конце концов вполне благополучно. Холодная ванна не в счет. Раз никто к нему до сих пор не прицепился, значит, и эпизод с желтой сумкой, и появившаяся настороженность в отношении Леокадии — ложная тревога. Сейчас он идет по улицам родного города и чувствует себя почти победителем. Конечно, чувство неправомерное — это Казимир сам понимал. Но все равно он ничуть не похож на того затурканного и обокраденного судьбой мальчишку, каким покидал город пять лет назад. Он вернулся взрослым, сильным, неуязвимым, богатым. Он вернулся мстителем.

Так он представлял себе свое нынешнее положение. Нет, он не был воспитан в имении лендлорда в духе беззубой романтики. Как раз наоборот: здравый практицизм и точный учет реальностей. Но ему был только двадцать один год. Он не удержался и побывал за Неманом около собственного дома. Бывшего собственного. На минуту стиснуло сердце, и он не устоял перед другим соблазном: совершил чисто мальчишескую выходку — пробрался в памятный до мелочей погреб и оставил там на листке из блокнота зловещий рисунок с мелодраматической надписью. Пусть попаникует этот калека Мигурский! Казимир понимал, что за такую выходку заслуживает немедленного изгнания с оперативной работы. Но кто узнает?! Он возвращался в центр города в еще более самоуверенном настроении. Станислав Мигурский ошибался, рассказывая Алексею, будто Казимир умышленно отвернулся при их встрече. Шпилевский просто не узнал в стройном мускулистом матросе контуженного и беспомощного парнишку.

Казимир слегка растерялся, когда услышал в художественной мастерской, что Лев Слуцкий полчаса назад отбыл в командировку. А потом

сообразил: дурак, что ли, этот Лев уезжать сразу после получения аванса? Пропивает его где-нибудь в привокзальной забегаловке или у себя дома. Он кинулся к нему на квартиру.

Художник-монументалист, словно в бальзаковском романе, жил в мансарде старого полутораэтажного дома с дрожащей от ветхости деревянной лестницей и без всякого намека на прихожую или кухню: входная дверь открывалась прямо в квадратную комнату с гробообразным потолком. Шпилевский проник сюда без стука, потому что его все равно бы не услышали: в комнате патефон наябривал английскую солдатскую песенку «Нашел я чудный кабачок...».

Это разухабистое джаз-творение попало в наши края в годы войны да так и залежалось в коллекциях патефонных записей. Всего забавнее, что Шпилевский—Голл лишь неделю назад слушал непритязательную песенку на ее родине — в далекой Шотландии. Была прощальная вечеринка перед отлетом Казимира в Западную Германию, откуда он и стартовал в белорусское небо. Он невольно улыбнулся такому совпадению и посчитал его хорошим признаком. Шагнул в глубину затуманенной сигаретным дымом комнаты и громко откашлялся. В ответ раздалось:

— Ну, принес закусить?

О КОШКАХ

Коллеги расстались: Михаил Андреевич отправился обратно в колхоз на полуторке, а Юра Харламов пошел ближе знакомиться с младшим Вершининым.

...Братья сидели на веранде и отдыхали с дороги, предаваясь воспоминаниям о родной Сиби-

ри. Дмитрий Петрович увидел у калитки Юру и сказал без особой радости:

— Чека идет. Конечно, по твою душу. Свою я, кажется, еще ничем не скомпрометировал. Алло! Входи, Харламов-младший, мы все равно тебя уже видим. Вот так. Здравствуй, садись, пей квас и излагай цель своего прихода. Без цели вы в гости не ходите.

Юра сконфузился. Он всегда конфузился в разговоре с Дмитрием Петровичем, даже при встрече в отцовской квартире. Этот старый фронтовой друг отца вгонял юношу в растерянность неожиданными поворотами мысли и острым языком.

— Дмитрий Петрович, мне хотелось бы поговорить с Алексеем Петровичем. Боюсь, что вам будет скучно.

— Мне бывает скучно, когда в районе ничего не случается. Но, видимо, это исключено, раз ты появился здесь и к тому же присутствует мой братец. Валяйте, юноши, от секретаря райкома секретов не бывает.

Юра осторожно вытягивал у Алексея все о человеке с ямочкой на подбородке.

Итак, субъекта с этим характерным признаком видели в районе двое: бабка Настя и кассирша Нина. Видели утром второго августа, то есть вчера. Был он в сером костюме, остроносых туфлях и в белой шелковой рубашке. Вчера же, но днем, похожего человека друг Алексея Стась Мигурский встретил на улице в Гродно. Причем раньше тот не появлялся в городе более пяти лет, уехал с родителями за границу. Возникает несколько вопросов: откуда и зачем он появился, что делает в райцентре, где и что делает сейчас?

Ни на один из вопросов ответа пока не было.

— Есть еще вопрос, — сказал Алексей. — Если этот тип, как утверждает Айвенго, выкупался в

реке, то откуда на нем взялся уже в поселке новенький костюм и свежая рубашка. Значит...

— Совершенно верно, — подхватил Юра. — Значит, у него в райцентре была встреча, во время которой его приютили и почистили. Но к кому он заходил, мы тоже не знаем.

...За стеклом веранды раздалось жалобное мяуканье. С крыльца кубарем скатилась Лялька и кинулась к калитке.

— Ты опять меньшую сестру мучаешь! — завопила она и вцепилась в девочку с кошкой на руках. — Пусти ее на землю, она пойдет в гости к моей Клеопатре пить квас.

— Ольга, Ольга, — урезонила дочку Соня, — А девочку почему ты не зовешь в гости?

Обладательница кошки тоже прошла через веранду. Эх, спросить бы ее присутствовавшим здесь мужчинам, к кому она вчера завела на крыльцо симпатичного молодого человека с саквояжем. Но они, конечно, не спросили.

— Вот что, мальчики, — продолжала Соня, — квас квасом, а ужинать идите. Там леж жареный, у Дударя купила. И не замолкайте вы при моем появлении. Будет тебе, Юра, известно, что я этих Шпилевских знаю и помню: пришлось с ними за квартиру воевать для Мигурских. Не удивлюсь, если в той семейке выросла интересная для вас фигура.

Потом Алексей провожал Юру Харламова. Они шли и продолжали беседу о Казимире. Его внезапное появление в здешних местах может оказаться совсем не случайным и не безобидным. Но имеет ли он какое-либо отношение к самолету без опознавательных знаков?

Дальше. Этот фронт интересовался вчера утром дорогой на Красовщину. Но сам уехал в Гродно. Василий Кондратьевич предположил, что он ско-

ро вернется, и они с Айвенго его поджидали вечером. Никто похожий с поезда не сошел. На Красовщину свернул только высокий мужчина в полувоенном костюме и с чемоданчиком. Однако, насколько Юра успел разглядеть, он был чернявый и значительно старше Шпилевского. Был ли он кудряв, мешала разглядеть кепка. Видимо, он и совершил покушение на Айвенго, когда заметил, что участковый движется следом. Значит, он хотел прибыть в Красовщину незамеченным.

Однако никто в полувоенном костюме ни вчера ночью, ни сегодня днем в колхозе не появлялся. Из незнакомых лиц туда прибыл лишь один художник. Правда, курчавый, но брюнет и не очень высокий. И не в кителе, а в этой самой толстовке. На ногах легкомысленные сандалеты. Судя по девахе на фанере, кистью владеет профессионально. Да и с Гродно капитан связывался — все соответствует. Что касается злополучной ямочки, то как раз на подбородке у этого художника какая-то наплепка: уверяет, что глухонемой в сердцах угодил в него камешком. Отодрать бы да поглядеть, так ведь повода нет никакого. Крик поднимет.

Правда, еще чемоданчик его не осмотрели: нет ли на нем двойной царапины от кольца Айвенго? Но сейчас этим как раз занимается капитан. А пока... пока все остается словно в тумане.

Юра спросил у Алексея:

— Слушай, Алеша, конечно, времени прошло много, но может, тебе запомнилась еще какая-нибудь примета у этого вашего Казика. Ну, не обязательно во внешности, внешность все равно изменилась. Кроме того, ее можно менять и по желанию. А вот характерности в произношении; в мимике. Типичные жесты...

Алексей подумал. Постарался вспомнить все их встречи и разговоры на плотках, в лесу, на улицах.

Перед глазами вставал все тот же пухлый, розовощекий подросток со своим неугомонным, но несостоятельным стремлением верховодить в компании. Верховодил там Михась Дубовик. Он умел одним хлестким словом, а то и подзатыльником осадить хвастливого сына часовщика. Тогда Казимир...

Внезапно Алексей рассмеялся:

— Юра, ты наблюдал когда-нибудь, как кошка из подворотни выходит на улицу?

— Знаю! — хохотнул и Юра. — Она никогда сразу не выскакивает, а сначала высунет наружу башку, осмотрится по сторонам и уже потом выбегает.

— Точно. Так же и Казимир. Он, бывало, как подплывет к плоту, так сначала выставит над бревном физиономию, оглядит нас всех и, если видит, что явного недружелюбия не проявляется, выметывается на плот. И всякий раз так.

— Опасался чего-то?

— Ему частенько попадало за хвастовство и вранье. От меня персонально — за национальный вопрос. Он «москалей» все ругал и евреев терпеть не мог. Анекдоты про них рассказывал пакостные. Акцент копировал умело.

— Ну, Леша... Ты, друг, пока не представляешь, сколько ценного сказал. Только обдумать все надо. Ладно, успею переварить за восемь верст пешего хождения до Красовщины. Еще один вопрос. Какого цвета глаза у этого Казимира? Они-то, говорят, не меняются.

Алексей повспоминал и рассмеялся:

— Не помню. Вот если бы о глазах девушки спросил...

Юра присвистнул:

— Ну, дорогой, не надо обладать большой памятью, чтобы и во сне не забыть эти глаза.

У Алексея полыхнули щеки.

— Ты это о ком?

— Ох, а ты не знаешь... Славная у тебя дивчина.

— Ты... искренне?

— Да уж какая может быть неискренность при черной зависти! Ладно, шучу... А без шуток — не проворонь счастья на всю жизнь...

«ФРАНЦУЗ ДЕФОРЖ» ЛОЖИТСЯ СПАТЬ

— Закусить я не принес, сам сбегаешь, — сказал Казимир и протянул руку черноволосому курчавому парню в потертой вельветовой куртке. — Я — Стась, будем знакомы.

— Ну, допустим, ты Стась. Но что ты за Стась, что я должен бегать за закуской? — сварливо спросил хозяин чердачной квартиры.

— Ладно, пусть он сбегает, — указал Шпилевский на третьего в комнате. Это был совсем еще юнец, рыжеватый подросток. — Заодно и коньячку доставит. Вот сотенная.

Слущкий замолчал, обошел вокруг гостя. По пути свернул набок мембрану орущего патефона, уставился выпуклыми глазами на Казимира.

— Почему я тебя, такого доброго, не помню? Я всех добрых помню, которые мне фундуют коньяк. Может, ты из синагоги, куда меня манят расписать им потолок? Ну так я все равно не пойду, меня уволят с работы.

— Выше бери, — усмехнулся Шпилевский. — Я прямо с небес, так что никакие росписи мне не нужны. Гони хлопца в лавку, разговор у нас тет-а-тет.

Они остались вдвоем. Казимир оглядел комнату и заметил открытый вместительный чемо-

дан, набитый тюбиками и кистями. То, что ему надо, — саквояж туда влезет.

— Если хочешь пошушукаться, давай в темпе, — сказал Лев. — Сейчас еще один возникнет, пошел за помидорами. Одна «ноль пять» у нас имеется.

— Гони всех в шею, — посоветовал Шпилевский. — Ты, вижу, в командировку собрался?

— Именно. На лоно. На травку и молочко. Трое суток буду питаться бульбяными драниками и поцелуями под рулады соловья.

— Соловьи в августе не поют. Эти трое суток ты будешь питаться по-старому городской снедью, а лоном тебе явится твоя замызганная кушетка. Сколько ты получил командировочных?

Слуцкий ошалело глядел на нахального пришельца. Недостатком наглости он сам не страдал, но такого обращения давно не видывал.

— Сколько, я спрашиваю? — повторил Казимир и ткнул хозяина пальцем в грудь. Тот моментально сел на упомянутую кушетку и пробормотал:

— Двести пятьдесят. Еще и не отчитаюсь...

— Помножь на десять, получи две косых с половиной, гони мне документы и заваливайся спать. Деньги — вот они. Но получишь их с условием, что никуда и носа не покажешь, пока я не вернусь и не возвращу твои мандаты. Вот и вся работа. Дошло? Две минуты на размышление.

Слуцкий побледнел. Он проследил за пачкой денег, которую гость сунул под газету на столе, и начал лихорадочно размышлять. Кто этот парень? И чем грозит предлагаемая авантюра? Если уголовщина, то в третий раз ему припаяют столько, что на волю без шевелюры выйдешь.

Шпилевский без труда угадал ход его мыслей.

— Понимаю, что взлохматило твои мозги и шевелюру. Скажу сразу: я не убийца, не «медвежатник» и тем более не шпион. На остальные вопросы отвечать не буду.

— А... если я милицию позову? — не очень уверенно сказал Лев.

Шпилевский безмятежно развалился в поломанном кресле эпохи первого раздела Польши.

— Где ты упер этот антиквариат с клопами? Милицию ты не позовешь: во-первых, не в твоих финансовых интересах, во-вторых, не успеешь. Я умею испаряться через дымовую трубу, предварительно оставив хозяина без зубов. Тебе их, кажется, уже считали.

Да, верхняя челюсть Слуцкого была щедро украшена золотыми протезами.

— Ну, тебя моя биография тоже не касается, раз сам не хочешь о себе говорить.

— А я знаю твою биографию. Ты неудачно работал под Остапа Бендера, во время реформы и схлопотал шесть месяцев. Сейчас я предлагаю тебе войти в роль другого литературного персонажа, абсолютно далекого от уголовного. Ты пушкинского Дубровского читал?

— Не считай меня за пень, — усмехнулся Лев. — Только ничего подходящего для себя я там не вижу. В разбойники я не пойду, даже в благородные.

Казимир поскрипел подлокотниками древнего кресла, придвигаясь к собеседнику. Вот еще лишняя морока — эти золотые зубы. Хорошо, что в ящике лежит столбик царских пятерок. Слуцкому он сказал:

— Там есть скромный француз Дефорж. Он отдаст свои бумаги Дубровскому за десять тысяч и возвращается в Париж. И вся его работа. А тебе даже возвращаться никуда не надо: вались спать сразу.

— Ага, там — видишь? — десять тысяч! А это что за сумма — две с половиной? Это даже никакая не круглая сумма!

«Все. Испекся, раз торгуется», — справедливо решил Шпилевский. И сам стал торговаться. Он согласился округлить пачку банкнот до трех тысяч с условием, что Лев одолжит ему свою «толстовку». С возвратом. Хозяин запротестовал, объявив, что это в данный момент его единственный выходной «фрак».

— Э-э-э, сеньор Гойя в миниатюре! Вам фраки и камзолы ни к чему: вы даете обязательство безвыходно сидеть дома. Набрасываю еще сотню за штаны, которые вы снимете и вручите мне для гарантии, что не выберетесь за дверь.

— Ну да, а если вы в воскресенье не вернетесь? Срок-то командировки истекает именно в воскресный вечер. И меня даже отсутствие штанов не удержит от танцев в парке.

— Набавлю сотню!

— Слушайте, вы, Ротшильд! А как вы себе представляете это «безвыходно», если я не имею даже канализации на своей каланче? За порчу кухонной посуды гоните еще двести — она дорогая.

...Шпилевский получил в конце концов командировочное и личное удостоверение за три с половиной тысячи рублей. Еще одну сотенную пришлось сунуть за довольно приличные сандалеты.

— Не понимаю, зачем тебе мои документы, — заметил Слуцкий. — Ты же похож на меня как гвоздь на панихиду. И потом, ты что, тоже художник? Что такое ты им намалюешь в колхозе? Выгонят, как Бендера с парохода.

Казимир только вздохнул. Не мог же он рассказывать встречному-поперечному, как проходил под руководством видного шотландского художника специальный курс живописи и ка-

рандашного рисунка, а другие соответствующие педагоги три года обучали курсантов основам сценического перевоплощения, театральной мимики, дикции, жестикуляции.

Все-таки он взял клочок газеты на столе, вынул самописку и за полминуты нарисовал шарж на Льва Слуцкого. Тот глянул и рот разинул: он смотрел на себя словно в зеркало, правда кривоватое. Еще больше сгорбился нос, вылезли наружу выпуклые глаза.

— Можешь взять на память. Бесплатно, — сказал Казимир.

Он очень спешил. К вечеру ему нужно было попасть на далекий полустанок, а в городе еще предстояло совершить до конца рабочего дня немало дел. Он прежде всего отправился в зубопротезную мастерскую и застал там миловидную, но не первой молодости дамочку с роскошными клипсами и прочей яркой, однако дешевой бижутерией на голове, шее и пальцах.

— Проще! — приветливо откликнулась она по-польски на приветствие красивого молодого человека.

Казимир и заговорил с ней по-польски, отчего дамочка стала еще любезнее. Она была техником-протезистом, а стоматолог-протезист пошел за «материалом», то есть за золотом. Шпилевский в нескольких словах изложил свою просьбу: может ли он приобрести шесть золотых коронок? За наличный расчет или тоже за «материал». И как можно быстрее. У его старшего брата сегодня именины, и он хочет преподнести ему к вечеру подарок.

— Молодость всегда спешит, — укоризненно улыбнулась дама в фальшивых драгоценностях. — Где же вы были раньше? Ведь нужна примерка, подгонка коронок, а возможно, и зубов.

— Ничего этого не требуется, — уверенно возразил Казимир. — У нас с братом зубы идеально одинаковы, только у него подпортились. Знаете, от курева...

— Да, кариес бывает часто от никотина. Хорошо, я попробую подобрать, но опять-таки вам придется ждать врача: принять оплату за золото может только он.

— Да почему? — взмолился отчаянно спешивший молодой человек. — Я вам с лихвой уплачу. Вот смотрите!

Он извлек из саквояжа завернутый в бумагу столбик золотых монет. При виде их у техника-протезиста что-то клокотнуло в горле.

— Ваш шеф, вероятно, не обидится на вас, если за каждую коронку вы возьмете с меня по такой желтенькой «пятерке». Сколько я знаю, из одной вы изготавливаете сразу по две коронки.

«По три, дурачок!» — мысленно сказала дама. Казимир и сам это знал, но сыграл под простака. Лишь бы эта молодящаяся модница захотела урвать для себя пару кусочков презренного металла для украшения своей дряблой шеи.

Она захотела. Через пять минут она уже примеряла на зубы Казимира блестящие чехольчики и два из них слегка подшлифовала.

Следующий его визит был в парикмахерскую на окраине города. И вскоре оттуда вышел курчавый брюнет, смахивающий на цыгана. Только глаза были слишком светлыми для волосяного обрамления. Но не зря учили Голла кое-чему. Две капли атропина под веки — и зрачки потемнели и расширились. Правда, видеть все он стал слегка в тумане, но это уже были неизбежные издержки...

А еще через полчаса в закрытой кабине вокзального туалета произошло последнее перевоплощение. Проник туда молодой человек среднего

роста и в светлом летнем костюме. Через пять минут появился высокий мужчина в кителе, бриджах и сапогах. Их специальные подошвы и сделали Казимира выше сразу на пять сантиметров. Черные кудри его прикрывала незатейливая серая кепка. Какой-нибудь механик из МТС, приехавший проталкивать наряды на запчасти. В таком виде Шпилевский и сел в вечерний пригородный поезд. Вплоть до нужного разъезда его не покидало отличное настроение.

А дальше все пошло если и не шиворот-навыворот, то с лишними осложнениями.

ЗАКОДИРОВАННЫЙ МОНОЛОГ

Варфоломей маялся. Он впервые за все лето не пошел на утреннюю рыбалку и знал, что ребята тоже не пошли. Что им было делать на берегу без Айвенго! Правда, одно дело нашлось. Получив у Алексея подробную инструкцию, Варька изготовил себе лук и потом объяснил, как делать такое оружие, ребятам. Но даже такое занятие не отвлекло его от тревожных мыслей. Наконец он оставил звено строгать стрелы, а сам двинулся к больнице.

Он уже знал окно палаты, где в одиночестве лежит его друг, знал в лицо всех медсестер и нянечек, а с главврачом даже отважился поздороваться, хотя не был знаком. Тот поневоле заметил коренастого белоголового паренька, оттирающегося у больничного забора.

— Мальчик, ты кого ждешь? — спросил он наконец.

— Айвенго, — коротко ответил Варька, раздражась праздностью вопроса. Кого он еще может ждать?!

Врач не был старожилом в райцентре. Поэтому он выкатил глаза:

— А леди Ровена тебя пока не интересуется?

— Доктор! — взмолился Варфоломей и чуть не заплакал. — Он не помрет?

И столько недетской тоски было в ребячьем голосе, что глаза доктора спрятались на место и потеряли свою медицинскую непреклонность.

— Кто, мальчик?

— Да Айвенго же, наш участковый!

Главврач что-то понял и глубоко задумался. Да, позавидуешь людям, даже больным, которых вот так отчаянно любят дети...

— И ты его очень хочешь видеть, так?

— Конечно, только живого!

И опять детская непосредственность тронула старого доктора. Он очень серьезно сказал:

— Ну, такие, как ваш участковый, не умирают... Он тебе кто — близкий родственник?

Варька зажмурился, но врать не решился:

— Он близкий... только не родственник.

— Ясно... Можешь принести ему куриный бульон.

— Ой, доктор, миленький, нет у нас куриц, не держим. А можно ухи? Свежей. Или лучше супу из раков. Я за два часа обязательно наловлю. Они же дите... диэ-ти-ческие.

Доктор рассмеялся и поинтересовался, откуда такая осведомленность насчет больничной диеты. И узнал, что другой друг Варфоломея, некий студент Алексей, рассказывал ему, что носил когда-то в больницу хворому товарищу бульон из раков, и ничего — пропускали.

— У тебя широкий круг друзей, — задумчиво сказал старый доктор. — Милиционеры, студенты... Ты счастливый человек. Беги ловить раков.

...Варька нетерпеливо танцевал вокруг керогаза, пока на нем закипала вода для бульона, и наседавал на Прасковью:

— Да прибавь ты огня этой чертовой «цивилизации».

— Успеем, Варенька. Взорваться может.

Ничего не взорвалось, и скоро Варфоломей в выглаженной рубашке, с еще горячим алюминиевым бидончиком вошел в палату в сопровождении главврача. Айвенго лежал как-то странно: лицом вниз, но на высоких подушках. Голова забинтована. Посетителям был виден лишь один его глаз.

Этот глаз зовуще подмигнул Варфоломею, и тот быстро наклонился.

— Взяли? — успел спросить раненый.

— Больному не разговаривать! — строго приказал врач. — Говорить может только посетитель, и то, как мы с тобой, мальчик, условились.

А условились они так, что ничего, связанного с печальным происшествием, Варфоломей упоминать не имеет права. Иначе больному станет хуже, а Варька будет немедленно выдворен. «И возможно, за шиворот», — сказал доктор.

И вот после короткого раздумья Варфоломей понес такую околесицу, что врач даже потрогал его лоб: не переволновался ли малец?

«...Дырку в бороде видели в городе, а в синей хате все говорят: спасибо Айвенго за два камешка, и скоро дядя Миша и дядя Юра чемодан найдут, а еще я забыл сказать, что старик, который с рыбой, разговаривает, но об этом уже знают кому надо, и пусть он поправляется, потому что без него даже божьи коровки — это тьфу!..»

Варфоломей сделал передышку и покосился на глаз. Глаз смеялся. Он снова набрал воздуха в грудь, но доктор выволок его за руку из палаты.

— Ты... может быть, тебя следует самого положить в больницу? Чего ты такое лепетал? Какие камешки в огороде и божьи коровки в чемодане?!

Варька честно и весело глянул в глаза врачу:

— Я не лепетал, а доложил Айвенго обстановку. Вы поглядите, какой он стал веселый. Он сейчас быстро поправится!

Доктор вернулся в палату, а через минуту снова вышел. Он взял Варфоломея за подбородок и задумчиво поглядел ему в глаза.

— Мальчик... Знаешь, он улыбается. Улыбается после трепанации черепа. Мальчик, когда ты вырастешь, учись на врача. Заменишь некоторых замшелых ортодоксов. Да.

— Не-е, я на комбайнера... — виновато сказал мальчик. — Я лекарств боюсь.

Справедливости ради следует отметить, что перед Айвенго Варфоломей в какой-то мере выдал желаемое за действительное: он еще никому не рассказывал о своем неожиданном открытии насчет Дударя. Вечно подводила нехватка времени. Но сейчас он уже никак не мог держать тайну в себе. Во-первых, уже сказал Айвенго. Во-вторых, вдруг... Но тут мысли Варьки обрывались. Надо было с кем-то посоветоваться.

И он пошел к Алексею. Тот возил на шее по двору Ляльку, и племянница пятерней совершала на его шевелюре некие операции.

— Дядька Леша, я включила третью скорость, а ты все равно едешь шагом...

— Надо говорить не дядька, а дядя Леша, — поправила из кухни Соня.

— Хорошо. Дядя Леша, я сейчас включу заднюю скорость, и ты въезжай на ней в смородину, я хочу ягод.

— Товарищ водитель, там крапива, — взмолился Алексей.

— Фиг с ней, ты же в резиновых шинах.

Он был в сандалиях на босу ногу и потому душевно обрадовался появлению Варфоломея:

— А-а, заходи, дружище. Милая племянница, в машине потек радиатор — видишь, у меня лоб мокрый.

Варфоломей сокрушенно поведал ему, что до сих пор носит в себе тайну Дударя, а это, наверное, неправильно. Особенно когда такие дела... Алексей утешил его, что глухонемой наверняка отношения к этим делам не имеет. Варька как-то туманно глянул на друга:

— Ага-а, не имеет!.. А чего он тогда крутился у бани, где ящик лежал?

Алексей вынужден был признать некоторую резонность его доводов и посоветовал ему обратиться к лейтенанту Харламову. Но Варька только пожал плечами: Харламов же в Красовщине. Откуда ему известно? Да это и младенцу ясно — там они ищут того, кто напал на Айвенго.

Алексей вспомнил подполковника. Правда, отношения у них не сложились, но Алексею с ним не ребят крестить, а дело остается делом...

Через полчаса они сидели в кабинете Василия Кондратьевича, и он очень дружелюбно поглядывал на Варфоломея Мойсеновича, но довольно прохладно на Вершинина-младшего. Он их выслушал, сдержанно поблагодарил и поднялся со стула, корректно выпроваживая. Понаблюдав в окно, как друзья переходят площадь, он достал из сейфа письмо и сел его перечитывать.

«Уважаемый Василий Кондратьевич! К Вам обращается с данным заявлением настоятель костела св. Франциска Ассизского гр-н Савицкий И.В. Считаю своим долгом сообщить некоторые данные о проживающем на территории района граж-

данине Болеславе Дударе, известном как глухонемой. Он истый католик и привержен к храму, но неправдив в существенном моменте. Он не является глухонемым, а вполне владеет великим природным даром — речью и слухом. Мне об этом стало известно случайно во время исповеди, когда на традиционный вопрос о грешности его мирских деяний исповедуемый вполне членораздельно ответил мне: «Бардзо гшешны»¹. Тогда я, естественно, спросил о причине притворства, на что гр-н Дударь ответил мне, что об этом знает Господь Бог — и достаточно. О содержании своих грехов Дударь ничего не сообщил, лишь почему-то упомянул, что он плохой отец. В дальнейшем мне еще два раза пришлось слышать его речь, когда он принес в костельный притвор на продажу рыбу и вполне внятно назвал цену, а затем попросил икону св. Павла в ящичном футляре для личной молитвы. При этом он добавил, что разговаривает только со мной, ибо доверяет мне как духовному пастырю.

Указанный факт вызывает у меня тревогу, которой я и делюсь с Вами в знак глубокого уважения, не боясь разгласить тайну исповеди.

С искренним почтением

И. Савицкий».

Василий Кондратьевич отшвырнул бумагу. «Тайна исповеди!.. Еще точно не установлено, сколько раз разглашал ты ее фашистской службе СД. Пастырь!»

Однако в данном случае настораживало и другое. Неизвестно, когда была исповедь, но мальчик слышал разговор «глухонемого» с ксендзом в мае. Чем объяснить письмо, датированное только тре-

¹ Очень грешен (*польск.*).

тым августа, то есть вчерашним днем? Тем, что Василий Кондратьевич накануне сам побывал у ксендза, и тот решил вдогонку лишний раз продемонстрировать лояльность? Ну а если еще что-то ускорило этот жест?

Допрашивать ксендза подробнее бесполезно. Разведет руками. В лучшем случае сошлется на латынь: «Сапиэнти сат» — разумному достаточно. И ты же останешься в дураках.

Почему преподобный отец Иероним так настойчиво ориентирует чекистов на Дударя? Стоп! Хлопцы говорили, что Дударь второй день безотлучно сидит в лодке у Красовщины и ловит для колхозной ухи рыбу по просьбе председателя. Только ли по его просьбе околачивается там мнимый глухонемой?

Подполковник поднял телефонную трубку:

— Колхоз? Мойсенович? Где мои ребята? Найди, пожалуйста, любого, и пусть немедленно ко мне. Хоть на помеле, но молниеносно! Нет, только одного, второй пусть сидит на месте.

Через сорок минут в кабинет влетел коричневый от пыли Юра Харламов. Он забыл даже заглушить мотоцикл у подъезда.

— По вашему приказ...

— Выключи к лешему свою тарахтелку, — взялся за виски подполковник. — Вот так... Теперь слушай. Дударь там? Рыбу ловит? Глаз не спускать с него. Лодку немедленно обыскать до последней шпаклевины. И докладывать мне через каждые два часа круглые сутки, с кем он контактит. Домой звони, если здесь не найдешь.

— Ясно, но у нас еще одно, Василий Кондратьевич. Две параллельные царапины, толстая и тонкая, обнаружены на чемодане у кузнеца деревни Козляны Константина Буйко!

ЧЕМ ПАХНУТ МЕХАНИКИ

Все началось при выходе из вагона. Как обычно, прежде чем покинуть тамбур, Шпилевский осмотрел перрон. Ни души в этой глухомани. Только в освещенном окошке кассы видно, как парень любезничает с кассиршей. Утром Казимир то же самое делал. Наверное, велосипед кавалера и торчит у штакетника.

Кроме него, сошло три человека. Ни один из них не взглянул на Шпилевского, и все устремились к гравийке, ведущей в поселок. Зашагал туда и он.

Но что за наваждение: он почувствовал на затылке чей-то упорный взгляд. Кассиршин уха-жер? Нет, тот даже не высунулся из будки. Казимир остановился, дождался, пока протарахтят мимо вагоны тронувшегося поезда, и... встретился глазами с человеком, стоящим по ту сторону полотна. Вернее, тот не стоял, а деревянными граблями поправлял снизу стожок сена.

Поправлять-то поправлял, но в то же время из-под руки наблюдал за Казимиром. Едва Казимир повернулся к нему, человек принялся энергично орудовать своим инструментом. Шпилевский присел и стал подтягивать голенище сапога, низко опустив голову. И снова ощутил настойчивый взгляд.

Хуже всего, что он уже где-то видел этого человека — загорелого, плотного, с крупной головой, крепко посаженной на массивные плечи, в ковбойке и тяжелой солдатской обуви. Когда? Не позднее чем вчера, иначе бы могли забыться детали — например, бахрома вытертого воротника.

Но где?

Думай, Голл, думай, недаром тебя специально учили любую увиденную мелочь привязывать к окружающей обстановке.

Стоп! Этого здоровяка с широкой небритой физиономией он видел на другой стороне улицы Гастелло из окна своей «тетушки». Тот вышел из машины и сразу скрылся за калиткой маленького домика. А вот и тогдашняя обстановка: в машине-то за рулем сидел некто в погонах. Фью-ю! Выходит, этого тюфяка с граблями доставляют на обед в персональном автомобиле. Гарнизона в райцентре нет, значит, погоны водителя, а следовательно, и легковушка принадлежат либо МВД, либо МГБ.

Вот это ты влип, Голл—Шпилевский!

Самоуверенность и легкое настроение ветром сдуло. Четкими и прозрачными стали мысли. Значит, засекли. В чем была его ошибка? Ладно, об этом потом, сейчас главное — проверить и уточнить размер опасности и, если есть еще возможность, оторваться. Вперед, Казимир, и... не оглядывайся.

Но он и не оглядываясь проверенным шестым чувством знал, что кирзовые сапоги двинулись за ним. Все решится у поворота: если тот тоже свернет на Красовщину, значит, точно — преследует его. И тогда...

...Оттащить тело преследователя в заросли и завалить хворостом Шпилевский не успел. Сзади слышался шорох велосипедных шин. Казимир метнулся в чащу...

Он вышел к железнодорожному полотну на участке подъема. Дождался замедляющего здесь ход товарняка, вскочил на тормозную площадку и с полчаса отдыхал на ветру. Он представлял себе, что дорога на Красовщину и рельсы шли не параллельно, а расходились под углом градусов в тридцать. Значит, сейчас он находился от той дороги примерно в десяти километрах. Пора сходить: здесь его пока не найдут, а слишком уда-

ляться тоже нельзя: при всех условиях завтра надо быть в Красовщине.

Он спрыгнул с площадки — и опять незадача: подвернулась нога в сапоге с этой проклятой толстой подошвой. Растяжение сухожилий в лодыжке, но могло быть и хуже. Он с ужасом представил себе, что было бы с ним при переломе кости. Один, в неизвестной глухомани, без продуктов, исключая бутылку сорокаградусной «Беловежской». А также ампулы с цианистым калием. Вспомнив об этом, Казимир раскрыл чемодан, вынул саквояж, на ощупь отыскал там рубашку, с предельной осторожностью выпорол крохотный стеклянный сосудик и затолкал его в кармашек за подворотничок кителя. И сразу почувствовал себя увереннее: живым не возьмут. Конечно, окружи его сейчас чекисты, он стал бы до конца отстреливаться из двух пистолетов — обычного «вальтера» и бесшумного кольта, но в горячке легко забыть о последнем патроне для себя.

Когда искал рубашку, пальцы наткнулись на обернутые в носовые платки яйца. На минуту им овладела бессильная ярость: если бы и пошел сейчас в эфир импульс, на станции радионаблюдения его расшифруют как сигнал полного благополучия. А вот сигналы бедствия вовсе не предусмотрены инструкцией. Выпутывайся только сам. Единственная помощь — ампула!

Усилием воли он отогнал тяжелые мысли, попробовал встать и крикнул от боли. По другую сторону насыпи раздался медвежий рев. Этого Казимир уже не выдержал: все против него, даже лес! Неужели эти проклятые косолапые здесь попадают на каждом шагу?!

...Он пришел в себя метров за двести, когда завяз в болоте и понял, что дальше ползти нельзя — утонешь в трясине. Или повлияла нервная встряс-

ка, или помогла холодная болотная вода, залившаяся в сапоги, но на этот раз он встал почти без боли. Встал и осмотрелся при свете мелькавшей в облаках луны. За болотом, которое оказалось не очень большим, темнели какие-то бугры. Дома или стога?

Если это хутор, то почему не лают собаки? А если сено, то почему оттуда несется отчетливый запах холодного дыма и чего-то съедобного? Казимир и сам не знал, что бы его сейчас больше устроило: у него все болело, он смертельно устал, был голоден и хотел спать. Он подумал, что, если впереди ждет еще какая-нибудь беда, он раздавит ампулу. Он был смел, но не стоек, силен, но не вынослив. Он пошел к темневшим буграм.

Все-таки это были стога, а дымом пахло от погасшего костра, в котором мальчишки пекли картошку. Их было четверо. Сейчас они уснули после еды и разговоров. Собачонка, одна расслышавшая в ночи рев медведя, удрала со страху ночевать в деревню.

Шпилевский не таясь подошел к чуть светившимся под пеплом остаткам костра и плюхнулся на землю. Ближний к нему мальчишка приподнял голову и снова опустил ее на свернутый ватник. Опять приподнял и только после этого хрипло спросил:

— Ты кто?

— Я шпион, — серьезно сказал Казимир.

Мальчишка засмеялся:

— Ладно тебе... Из МТС, да? А куда ночью идешь? В Козляны?

Казимир не слышал ни о каких Козлянах и потому не ответил, а спросил сам:

— Картошку всю слопали или найдется пара штук?

— Поищи сам в золе, должна остаться. Тоже мне шпион — на бульбу льстится. Они шоколад едят, если не знаешь...

Шпилевский извлек три еще теплых обгорелых клубня, обтер их сеном, подумал и достал водку. Хотелось побыстрее и безмятежно уснуть. Кажется, здесь наиболее спокойное место для отдыха. Он сделал семь полновесных глотков — это число у него было любимым — и... сонливость начисто пропала. Он вновь ощутил прилив сил. Понимал, что это ненадолго, но пока все тело охватила бодрость. И даже появилась говорливость.

— Коней пасете? — спросил он для продолжения беседы.

— Кобыл, — поправил паренек. — За конями сейчас взрослые пастухи ухаживают. К празднику готовят. Мусить, слышали, у нас в воскресенье будет бо-о-льшой праздник. Двадцать троек готовят для катания.

— Слышал, — уже более сосредоточенно сказал Шпилевский. И наугад добавил: — В МТС тоже готовятся, комбайны чистят. Значит, вы тут из «Партизанской славы»?

— Ну да, самая дальняя бригада...

— А кого будут катать на тройках?

— Ясно, гостей. Ну и ударников своих. У меня мать лучшая свинарка, премию получит, потом в бричке с цветами покатит. — Парнишка усмехнулся. — А сама боится шибко ездить, так все ходит в кузню глядеть, хорошо ли дядька Костя эту бричку ставит на колеса. Я ходил с ней, так она ему говорит: «Первачу тебе принесу, если карета не опрокинется». А как раз и опрокинется, потому что он и без того пьяный колеса шинует...

Шпилевскому начали приходить в голову кое-какие мысли.

— Так, говоришь, неважнецкий он кузнец — этот дядька Костя?

— Не говорил я этого! — обидчиво взметнулся хлопец. — Мастер он как раз на все сто двадцать. Только что зашибает. Так, может, не сам и виноват. Кто ни придет, хоть ножницы наточить, а все равно тащит склянку. Вот и приучили. До того дошло, что по ночам работает...

— Это почему?

— Ну вот тебе на! Большой, а не понимаешь, — упрекнул мальчуган. — Днем-то его опаивают, а ночью заказчиков не бывает. Вон — светит его фабрика.

Казимир присмотрелся к всплескам света приблизительно в километре. Он с минуту посидел, сказал спасибо за картошку и объяснил, что ему пора двигаться в Козляны:

— До солнышка, наверное, дойду.

— Ты что! — усмехнулся пастушок. — Какой час-то? Полвторого? А солнце в пять. Раньше дойдешь, тут же всего пять километров.

— Ну, будь здоров, привет твоему дяде Косте. Может, его к нам в МТС сманить на работу, там спаивать не будут...

Он ушел, но мальчишка больше не мог уснуть. Что-то его встревожило. Ага, этот непонятный запах, повисший у кострища и даже перебивший запах дыма. Так пахло в хате, когда мать собиралась идти на собрание и садиться в президиум. Одеколон! Он разбудил приятелей:

— Хлопцы, чем тут пахнет?

Один принялся и с ходу заявил:

— Парикмахерской!

Второй покрутил стриженной головой в охвостьях сена и ехидно спросил:

— К тебе чего, девчонка приходила?

Отвесив ему тумак, мальчуган сказал:

— Как раз не девчонка, а механик из МТС. Что-то мне не попадались механики с таким фанатичным запахом. Керосин — другое дело...

— Он что, сам сказал, что механик?

— Не-е, он сказал, что шпион.

— А по шее ты не хочешь? Не мешай спать!

Они уткнули головы в свои ватники, а мальчик посидел еще, потом встал, проверил на лугу лошадей и скользкой от росы тропкой побежал в Козляны, где на окраине деревни жил сельский участковый милиционер.

Он бежал и внушал сам себе, что, может, не зря покинул свой рабочий пост: дело не только в одеколоне, а в том, что дядька-то появился со стороны болота, от «чугунки», оттуда и дороги на луг нет. И водку дорогую пил. Да еще с чемоданом. Может, ограбил кого в поезде?

ИЛЛЮЗИИ И СОМНЕНИЯ

Кузница встретила Казимира неверным светом маленького горна и тишиной. Кузнец сидел на дубовом обрубке неподвижно. Он был трезв и сердит. Но не из-за трезвости, а из-за пораненного пальца, по которому попало сорвавшимся зубилом, когда обрубал шинную полосу. Она светилась уже вполне накала, досадливо отброшенная к порогу.

Шпилевский переступил через горячую железяку и поздоровался. Кузнец, наверное, столько повидал на своем веку, что разучился удивляться. Появление в два часа ночи незнакомого человека не заставило его и пальцем пошевелить. Тем более больным. Однако он спросил:

— Ты как сморкаешься, добрый человек? Пальцами нос выколачиваешь или в платок? Если в

платок, то давай его — лапу перевязать. Ветошь моя больно грязная.

Казимир не только вынул платок, но и сам забинтовал палец. Дальше беседа пошла еще свободнее. Шпилевский узнал, что осталось ошиновать два колеса к четвертой бричке, а три брички уже готовы — вон стоят за кузницей, хоть сейчас в упряжку. Нет, Казимир не знал, полагается ли кузнецу трудодень за поврежденный палец.

— Вам, городским, без звука полагается больничный листок, — вздохнул дядя Костя. — А мы под бригадирским законом живем. Ведь бригадир чего скажет? Он запоем, что я по пьянке ушибся. А я по темноте — электричества-то в кузне нет. Тебе чего надо-то, ножик, что ли, наточить?

— Нет, я случайно, с дороги сбился. Слез с поезда, пошел на твой огонек, думал, в Козляны иду, а попал сначала в болото, потом вот к тебе.

— К кому в Козлянах-то? — покосился на него кузнец. — Что-то я тебя не помню.

— Да ни к кому, но автобус-то там останавливается на Красовщину? Мне туда надо.

— А ну, дыхни! Ага, по пьянке, значит, заплутал. Это бывает. Ну ладно, посиди. Автобус там бывает только днем. Всю горилку выдул или оставил на опохмелку?

Казимир извлек из чемодана «Беловежскую». На наковальне появился кусок сала и черная горбушка. С закоптелой полки был извлечен граненый стакан. Шпилевский повертел его в руках и брезгливо сморщился.

— Ладно, сполосну у колодца. — Кузнец взял стакан и вышел.

Шпилевский быстро открыл чемодан, саквояж, ящик с иконой, извлек три массивных продолговатых бруска и рассовал их по карманам. Когда

выпили водку, дядя Костя предложил вздремнуть до рассвета, и перед сном Казимир тоже вышел на воздух. Три отремонтированные брички стояли в ряд. Казимир подобрал одинаковые по размеру капсулы химических взрывателей, вставил их в бруски и сунул мины под сиденье каждой брички. Когда вернулся, кузнец уже посапывал на соломе под вытертым полушубком.

Одно дело было сделано. Казимир еще раз глянул на светящийся циферблат: три часа утра третьего августа. Капсулы растворятся точно через шестьдесят часов и сработают в три часа пополудни пятого августа, в самый разгар праздника.

Однако это было не главное дело. Основная работа, ради которой он оказался здесь, предстояла впереди. Для нее пора было перевоплощаться в художника. Но Казимиру до смерти надоел тяжеленный чемодан Слуцкого, в котором скопились и саквояж Дударя, и одежда, и ящичек с иконой, и, наконец, кисти и краски. Многие уже было не нужно, в том числе и этот невезучий полувойенный костюм с сапогами. Нет сомнения, что в округе ищут человека именно в таком костюме.

Казимир давно заметил в углу кузницы потерянный, но достаточно приличный для командировочного человека фибровый чемоданчик. Наверное, дядя Костя носил в нем из дому еду.

Шпилевский растолкал кузнеца:

— Слушай, папаша, мне пора. Давай чемоданами меняться, надоело мне этакую дурь таскать, руки оттянула.

— В придачу сто грамм даешь? — спросил кузнец, ничуть не удивляясь предложению.

— Так всю водку вытянули. Четвертную могу выложить.

— И на том спасибо, добрый человек. Перекладывай свое барахло, а мое в уголке оставь. Ну и

счастливого тебе, а я еще посплю, быстрее палец заживет...

В предрассветной синеве Шпилевский выбрал в километре от кузницы густую осиновую рощицу, быстро переоделся там в костюм Слуцкого, а ненужную поклажу закопал. В чемоданчике кузнеца остались только художнические принадлежности, коробка с иконой да серый костюм — на случай праздничного парада. И конечно, яйца.

Пистолеты удобно разместились под мышками внутри широкой блузы, заветная ампула перекочевала в ее воротник, а шесть оставшихся плоских мин даже не оттопыривали карманов. Он тщательно вымыл в лужице лицо и руки, стараясь не замочить волосы и брови, и вновь почувствовал себя бодрым и уверенным. Нога совсем не болела. Он вернулся на дорогу и зашагал в сторону, противоположную деревне Козляны. Дурак он там показываться за полдня до автобуса!

Он был уверен, что начисто замел следы и близок к цели.

Он ошибался, потому что многого не учитывал. Его неплохо учили, как играть на людских слабостях, как уходить от профессионалов службы безопасности в «восточных» странах. Но ни он, ни его инструкторы не в состоянии были понять характер здешних людей. Например, таких, как Варька Мойсенович и пастушок в ночном. Как ворчливый на свое житье-бытье сельский кузнец дядя Костя... В нем Шпилевский тоже ошибся.

...Дело в том, что кузнец ни минуты не спал. Он разучился спать по ночам за три года партизанской войны, потому что именно в эту пору суток ему — отрядному оружейнику — приходилось возвращать к жизни автоматы и пулеметы, карабины и минометы, покореженные в боях. Пока ребята отсыпались, он снаряжал их в новую

операцию. Говорят, кузнецы сильно глохнут от грохота своих инструментов. Это неправда: у них портится обоняние от вечной гари. Зато, как это ни удивительно, никто лучше их не слышит звон кузнечиков в траве, шелест еще далекого дождя, писк мыши в соломе.

Первое, что насторожило кузнеца Константина Буйко в прохожем, это руки незнакомца, когда он при свете горна и переносного фонаря перевязывал ему палец. Тыльная сторона кистей и запястья были покрыты густыми, но совсем светлыми волосами. А брови и волосы черные ажно до блеска.

Вот почему он сначала не стал ни о чем расспрашивать ночного гостя, а ждал вопросов. Но тот, видать, был умен и не спешил раскрываться, надеясь, что за водкой любитель даровой выпивки сам забудет о любопытстве. Ладно, надейся, хотя больше всех репутацию пьяницы создает кузнецу недруг бригадир: дядя Костя отказался ему задаром крышу оцинковать.

Другое, что привело дядю Костю уже в прямое смятение, — это легкое позвякивание друг о друга металлических брусков за кузницей, когда незнакомый человек вышел по нужде. Сколько раз он сам слышал этот характерный звон минных корпусов из особой стали. Этот звук он ни с чем не спутает. Потому и прильнул к дверной щели. Темный силуэт двигался от брички к бричке. Надо немедленно бежать куда следует! Один он не справится с молодым и сильным парнем, к тому же тот наверняка при оружии. Попробуй рвануть из кузницы — догонит и пришьет в два счета.

Слегка успокоило кузнеца предложение незнакомца обменяться чемоданами. Тот, значит, считает его совсем тупым пропойцей, не способным ни к каким подозрениям. Ладно, считай!

Когда парень в кителе исчез, дядя Костя прежде всего осмотрел чемодан. Ничего необычного. Тогда он метнулся к гордости своих рук, — отремонтированным бричкам. И быстро нащупал под сиденьями мины. Он был оружейник, но не сапер и не знал, конечно, устройства этих совсем незнакомых брусков. Но то, что они снаряжены, он не сомневался, и потому надо было торопиться. Очень!

Он бежал с чемоданом по дороге в Козляны и ждал взрыва. Но вдруг рассмеялся и остановился. В голову пришла простая мысль: диверсант не будет тратить мины на пустые брички. Взрыватели поставлены с расчетом на людей, которые покаты в экипажах кузнеца дяди Кости. А такое предстоит только завтра...

Он перешел на шаг и постучал в хату участкового милиционера, когда показался краешек солнца.

— Да уж пошел ваш старшина. Прибег хлопчик и потянул его шукать якого-то дядьку с деколоном. Я спросонья не все разобрала. На дорогу они пошли, — раздался сонный женский голос.

Туда же двинулся и Константин Буйко. Встретив милиционера, он коротко доложил о случившемся, и они оттащили на всякий случай чемодан с минами в глубокий овраг, а сами продолжали внимательно высматривать высокого человека в кителе и сапогах.

Но тот так и не вышел на автобусную остановку. А когда в полдень автобус подкатил, в нем тоже не нашлось никого похожего. Ехали пионерчики на экскурсию в город, крупно спорили два овощегаготовителя о сезонных ценах на помидоры, баюкала младенца молодая мамаша, да какой-то веселый художник в вельветовой блузе и с золотыми зубами рисовал на обложке блокнота

карикатуру на заготовителей. Он показал ее заглянувшему в автобус старшине, и тот, несмотря на всю озабоченность, невольно улыбнулся: уж больно похоже и забавно.

Дядя Костя тоже заглядывал в окна автобуса, но не узнал в разбитном и суетливом парне ночного посетителя. Да и говор был у художника не тот.

Эх, поднять бы ему глаза чуть выше: там на багажной полочке лежал-полеживал его собственный чемоданчик! Узнав за стеклом кузнеца, Шпилевский так растерялся, что не успел даже спрятать багаж. Но пронесло...

Участковый не мог ждать следующего автобуса или попутных машин: в овраге лежал опасный груз. Он взял из дому велосипед и покатыл в Красовщину, к ближайшему телефону.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Нет, Юра Харламов, проезжая на пароме, не узнал в пижонистом художнике высокого мужчину, который вышел в сумерках из вагона. Его насторожил лишь странный поворот головы. Однако коллега весьма доказательно разубедил Юру — художнический прием. Ну и черт с ним, с золото-зубым художником.

Но во время беседы с Алексеем Харламов отчетливо вспомнил другое. У студента, оказывается, образное мышление. Именно как кошка из подворотни выглянул тогда пассажир в кителе из тамбура вагона. Незаметный взгляд влево, такой же вправо, и после них уже решительный соскок с подножки.

Это не убеждало, но наводило на мысль, что Казимир Шпилевский — человек, побывавший в то же утро в райцентре и виденный бабкой На-

стей, и преступник, ранивший Айвенго, вполне мог быть одним и тем же лицом. Переодеться не проблема, и не велик труд сменить саквояж на чемодан. Важно другое: куда он сейчас исчез и как намерен осуществить свой замысел в Красовщине?

То, что такой замысел имеется, уже не было сомнений. Слишком упорно рвался сюда агент. И повод основательный: ожидается приезд одного из известнейших людей в республике. На празднике будут все руководители района, ответственные работники из соседних местностей, гости из Прибалтики. Удайся покушение — какой толчок был бы для активизации антисоветского подполья, для распространения паники среди населения! Повод есть, агент (или агенты) где-то есть. Что же готовится врагом? Пора знать, потому что до начала праздника остались сутки. Вот о чем думал Василий Кондратьевич и лейтенант Харламов, направляясь в «Партизанскую славу» после своего разговора о глухонемом и чемодане с царапинами. «Победа» мчалась впереди, Юра пылил сзади на мотоцикле. Миновав колхозную контору, они подлетели к овощехранилищу. Здесь стояли Мойсенович, парторг, Михаил Андреевич, участковый из Козлян и капитан-сапер.

— Показывайте! — бросил подполковник.

Ему показали четыре упругие пластиковые капсулы, каждая величиной с мизинец. На них отчетливо чернела цифра «60».

— Ну те-ка, прикинем, на какое время планировал брюнет в сапогах взрыв наших передовиков? — сказал Василий Кондратьевич. — Старшина! Когда, по словам кузнеца, был у него этот любитель «Беловежской»?

— Выходил к бричкам в три часа. У Буйко ходики в кузнице, он засек.

— Умница партизан, помню его. Значит, взрыв планируется на пятнадцать часов завтра. Парторг, дайте, пожалуйста, регламент праздника. Та-ак. Митинг... последний сноп... награждение. Ага: с четырнадцати до шестнадцати катание на тройках, игры, соревнования. Совпадает. А когда наш «гость» мог увидеть этот сценарий?

— Ну, это не проблема... — замялся парторг. — Мы его за две недели размножили на машинке и всюду разослали.

— И то верно, не проблема. Товарищи председатель и парторг, нам нужны три-четыре сметливых комсомольца, желательно служившие в армии. Но... сами понимаете!

Мойсенович ухмыльнулся:

— Вроде не в наших интересах разводить панику. Только и вы уж, уважаемые товарищи, не дайте испортить праздник.

...Шпилевский заканчивал писать лозунг на пароме, когда на него въехали «Победа» и мотоцикл. Он вместе с ними сплавал на деревенский берег, продолжая орудовать кистью, но и там не успел окончить работу до следующего рейса. В этот раз на палубу зашли двое колхозных парней и все тот же широкоплечий. На Казимира они внимания не обращали. На песчаном берегу тройца направилась к лодке Дударя, ошестинившейся удочками. Один из парней зажестикублировал, словно матрос-сигнальщик на палубе. Глухонемой свернул удочки, подплыл к берегу и вышел из лодки. Вся компания погрузилась в нее и вскоре скрылась за поворотом. Старик зашагал к парому, ступил на палубу и направился к Шпилевскому.

— Не останавливайся рядом, — шепнул ему Казимир. Недалеко был моторист-паромщик. — Иди в лес, к старому блиндажу.

Когда они встретились у блиндажа, Казимир зло сказал:

— Повели твою ладью обыскивать. Ничего в ней не оставил?

— Интересного для них ничего. Другое хуже, пан начальник. Молчать они при мне начали. Не разговаривают между собой. Так понимаю, что подозревают, будто я слышу. Откуда?

— Ну, тебе лучше знать, где наследил. У меня своих хлопот достаточно. В трибуну мины не подсунешь: видел я у одного из ихних миноискатель. Значит, завтра перед парадом еще раз все обшарят. Паром, конечно, тоже раз пять обследуют. Пройдутся и по дорогам. Так что мои жестянки могут и не пригодиться. Имеешь какие-нибудь другие соображения?

Дударь думал не про то. Только бы этот парашютист не попался. Если схватят, ниточка непременно приведет к Леокадии: заходил, ночевал, племянником числится. Прощай, значит, дочь. О себе он как-то не думал в эти последние тревожные дни. Иногда ловил себя на мысли, что смотрит на собственную персону как на готового покойника. А вот как уберечь Леокадию или хотя бы смягчить ждущий ее удар? Эх, старик, старик, ведь это ты в конечном счете испоганил всю ее жизнь. Внушил чушь несусветную, будто уготована ей судьба помещицы. И повела девку мечта несбыточная по самым что ни есть путаным стежкам-дорожкам. Другие-то бабы ее возраста, да и не умнее ее, вон как живут при нынешней власти. Веселые, с семьями, никого не боятся. Как же, нужна она тем американцам, как вот он этому безжалостному парню из-за кордона!

Вместе с тем Дударь и не думал уклоняться от участия в акции. Он понимал, что Шпилевский его просто убьет при малейшем шаге в сто-

рону, да и Леокадию не пожалее... Самому убить его? Зачем? Дударю это не скостит вины перед судом: больно много на его счету незамолимых грехов. А вот дочь спасти — тогда бы и самому помирать легче. Только как?

— Какие могут быть думки у старика, — уклончиво сказал он Казимиру. — Я ваших планов не знаю, да и сил тоже. Чего бы проще — закидать их завтра бомбами с самолета со всем их праздником, так ведь не по возможностям.

— Действительно — старый осел! — обозлился Шпилевский. — Иди сдавай рыбу председателю, бери расчет и уплывай к своему хутору. Будет для тебя в райцентре задание. Выполнишь — по возвращении к своим я ходатайствую о медали для тебя и двойном окладе. Ну и здесь оставлю тыuchoнок двадцать.

— У вас всего-то было двадцать, четыре пачки по пять, — усмеялся Дударь.

— Вот балда, там сорок было, даже этого не заметил, — снисходительно бросил Казимир. — Двойные склеенные купюры... Ты шофера райкомовского знаешь? Женя? Очень хорошо. Так вот, подаришь ему завтра свежую щуку, когда будет ехать сюда со своими хозяевами. Встретишь по дороге, будто с берега идешь, и подаришь. Доходит?

Дударь оценил: «Хитер, змееныш, знает, что там баба поедет и ни в жизнь не откажется от свежей рыбки!» Вслух сказал:

— Большая щука нужна, чтобы влезла в нее жестянка. Да и зашить ее нелегко.

— Это твоя забота. И кстати, последнее. Отдай рыбину и спи в своей развалюхе, да так, чтобы люди видели, что в воскресенье ты и близко не подходил к Красовщине.

— Все понял, начальник.

— Конечно, я мог бы поручить заминировать райкомовскую машину своей «тетушке», — задумчиво добавил Шпилевский. — Тем более, что она учительница и знакома с женой секретаря райкома, поскольку та директриса школы. Но она — протухшая вобла, толку от нее нуль. Не исключено, что скоро придется убирать... Ты близко знаешь эту дуру?

«Ближе, чем тебя, сучье отродье, — чуть не крикнул Могилевский. — Как бы тебя быстрее не убрали, гаденыш».

Но вслух опять сказал послушно:

— Мне запрещено было ее близко знать, начальник. У нас разные дела.

Василий Кондратьевич с любопытством наблюдал, как глухонемой рыбак объяснялся с председателем. Он загибал один за другим пальцы, разводил руками, мотал головой, потом изобразил, будто расписывается на листке, и при этом густо гудел. Очень хотелось рявкнуть: «Прекрати спектакль!» Но надо было терпеть до конца. В лодке Дударя ничего предосудительного не нашли, и следовало ждать, что же дальше предпримет этот старый обманщик.

Председатель наконец объявил:

— Он говорит, что рыба больше не клюет, поднялся восточный ветер, а наловил он, говорит, на уху для целого полка и просил уплатить ему и отпустить.

Подполковник кивнул: не возражаю. А сам думал, кого же направить понаблюдать за дальнейшими действиями Дударя. Юра уехал в Козляны обстоятельнее побеседовать с кузнецом и пастушонком. Михаил Андреевич с капитаном-минером проверяет ближайшие дороги. Остается пору-

читать задание одному из комсомольцев, которые оказались толковыми хлопцами: обнаружили в лодке хоть и не относящийся прямо к делу, но весьма искусно замаскированный тайник. На случай встречи с рыбнадзором. Тот глядел и не находил, а ребята разнюхали.

Хорошо, пошлем хлопца.

И когда Болеслав Могилевский поплыл вниз по течению, параллельно ему двинулся по лесному берегу сельский паренек Витя. Он получил подробные инструкции и совет прихватить ватник, потому что августовские росы холодные, а ему придется нести вахту целую ночь.

Дударь устало перебирал веслами и так же устало разматывал клубок невеселых мыслей.

...Этот бешеный щенок думает завтра взорвать его руками машину с секретарем райкома. Сам он, видать, возьмется за начальство из области. Если и удастся, что будет потом? После слез людских да похорон пышных ничего не изменится для Дударя — одинокого, всем чужого и никому не нужного старика. Впрочем, изменится, но в худшую сторону: скорее всего, сразу арестуют, раз уж и до взрывов заподозрили в симулянтстве. («Не иначе, бритая сволочь в сутане властям вякнула, — по-прежнему лениво подумал Дударь. — Нашел я кому исповедоваться. Ну да сейчас все равно...»)

А потом — скорая крышка тебе. И останется Леокадия совсем одинешенька с вечным камнем на шее: дочь наемного убийцы. Именно убийцы, а не какого-то борца за идею. Сроду он им не был...

Как снять с дочери этот тяжелый камень?

...С высокого берега сквозь смородинные кусты Витя с удивлением наблюдал, как Дударь бросил весла на борта, обеими руками поднял со дна

лодки двухпудовый валун, служивший якорем и потому обмотанный веревкой, и долго его разглядывал, держа на коленях.

Потом поплыл дальше.

СИНЕКУРА ПОД УГРОЗОЙ?

Приход и уход «племянника» породил у Леокадии совершенно угнетенное состояние. Мрачная подавленность чередовалась с внезапными приступами энергии, когда ей хотелось куда-то бежать и что-то предпринимать. Надо спасти себя! И наверное, еще кого-то! Она была набожна, и мысль о самоубийстве ей не приходила в голову, но и жить по-прежнему, а вернее, полусуществовать, словно заживо погребенной, она больше не могла ни часу.

То ей вспоминался выхоленный гость «оттуда» с его зловещим цинизмом и барским высокомерием, то приходили на память его наглые вопросы: «Сколько этих вшивых ублюдков в вашем классе?» Его прощальная небрежная реплика: «Ну-с, доживайте, раз уж приспособились» — повергла ее в окончательное смятение. Сказал словно о каком-то ничтожном биологическом подвиге, умудрившемся адаптироваться в немыслимой среде.

Она сутки пролежала без сна и еды, а завтра пошла к отцу Иерониму. Пошла не таясь. Он откровенно растерялся, увидев ее среди бела дня на пороге кабинета.

— Что-нибудь случилось, пани Леокадия?

— Да, пан Иероним! Как вы знаете, мне здесь больше не с кем посоветоваться. А пришла пора получить совет... возможно, на всю оставшуюся жизнь.

Она была бледна и потому некрасива, а дрожащие пальцы походили на старческие. Она с не-

обычной для нее краткостью и точностью изложила всю накопившуюся душевную боль и отчаяние от безысходности жизни. Она дала понять собеседнику, что он тоже повинен в ее внутренних шатаниях, раз сам позволил себе колебание в верности их обоюдной жизненной позиции.

— И что же, пани Лёдя? — осторожно спросил ксендз.

— Это я, я у вас спрашиваю — что? — почти крикнула Могилевская. — Вы долго руководили мною, почти с самой юности, так дайте напутствие и сейчас — перед скудной моей старостью. Мне пошел четвертый десяток, а я так ничего и не понимаю. Я почти не жила...

Ксендзом овладел страх. Не иначе, она решила идти с повинной. Отговорить ее? Только не это! Она все равно пойдет, но пойдет раздраженной на него, и тогда... О, женская злоба добра не помнит. Он высказал свои опасения вполне прозрачно:

— Вижу, что Всевышний уже вложил в вашу душу решение и потому мой совет был бы неуместным и даже кощунственным. Любой шаг совершается человеком по воле Божьей. Одно хочу напомнить: увлекая за собой на суд людской своих единомышленников, кающийся не приобретает блага ни в этом, ни в лучшем мире...

«Господи, да он перетрусил! — поняла Леокадия. — Прежде всего о себе заговорил... Хоть бы постеснялся так откровенничать». Но она не высказала презрения, а смиренно проговорила:

— Вы можете быть спокойны, пан Иероним: люди узнают только то, что нас связывала лишь любовь к изящному. Не более. Я о другом хочу посоветоваться с вами как со своим духовником. Будет или не будет сокрытием греха, если умол-

чу в трудный час об известной вам тайне несчастного пана Болеслава?

Ксендз ощутил еще большее смятение чувств. Если она скажет следователю о мнимом глухонемом, а Дударь, в свою очередь, проговорится при допросе, что настоятель костела всегда знал о его симуляции, как тогда будет выглядеть отец Иероним? Весьма плачевно: как укрыватель, если не сообщник, иностранного агента. А это в самом лучшем случае — позорное изгнание за рубеж, где он вряд ли будет встречен как великомученик. О синекуре, подобной здешней, мечтать ему не придется. Заштатный писарь в какой-нибудь духовной канцелярии...

— Конечно, покаяние должно быть полным, если перст Всевышнего направляет вас на него, — не очень уверенно начал ксендз. — Но, с другой стороны, позволю повторить свою мысль: увлекать за собой других на избранный вами крестный путь — вряд ли это в нравственных полномочиях рядового смертного.

— Я тоже так думаю, — с искренним облегчением сказала Леокадия. — Тем более, что он мой отец.

Отец Иероним растерянно сел. Этого он не знал. Так вот, значит, какой силы скрытность таилась в этой хрупкой и бледной женщине! Скрытность от него — ее духовного и мирского избранника! Так где же гарантия, что и сейчас она не скрывает от него многих своих душевных движений, которые пойдут ему в невосполнимый вред? Что-то надо немедленно предпринять! Нет, ее он, конечно, не тронет, это было бы предельно низко и самоубийственно, но предупредить события в порядке самозащиты — совсем другое дело.

...Так родилось письмо настоятеля костела к Василию Кондратьевичу. «Этот сигнал мне за-

чтется в случае осложнений», — удовлетворенно мыслил Ксендз и уже не жалел ни о разрыве с многолетней подругой, ни о ее суровом решении относительно самой себя.

А ЧАСЫ БЕГУТ...

В Красовщине Василий Кондратьевич тоже не забывал о полученном письме. Даже спровадив Дударя, он не мог отделаться от мысли, что тот продолжает участвовать в подготовке к преступной акции. Как? Только бы этот Витя не допустил промашки. А тут произошли еще два события.

Первое. Примчался из Козлян Юра Харламов и доложил о разговоре с кузнецом. Тот особенно напирал на разницу в цвете растительности у ночного посетителя на голове и руках. Дальше — больше. Харламов со старщиной обшарили ближайшие овраги и лесочки и вот — нашли в рощице зарытые в листву вещи. Дядя Костя и мальчишка из ночного подтвердили: тот самый костюм. Самое же любопытное и одновременно тревожное — распоротый левый уголок стоячего воротничка кителя.

— Та-ак! — крикнул подполковник. — Выходит, ампула была. И перекочевала в другое место. Значит, просто переоделся, а не исчез с места событий. Думайте, лейтенант, во что он переоделся.

— Я не все еще вам сказал, Василий Кондратьевич, — чуть замялся Юра. — Конечно, фибровых коричневых чемоданчиков наша кожгалантерея печет тысячи, но...

— Ну?!

— Совпадение странное: получается, что у кузнеца и художника они вроде бы одинаковые. Дядя

Костя вспомнил, что левый замочек у его чемоданчика плотно не защелкивался. Разрешите проверить.

— Не разрешаю. Прежде чем подозревать и идти на обыск, надо иметь более веские основания. Кроме того, если даже этот Лев — агент, то он стреляная птица и сразу заметит досмотр. Моментально свернет всю свою игру и смоеется. Наконец, не забывайте об ампуле...

— Так точно, — подтянулся Харламов. — Ваши распоряжения?

— Простые. Продолжайте собирать данные о художнике. Я буду здесь, в конторе. О, дьявол, кто там еще?!

Последняя реплика относилась к счетоводу, который позвал Василия Кондратьевича к телефону.

Дежурный по отделу сообщал, что явилась местная учительница Могилевская и настаивает на немедленной встрече с подполковником.

— Так-таки на немедленной?

— Да. Утверждает, что крайне важно и срочно.

— Гм! Могилевская? Это такая тихонькая и сухонькая? Ладно, еду.

Это был второй факт, который отвлек Василия Кондратьевича от сжимавшихся в тугой узел событий в Красовщине. Он уехал, а узел продолжал сжиматься. Или раскручиваться?..

Отправив Дударя домой, Шпилевский занялся установкой вдоль главной улицы красных флажков на заборах и воротах. Охапки таких украшений за ним таскали двое мальчишек. Тонкие древки были недавно выкрашены и пачкали руки. Когда проходивший мимо Юра кивнул художнику и глянул на его запястья, ничего рассмотреть не удалось. На тыльной стороне ладоней краска, обшлага туго застегнуты.

— Чего обедать не идете? — поинтересовался Юра, как у знакомого. — Эх ведь как здорово перемазались...

Это вышло естественно. Они и в самом деле были вроде бы слегка знакомы: вместе мотались на пароме. Слуцкий охотно откликнулся:

— Бывает хуже. Потому и не иду обедать, что надо сначала выкупаться.

— Идем вместе, — обрадовался Харламов, загоровшись желанием поглядеть на художника в одних трусах и без марлечки на подбородке — авось она отмокнет в реке.

— Вы думаете, мне жизнь надоела? Вы меня загоняете, я видел с парома, как вы плаваете. Лучше я под колодцем марафет наведу.

«Скользкий, черт!» — отметил про себя лейтенант.

«Куртку хочет проверить», — решил Казимир и внутренне содрогнулся: там пистолет, флакон с жидкостью, пять тысяч рублей, ампула. Хорошо, что остальное перепрятано в блиндаже.

Они разошлись, и каждый продолжал напряженно думать о своем. Шпилевский чувствовал, что начинает теряться. Его обкладывали, как медведя в берлоге. Кто мог подумать, что под такой жесткий надзор будут взяты дороги, паром, лодка и даже трибуна. Что это — обычная бдительность перед приездом начальства или результат собственных промахов Казимира?

Всего час назад он с ужасом видел, как тот самый громоздкий чемодан, оставленный им в кузнице, был погружен в «Победу» и увезен в райцентр.

Уже дошли по следу до кузницы! А здесь закрутился около него этот широкоплечий. Неужели смыкается черный круг? Да нет же, нет у них пока прямых доказательств, что художник — не

художник, а механик. У него здесь ни одна коронка с зубов не спала, перед кузницей он их снимал. Его ни разу не подвел еврейский акцент.

Наконец, он подлинный мастер своего ремесла: хромой председатель только языком щелкает от восторга при виде всех этих ярмарочных украшательств.

Ладно, допустим, личная безопасность пока не под прямой угрозой. Но дело? Оно-то стоит, а часы бегут. Что же остается — прямая засада на дороге и обстрел обкомовской машины из двух пистолетов? Пусть даже Дударь справится с районным начальством, но нельзя упускать главную фигуру праздника. Не простят ему этого в центре, пусть он даже благополучно доберется на Запад через Кавказ.

Нет, не доберется, если будет в открытую стрелять. Догонят, и тогда... ампула. А ему двадцать второй год... Думай, Казимир, думай!

ОМУТ

В это время Леокадия выходила из кабинета подполковника. Она была уверена, что выйдет отсюда не одна, отправят ее куда угодно, только не домой. А она пошла именно домой — совершенно обессиленная и потрясенная. После часового разговора и двухчасового составления письменного заявления ей было предложено вернуться на квартиру и никуда пока не выходить.

— Почему только домашний арест? — горько спросила Леокадия. — У власти мало тюрем для врагов?

Василий Кондратьевич чуть поморщился:

— Не надо мелодраматизма, Леокадия Болеславовна. До сих пор вы говорили более разумно. Не

выходить из дому вам необходимо в целях вашей же безопасности. Вы ведь не гарантируете, что «племянник» далеко исчез. Поэтому не считайте стражниками товарищей, которые будут пока охранять вашу квартиру.

Когда женщина, цепляясь за косяки широкой двери, вышла из кабинета, он долго сидел молча, отрешенно глядя перед собой. И вдруг с горьким недоумением произнес:

— Если все это действительно правда, то какая же она набитая дура! Классическая, хрестоматийная, феноменальная! Так испоганить ни за что собственную жизнь!

А дома Леокадию ждали. В темных сенцах сидел на кадушке ее отец. Это совсем переполнило чашу, и она без чувств упала на кровать. Она решила, что Дударь уже знает об ее поступке и наступило возмездие, о котором говорил ее недавний собеседник.

Могилевский же понял отчаяние дочери по своему: нарасказывал ей тот гаденыш о его темных делах, и она при одном виде отца падает в обморок от ужаса.

Но так просто уйти отсюда он не мог. Он смочил водой голову Леокадии, дождался, пока она откроет глаза, и глухо проговорил:

— Если можешь, за все прости, дочка. Больше я черной колодой на твоём пути лежать не буду. Это все, чем могу тебе помочь, не обессудь. А ты — иди к людям. Ну и... прощай!

Он чуть коснулся ее волос и вышел не оглядываясь. В тревожной растерянности от непонятных слов она метнулась к окну. Старик волочил ноги через улицу. А у ее крыльца тоже в явной растерянности толкался немного знакомый ей мужчина. Он то порывался идти за Дударем, то оборачивался к крыльцу. Наконец без стука влетел в

комнату, оглядел с ног до головы женщину и облегченно пробормотал что-то очень похожее на «слава те господи!» и вышел.

А за Дударем шел вдоль улицы сельский парень Витя. Они миновали поселок, вышли на заброшенную проселочную дорогу, которая вела к отдаленному развалившемуся хутору, и здесь, на пустынном месте, Витя сообразил, что стоит старику обернуться, и тот сразу заметит своего преследователя. Так оно и произошло на подходе к хате. Дударь словно споткнулся и вполоборота стал пристально рассматривать своего нежданного спутника. Витя был о многом предупрежден и не мог рассчитывать на дружелюбные объятия при встрече с мнимым глухонемым. Но он был парень плечистый и крепкий, а бежать обратно ему самолюбие не позволило. Но и стоять на месте было ужасно глупо. Он пошел вперед, правда, не очень быстро.

Дальнейшего он никак не ожидал. Дударь взмахнул рукой в приветливом жесте и громко прохрипел:

— Шагай-шагай, не робей, никакого худа не сделаю!

Парень подошел, но был весь настороже, отметив, что старик свою маскировку почему-то отбросил. Даром такое не делается.

Дударь продолжал хрипло говорить:

— Ну чего ходишь за мной от самой Красовщины? Приказали? Не надо уже никаких приказов, пойдем в хату, я тебе что-то дам, и валяй ты обратно к тому начальнику, который тебя послал.

Еще ничего не понимая, Витя вошел в неогороженный двор. У погреба жалобно блеяла привязанная черная коза. Ее разбухшее вымя почти волочилось по земле. Земля была выедена и вы-

топтана вокруг, а пересохшее корытце опрокинуто. Старик вынес из хаты солдатский котелок и прежде всего сел доить козу. Потом отвязал ее и хлестнул веревкой:

— Ну, иди на все четыре, кормилица-поилица, да серым не попадайся. Авось кто и подберет тебя.

Потом он оглядел своего гостя с ног до головы и опять прохрипел:

— Неженатый? Ну так твое счастье, что попался на пути. — Он заглянул в низенькую кладовку и вынырнул оттуда с желтой сумкой. — Вот, пригодится тебе на свадьбу и обзаведение. Да не сумка — ее ты начальникам отдашь, а держи деньги. Их можешь не отдавать — мои. Здесь порядочно. А побрезгуешь, выкинь к свиньям собачьим.

Он перевел дыхание, словно долго бежал, и уже размеренно проговорил:

— Теперь так. Запомни четыре слова и передай их своим в Красовщине. Не перепутай. Вот так скажи: «Быстро берите парашютиста-художника». Чего вытаращился? Беги! Э-э, понял: боишься приказ нарушить и меня оставить без догляду. Ну, тогда выбирай сам: или доброе дело делай, или за покойником наблюдай...

Витя был парень не из робких, но испугался, глянув в глаза Дударя. Он не видел глаз. Вместо них были тусклые белесые пятна без зрачков.

И он ушел с хутора, а потом побежал изо всех сил по прямой дороге в колхоз, на ходу пытаюсь переварить все увиденное и услышанное за последние полчаса.

Где-то через километр его догнала «Победа». Василий Кондратьевич сквозь облако пыли крикнул:

— Ну где он? Упустил?

Давясь воздухом, Витя все рассказал. Подполковник грохнул кулаком по стеклу:

— Э-эх, молодозелено! Нельзя было оставлять его. Водитель, разворачивайся на луг и забудь, что у тебя легковушка, гони к хутору как на танке.

Но на хуторе уже не было ни души, даже коза сбежала.

— К берегу! — скомандовал Василий Кондратьевич. — Показывай, Витя, где он вылез из лодки.

...Болеслав Могилевский вышел к лодке медленным и чуть торжественным шагом. Он оттолкнулся от берега и поплыл к омуту, где часто ловил язей. Там он заметил две торчащие из кустов удочки, но это его не смутило. Пустив лодку по течению, он поднял с днища валун-якорь, обмотал веревку вокруг шеи и вдруг локтем ощутил в кармане брюк что-то твердое. Пошарил и достал ту самую мину. А взрыватель? Вот он, в ватнике. То и другое старик порознь зажал в кулаках и, сильно размахнувшись, швырнул на берег:

— А ну, хлопцы! Зробите салют на реке по мою душу!

И без всплеска перевалился через борт.

...Совершенно изумленные и перепуганные всем виденным, Варька и конопатый Юзик глядели то на черную воду, то на зарывшийся в песок металлический брусок и светлый цилиндр. Юзик первый вскочил на ноги и бросился бежать от берега, захлебываясь в крике:

— Ду-да-рь уто-пи-лся!

Но тут из-за луговых кустов на мальчишек вылетела коричневая «Победа», и подполковник быстро затолкал их в машину, чтобы не оглохнуть от истошного вопля.

Разобравшись в происшествии, он кинулся к омуту и сразу понял, что своими силами они вряд ли достанут тело: темные упругие спирали воронок яснее ясного говорили о глубине ямы.

— Знал место, — угрюмо пробасил шофер. — Тут близко к шести метрам. Ну, я все-таки нырну, как-никак служил на флоте.

— Точно, шесть метров, — подтвердил Варфоломей. — Мы шпагатом с гайкой мерили. А у дна течение такое, что и гайку волочит вниз.

— Еще не лучше, — сказал шофер, но все-таки разделся и прыгнул в омут.

А через семьдесят секунд вынырнул. Отдышался и сказал:

— Еле дно достал, крутит волчком, а внизу вбок куда-то тянет. И темно, как в торпедном люке. Не, без водолазов не обойтись. Или на отмель его вынесет.

— С чего это он утопился? — толкнул Юзик в бок приятеля.

Но внимание Варфоломея уже переключилось. Он во все глаза разглядывал Витю, а еще внимательнее его желтую сумку на ремне. Глянул на ноги: с азарта померещилось, что и туфли остроносые. Посмотрел на подбородок — он зарос трехдневной щетинкой. Варька силой оттащил подполковника от машины и чуть не захлебнулся слюной:

— Василий Кондратьевич, сумка!

— Ну?

— Желтая. Та самая. Шпионская, Айвенговская..

— Знаю. Так что?

Варька отрешенно глядел на собеседника.

— Так чего вы его не арестовываете?

Подполковник наконец понял Варфоломея.

— Нет, дружище, это не тот. А настоящему хозяину сумки мы скоро ее предъявим, затем и едем. Надеюсь, далеко он не уйдет.

Машина помчалась в Красовщину.

А ребята через луг заспешили домой, прихватив удочки и самодельные луки с желтыми свежееоструганными стрелами, на хвостах которых горели красные перья.

ДВЕ БАНКНОТЫ

Шпилевский действительно далеко не ушел: он просто снова замаскировался. Случилось то, чего опасался Василий Кондратьевич: лейтенант Харламов все-таки спугнул его. А произошло это так.

Юра размышлял правильно. Если нельзя осмотреть растительность на теле художника и проверить его чемоданчик, то все равно должны быть приметы, по которым можно установить: Слуцкий ли был ночью в кузнице?

Юра вспомнил о двадцатипятирублевой бумажке, пожертвованной дяде Косте за чемодан. Он снова оседлал свой «БМВ» и слетал к кузнецу. У того ассигнация еще сохранилась, хотя вот-вот могла быть обменена на некий товар, потому что Харламов застал дядю Костю на крыльце сельмага в Козлянах. Лейтенант записал номер купюры — «ХО 6391250» — и помчался обратно. Час назад он видел, как художник заходил в магазин и вышел оттуда с банкой тушенки, — видимо, решил добавить ее в колхозную молодую бульбу с огурчиками, принесенную ему на обед в клуб.

Юра повел с продавщицей тетей Броней хитрый разговор. Сказал, что за время командировки у него в карманах скопилось столько мелочи

и мятых рублевок и трешек, что вываливаются при езде на мотоцикле. Вот они. Нельзя ли обменять? Она и обменяла ему выложенный некомпактный капитал на двадцатипятирублевую ассигнацию. А поскольку он попросил бумажку поновее, чтобы не истерлась, то к нему как раз попала ассигнация художника. Она была единственной новой в изрядно замусоленном содержимом кассы сельского продмага.

В комнате парторга Юра сравнил номера и остался сидеть в глубокой задумчивости. За тушенку был уплачен билет Государственного банка достоинством в 25 рублей за номером «ХО 6391249».

Значит, купюры, выданные кузнецу и тете Броне, вынуты из одной пачки. Что ж, лейтенант, пора брать этого Льва, пока он еще что-нибудь не устроил. Брички, к счастью, удалось обезвредить, но ясно, что сегодняшнюю ночь и завтрашнее утро агент не будет сидеть сложа руки.

Харламову не удалось дозвониться до Василия Кондратьевича: дежурный сказал, что подполковник уже выехал в Красовщину. Значит, минут через пятнадцать будет здесь. Но прошел целый час, а «Победа» не появлялась. Без санкции начальства лейтенант не рисковал перейти к решительным мерам.

Между тем Шпилевский не терял ни минуты. Он только что принялся за обед, как увидел в оконце клубной комнаты широкоплечего чекиста. Тот опять прикатил на мотоцикле и круто затормозил у магазина. Из сельмага он вышел в такой спешке, что не стал отгонять свой транспорт, а пешком пошел через улицу в контору. «Чего он опять выудил?» — подумал Казимир и не стал доедать тушенку. Последние часы он чувствовал себя словно на медленно раскаляющейся плите. Он быстро пошел в магазин.

— А где мой друг-мотоциклист? — удивленно спросил он продавщицу. — Машина вроде у вашего крыльца.

— Только что был, — развела руками тетя Броня.

— А «Беломор» он взял на мою долю?

— Н-нет.

— Так чего он тогда покупал, беспамятный?

— Ничего он не покупал. Мелочь всякую обменял на одну бумажку и пошел.

Сначала Казимир ничего не понял:

— Что за мелочь, на какую бумажку?

— Да медяков у него куча скопилась, как раз и пригодилась ваша новенькая четвертная на обмен парню.

Наверное, Казимир побледнел, потому что тетя Броня приоткрыла рот. Но тот уже вышел.

Готовый ко всему, Шпилевский осторожно двинулся снова к клубу, держа руку за пазухой блузы. Ногой распахнул дверь. Она ударилась о стенку, отскочила, но оттуда никто не появился. Он быстро достал из чемодана яйца, переложил их в футляр с иконой, прощупал в нем двойное дно — пачки с деньгами похрустывали; туда же засунул пару кистей так, чтобы концы торчали наружу, секунду подумал и торопливо надел под наряд художника серый костюм. Все? Кажется, все! Чемоданчик он брать не стал, чтобы не вызывать лишних подозрений, и вышел из клуба. Сразу же повернул в противоположную от конторы сторону и нос к носу столкнулся с колхозным парторгом.

— Далеко собрались? — мирно поинтересовался этот спокойный и доброжелательный человек.

— У школы гипсовые пионерчики совсем цвет потеряли, хочу алебастром пройтись, а то вид портят, — пояснил художник.

— А вы всевидящий. И заботливый. Нам повезло, — улыбнулся парторг. — Ну, удачи!..

«Вам повезло, — думал Казимир, сворачивая на огороды. — Ваше счастье, что времени мне не осталось кинуть флакон в артезианскую скважину, а то попили бы колхозные буренки водички с бруцеллезом. Был бы вам рост общественного животноводства!..»

Но все это проносилось в голове уже мимоходом. Главные мысли были о том, чтобы скрыться. Надежно и в то же время с пользой для финала. Притаиться, пока они будут искать его в деревне. Что в данную минуту делает тот чекист? Конечно, спрашивает по телефону санкцию на арест художника. И возможно, уже получил ее. О! Вот и «Победа» запела у парома. Самую чуточку опоздали, уважаемые господа чекисты. А сейчас вы меня еще половите!..

Отвлекая себя лихорадочными мыслями от подступающей к горлу дурноты, Шпилевский бежал через огороды к реке, где у бревенчатых сходней немало болталось лодок-дощаников.

...В кабинете председателя Харламов встретил своего начальника официальным докладом:

— Согласно вашему распоряжению продолжал вести оперативный розыск доказательств своей версии. Добыты неопровержимые вещественные доказательства того, что неизвестный, покушавшийся на младшего лейтенанта милиции Ай... Горакозу, а также заминировавший около кузницы три колхозные повозки, и художник Слуцкий являются одним и тем же лицом. Считаю необходимым немедленный арест указанного Слуцкого.

Василий Кондратьевич с некоторым удивлением посмотрел на Юру.

— Ну и отлично, — сказал он. — Тем более, что у нас имеется четкое подтверждение вашей

версии со стороны гражданина Дударя, правда уже покойного. А чего это вы тянетесь?

Харламов слегка поперхнулся, но официальный тон не оставил:

— Докладываю, что в настоящий момент задержать Слуцкого не представляется возможным: из-за непродуманности моих действий он заметил свой провал, а из-за медлительности — опять же моей — сбежал!

Василий Кондратьевич сел на стул и прищурился:

— Ход ваших мыслей улавливаю: проворонил, виновен и, значит, заслуживаю отстранения от операции и отправки под арест. Так? Н-да! А кикимору малосольную вы не хотите?! — неожиданно взорвался подполковник. — Вот доложу сейчас полковнику Харламову, что вы уклоняетесь от операции в самый опасный момент, тогда... Что, не надо? Ну так ловите диверсанта! Далеко он не уйдет. Поймите, что ему пока не с чем возвращаться к хозяевам, а пустые руки там отрубают...

Осмотр клубной комнатки еще раз подтвердил правоту Юры: брошенный чемоданчик на одну защелку не запирался. Рядом — недоеденная тушенка.

— Эк ведь рвал когти! — хмыкнул Мойсенович. — Вот тебе и веселый художник. Как он обвел меня, партизанского разведчика!

— Не одного тебя, — хмуро успокоил председателя Василий Кондратьевич. — Профессионалов четвертые сутки водит вокруг пальца. Три раза меня спрашивали из области, нужна ли помощь. Три раза я, дурак, гордо отказывался. Мне напомнили, что все сроки истекают, и деликатно спросили, не следует ли нам отменить завтрашний праздник. Обещал дать ответ к два-

дцати трем ноль-ноль. Ситуация ясна, товарищи?

Ситуация была всем ясна. Праздник отменять поздно. А что делать? Парторг даже усомнился, удобно ли будет использовать наглядную агитацию, раз она приготовлена руками вражеского агента. Вопрос действительно был не такой уж простой... Василий Кондратьевич предложил парторгу посоветоваться с райкомом.

Вершинин был уже дома и ответил так:

— Во-первых, у меня гости и на столе пельмени. Во-вторых, вы явно устали и потому идите в отпуск. Как это не устали? А ваши, извините, неврастенические вопросы? Сколько я знаю, эскизы, макеты, тексты, даже краски — все было изготовлено честными и глубоко идейными советскими головами и руками. По моему скромному соображению, пельмени не перестанут быть пельменями, если их сварит даже сам лидер вегетарианцев граф Толстой... Знаки препинания в лозунгах, конечно, проверьте.

— Вот всегда он так, — уныло сказал парторг, положив телефонную трубку. — Не поймешь, где в шутку, где всерьез. Но похоже, что он меня отчитал. А?

— Похоже, — согласился Василий Кондратьевич. Ни о чем не подозревая, школьный оркестр начал вечернюю репетицию. На ферме утробным ревом отозвался бык.

НЕ В РАДОСТЬ ВСТРЕЧА

Шпилевский шел к Леокадии. Он понятия не имел о последнем ее поступке и меньше всего подозревал, что квартира «тетушки» под наблюдением. У него просто не было выбора. Предсто-

яло уговорить или заставить Леокадию явиться завтра в Красовщину и заминировать в последний момент трибуну. Учительница будет в числе представителей районной интеллигенции и вполне может оказаться по соседству с наиболее именитыми гостями. Он даст ей четыре бруска с детонаторами разных сроков и покажет, как следует с ними обращаться. Он убедит Леокадию в абсолютной ее безопасности, потому что и в голову никому не придет заподозрить скромную учительницу в диверсии. Пусть только она правильно поставит свои часики, чтобы вовремя уйти от трибуны. Он заверит Леокадию, что доложит шефам о ее подвиге, который гарантирует агенту Могилевской долларовое вознаграждение, небывалое долларовое вознаграждение, а в дальнейшем райскую жизнь на Западе.

...Он еще и еще придумывал убедительные доводы, которые подтолкнут Леокадию на этот шаг. Придумывал — и сам до конца не верил в осуществимость своего плана. Но это была последняя надежда. Пусть бы Могилевская согласилась, пусть бы не подвел старик с фаршированной щукой. И тогда вспыхнет грандиозный фейерверк, который осветит триумфальное возвращение агента Голла к шефам.

По заброшенной дороге он шел в поселок, и это был уже не приезжий художник в замызганной «богемной» блузе и запачканных белилами брюках, а снова элегантный молодой человек в отлично сшитом костюме. Одежку Слуцкого он закопал у лесного ручья, вымыв заодно перекисью водорода волосы, брови и ресницы. И даже побриться успел заботливо сохраненным лезвием, хотя на этот раз и без одеколона.

И это было его последнее перевоплощение.

Он входил на окраинные, тускло освещенные улицы райцентра, а навстречу ему шли приятели детства — Алексей Вершинин и Михась Голуб, бывший Дубовик, приехавший на побывку к своим приемным родителям и узнавший от них об Алексее.

Они встретились час назад, улизнули от пельменей Софьи Борисовны и теперь шагали вдвоем, спеша наговориться. Говорили и о том месяце шесть лет назад, и о нынешней их жизни. Алексей проникся великим уважением к другу-парашютисту, Михась, наоборот, люто завидовал Алексею. Люди, печатающиеся в газете, все казались ему или Тургеневыми, или Борисами Полевыми. Он видел недавно в «Комсомолке» маленькую заметку о каком-то молодом московском изобретателе за подписью А. Вершинина, но не поверил, что это Алексей. Во-первых, при чем тут Москва, если тот в Свердловске, а во-вторых, не верилось, чтобы довольно лопоухий Лешка с неманских плотов сумел так здорово написать... хотя рассказывать Лешка умел так, что даже вздорный Казик заслушивался.

— Кстати, о Казимире, — заговорил Алексей. — О нем есть кое-какие свежие сведения...

Михась вдруг встал как вкопанный и весело захохотал:

— Какие могут быть сведения, когда вот он сам идет! По той стороне. Собственной персоной. И курчавый такой же. Ну знаешь, это прямо как в кино! Мы словно сговорились все встретиться...

И он уже раздул легкие, чтобы рывкнуть приветствие. Алексей что есть мочи стукнул его между лопаток. Крик сорвался.

Алексей дернул Михася в ближайший дворик. — Чего ты? — изумился Михась.

В нескольких словах Алексей обрисовал обстановку: самолет, ямочка, Станислав, раненый Айвенго... Михась таращил и без того круглые глаза. «Да не может быть. Хотя... Ах ты, корень зеленый! Ну и ну...»

И так далее. Алексей лихорадочно соображал, оглядываясь по сторонам. Они были рядом с домиком Мойсеновичей.

— Варфоломей!

В ответ на зов Алексея из-за сарайчика вылетела стрела с красным оперением. И воткнулась в забор. Следом появился стрелок.

Варька слегка испугался:

— Вы чего здесь крутитесь? Попали бы под стрелу! Я тренируюсь...

— Видишь? — показал ему Алексей на уходившего Шпилевского.

Вечер был светлый, видно было хорошо.

— Вот тебе тот тип с ямочкой на подбородке. Догоняй и следи за каждым шагом. Нам нельзя, он нас знает. А я галопом в синий домик.

— А мне что делать? — спросил Михась, застегивая форменный ремень.

— Тебе? Страхуй издали Варфоломея, мало ли что... Только чтобы не узнал тебя.

К дежурному отдела Алексей ворвался смерчем:

— Где Василий Кондратьевич? Или Юра?!

Старшина неспешно оглядел встрепанного юношу и осведомился в свою очередь:

— По какому делу и кто вы?

— Я Вершинин, брат секретаря райкома, они меня знают, а дело секунды не терпит! — закричал Алексей. Было не до скромности.

Дежурный еще раз покосился на него и взял телефонную трубку:

— Девушка, колхоз «Партизанская слава», председателя.

Через минуту он тем же уравновешенным тоном сообщил посетителю, что «товарищ подполковник и товарищ лейтенант в двадцать один ноль-пять отбыли в районный центр».

Алексей перехватил «Победу» еще на въезде в поселок. Он бросился чуть ли не под фары и удостоился некоторых замечаний водителя. Но Василий Кондратьевич был милостивее. Выслушав Алексея прямо в машине, он сказал:

— Молодой человек, я начинаю думать о вас все лучше, и не исключено, что подножка с ксендзом исчезнет из моей памяти. Что ж, мальчики, действуйте. Лейтенант, машина в вашем распоряжении, а я пройду к себе пешком. Жду ваших сообщений. До двадцати трех еще полтора часа.

...Варфоломей не стал переходить на другую сторону улицы. Светло-серый костюм и так хорошо виднелся в сумерках. Варька видел, как человек чуть замедлил шаг около дома учительницы Леокадии Болеславовны, но только поправил шнурки на туфле и пошел дальше, в сторону сквера, где уже играла радиола, сзывая молодежь на танцы. Варька вспомнил глухие кусты вокруг площадки. Там любому легко исчезнуть из виду. А дальше крутой откос, луг и лес.

...Казимир заметил человека в палисаднике дома «тетушки». Тот даже не прятался, а сидел на завалинке и курил. В его задание и не входила маскировка, просто было приказано никого не впускать и не выпускать. Шпилевский этого не знал и сейчас напряженно раздумывал: «Случайность? Знакомый? Сосед? Но мне она до зарезу нужна».

Впереди играла музыка, шаркали подошвы, слышались голоса. Было удобное место для встречи, и он решил вызвать сюда Леокадию с помощью какого-нибудь мальчишки. Пока оглядывал-

ся, Варька подошел почти вплотную и при свете эстрадного фонаря рассмотрел гладко выбритое полнощекое лицо с раздвоенным ямочкой подбородком.

Казимир тоже заметил Варьку.

— Эй, стрелок! Танцевать тебе рано, а заработать на конфеты можешь. Учительница Могилевская знаешь где живет?

— Ну, знаю, — процедил Варфоломей.

— Вот тебе рубль, сгоняй к ней, вызови сюда. Скажи — обязательно.

— А кто вызывает?

— Она догадается. Беги!

«Может, он и Леокадию собирается хлопнуть, как Айвенго, — заподозрил Варфоломей. — Она хоть и зануда, а все равно женщина. Ишь чего надумал!» Он никуда не пошел, а спрятался в кустах и продолжал наблюдение за типом в сером костюме. А тот вдруг поднялся со скамейки и оперся о перила площадки. Варфоломей отчетливо увидел, как он что-то сунул между тесными балясинами ограды. «Так, запомним. Наверное, не конфету ты туда положил».

А Казимир решил избавиться от одной из оставшихся пяти мин. Он рассудил, что четырех Леокадии будет достаточно для Красовщины. Оставить свою «визитную карточку» в самом людном месте поселка будет не лишнее. Даже если найдут, скоро он будет далеко отсюда. Спрячется хотя бы на хуторе Дударя.

...Михась проследил за Варькой вплоть до танцплощадки и здесь потерял его. Казимир сидел на скамейке, а парнишки не было видно. Ну, значит, где-то сам прячется. Он разглядывал Шпилевского и то узнавал в нем прежнего Казика, то сомневался... Вон какие плечи под тонким пиджаком. Это не жир изнеженного бар-

чонка, а тугие мускулы. И лицо словно окаменело. Да, похоже, что этот человек прошел порядочную выучку.

Казимир поднялся. Он уловил ставший уже знакомым звук мотора коричневой «Победы». Прислушался. Сомнений не было: машина двигалась сюда. Вот уже отблески фар сверкнули между домами ближайшего переулка. Он шагнул в сторону кустов. И вдруг словно из-под земли вырос парнишка, посланный за Леокадией. Он бормотал:

— Она... она скоро... только...

Но Шпилевский уже все понял. «Ах ты, пионерчик вшивый!»

Понял и Варька, увидев зло блеснувшие глаза.

Варька кинулся спиной в кусты, перехватил стрелу, стараясь попасть прорезью на тетиву. Не успел. Фигура в сером костюме метнулась к нему. Варька выставил стрелу вперед как кинжал, но уже не увидел, что жестяной конус-наконечник воткнулся врагу в ладонь.

Казимир сжал ему шею сгибом локтя, а движением колена отшвырнул его в кусты.

И тут почувствовал железную хватку вокруг собственных запястий. «Уже!» — страшно мелькнуло в голове, и он подумал было об ампуле, но чей-то голос произнес:

— Ты чего с маленькими развоевался, Казик? Со мной попробуй!

О, Казимир помнил этот голос, даже годы не изменили его. Да, перед ним стоял Михась Дубовик, только не в брезентовой нищенской робе, а в солдатской форме. Как он тут оказался?! Однако первым этот вопрос задал Михась:

— Так что ты тут делаешь, Казик Шпилевский?

— Э-э... это, брат, в другой раз: сейчас жуть как спешу. Мальчишка этот в ногах путался.

— Не от них ли спешишь? — показал сержант глазами на приближающиеся три фигуры, по-прежнему сжимая его запястья.

Казимир боднул его головой в переносицу. Но, оказывается, Михась знал этот прием: десантников учат рукопашным схваткам не хуже, чем в разведшколах. Удар пришелся вскользь по скуле. Правда, правую руку Казимир все-таки освободил. Он попытался ею нанести удар, но помешала непонятная боль в ладони.

Михась успел перехватить и круто вывернуть Казимиру руку, так что хрустнуло в предплечье. Но тот вырвался и стремглав кинулся к откосу, клубком покатился в густой луговой туман. Харламов, Алексей и шофер «Победы» бросились следом. Оправившийся от удара Дубовик успел крикнуть им вслед: «Живым берите, правая у него вывихнута!»

И тут он услышал рядом стон. Стонал мальчик, следом за которым он шел.

— Больно тебе? — испугался Михась.

— Не то... не в том дело... мина там, — еле выговорил Варька.

...Мало кто из посетителей танцплощадки заметил происшедшее в кустах, а если и видел, то посчитал обычной пьяной дракой: они случались здесь в субботние вечера. Зато очень многие танцующие удивились, наблюдая за действиями неизвестно откуда взявшегося сержанта, тот тщательно обшарил несколько столбиков перил, извлек что-то продолговатое и бросился с ним сквозь кусты под откос.

Там Михась посветил себе фонариком, вспомнил уроки минного дела и чуть дыша извлек взрыватель. Он с трудом уgomонил дрожь в пальцах: пожалуй, это было пострашнее, чем самые хитрые затяжные прыжки в ночь.

Потом он вновь поднялся к площадке, нашел лежащего Варьку, взял на руки и вышел на свет:

— Эй, ребята, кто знает этого хлопчика? Отнесите его домой или в больницу, его крепко шпана помяла.

Сам он очень торопился к тем, кто где-то уже далеко преследовал врага, в сто раз более опасного, чем любая шпана. Михась даже расслышал два глухих выстрела. Другие на них не обратили ни малейшего внимания: сегодня в ночь как раз начинался охотничий сезон на уток, и многие охотники, по обычаю, еще до утренней зорьки проверяли заряды.

Но старший сержант десантных войск без труда отличал выстрелы дробовиков от пистолетных.

«ПЬЯНОГО ВЕДУТ...»

Собственно говоря, пока стрелял один пистолет — «вальтер» Шпилевского. Харламов и шофер-сержант даже не вынимали оружия: упаси бог ранить! Станут подходить, и хрустнет ампула... А он нужен живой. И это вполне возможно, потому что маневренность агента сейчас здорово ограничена из-за вывихнутой руки. Молодец десантник!

Шпилевский оторвался от своих преследователей метров на триста. Еще столько же — и спасительный лес. Конечно, полностью он от опасности не избавит, но от пуль укроет. Кстати, почему они сами не стреляют? Рассчитывают взять живого? Ох, дурачки, ему же нечего терять, за одного постового на прибалтийском мосту ему уготована «вышка», да и пацану сегодняшнему он,

кажется, намертво свернул шею. Нет, он их еще поводит за собой, изобразит, что кончились патроны, а потом подпустит вплотную и перещелкает по одному из бесшумки. Жалко, что нет мгновенного детонатора для мин, он бы им вымостиł взрывчаткой дорогу к лесу.

Бормоча все это вполголоса, Шпилевский перебегал от кочки к кочке, от куста к кусту и, наконец, от дерева к дереву. Уже из-за сосны он пустил пулю в широкоплечего и увидел, как тот споткнулся на правую ногу, упал. Второй, в кожанке, подбежал к упавшему. Казимир еще раз выстрелил. Мимо. Все-таки с левой руки стрелять неудобно. А где третий? В лесу уже совсем стемнело, можно только догадываться по хрусту сучьев, что тот взял вправо, в обход. Окружить пытаются? Ну, треугольник — это не круг, проход найдется, были бы силы да патроны. Сколько их осталось в «вальтере» — три или четыре? Ладно, он будет стрелять, пока машинка не замолкнет. Потом возьмется за кольт. А теперь еще бросок на двадцать метров, еще... Ага, впереди черная стена ельника. Уж не тот ли самый, где он первый сигнал давал и медведя встретил? Кстати, о сигналах: наверное, в центре не дождутся завтра трех импульсов с интервалами в тридцать пять секунд. Как бы не пришлось давать сдвоенный без интервалов, что означает — заказывайте панихиду...

Еще перебежка — и вот она, чащоба ельника. М-мм, не проползти ему туда со вспухшим плечом. Откуда принесло проклятого Дубовика с его самбо? И этот сволочной пацаненок с колючкой... Если бы не проткнутая ладонь, он уложил бы солдата. Что это — перст судьбы или, может, ему померещился какой-то солдат? Дубовик или призрак? Вообще-то пора появляться

призракам и миражам: он четыре ночи почти не спал, да притом какие ночи! Прыжок в темноту, вода, медведь (а сколько их, кстати, было, медведей? Ведь не один, правда, Казимир?). Что еще мешало ему поспать?... А-а, ковбойка и булыжник в руке, потом мальчишка в кузнице... Нет, мальчишка был у костра. Там еще была горячая картошка. Сейчас бы я горячего бульона в пересохшее горло или стакан крепкого грога. «Зашел я в чудный кабачок, кабачок, вино там стоит пятачок!..»

Мысли начали безнадежно путаться. Нестерпимо саднило руку. И тут он услышал из ельника голос:

— Слушай меня, Казимир!..

Он в ужасе выстрелил на звук: это не был голос Дубовика — так кто же еще мог знать здесь его имя? Выходит, новый призрак? Ну, давайте, окружайте, я вот только пистоль сменю, и посмотрим, берут ли пули привидения!

Голос продолжал:

— Да не попадешь ты в меня, я из-под земли говорю, то есть из старого окопчика, и пули сюда сроду не залетят. А сам ты в ельник не влезешь, у тебя рука вывихнута. Знаешь, кто говорит? Лешка Вершинин, ты такого помнишь? Ну, хлопец из Сибири, мы с тобой наперегонки плавали в Немане. Вспомнил? Я тебе еще пинка дал за вранье, помнишь? Так вот...

«...Таких пинков тебе я надаю, забудешь ты песенку свою», — снова влезли в голову слова того патефонного шлягера. Как там дальше — «Вернись попробуй, дорогой, дорогой...». Ага, вот еще вспомнил: «...тебя я встречу кочергой, кочергой». Кочерги у меня нет, а бесшумка имеется. Вот она... о-о! Черт возьми, я достать не могу пистоль, правая рука совсем не подчиняется.

— ...Слушай, Казимир, сдавайся! Ты не убил парнишку, он жив. А нас уже четверо, вон Михась подошел, все равно не уйти тебе далеко, а уйдешь, так ненадолго!

...Все правильно, вот уже и Лешка-сибиряк появился, кого же еще не хватает? Ага, контуженного Стасика, так я его, кажется, тоже видел в городе — значит, полный комплект привидений собрался. Что ж, пора к ним присоединяться! О, холера! Голова болит хуже руки, не повернуть ее к воротнику. И ампула, наверное, горькая, как вино в Шотландии. «Вино там стоит пятачок, пятачок». Почему этот Лешка кричит — уйдешь ненадолго?! А я вот сейчас всем вам докажу, что надолго. Как там в песне?..

...У кромки ельника вдруг в рост поднялась светло-серая фигура. Пошатываясь, размахивая одной рукой с зажатым пистолетом, человек побрел навстречу преследователям, распевая во все горло:

Я надолго уезжаю,
и когда вернусь — не знаю,
а пока прощай!..

Сержант подскочил и выбил пистолет. Одновременно Юра с силой оторвал воротник от его рубашки. Казимир никак не реагировал. Он продолжал горланить:

Прощай и друга не забудь,
твой друг уходит в дальний пу-у-ть!..

Агент Интеллидженс сервис Голл—Шпилевский сошел с ума.

Шофер с «Победы» сказал еще короче: «Спятил!» — и на всякий случай привязал здоровую

руку Казимира к туловищу. Потом при свете фонарика осмотрел царапину на бедре Юры, пошарил вокруг и залепил ее обычным подорожником: «Будете танцевать, товарищ лейтенант». Нашел он лекарство и для Михася, которого сильно тошнило: удар в живот, хотя и ослабленный, все же дал себя знать. Шофер достал из заднего кармана флягу и сказал предельно ясно:

— Употребь.

Таким квинтетом они и появились у машины, стоявшей рядом с танцплощадкой. Казимир все еще орал свой «Кабачок».

«Пьяного ведут» — так прокомментировали событие танцующие.

Без десяти одиннадцать Харламов, хромая, вошел в кабинет начальника:

— Товарищ подполковник, вражеский агент арестован и доставлен. Но не в форме...

— Как это? Помяли? Ранили?

— Никак нет. То есть почти нет. Он свихнулся. То есть сбрендил. Ой, простите, Василий Кондратьевич, у меня самого немного голова...

— Та-ак! Агент спятил... то есть сошел с ума. Буйно?

— Вроде да, — горестно сказал Юра. — Песни орет и зубами щелкает.

Подполковник облегченно откинулся в кресле:

— Ну, тогда вылечат. Заговорит. Это тихие в ум не возвращаются.

Он взялся за телефонную трубку...

А в это время Михась входил в квартиру Вершининых.

— Нагулялись! — отметила Софья Борисовна. — Коньячком от тебя несет, вот отцу нажалуюсь... А где Алексей?

Михась ответил по порядку:

— Именно нагулялись. Это не коньяк, а спирт. Алексей у Паши застрял — там ее братишка приболел.

ВРАЧИ ОШИБАЮТСЯ РЕДКО

Врач сказал, что растяжение мышц шеи не столько опасно, сколько болезненно. Тут главное — соблюдать полную неподвижность данной части тела. Плюс компрессы и жаропонижающие средства.

Варфоломей и лежал неподвижно с туго забинтованной шеей. Что касается удара коленом в живот, который он тоже получил от нападавшего, то, по мнению врача, мальчишку спас от серьезной травмы чрезвычайно развитой брюшной пресс.

— Похоже, что больной систематически занимается тяжелой атлетикой или, во всяком случае, специальной гимнастикой, — сказал врач.

— Систематически. Специальной, — подтвердила Паша совершенно безжизненным голосом: брата принесли домой без сознания и двадцать минут приводили в чувство. — Он ведь как занимается: за день вытягивает из колодца и приносит домой ведер пятнадцать воды. Столько же выносит грязной. Зимой разиков пятьсот ежедневно тукнет топором, а тот чуть полегче штанги или гири. Каждый день чистит лопатой дорожки от снега — тоже нелегкая... атлетика.

— Реку забыла, — просопел в подушку Варфоломей.

— Вот, и река... Я раз попробовала поддержать эту его жердину с крючком, так руки отвалились через пять минут. А мальчишки — это же надо:

по часу стоят, как цапли в воде, и на весу держат такую оглоблю. Тут не только брюшной, а и спинной пресс разовьется.

Врач посмеялся и заверил, что непосредственной опасности нет, а потому он считает возможным удалиться. Однако в случае температурной вспышки пусть муж за ним обязательно придет.

Паша только начала распахивать глаза, как Варька пробубнил:

— Он еще не муж. Студенты не женятся.

— Господи! — охнула девушка. — Да о ком вы?!

— А это разве не супруг ваш сидит на крыльце? Ну, извините старика.

На крыльце сидел, конечно, Алексей. Гнаться безо всего за вооруженным Казимиром он не боялся, а сейчас трусил зайти в дом. Конечно же Варфоломей рассказал сестре, что именно Алексей послал его следить за Шпилевским. Значит, он больше всего и виноват в случившейся беде. А ведь могло быть еще хуже, если бы не подстраховал Михась. Всю жизнь лежала бы тогда на его совести гибель Варьки. Алексей чуть не вслух застонал при такой мысли.

Нет, Варфоломей был железный друг. Паша знала только то, что Варька сам «увидел на улице типа с ямочкой и рванул за ним». Когда Алексей все-таки зашел после врача в комнату, Паша принялась оглядывать его со всех боков, почти как братишку. Не найдя ран или царапин, спросила:

— Страшно было?

— Нас же четверо там оказалось. А вообще-то действительно страшно стало, когда он вдруг запел и вышел. Бр-р!

По нечаянности Паша и его принялась гладить по голове, как брата. Варька фыркнул и сказал:

— Вы когда поженитесь, сейчас или в другой раз? А то вон уже люди запутались в ваших делах.

Паша убежала в кухню, а Алексей погрозил ему пальцем. Потом повесил на гвоздь над кроватью валявшийся у порога лук и долго сидел рядом с Варькой. Когда Варфоломей уснул, они с Пашей сели, по обыкновению, на крыльцо...

Уже попадали с неба все августовские звезды, когда Паша сказала:

— Ты иди, Лешенька, домой, а то совсем потеряют.

— Пойду. Завтра... сегодня то есть, все равно целый день будем вместе.

— Как это? Разве ты не поедешь к Ивану?!

— Ну чего зря говоришь-то? Куда я вас одних оставлю! Вдруг у Варфоломея температура подскочит и понадобится бежать к врачу по обязанности мужа...

Паша только вздохнула:

— Ох, не шути этим, Лешенька...

— Не сердись. Я шучу, но не очень. А Ивану Соня нараскажет, что Варфоломей простудился на рыбалке... Ну и все прочее.

Утром Софья Борисовна собиралась на колхозный праздник словно на торжественное заседание. Надела строгий синий костюм. «Жарко будет», — скептически заметил Дмитрий Петрович, облачившись всего лишь в свежую вышитую рубашку.

— Жарче было бы, не поймай вчера ребята диверсанта! — парировала Соня и стала размещать на жакете награды.

Лялька подносила коробочки, а мать устанавливала их очередность:

— Подавай на правую сторону. Сначала «Отечественной войны» первой степени. Сейчас — второй. Теперь «Звездочку» давай. Так, умница. Начали на левую. «Красное Знамя». «За отвагу». Опять ты путаешь с «Боевыми заслугами»! Вторую «За отвагу». Теперь мою самую любимую — «Партизану Великой Отечественной войны» первой степени. Дима, а ты чего скромничаешь?!

— Куда уж моим регалиям рядом с твоими, срамиться только, — шмыгнул носом Дмитрий. — Мы уж как-нибудь в сторонке от вашей сиятельности постоим.

— Не юродствуй, а надевай китель!

— Сонька, я закиплю от жары и взбешусь: вместо парадных речей начну критику произносить. Не срывай людям праздник!

— Ну как знаешь, а я считаю своим долгом быть в Красовщине при полном параде: я там воевала, колхоз создавала, и люди запросто могут сказать: так-то ты, голубушка, выходит, действовала, что ничем тебя и не отметили. Это же будет парадокс.

— Парадоск — это когда шиворот-навыворот, — объяснила Лялька своему гостю Славке Голубу.

Тот рассудительно ответил:

— Да. А шиворот-навыворот — это когда в кино сначала звук пропал, а потом совсем ничего не стало.

Хохочущие матери сгребли малышей в охапку и потащили к машине. Михась и Алексей остались вдвоем, Антон Сергеевич был на охоте.

Они доели холодные пельмени и запили холодным квасом. Говорить о вчерашнем почему-то не хотелось.

...Чтобы Варьке не было скучно, Паша чистила картошку к обеду прямо у его кровати и что-

то рассказывала. Увидев Алексея, законфузилась и чуть не опрокинула кастрюлю с табуретки.

— Ну чё запрыгала! — с сибирским произношением строго сказал Алексей. — Чужой я вам, что ли, стесняться-то. Вот апельсины лучше возьми для Варфоломея, Голубы привезли из Гродно.

Паша сроду не отличалась смелостью, а от такого хозяйского тона вовсе оробела. И уж совсем растерянно поглядела на Варьку, когда Алексей взял в сенках ведра и пошел к колодцу.

Он постоял на дворе, ожидая, пока ветром снесет пыль от машин с флагами, идущих на праздник в Красовщину.

— Во! Объявился мужик в доме, — брякнул Варфоломей. — Мне сейчас и похворать можно. Правда, брюшного пресса жалко.

...Машины с гостями шли и шли в колхоз «Партизанская слава».

1982 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие младшего соавтора	6
АЛЫЕ ПЕРЬЯ СТРЕЛ. <i>Повесть</i>	11
КАНИКУЛЫ ВЕРШИНИНА-МЛАДШЕГО. <i>Повесть</i>	73
ШЕСТЬ ЛЕТ СПУСТЯ. <i>Повесть</i>	249

ОБ АВТОРЕ

Владислав Петрович Крапивин родился в г. Тюмени 14 октября 1938 года в семье педагогов Петра Федоровича и Ольги Петровны Крапивиных.

В 1956 году поступил на факультет журналистики Уральского государственного университета им. А.М. Горького.

Во время обучения в университете был зачислен в штат газеты «Вечерний Свердловск». Несколько лет работал литературным сотрудником и заведующим отделом журнала «Уральский следопыт». В 1965 году перешел на творческую работу.

В 1961 году Владиславом Крапивиным был создан детский отряд «Каравелла» (в 1965 году над отрядом взял шефство журнал «Пионер»). Профиль отряда — журналистика, морское дело, фехтование. Отряд существует в настоящее время, ранее имел статус пионерской дружины, пресс-центра и парусной флотилии журнала «Пионер». Владислав Петрович руководил отрядом более тридцати лет, в настоящее время во главе «Каравеллы» молодые выпускники отряда.

Первая книга Владислава Крапивина «Рейс «Ориона» вышла в 1962 году в Свердловске. Спустя два года автор был принят в члены Союза писателей СССР.

Книги В. Крапивина включены в «Золотую библиотеку избранных произведений для детей и юношества», «Библиотеку приключений и научной фантастики», «Библиотеку мировой литературы для детей», в японскую 26-томную серию «Избранные сочинения русских писателей для подростков».

Книги Владислава Крапивина неоднократно переиздавались в Польше, Чехословакии, Болгарии, Германии, Японии, Венгрии, переводились на английский, испанский, персидский и другие языки. Всего вышло более 200 изданий на различных языках.

Некоторые произведения Владислава Крапивина были экранизированы для кино и телевидения. Несколько премий был удостоен фильм «Колыбельная для брата» по сценарию Владислава Крапивина и Станислава Фурина.

Владислав Петрович Крапивин — лауреат премии Ленинского комсомола, премии «Аэлита» журнала «Уральский следопыт» и Союза писателей РСФСР, премии имени А. Гайдара журнала «Пионер», других литературных премий.

За литературную и общественную деятельность награжден орденами Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, медалью «За доблестный труд», знаком ЦК ВЛКСМ имени А. Гайдара.

Почетный гражданин города Екатеринбурга, в котором В.П. Крапивин живет и работает в настоящее время.

Издательство «ЦЕНТРПОЛИГРАФ» представляет

Собрание сочинений

В.П. Крапивина в 30 книгах

Цикл «Сказки о парусах и крыльях»

Сказки капитанов

Портфель капитана Румба
«Я больше не буду», или
Пистолет капитана
Сундуккера

**Рассекающий пенные
гребни**

Старый дом
Баркентина с именем звезды
Возвращение клипера
«Кречет»

Рассекающий пенные гребни

Рыцарь Прозрачного кота

«Чоки-чок», или Рыцарь
Прозрачного кота
Серебристое дерево с
поющим котом

Дети синего фламинго

Летчик для Особых
Поручений

Ковер-самолет

Дети синего фламинго

*Цикл «В глубине Великого
Кристалла»*

**Голубятня на желтой
поляне**

Голубятня на желтой поляне

В ночь большого прилива

Я иду встречать брата
В ночь большого прилива
Оранжевый портрет с
крапинками

Выстрел с монитора

Выстрел с монитора
Гуси-гуси, га-га-га

Застава на Якорном поле

Застава на Якорном поле
Крик петуха

**Белый шарик Матроса
Вильсона**

Белый шарик Матроса
Вильсона

Сказки о рыбаках и рыбках

Лоцман

Лоцман

Полосатый жираф Алик

Взрыв Генерального штаба

Взрыв Генерального штаба
Кораблики, или «Помоги
мне в пути...»

*Цикл «Острова и
капитаны»*

Мальчик со шпагой

Валькины друзья и паруса
Мальчик со шпагой

Бронзовый мальчик

Дело о ртутной бомбе
Бронзовый мальчик

Колыбельная для брата

Колыбельная для брата
Журавленок и молнии

Трое с площади Карронад

Тень Каравеллы

Трое с площади Карронад

Синий город на Садовой

Болтик

Синий город на Садовой

Сказки Севки Глущенко

Сказки Севки Глущенко

Тридцать три — нос утри

Бабушкин внук и его братья
Бабушкин внук и его братья
«Однажды играли...»

Острова и капитаны. Том 1
Хронометр (Остров Святой
Елены)
Граната (Остров капитана
Гая)

Острова и капитаны. Том 2
Наследники (Путь в
архипелаге)

Цикл «Сказки и были
Безлюдных
Пространств»

Лето кончится не скоро
Дырчатая Луна
Самолет по имени Сережка
Лето кончится не скоро

Лужайки, где пляшут
скворечники
Лужайки, где пляшут
скворечники
КРАТОКРАФАН
Краткий толкователь
крапивинской
фантастики

Цикл «Мушкетер и фея»

Мушкетер и фея
Рейс «Ориона» (Рассказы)
Палочки для Васькиного
барабана

Лерка
Мушкетер и фея

Та сторона, где ветер
Оруженосец Кашка
Та сторона, где ветер
Тополиная рубашка

Белый щенок ищет хозяина
Белый щенок ищет хозяина
Брат, которому семь
Победители (Рассказы)
Табакерка из бухты Порт-
Джексон (Ранние
рассказы из газет и
журналов)

Восьмая звезда
Восьмая звезда (Рассказы
из студенческих тетрадей)
Мальчик девочку искал
След ребячьих сандалий

Цикл «Золотое колечко на
границе тьмы»

Шестая Бастионная
Шестая Бастионная
(Рассказы и повести)
Под созвездием Ориона

Золотое колечко на границе
тьмы
«Пошел все наверх!»
Клад на Смоленской улице
Мой друг Форик
Босиком по Африке
Битанго
Золотое колечко на границе
тьмы

Алые перья стрел
Алые перья стрел
Каникулы Вершинина-
младшего
Шесть лет спустя

Давно закончилась осада...
Давно закончилась осада...
Синий краб (Стихи разных
лет)
Комментарии к Собранию
сочинений

*Издательство оставляет за собой право внесения
изменений в настоящий список*

Официальный сайт В.П. Крапивина в Internet
www.rusf.ru/vk/

Крапивин С.П., Крапивин В.П.
К78 **Собрание сочинений. Кн. 29. Алые перья стрел:**
Повести. — М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф,
2001. — 474 с.

ISBN 5-227-01409-4 (Кн. 29)
ISBN 5-227-00524-9

В книгу вошла приключенческая трилогия о судьбе двух братьев. «Хулиганства» Митьки и его друзей очень не нравятся кое-кому в городе, но у ребят серьезная цель: они создают отряд и учатся стрелять как настоящие снайперы. Эти мальчишки будут стоять насмерть в Великую Отечественную и не расстанутся с оружием и после войны. Ведь без самоотверженности и умения бить без промаха нет подвига и победы — а значит, нет мирной счастливой жизни. Ребята начеку каждую секунду и готовы бороться с любым злом и несправедливостью. Разоблачая шпионов и предателей, Дмитрий Вершинин раскроет не одно преступление, но без младшего брата Лешки ему не справиться...

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Scan Kreider |

Литературно-художественное издание

Для детей среднего и старшего школьного возраста

**Сергей Петрович Крапивин
Владислав Петрович Крапивин**

АЛЫЕ ПЕРЬЯ СТРЕЛ

Повести

Редактор И.В. Тараканова

Художественный редактор И.А. Озеров

Технический редактор Н.В. Травкина

Корректор Т.В. Соловьева

Изд. лиц. ЛР № 065372 от 22.08.97 г.
Подписано к печати с готовых диапозитивов 05.10.2001
Формат 84х108 1/32. Бумага типографская
Гарнитура «Школьная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,2
Уч.-изд. л. 19,09. Тираж 10 000 экз. Заказ № 2559

ЗАО «Издательство «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Для Вас, поклонники издательства «Центрполиграф»!

РАБОТАЕТ ФИРМЕННЫЙ МАГАЗИН ИЗДАТЕЛЬСТВА

К Вашим услугам более 700 наименований книг. Широко представлены: классика зарубежного и российского детектива, исторические и современные любовные романы, научная фантастика, фантастические боевики, фэнтези, приключения, вестерны, книги по кинологии, филателистические каталоги, детская и юношеская литература, книги по кулинарии, любовная астрология, документально-криминальная хроника, история секретных служб, биографии полководцев, книги о мастерах театра, кино и эстрады, энциклопедии и словари, песни и тосты.

ТОЛЬКО В МАГАЗИНЕ

Действительно низкие цены.

Регулярно проводятся распродажи.

Оформление предварительных заказов и оповещение по телефону о поступлении новинок.

Открыт мелкооптовый отдел
тел. 284-49-68

Звоните и приезжайте!

Магазин работает 7 дней в неделю
с понедельника по пятницу с 10⁰⁰ до 19⁰⁰
в субботу с 10⁰⁰ до 17⁰⁰
в воскресенье с 10⁰⁰ до 14⁰⁰
без перерывов на обед

Вас ждут по адресу:

Москва, ул. Октябрьская, дом 18;
телефон для справок: 284-49-89

Проезд: м. «Рижская», трол. 18, 42, авт. 84 до ост. «Северная гостиница»
м. «Новослободская», далее 15 мин. пешком
м. «Белорусская», трамв. 19 до ост. «МИИТ»

К СЕРГЕЙ И ВЛАДИСЛАВ Крапивины

Цикл

«Золотое колечко на границе тьмы»

АЛЫЕ ПЕРЬЯ СТЕЛ

Алые перья стрел

Повесть

Каникулы Вершинина-младшего

Повесть

Шесть лет спустя

Повесть

ISBN 5-227-01409-4

9 785227 014092

ЦЕНТРОЛИГРАФ®